

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ТРИЛЛЕР

КУЛЬТ

То, что всегда голодно
и никогда не насытится.
То, что откликается на каждый зов.
Оно проникает со страстями
и желаниями и действует
через порок и изъяны.
Оно терпеливо ждет,
оно всегда рядом...

КОНСТАНТИН
ОБРАЗЦОВ

18+

Annotation

Далекий северный город. Город, погруженный в однообразную рутину. Но так было за миг до того, как Зло, безликое и безымянное, вторглось в это полусонное полусуществование. Теперь оно безраздельно царит на пустынных улицах, пробуждает темные страсти, рождает страх и ненависть. Кто виноват в разгулявшемся хаосе? Причем здесь странная пара, недавно прибывшая в город?

- [Константин Образцов](#)

-
-
- [Глава 1](#)
- [Глава 2](#)
- [Глава 3](#)
- [Глава 4](#)
- [Глава 5](#)
- [Глава 6](#)
- [Глава 7](#)
- [Глава 8](#)
- [Глава 9](#)
- [Глава 10](#)
- [Глава 11](#)
- [Глава 12](#)
- [Глава 13](#)
- [Глава 14](#)
- [Глава 15](#)
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#)
- [Глава 19](#)
- [Глава 20](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)

Константин Образцов

КульТ

© Образцов К., 2016

© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

* * *

«Где двое или трое собраны во имя Мое, там Я посреди них».

Мф. 18:20

«Монстры реальны, и привидения тоже. Они живут внутри нас и иногда побеждают».

Стивен Кинг

«Все эти старые приметы... означают веру людей в то, что от силы нашего желания и от правильности наших ритуалов зависит реальность. А это свойство мышления древних и детей».

*Профессор кафедры мировой психотерапии
МГППУ Екатерина Михайлова*

Глава 1

7 сентября 20... года.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info)

Вчерашний воскресный день ознаменовался торжественными мероприятиями, которые прошли в городском Парке культуры. Праздник был посвящен 125-летию основания Северосумска: именно к 7 сентября 18... года относится первое документальное упоминание о рыбацком поселении на том месте, где позже вырос наш город. В рамках торжеств состоялись народное гулянье, ярмарка ремесел, выступления самодеятельных творческих коллективов. Артисты городского драматического театра представили горожанам короткий спектакль о жизни первых строителей города, а завершился праздник концертом танцевального ансамбля «Морячок» и фейерверком. Почетными гостями мероприятия стали губернатор Михайловской области А. А. Пустовар, мэр Северосумска Б. С. Глотов, генеральный директор ОАО «Созвездие» П. Х. Бурый, президент ЗАО «Транспортная компания «Лига» П. М. Трок, а также другие руководители крупных компаний и бизнесмены города и области. Стоит отметить, что днем ранее мэр города Борис Саввич Глотов лично поздравил старейших жителей Северосумска, ветеранов войны и труда, которые, не жалея сил, сражались на фронтах Великой Отечественной войны и восстанавливали народное хозяйство в тяжелые послевоенные годы. Все они получили памятные грамоты и праздничные продуктовые наборы.

Новости спорта

Победой северосумского «Судостроителя» завершился матч за третье место в финале чемпионата Михайловской области по футболу. Наша команда в упорной борьбе сломала сопротивление соперников, красногорского «Энтузиаста», и выиграла со счетом 2:1, завоевав бронзовые награды. Президент компании «Лига», которая является спонсором «Судостроителя», Петр Маркович Трок, поздравляя наших футболистов с этим успехом, сказал: «Уверен, что недалек тот день, когда мы будем отмечать победу «Судостроителя» в Лиге чемпионов!»

Криминальные новости

В ночь на 7 сентября около 5 часов утра на бульваре Новаторов нарядом полиции был задержан гражданин Е., 35 лет, рабочий завода «Коммунар». Будучи в нетрезвом состоянии, Е. устроил скандал в круглосуточном магазине сети «В двух шагах» и предпринял попытку открытого похищения бутылки пива и упаковки сушеных кальмаров. Прибывшие по вызову сотрудников магазина полицейские пресекли противоправные действия. Решается вопрос о назначении наказания в виде административного ареста.

В городе Михайловске при сбыте ранее похищенного колеса от автомобиля «КамАЗ» задержаны двое жителей Северосумска: 22-летний неработающий Ж. и 53-летний Ш., охранник супермаркета. Установлено, что они, действуя в соответствии с заранее продуманным преступным умыслом, ночью проникли на территорию ЗАО «Лига» и сняли одно колесо с грузового автомобиля. Осуществить свои планы полностью им помешала поднявшая тревогу служба безопасности предприятия, однако злоумышленникам удалось скрыться с похищенным. В настоящее время они дали признательные показания и отпущены до суда по месту жительства под подписку о невыезде.

Новости культуры

Удивительная находка была сделана в ночь на воскресенье при строительстве складского комплекса в районе старого торгового порта. Во время работ по расчистке территории и подготовке заглублений для котлована бригада экскаваторщиков обнаружила следы каменной кладки искусственного происхождения. Работа была немедленно остановлена, позже на место прибыли специалисты историко-краеведческого музея города Михайловска. Они с уверенностью определили, что найденное строителями сооружение не что иное, как остатки древней культовой постройки эпохи неолита. Дальнейшие раскопки, проводимые под руководством и контролем историков и археологов, позволили полностью очистить от грунта расположенное на трехметровой глубине капище круглой формы, стены которого выложены камнями, а также обнаружить на дне осколки керамической посуды и фрагменты орудий, возможно использовавшихся при отправлении религиозных обрядов. По мнению ученых, эта находка может иметь огромное значение: ведь вокруг культового сооружения обычно располагались жилища, а значит, речь может идти об открытии целого поселения времен позднего каменного века.

В настоящее время решением Комитета по государственному контролю, использованию и охране памятников истории и культуры Михайловской области дальнейшее строительство в этом месте прекращено, а само культовое сооружение огорожено и взято под круглосуточное наблюдение. Получить комментарии Петра Марковича Трока, президента компании «Лига», совсем недавно начавшей реализацию масштабного проекта по созданию современного логистического терминала и реконструкции порта, нам не удалось.

* * *

На первый взгляд это была просто большая яма, черная, неровной округлой формы дыра в песчаном грунте. Такие копают, чтобы сбрасывать мусор. Его, собственно, и собрали со дна, когда раз за разом в сырую темную глубину спускались, а потом снова выбирались наружу, пыхтя и отдуваясь, собиратели и знатоки странных древних сокровищ: какие-то глиняные черепки с едва различимым рисунком, заостренные каменные осколки, окаменевшие обломки дерева, облепленные спрессованным песком, будто шершавым панцирем. Остатки забытой и брошенной кем-то утвари, ставшей ненужной еще шестьдесят столетий назад. Отбросы истории человечества. Кому это может понадобиться? Однако все было аккуратно и бережно разложено на широких полосах плотной белой ткани, расстеленной поверх комковатой грязи, и девушки в джинсах, ветровках, с волосами, забранными в хвост на затылке, нежными прикосновениями кисточек счищали с находок прилипший песок, подписывали и прикрепляли бумажные бирки, а бородатые мужчины, кряхтя, снова лезли в раскоп – с большими и маленькими лопатами, совками, жесткими щетками, пока, наконец, не расчистили капище полностью, обнажив грубую каменную кладку. Теперь яма смахивала на огромный, метра три в поперечнике, колодец, стены которого были выложены из черных и серых валунов, плотно пригнанных друг к другу. Не очень-то похоже на святилище, где собиралось все племя; скорее, на жилище шамана, бормотавшего там молитвы неизвестным богам, одурманенного дымом горящих трав, настойками из черных ягод и красных грибов, который потом, выходя к своим соплеменникам, сообщал им волю духов или давно умерших предков, являвшихся ему в горячем мореке. Удача на охоте в обмен на жизнь самой красивой девственницы; богатый улов за жизнь мальчишки, косо посмотревшего на служителя культа. Лучшая доля добычи

и пышнотелые женщины, чтобы шаман согласился еще раз замолвить слово перед потусторонними силами.

Потом люди ушли, тщательно упаковав осколки и черепки в пластиковые пакеты; находкам предстояло отправиться из одной могилы в другую, сменив земляную яму на склеп в запасниках областного музея, где в темноте, на пыльных рядах бесконечных полок хранилось бесчисленное множество таких же, невероятно древних, немыслимо ценных и никому не нужных артефактов. Подземное капище накрыли низким куполом из плотного ярко-синего пластика; он был похож на хирургическую заплатку, которой наспех залатали открытую рану в развороченном грунте. Территорию вокруг обнесли наскоро поставленным железным забором: вбили столбы, прикрутили болтами коричневые металлические полотна – двести метров с востока на запад и пятьдесят – с юга на север. Со стройплощадки, частью изрытой, частью еще покрытой спутавшимися, стелющимися по земле стеблями упрямых северных трав, убрали почти всю технику; остался только один коренастый бульдозер – стальной, молчаливый зверь, пришедший поклониться древнему капищу. С восточной стороны в ограде оставили проезд, перегороженный широкими стальными воротами, а рядом поставили будку охраны, чтобы не пускать посторонних. Раскопки планировалось продолжить: если есть святилище, то должно быть и поселение вокруг него, а значит, где-то в толще песчаного грунта есть еще немало осколков посуды, обломков наконечников стрел, гарпунов, каменных топоров, а если повезет, то отыщутся и кости их бывших владельцев.

Люди селились в окрестных местах издревле: молчаливые племена саами и бородатые лопари; суровые поморы; викинги, разбивавшие тут временные лагеря, чтобы возвращаться в них после набегов на окрестные поселения; ссыльные, каторжники, искатели приключений, беглецы от закона и вольноотпущенные крестьяне. В конце позапрошлого века в одной из бухт, которыми изрезано местное побережье, возник рыбацкий поселок Кривая Губа. В тридцатых годах века прошлого сюда пришли первые строители, ударники коммунистического труда, герои индустриализации, и скоро Кривая Губа превратилась в бурлящий механической жизнью крупный судостроительный центр с заводами, верфями и портом. На севере города воздвигали промышленные предприятия, на юге – рубили леса и рыли карьеры, чтобы добывать песок и расширять намытые морем отмели; повсюду строили деревянные бараки, каменные дома и железные дороги. Город рос. Название Кривая Губа сменилось на Северосумск, по имени реки Сумь, что впадала неподалеку в море, образуя дельту из десятков

маленьких рек и речушек, словно изрядно излохмаченный конец корабельного каната окунался в стылую морскую воду. По южной окраине города протекала, крадучись и извиваясь, угрюмая речка Шукра, однако название Северошукрск если и могло прижиться в каком-нибудь языке, то уж точно не в человеческом, и город получил имя в честь главной реки края. В советские времена в Северосумске жили и работали почти двести тысяч человек: на кораблестроительном гиганте «Созвездие», судоремонтном заводе «Коммунар», в порту, а еще на военно-морской базе, расположившейся на полуострове Гремячий. На Тройке – в третьем микрорайоне, что на восточной окраине города, даже построили несколько девятиэтажных панельных домов, из-за чего Тройка на некоторое время стала зваться Манхэттеном; в Заселье, на южном берегу Шукры, жили рабочие, трудившиеся на карьерах, и сотрудники местной ТЭЦ; на кривых узких улочках Слободки, примыкавшей к заводам, селились работники производств; городской центр назывался Рогаткой – наверное, из-за разделявшегося надвое проспекта Ленина, огибавшего площадь с памятником героям войны, фонтаном и административными зданиями.

Четверть века назад все изменилось. Огромные предприятия вначале остановились, а потом были разворованы столь основательно, что восстановить их в полной мере так и не удалось. Жители стали разъезжаться по другим городам: кто в областной центр Михайловск, что в семидесяти километрах вверх по течению Суми, кто в Петрозаводск, а кто и в Петербург или в Москву. Теперь вместо строительства ракетных крейсеров и атомных подводных лодок «Созвездие», в котором едва теплилась жизнь, перебивалось сборкой речных прогулочных теплоходов, а на «Коммунаре» ремонтировали сухопутную технику, а еще резали на металлолом списанные военные корабли, которые в ожидании своей участи терлись ржавеющими бортами, стеснившись у старых верфей. Порт тоже пришел в упадок; таможенного терминала тут не было, так что весь поток зарубежных товаров направлялся в Михайловск, а на долю Северосумска оставалось лишь морское грузовое сообщение с российскими приморскими городами, расположенными еще дальше на севере, а таких было совсем немного. Военная база сократилась до небольшого гарнизона. Огромные песчаные карьеры на юге оказались заброшены и превратились в бездонные озера, наполненные непроницаемо темной водой, в которой отражались исполинские конусы ТЭЦ.

При взгляде сверху, оттуда, где кружили крикливые чайки, город похож был на лениво изогнувшегося морского зверя, лежащего на берегу и привязанного к суше тонкими редкими узлами железных и автомобильных

дорог: полуостров Гремячий, как толстая шея, охватывал бухту с верфями и портом, а каменный мыс, похожий на маленькую голову с острым носом, был нацелен на западные окраины. Зверь как будто пытался укусить себя за хвост – ну, или лизнуть промежность, кому какое сравнение ближе. Но сейчас его голова тянулась точно в сторону ямы с древней каменной кладкой: то ли чтобы понюхать, недоумевая, что за дрянь вдруг прилипла к хвосту, то ли чтобы скорей зализать, как гнойную рану.

* * *

Они приехали в Северосумск глубокой ночью. Вышли из поезда на узкую пустую платформу, блестящую от оседающей с неба мороси и водяной пыли, которую нес морской ветер; огни фонарей, белые и голубые, отражались и преломлялись в лужах, каплях воды на больших окнах вокзала, и казалось, что вокруг в синих сумерках рассыпаны яркие искры. Был май, но дыхание вырывалось из губ облачками легкого пара. Они постояли немного, вдыхая незнакомый воздух чужого города – холодный, влажный, соленый – пробуя его на вкус, знакомясь с тем местом, где собирались прожить... нет, ни один из них не мог бы сказать, как надолго намерен остаться здесь: может быть, всего лишь на месяц или даже неделю, а может, и на всю жизнь. Планов они не строили. И теперь, стоя в молчании на перроне, не знали, что делать дальше.

Они провели вместе сутки в купе поезда дальнего следования, в теплом, умиротворяющем уюте; ровно стучали колеса, за окном сменяли друг друга однообразные виды: деревни, поля, редколесья, озера, – и между ними возникла та особая близость, которая бывает у попутчиков в долгой дороге. Вопросов о том, что заставило их оставить родной город и уехать первым попавшимся поездом подальше от Петербурга, они не задавали; оба сказали друг другу, что хотят начать новую жизнь, и этого было достаточно. К тому же это было правдой, пусть и не всей. У каждого имелись свои причины для бегства, и о них ни один не решился бы рассказать никому. Зато Аркадий Леонидович много рассказывал о работе в университете, о студентах, смешных случаях на экзаменах и об удивительных событиях из истории разных стран и народов. Карина говорила мало, но внимательно и с удовольствием слушала, а еще много улыбалась – впервые за двадцать шесть лет жизни – и даже один раз рассмеялась, удивив этим саму себя. Улыбаться оказалось очень приятно. Аркадий Леонидович ей нравился, и чем дальше, тем больше: умный,

образованный, интеллигентный, взрослый – от него исходила какая-то особая, надежная и бережная сила, которая успокаивала и убаюкивала все тревоги. Это было похоже на силу отца, которую ощущает счастливый ребенок, но своего отца Карина не знала, да и счастливым ребенком она никогда не была; точно так же она никогда никого не любила и не имела опыта отношений с мужчинами, иначе бы поняла, что чувство, которое согревало ее изнутри, есть верный признак влюбленности.

Оказавшись на холодном пустынном вокзале, они растерялись. Сказка странствий закончилась, и оба ощущали себя беженцами, заброшенными куда-то на северный край земли, без дома, перспектив и надежд. В какой-то момент показалось, что они сейчас просто разойдутся в разные стороны; но вместо этого оба молча подхватили свои небольшие дорожные сумки и, не сговариваясь, вместе спустились с платформы и вышли в город.

Первую ночь в Северосумске Аркадий Леонидович и Карина провели в гостинице «Турист», что неподалеку от станции. Неприветливая пожилая консьержка с ярко-желтыми волосами, которые будто еще в прошлом веке были уложены в высокий кокон и до хруста залиты лаком, выдала им ключ – старый, железный, на огромном деревянном брелоке. В маленьком номере было холодно, пахло старой прокуренной мебелью, из крошечной ванной несло едким запахом хлорки. В окна бил ветер и крупные капли дождя. Простыни, на которые они вместе легли, истончились от множества стирок и были ледяными, как замерзшие руки, а одеяло колосось сквозь изношенный пододеяльник и почти не грело, так что им пришлось крепче прижаться друг к другу. Аркадий Леонидович ощутил, как настороженно напряглось тело Карины под тканью ночной рубашки, и он осторожно, чтобы не испугать, обнял ее за плечи. Она подождала немного, будто проверяя, не случится ли чего страшного, потом расслабилась, придвинулась к нему ближе и уснула.

У Аркадия Леонидовича еще оставались кое-какие сбережения, и на следующий день он снял квартиру – впрочем, выбирать пришлось подешевле, так что они поселились в Слободке, на улице Красных Матросов, на первом этаже одного из построенных полвека назад пятиэтажных кирпичных домов, приземистых и угрюмых. Мебель на кухне почернела по кромкам от грязи, водопроводные краны хрипели и грохотали, вода в унитазе журчала не умолкая. В единственной комнате был старый сервант с пыльными чашками, большой круглый стол под желтой выцветшей скатертью, пара стульев, платяной узкий шкаф, накрытый кружевной салфеткой древний телевизор и продавленный раскладной диван на высоких деревянных ножках.

Теперь это стало их домом.

К счастью, у обоих были настоящие профессии, из тех, что нужны везде и всегда: преподаватель и медсестра. Карина сразу же устроилась в городской психоневрологический интернат, где старческое слабоумие постепенно гасило тускло мерцавшие искры разума немногочисленных обитателей. Там ее приняли с радостью, но не без удивления: «Из Петербурга? Работали старшей медсестрой в известной психиатрической клинике? Господи, зачем же вы сюда-то приехали?» Аркадий Леонидович тоже недолго сидел без работы: взявшись прозванивать по списку городские школы, он сразу же получил приглашение прийти на собеседование в школу № 1 – как выяснилось позже, она не без оснований считалась лучшей в городе и находилась в центре, на Рогатке. В этом была некоторая доля везения: в конце учебного года сложно было надеяться вот так сразу найти место учителя, но оказалось, что как раз месяц назад оттуда уволилась преподавательница истории. Перед встречей с администрацией он волновался: это был первый раз, когда в государственном учреждении ему пришлось представляться своим новым именем, к которому и сам еще не вполне привык – хорошо еще, что изменились только фамилия и отчество. Но все равно очень трудно привыкнуть к тому, что Аркадий Романович Каль – имя, под которым он прожил сорок девять лет, – согласно официальным документам, погиб, превратился в обезображенный огнем и обломками рухнувшего дома труп, и возродился вновь как Аркадий Леонидович Майзель. Впрочем, все прошло более чем удачно. Документы, которые он получил перед бегством из Петербурга, были безупречны и даже соответствовали отчасти его реальному опыту и биографии. В разговоре с директрисой и завучем не обошлось без восторгов, в которых звучало изумление: «Кандидат наук? Преподавали в университете? В Петербурге? А теперь учителем, к нам?!» Аркадий Леонидович пустился в какие-то надуманные объяснения, но они не потребовались. Школа была небольшой, всего один класс на параллели, так что количество часов по истории едва дотянуло до ставки, но ему пообещали возможность вести факультативы, дополнительные занятия и взять классное руководство, если будет такое желание. Аркадий Леонидович согласился: его все устраивало, да и от дома недалеко, можно ходить пешком. Впрочем, весь Северосумск можно было без труда пройти пешком от восточной до западной окраины за два часа неспешной ходьбы. А с юга на север и вовсе за час.

Лето, правда, пришлось прожить на старых финансовых запасах: школьники ушли на каникулы, а новому дому требовалось обустройство. На вещевом рынке, что занимал весь первый этаж дома культуры

«Корабел», они купили дешевую стиральную машину, домашнюю утварь и кое-какую одежду: зимние вещи, костюм и пару рубашек для Аркадия Леонидовича и несколько блузок и длинных юбок для Карины. Потом попытались поближе познакомиться с городом, но для прогулок был только парк, а перечень предлагаемых развлечений, которые могли бы их заинтересовать, отличался скудостью: драматический театр, где раз в месяц давали постановку классических пьес, кинотеатр и краеведческий музей, располагавшийся в старом деревянном особняке и похожий на дачу небогатого человека, пропитанную печалью, пылью и запустением.

Впрочем, к развлечениям они не стремились.

В конце августа началась подготовка к учебному году, а первого сентября Аркадий Леонидович приступил к преподаванию в «единице» – так в городе называли школу № 1. Он работал пять дней в неделю, кроме четверга и воскресенья, Карина – сменами, два через два, и в те дни, когда оставалась дома, их маленькая квартира наполнялась уютными запахами домашней еды, тепла, от которого запотевали стекла в ветхих оконных рамах, и негромким бормотанием телевизора. Они ужинали, разговаривали, иногда он читал ей вслух или рассказывал что-нибудь; потом они раскладывали диван и ложились спать.

Это была очень хорошая жизнь.

Они оба нуждались в отдыхе; в восстановлении; им обоим требовалось время, чтобы научиться жить заново, привыкнуть к нормальному человеческому существованию: Карине, у которой никогда не было семьи и дома, и Аркадию Леонидовичу, который их потерял. То, что он был почти вдвое старше – его сорок девять против ее двадцати шести, – только укрепляло их союз. Никогда и ни при каких обстоятельствах Карина не подпустила бы к себе близко молодого, развязного человека, а Аркадий Леонидович был для нее не только мужчиной, но и отцом, старшим другом, защитником, сильным и мудрым. И он тоже любил ее именно так: как старший друг, отец, как защитник, и это чувство постепенно заполняло пустоты в душе.

Оба были счастливы.

Разумеется, ни о какой интимной жизни в обычном понимании этого слова не могло быть и речи. У Карины сама мысль о сексе с мужчиной вызывала даже не отвращение, а ужас, смешанный с яростью, и переступить через себя она пока не могла. Аркадий Леонидович тоже нуждался во времени, чтобы сгладилась хоть немного кошмарные воспоминания о последнем интимном опыте. Так что секс не случился; зато была нежность, проявляющаяся в прикосновениях, легких поцелуях, от

которых замирает дыхание, в объятиях, которые они не разжимали, даже засыпая; и что-то еще, терпеливое, любящее, чему трудно дать определение.

Хотела ли она его? Да, несомненно, хотя и не знала, как это выразить и что нужно делать. И боялась: не его, а себя, собственной неуклюжести, неуверенности, а еще – не справиться со страхом, который могли вызвать прикосновения пусть и любимого, но мужчины, и с тем, что может за этим страхом последовать.

Хотел ли он ее? Несомненно. В этой почти отцовской нежности, которую он испытывал к ней, было нечто возбуждающе постыдное, то, от чего бросало в краску при одной мысли о сексе с Кариной, даже при мысли о том, чтобы увидеть ее обнаженной: белая гладкая кожа, стройная, но по-женски округлая фигура, широкие бедра, маленькая, аккуратная грудь, и еще длинные черные волосы, и острый носик, и эти огромные темные глаза под густыми бровями... Всему свое время, думал он. Их близость проявлялась и в том, что они оба без слов понимали: всему свое время, и были благодарны друг другу за это. Нужно было осознать, привыкнуть, понять: теперь такая жизнь – навсегда.

А пока был сентябрь, холодный воздух пах морем и опавшей листвой, дома – уютный желтоватый свет, и ароматы еды, и разговоры, и тепло рук, и радость во взгляде, когда они видели друг друга. Скрипел, словно сетуя на непосильные для собственной дряхлости упражнения, раскладной диван, и они по очереди шли в душ, где Карина обычно очень долго стояла под горячими струями, безуспешно пробуя смыть небольшой темный знак в виде перевернутого трезубца на внутренней части бедра. Она понимала, что мочалка и мыло тут не помогут, но все терла, пока покрасневшая кожа не начинала саднить. А потом выключала воду, надевала пижаму и ложилась в постель.

Да, это была очень хорошая жизнь.

Субботним вечером, в последний день первой рабочей недели в школе, все было как обычно. С тускло-серого неба сочился мелкий дождик, под ногами скользили прилипшие к асфальту раскисшие мокрые листья, по улице Красных Матросов проходили, втянув голову в плечи и опустив глаза, редкие пешеходы. Аркадий Леонидович привычно нашел взглядом окно кухни рядом с дверью в подъезд – оно светило желтым и теплым – и вошел в дом. Дверь напротив его квартиры была приотворена. Длинный, нескладный парень с нечесаными кудрявыми космами стоял в дверном проеме и смотрел прямо перед собой. Когда Аркадий Леонидович увидел его в первый раз, еще в мае, едва они тут поселились, то даже испугался

немного: стоит человек в приоткрытой двери и смотрит, не сводя глаз. Парень был явно не вполне нормален, и первое время Аркадий Леонидович опасался поворачиваться к нему спиной, открывая квартиру: казалось, что тот сейчас заорет и набросится сзади. Потом он познакомился с матерью молодого человека, неопрятной пожилой женщиной с диковато закрученными на голове седыми космами; к разговорам она была не очень-то расположена, но сказала, что сына ее бояться не нужно: он дурачок, но мирный. Так и сказала – дурачок. Когда она выходила из дома, он иногда открывал дверь и смотрел. Ждал маму.

– Привет, – сказал Аркадий Леонидович и, не дожидаясь ответа, достал ключ и отпер дверь.

– Получилось? – осклабился идиот.

Он всегда задавал этот вопрос. Аркадий Леонидович не знал почему.

– Да, все в порядке, – ответил он ему, как обычно. – Все получилось.

В тот вечер после ужина они читали «Песнь о Нибелунгах». Интересных фильмов по телевизору не было – Аркадий Леонидович и Карина смотрели только кино или программы о культуре, никаких шоу, а особенно никаких новостей – еще один пункт их негласного договора, как и отсутствие дома подключения к Интернету. Старый телевизор уверенно принимал только три или четыре канала, так что тихие вечера, без фильмов и передач, случались часто. Еще летом Карина предложила Аркадию Леонидовичу преподавать ей зарубежную литературу – то ли в шутку, то ли всерьез, но идея прижилась: ей было интересно слушать, а ему – читать и рассказывать. К августу они закончили с древнегреческим эпосом и античными трагедиями и взялись за европейское средневековье. Сегодня очередь была за пятой авантюрой: «Как Зигфрид впервые увидел Кримхильду».

...Он деве поклонился, и руку подала
Кримхильда нидерландцу и рядом с ним пошла,
На спутника украдкой бросая нежный взор.
Никто четы прекраснее не видел до сих пор.
Я утверждать не смею, считал иль нет герой,
Что руку пожимает она ему порой,
Но не могу поверить, что скрывать ей удалось
Любовь, которую в нее вселил отважный гость...^[1]

Карина слушала будто сказку.

Ровно в одиннадцать они легли в постель и выключили свет. Минут через пять в квартире над ними послышались сначала тихие, потом громкие скрипы, а затем все учащающиеся глухие удары, протяжные стоны и глухое кряхтение. Это тоже было своеобразной традицией дома, как встречающий маму умственно отсталый парень на лестничной площадке. Поначалу они немного смущались, слушая в тишине недвусмысленные звуки, несущиеся с верхнего этажа, потом смеялись, а после привыкли и даже беспокоились, если соседский коитус задерживался позже обычного. Но в этот вечер и половая жизнь жильцов на втором этаже состоялась по расписанию: удары все учащались, как будто разгонялся, набирая обороты, какой-то механизм, стоны перешли в рычание и крики, завершившись пронзительным воплем. Пять минут, как обычно. Тишина.

А в два часа ночи Карина проснулась, открыла глаза и поняла, что оказалась не дома.

Вообще ни ей, ни Аркадию Леонидовичу не снились кошмары, хотя этого можно было бы ожидать. Ни обгоревших, изуродованных тел, ни падения в темную реку в разбитом автомобиле, ни крови, ни дымящего пламени; забылись длинные тени в углах, огонек черной свечи и в ужасе бьющийся человек, привязанный к железной кровати. Прошлое будто бы потеряло их, сбившись со следа. Но в ночь на воскресенье, в тот самый момент, когда ковш экскаватора со скрежетом врезался в каменную кладку древнего капища, Карина неожиданно для себя увидела вместо ставших привычными стен, оклеенных бледно-зелеными обоями, нечто другое: сырая кирпичная кладка, низкий тяжелый потолок, шершавый каменный пол, холодящий спину сквозь тонкую ткань пижамы.

Карина оцепенела, не чувствуя тела, но смогла чуть приподнять голову и оглядеться: разбросанные подушки, истертый красный ковер, багровая и черная драпировка на стенах, покрытый темной тканью алтарь и даже котел над пылающим в бочке огнем.

Это место было ей слишком хорошо знакомо. Подвал Виллы Боргезе за тысячу километров отсюда, выжженный дотла страшным пожаром, разрушенный взрывом и погребенный обрушившимся сверху зданием старой больницы.

Но сейчас он выглядел как и прежде.

Карина приподнялась еще немного. В ногах у нее стояли две девочки лет семи: одна, с длинными темными волосами, казалась печальной; другая, светловолосая, в яркой косынке на голове, смотрела на Карину с каким-то ехидным, злым торжеством.

– Привет! – сказала она. – Поиграешь с нами?

И захихикала.

Карина молчала. Она не могла говорить.

– Лерка, скажи ей! – И светловолосая девочка подтолкнула локтем свою подружку.

– Да, Карина, пожалуйста, поиграй с нами, – произнесла темненькая девочка и отвернулась. Карине показалось, что на глазах у нее блеснули слезы.

– Здесь очень скучно, – сообщила первая девочка. – А бабушка куда-то пропала. Так что, будем играть?

Карина зажмурилась, напряглась и попыталась мотнуть головой. Тело не слушалось, но она собралась, дернулась изо всех сил – и проснулась от того, что подпрыгнула на кровати, вздрогнув всем телом.

Было темно и тихо. На столе чуть слышно тикал будильник. Сердце часто и больно колотилось в груди. Спина и грудь под пижамой покрылись холодным и липким потом. Карина едва перевела дыхание, как почувствовала, что рядом с ней с силой содрогнулся Аркадий Леонидович – и тут же проснулся, хрипло и часто дыша.

– Тише, тише. – Карина обняла его, поцеловала, погладила по лицу. – Что с тобой?

– Сон, – выдавил он. – Приснилось что-то. Какая-то дрянь.

«Мне тоже», – чуть не сказала Карина. Она хотела спросить его, что приснилось, но подумала и не стала.

– Все хорошо, я с тобой. – И она лишь сильнее прижалась к нему, продолжая гладить по лицу, шее, груди. Аркадий Леонидович вздохнул, крепко обнял Карину за плечи и поцеловал в макушку.

Ни один из них так больше и не уснул.

Аркадий Леонидович лежал, чувствуя, как тяжело бьется пульс в правой руке. То, что разбудило его, было не сном. Это было мгновенное, резкое и совершенно отчетливое ощущение толчка в правой ладони – забытое, но очень хорошо знакомое. Так отдаются в руку через резиновую рукоять удары железного молотка, с треском дробящего кости.

Глава 2

На подкладке пиджака, под внутренним карманом, была пришита белая, скромная бирка с аккуратными черными буквами: «Henry Pool special for Mr. Trok». Это вам не какой-нибудь купленный втридорога ширпотреб вроде Brioni, а сшитый по индивидуальному заказу костюм из ателье на Севил-роу – вещь знаковая для тех, кто понимает. Тут дело даже не в цене, а во вкусе, который в большей степени подчеркивает статус человека, чем возможность бездумно потратить огромные деньги на вещь под известной торговой маркой, изделия которой можно купить в любом аэропорту. Впрочем, та публика, с которой сегодня предстояло встретиться Петру Марковичу, вряд ли сможет оценить стиль и качество безупречного английского кроя. Вероятно, их бы больше впечатлил костюм от Hugo Boss и золотой Rolex, чем Henry Pool и Panerai. Ну и ладно. Это не первая их встреча; они и так знают, что он собой представляет. Сегодня этот костюм в большей степени был нужен ему самому – как боевой доспех, как напоминание о собственной силе; как знак, основная часть сообщения, адресованного собеседникам: «Со мной нужно считаться». Двадцать пять лет назад для этого идеально подошли бы золотые массивные цепи, дорогой спортивный костюм и ТТ; сравнительно недавно могли бы сработать рваные джинсы с надписью RICH на заднице и футболка с угловатым орлом на груди. Петру Марковичу приходилось в своей жизни надевать и то и другое, но теперь времена изменились, да и он тоже. Только одно осталось неизменным.

Со мной нужно считаться.

За окном хмурилось утро. Невыспавшееся унылое солнце вполсилы светило сквозь плотные серые тучи, низко нависшие над городом. Под ними суетливо реяли грязно-белые чайки: резко взмахивали крыльями, что-то кричали друг другу, то снижались, описывая круги, к помойным бакам между домами, то снова взмывали вверх с раздраженными воплями. Квартира Трока занимала весь верхний этаж в пятиэтажном доме старой постройки, а в свое время он приобрел еще и чердак, где обустроил жилую мансарду со спортзалом, детской и гостиной. Петру Марковичу всегда нравилось смотреть на мир с высоты, и сейчас ему был виден весь город: лохматые красно-желтые кроны деревьев в небольшом сквере у дома, за ними – широкая полоса проспекта Ленина, по которой неспешно проезжали автомобили, троллейбусы и маршрутки; дальше темнели

приземистые кварталы Слободки, а за ней, в туманной дымке, виднелись призрачные громады «Созвездия» и «Коммунара» с торчащими вверх вышками и порталными кранами, а еще дальше мир обрывался – море сливалось на горизонте с небом, так что казалось, будто там нет ничего, только беспокойная, вечно колышущаяся серо-белесая мгла за пределами мира.

Трок перевел взгляд левее. Воздух над городом был тусклым и влажным, но Петру Марковичу показалось, что он различает смутные очертания старого порта, а чуть дальше, рядом с давно заброшенным рыбацким поселком, обнесенный забором участок земли с этой чертовой ямой посередине.

– Петя, ты готов? Андрей уже подъехал, ждет внизу.

Он отвернулся от окна и посмотрел на жену. Серый пиджак, узкая юбка до колен, медно-рыжие волосы собраны в безупречную деловую прическу; две верхние пуговицы на белой блузке расстегнуты, открывая высокую полную грудь ровно настолько, насколько нужно: уже интрига, но еще не предложение. Нельзя недооценивать силу деталей, когда предстоит непростой разговор.

Роза Трок не меньше, чем муж, разбиралась в умении правильно одеваться.

– Да, готов.

Петр Маркович бросил взгляд в зеркало, одобрительно и серьезно кивнул своему отражению: высокий, с безупречной осанкой, идеально пошитый костюм будто нарисован на спортивной фигуре. В свои пятьдесят Трок выглядел на хорошие сорок и был похож не на провинциального бизнесмена, а на успешного столичного инвестора. Он поддернул воротник рубашки и с силой хлопнул в ладоши.

– Все, едем.

Рядом с подъездом стоял черный Range Rover. Молодой водитель вышел из машины и открыл заднюю дверь.

– Доброе утро, Петр Маркович!

– Доброе. Даниила отвез, все в порядке?

– Да, конечно.

Трок посмотрел на часы – 9.00. Как и в обычные дни, водитель Андрей с утра отвозил в школу младшего Трока, которого называл не иначе как Даниил Петрович, а потом возвращался за шефом. Но сегодня день необычный, и им предстояла поездка более дальняя, чем в офис «Лиги».

Супруги сели рядом на заднем сиденье: спокойные, молчаливые, собранные – хорошо сыгранная пара перед важным турниром. Хлопнули

дверцы, и автомобиль выехал на проспект.

– Боря с нами поедет? – спросила Роза.

– Да, сказал, что с нами. Может, что-то обсудим еще по дороге. Водителя своего возьмет на всякий случай, но тот следом будет держаться. Андрей, сейчас по пути нужно за Борисом Саввичем заехать.

– Хорошо, Петр Маркович, – равнодушно ответил водитель и плавно принял чуть правее. То, что его шеф запросто заезжает за мэром города, было делом привычным.

Петр Маркович Трок начал свой бизнес в Северосумске двадцать пять лет назад, как раз в те тяжелые времена, когда большинство жителей предпочло покинуть родные края в поисках лучшей доли. Из активов на тот момент у него был старый отцовский «ИЖ-Комби», двести долларов в кармане, а еще предприимчивость и решимость. Вместе со своим другом, Борей Готовым, Трок вскоре стал главным, а потом и вовсе единственным перевозчиком в городе. В его «Лигу», первоначально предоставлявшую услуги грузового автомобильного транспорта, постепенно вошли железнодорожная станция «Северосумск-Товарная», старый торговый порт со всеми приписанными к нему судами, автовокзал с двумя десятками автобусов и маршрутных такси, ездивших в Михайловск, а еще по случаю подвернувшаяся сеть продовольственных магазинов, объединенных ныне под маркой «В двух шагах».

Не последнюю роль в этих впечатляющих коммерческих достижениях сыграл тот факт, что на протяжении нескольких лет через морской порт Северосумска шли на север несколько специфичные грузы: опиаты и максырец. Отдаленность города, его тихая и строгая провинциальность, располагающая к установлению тесных родственных и дружеских связей между бизнесменами, чиновниками и руководителями правоохранительных органов, сделали его удобным перевалочным пунктом для того, чтобы переправлять в соседние страны продукцию особого рода. Впрочем, лет пятнадцать назад этому бизнесу пришел конец. Волна масштабного федерального расследования прокатилась с южных гор до северных морей и остановилась, можно сказать, на самых границах Северосумска, где был найден труп местного куратора этого криминального проекта. В те времена это называлось «положить шпалой крайнего». Кажется, так это называется и сейчас. В результате дело закончилось тем, что генеральный директор ОАО «Северосумский морской порт» уехал в столицу в наручниках, а Петр Маркович, как владелец порта, громко озвучил благородное негодование по поводу преступных действий своего топ-менеджера, был пару раз вызван следователями в качестве свидетеля, и на этом его тревоги закончились.

С тех пор «Лига» стала исключительно легальным предприятием. Трок научился разбираться в часах и костюмах, активно занимался спортом и открыл для себя вкус к чтению бизнес-литературы. Боря Глотов, напротив, раздобыл, покраснел лицом, поредел волосами и приобрел сиплую одышку человека, злоупотребляющего крепким алкоголем и пренебрегающего физическими упражнениями. Последнее, вероятно, было вызвано крайней занятостью по службе, ибо вот уже полтора десятка лет Борис Саввич Глотов являлся мэром Северосумска.

Это был их город, и они управляли им как настоящие заботливые хозяева. Глотов, например, выстроил в городе большой храм святых мучеников Бориса и Глеба, в котором неоднократно был замечен с семьей – женой и четырьмя дочерьми – по главным церковным праздникам. Трок реконструировал и содержал на собственные средства большой бассейн, в котором бесплатно могли заниматься все желающие, а еще поддерживал городскую футбольную команду «Судостроитель», которая много лет самоотверженно, но пока безуспешно стремилась к выходу в первую профессиональную лигу. Сын Петра Марковича от первого брака жил и работал в Москве и не стремился возвращаться в сонный город на берегу холодного моря. Дочь от второго брака училась в Петербурге, предпочитая наводящим тоску Слободке и Тройке интеллигентные красоты культурной столицы – по крайней мере, именно ради этого считающие себя творчески одаренными девушки уезжают в Петербург, привлеченные имиджем города художников и музыкантов и не понимающие до поры до времени, что попали в сумрачный склеп, населенный призраками и наркоманами, упырями и маргиналами, гнездящимися в трущобах коммуналок и проходных дворов. Впрочем, юной Лизе Трок отец посылал денежное содержание, достаточное для того, чтобы она как можно дольше могла избегать встречи с неприглядной реальностью и восхищаться зонтиками над переулками, граффити из поэтических цитат, закатами на крышах, коворкингами, смузи, креативными пространствами и прочим в таком духе. Третий брак, с рыжеволосой Розой, подарил Петру Марковичу не только еще одного сына, которому недавно исполнилось тринадцать лет, но и умного, а главное, надежного делового партнера. Во многом благодаря ее влиянию он полтора года назад приступил к реализации главного проекта своей карьеры.

Суть масштабной идеи заключалась в возрождении торгового морского порта Северосумска. Если провести реконструкцию и построить таможенный терминал; проложить еще одну железнодорожную ветку и увеличить в два раза возможности «Северосумск-Товарная»; если купить

землю на западной окраине города и построить там мощный логистический центр со складами, охлаждаемыми ангарами и рефрижераторами, то можно было принимать весь объем грузов, следующих морским путем с севера, и перенаправлять их потоки в обход Михайловска. Бурное расширение бизнеса, фронт-офисы в Москве, Стокгольме, Осло и Хельсинки, огромные объемы – от масштабности замысла слегка шумело в голове и шевелились волосы на мошонке.

Был составлен бизнес-план и рассчитан проект. Общая потребность в средствах оценивалась примерно в 12,5 миллиарда рублей. «Лига» стабильно работала на обеспечении транспортной логистики для кое-как держащихся на плаву «Созвездия» и «Коммунара», свой доход приносили пассажирские перевозки и магазины, но даже если бы Трок мобилизовал все имеющиеся у него денежные активы, то вместе они бы составили сумму, обозначенную цифрой после запятой в итоговом расчете. Требовались кредиты.

Помогли связи Розы в одном из крупнейших банков страны. Один из руководителей направления стратегических проектов приходился ей дальним родственником, который гарантировал получение необходимой суммы за взятку в размере грабительских 10 %. Бизнес-план пришлось подкорректировать, расчет возврата инвестиций и план по выручке из просто амбициозных превратились в фантастические, но тем не менее дело выгорело и кредитный договор был подписан: под разумный процент, на 15 лет с залогом на приобретаемую недвижимость.

Осталось купить землю – три гектара заросшей сорной травой пустоши, примыкающей к старому порту, между широкой прибрежной отмелью и лесом. Было принципиально важно получить в собственность именно этот участок; Трок дисциплинированно известил о своем намерении совершить покупку областной Комитет имущественных отношений и приготовился получить разрешение на строительство в администрации Михайловской области, той самой, что могла лишиться огромного потока грузов и денег из-за проекта, для реализации которого требовалась земля.

Нужны были нетривиальные методы решения вопроса. Посредником в переговорах взялся выступить Боря Глотов – на правах старого друга, мэра Северосумска и дольщика «Лиги», пусть даже его 15 % акций давно были переписаны на двоюродного брата жены. Вместе с Глотовым Петр Маркович и Роза летом впервые отправились на встречу с главой Михайловской области Пустоваром.

Антон Антонович Пустовар был человеком небогатым: согласно

имущественной декларации, в его собственности находилась однокомнатная квартира на окраине города и автомобиль «Лада Приора». Сразу после издания закона об обязательном раскрытии доходов ближайшей родни государственных служащих стремительно обеднела и его жена. Зато у многих дальних родственников дела шли прекрасно: например, любимый племянник Пустовара Вениамин владел несколькими земельными участками в городской черте, четырехэтажным коттеджем, куда по доброте душевной пустил пожить дядю с семьей, тремя автомобилями бизнес-класса, а также пентхаусом в Петербурге и квартирой в Москве. Несомненно, это объяснялось впечатляющими успехами в предпринимательской деятельности: Вениамин был владельцем и генеральным директором ОАО «Севмороблспецтранс», фактического монополиста на рынке логистики. Поэтому неудивительно, что на встрече гостей из Северосумска с губернатором присутствовал и племянник последнего.

Вопрос решился: областная администрация дает разрешение на покупку земли и начало строительства в обмен на 40 % акций ЗАО «Лига», которые должны быть переданы по договору купли-продажи компании Вениамина, и введение его самого в состав совета директоров. Трок поскрипел зубами, но согласился. Он был готов к подобному развитию переговоров и заранее посчитал экономику. Даже на таких условиях прибыль от реализации проекта обещала быть более чем внушительной.

Первые транши по одобренной банком кредитной линии поступили на счет, земля была куплена, доля в бизнесе передана в собственность компании ушедшего Вениамина, и на территорию будущего логистического терминала отправилась строительная техника. Работа велась в три смены, без выходных: крайне важно было успеть подготовить хотя бы основу фундамента до наступления холодов, и все шло отлично, пока однажды ночью ковш экскаватора не наткнулся на каменную кладку в форме неправильного круга.

Вообще, в Михайловской области такие находки случались не так уж редко; в историческом музее областного центра экспонатам каменного века отводился едва ли не целый этаж. Правда, впервые обнаружение древнего капища эпохи неолита произошло в окрестностях Северосумска, и уж точно впервые оно имело такие фатальные последствия.

Если бы Петру Марковичу доложили об этом сразу, как только не в меру осмотрительный бригадир остановил работу строителей, проблем бы не было: он бы просто распорядился без лишних сантиментов срыть к чертовой матери эту ископаемую постройку, а если рядом нашлись бы

еще – так и их тоже. Но все произошло ночью, и до утра шефа никто беспокоить не стал, и о том, что вот уже больше семи часов на строительной площадке остановлена работа, Петр Маркович узнал только утром, когда приехал в офис.

Поначалу он не осознал, чем грозит ему это археологическое открытие; просто поехал лично проверить, что такое невероятное нашли на его земле экскаваторщики и бульдозеристы, люди, как известно, в массе своей не отличающиеся широтой кругозора и трепетным отношением к памятникам культуры, но тут почему-то замершие в нерешительности. Даже и сейчас, утром, все могло бы еще пойти по-другому, если бы не одно странное и неприятное обстоятельство. Рядом со стройплощадкой уже толпился народ: два десятка городских сумасшедших из общества «Северная Веда» под предводительством своей патронессы, некой Львовой, позиционировавшей себя как духовный учитель и выглядевшей как актриса, сбежавшая со съемочной площадки малобюджетного фильма про вампиров. Все они гомонили, будто растревоженный птичий базар, требовали пропустить их к «месту силы» для поклонения и бойко орудовали смартфонами, надо полагать, делая фотографии и извещая весь мир об открытии. Удивительно, но быстро проведенное расследование показало, что Львовой никто из рабочих или сотрудников «Лиги» не звонил, и загадка ее появления на месте событий осталась неразгаданной. Сама Львова высокомерно заявила, что «людям духа открыты многие тайны» и что «она почувствовала мистический зов», который и привел ее к раскопу.

Не успел Трок распорядиться убрать адептов духа подальше от зияющей ямы, как приехали сотрудники областного Комитета по охране памятников истории и культуры, представители исторического музея Михайловска, какие-то бородатые типы и похожие на хиппи девицы, не спросив, принялись разворачивать на земле полотна ткани и раскладывать инструменты. Петр Маркович почувствовал себя так, как будто вся эта камарилья ворвалась к нему в дом и принялась хозяйничать в спальне. Последним прибыл начальник полиции Северосумска Михальчук в сопровождении нескольких патрульных экипажей. Он поговорил с людьми из комитета и из музея, развел руками и сообщил Троку, что нужно смириться и подождать.

Ждать пришлось недолго. Не прошло и двух суток, как было объявлено, что находка имеет огромную культурную и историческую ценность, что строители, сами того не зная, сняли покров времени с редчайшего культового сооружения, вокруг которого, несомненно, можно

будет обнаружить целое поселение, полное захоронений, предметов материальной культуры и прочих артефактов, а значит, никакой стройки на этой территории быть не может.

Трок потребовал независимую экспертизу. Из Петербурга прилетело несколько человек, выглядящих ненамного лучше, чем их провинциальные коллеги; они спустились в уже опустошенную яму, потоптались немного, откололи пару кусочков от камней на стенах и отправились в Михайловск, изучать извлеченные из-под земли артефакты. Через четыре дня Петр Маркович получил пространное экспертное заключение на тридцати страницах, суть которого сводилась все к тому же печальному выводу: уникальная находка, исторический памятник, строительство невозможно.

Выложенная валунами дыра в земле и несколько глиняных черепков похоронили многомиллиардный проект с какой-то невероятной, чудовищной неотвратимостью.

Предположим, деньги, выплаченные за землю, можно было вернуть по официальным каналам; пусть не скоро, не просто, но все же вернуть. С банком тоже можно было договориться: расторгнуть договор, погасить первый транш возвращенными деньгами, но уже понести потери в виде успевших набежать процентов и штрафов. Терпимы были даже безвозвратные затраты на первоначальную взятку банковскому клерку в счет будущих, более крупных выплат. Но настоящей проблемой стали переданные 40 % «Лиги»: они отошли компании Вениамина по официальному договору купли-продажи за символическую цену в десять тысяч рублей, и никакой связи этой сделки с несостоявшимся проектом строительства проследить было нельзя. Трок понимал, что попал в крайне уязвимое положение. Требовалась встреча с Пустоваром и Вениамином, и она была назначена на сегодня, пятницу 18 сентября. Боря Глотов снова вызвался поучаствовать в качестве группы поддержки, и Трок был ему за это признателен.

Как любой приличный человек в этом городе, Борис Саввич жил на Рогатке, совсем рядом со зданием городской администрации. Когда черный Range Rover Трока въехал в охраняемый двор, мэр уже скромно ждал на крыльце, прячась от мороси под большим кованым козырьком. Он увидел Трока, махнул рукой своему водителю, который стоял рядом с большим темно-зеленым Lexus'ом, и мелким семенящим шагом направился к пассажирской дверце.

– Привет, Петя! Здравствуй, Роза! – бодро поздоровался Борис Саввич, пыхтя и устраиваясь на сиденье. – Ну что, поехали! Нас ждут великие дела!

Трок кисло улыбнулся и промолчал. Они выехали со двора, следом за

ним пристроился внедорожник Глотова. До назначенной встречи оставалось чуть больше часа.

– Ничего, все нормально будет, – приговаривал Борис Саввич. – Главное, что они согласились встретиться, значит, готовы обсуждать. Ты, главное, не горячись, Петя, спокойно с ними поговорим, и все.

– Я постараюсь, – сказал Трок, глядя в окно автомобиля на проносившиеся мимо унылые новостройки Третьего микрорайона.

В Михайловск они въезжать не стали; обогнули город по кольцевой дороге и остановились на южной окраине, рядом с невысоким строением, стилизованным под старинный трактир. «Ресторан «Подворье», гласила неброская вывеска. Рядом со входом были припаркованы два автомобиля: большой джип Mercedes и спортивный BMW. На толстой деревянной двери висела табличка: «Закрыто на мероприятие». С некоторых пор государственные служащие перестали обсуждать щекотливые вопросы у себя в кабинетах, предпочитая проверенные и надежные места, подальше от посторонних глаз. У главы области Пустовара таким местом было «Подворье».

Когда Трок, Роза и Гловы вошли внутрь, их уже ждали. Небольшой зал с бревенчатыми стенами, увешанными хомутами, ухватами и какими-то другими предметами крестьянского быта, названия которых Петр Маркович не знал, был пуст; только за стойкой бармен равнодушно протирает бокалы да скучал в углу официант. Пустовар и его племянник расположились за столиком в самом дальнем углу.

– О, дорогие гости! – прогудел губернатор и приподнялся. – Рад видеть, рад видеть! Как добрались?

Он был большой, седовласый, усатый, в мешковатом костюме, с повадками старого управленца. Вениамин, который тоже встал вслед за дядей, был другой: молодой, лет тридцати с небольшим, полнеющий, с резкими, светлыми движениями и постоянно бегающими глазами, вслед за которыми иногда подергивалась голова: казалось, что он постоянно находится в состоянии нервного возбуждения или крайнего стресса, уже доведшего его до невроза. Он протянул Троку руку и оскалился в улыбке. В сочетании с мельтешащими туда-сюда зрачками зрелище было то еще.

Все сели. Пустовар махнул рукой официанту, но тот и так уже спешил к их столу.

– Пожалуйста, мне зеленый чай с жасмином, – вежливо попросила Роза и улыбнулась – не столько официанту, конечно, сколько присутствующим.

– Ройбуш, – сказал Трок. – И лимон принесите.

– А мне ничего, наверное, – торопливо произнес Вениамин. – Или нет, принесите воду, простую, без газа. Хотя лучше сок. Да, сок. И воду тоже.

– Ну а я что-нибудь покрепче. – Пустовар благодушно подмигнул собравшимся. – Hennessy принеси мне, грамм сто, а лучше сразу двести. Ты как, Саввич? Присоединишься?

– Ну, если уж губернатор предлагает... – Готов развел руками. – Мне то же самое, пожалуйста.

«Разумеется, – подумал Трок. – Если машина – то Mercedes, если коньяк – то Hennessy. А вот этот балахон на нем, вероятно, от Hugo Boss».

– Ну, рассказывайте. – Пустовар откинулся на спинку деревянной скамьи. – Что там Северосумск? Стоит?

Первая часть переговоров – ритуальные танцы. Это только деловая мелочь торопится в решении важных вопросов; люди серьезные вначале должны поговорить о разном, и чем существеннее повод для встречи, тем дольше идут эти предварительные разговоры. А еще имеет значение, кто первым не выдержит и заговорит о делах. Естественно, это был Вениамин: последние полчаса он дергался, ерзал, тискал смартфон, смотрел то в окно, то в экран телефона, то в декольте Розы и ни разу не взглянул Троку в глаза.

– Я извиняюсь, но у меня еще одна встреча через час, надо бежать. Мы же хотели что-то обсудить, да, верно?

Разговоры мгновенно смолкли.

– Да, – ответил Трок в наступившей тишине. – Мы хотели обсудить вопрос той доли в «Лиге», которую вы получили.

Вениамин вздернул брови и изобразил искреннее удивление.

– А что с ней не так?

– С ней все не так, – сказал Петр Маркович. – Она не на месте. Если не ошибаюсь, существовала договоренность о передаче сорока процентов акций в обмен на разрешение на строительство?

– Ну да, допустим, – согласился Вениамин.

– Как всем известно, строительство остановлено, и, насколько я понимаю, сделать с этим уже ничего нельзя?

Он перевел взгляд на Пустовара. Тот опустил тяжелые набрякшие веки и сокрушенно покачал головой.

– Увы, Петр Маркович. Дело федерального уровня. Я, если честно, уже и постановление вчера подписал об отзыве разрешения.

Трок сжал зубы.

– Хорошо, – продолжил он после паузы. – Таким образом, нам нужно обсудить порядок возврата переданных акций обратно в «Лигу».

Вениамин замотал головой. В глаза Троку он по-прежнему не смотрел.

– Подожди, подожди, Петя, мы же договорились. Или ты хочешь все отменить?

«Я тебе не Петя, – подумал Трок. – Шкет».

– Все уже отменилось само собой. Нет строительства, нет и доли в «Лиге».

– Нет, все равно не понимаю, давай по порядку. – Вениамин посмотрел на дядю. Тот сидел, прикрыв глаза, и внимательно слушал. – Насколько я помню, мы говорили о том, что разрешение от правительства области будет получено в обмен на сорок процентов акций, да?

Пустовар молча кивнул.

– Ну вот, – продолжал Вениамин, – мы свои обязательства выполнили, разрешение дали, а ты выполнил свои. Что не так?

Петр Маркович дернул правым плечом. Глотов быстро посмотрел на него и чуть поднял бровь.

Трок вздохнул.

– По факту никакого строительства уже не будет. Весь проект провалился в эту чертову яму, которая оказалась до хрена ценным историческим памятником. В связи с этим вопрос: за что я отдал долю в бизнесе?

– Ну это же форс-мажор, мы тут при чем? – снова удивился Вениамин. – Ну вот, условно говоря, ты купил у меня, скажем, бутылку коньяка, да? Дал мне денег, я продал тебе коньяк, а по дороге домой ты взял и разбил свою бутылку. И теперь приходишь ко мне и говоришь: я коньяк не выпил, бутылка разбилась, верни мне деньги. Это же неправильно, ведь так? К тому же у нас и договор есть, все официально. Ты же не будешь оспаривать договор?

Петр Маркович молчал, пытаясь выбрать из слов и выражений, крутившихся у него на языке, хотя бы пару цензурных. Безуспешно.

– Друзья, давайте не будем драматизировать ситуацию, – заговорил Пустовар. – Петр Маркович, мы же у тебя ничего не отнимаем. Я понимаю, ты оказался в сложной ситуации, но уже получилось как получилось. У Вениамина, ты знаешь, большой бизнес, связи, он сможет тебе помочь в работе. Забудь ты про эти акции, никто не собирается ничего делить или забирать куда-то. Рассматривай это как партнерство.

Трок посмотрел на губернатора. Глотов заметил этот взгляд и быстро сказал:

– Возможно, так действительно будет лучше для всех. Давайте пока остановимся на том, что мы партнеры, поработаем вместе, а там будет видно. Согласны?

Трок молча встал из-за стола. Роза поднялась следом.

– Кстати, отличный костюм у тебя, Петр Маркович, – вдруг сказал Пустовар. – Генри Пул шил?

Петр Маркович замер. Губернатор усмехнулся, седые усы приподнялись над крупными желтоватыми зубами.

– Скромнее надо быть, скромнее, – произнес он и шутливо погрозил пальцем. – За чай не плати, я угощаю.

– Да, Петя, и еще, – подал голос Вениамин, – у меня вся следующая неделя занята, а потом нужно бы встретиться, провести совет директоров, определиться, как будем сотрудничать. Я тебе позвоню, хорошо?

Воздух на улице был промозглым, влажным и липким, как холодный пот. Трок глубоко вдохнул и некоторое время стоял рядом с блестящим от мороси бортом машины, чувствуя, как капли воды шелестят по тонкой шерстяной ткани костюма с Севил-роу.

В Северосумск они возвращались без Глотова: тот сослался на какие-то дела в областном центре. Наверное, ему просто не хотелось делить со старым другом тяжелое молчание на обратном пути, а сказать было нечего.

Дома было пусто и тихо. Тучи на небе сгустились, из серых сделались почти черными. На город опустились тусклые сумерки, как будто усталый день раньше времени решил уйти на покой.

– Ладно, это еще не конец, – сказала наконец Роза, когда они сели в гостиную, каждый в свое кресло рядом с низким стеклянным столиком. – Сорок процентов неприятно, но не критично. Сейчас надо решать вопросы с возвратом денег и банком, а там видно будет.

Петр Маркович хотел сказать, что при известном умении и хорошем административном ресурсе можно отобрать практически любую компанию, имея даже 5 %, но не стал. Роза и так это знала не хуже его.

– Дело не в этом. Дело в том, что есть вещи, с которыми нельзя мириться и которые нельзя прощать. Они воспользовались моментом и благополучно нас поимели, причем находятся при этом в полной уверенности, что им все сойдет с рук. Понимаешь? Так вот, не сойдет.

– Нам нечем играть, Петя, – сказала Роза. – У Пустовара и этого дерганого Бени все короли и валеты в колоде масти старшей, чем наши. Что у нас тут есть? Михальчук? Так у него полицейское начальство сидит в области, его снять могут одним приказом. Боря, конечно, друг и вообще хороший мужик, но тоже подчиняется областному руководству, он же чиновник. Мы даже судиться с ними будем в Михайловске, если что, а это сразу проигрыш.

Трок встал с кресла и подошел к окну. Туманная дымка стала

плотнее – уже было не различить ни заводов, ни верфи, ни порта; как будто небытие надвигалось на мир, растворяя его в себе.

– Ну и что ты предлагаешь сделать? Сдаться? Остаться в собственной компании менеджером на зарплате?

– Я попробую через столичных знакомых что-то придумать, но не уверена, что получится. Да и потом, всем же придется платить, если что...

Роза взглянула на мужа: он стоял у окна и смотрел туда, где стылая морось скрывала от глаз опустевшую строительную площадку. Она вздохнула.

– Хочешь, я одна поеду в офис? Останешься дома, передохнешь, с мыслями соберешься.

Он посмотрел на часы: половина второго. Разгар последнего рабочего дня недели.

– Поедем вместе. Дел много. Вот только костюм переодену.

Глава 3

Позже никто уже не мог вспомнить, кто из них первым предложил сходить к яме. Каждому казалось, что точно не он. По крайней мере, хотелось так думать. Одно было точно: самым фактом того, что где-то неподалеку находится настоящее древнее святилище, всех заинтересовал Даниил. Просто потому, что ни одному из четырех друзей, кроме него, до этого не было дела. Да и никому в городе тоже: ну, откопали там чего-то, и что? «Культовое сооружение эпохи неолита» – это что, интересно?

На Даниила словосочетание «эпоха неолита» произвело впечатление. Наверное, во всем виновато слишком живое воображение, развитое чтением книг, но он как будто почувствовал сумрачное дыхание растревоженной земли и стылых древних камней, дух чего-то дремучего, дикого, тех немыслимо далеких времен, когда не было еще ни государств, ни письменности, ни истории. Были только люди и боги. Кому-то ведь поклонялись в этом капище.

Даниил решил выяснить кому, а заодно и про неолит почитать.

К сожалению или к счастью, но найти нужную информацию сейчас проще простого, не то что раньше. Отец, старательно прививавший Даниилу любовь к чтению и любознательность, рассказывал, что в его время, если хотел почитать какую-то интересную книгу или узнать, предположим, каким оружием пользовались викинги, приходилось как минимум записаться в библиотеку и ждать, когда подойдет твоя очередь; а если нужной книги не оказывалось в местной библиотеке, которая вообще не отличалась богатством выбора, то приходилось ехать в Михайловск. Теперь все куда легче: открыл страницу поискового сайта, внес в строку нужное слово – и пожалуйста, ровно миллион ответов по запросу «неолит», читай сколько хочешь. Правда, среди знакомых сверстников Даниила не было никого, кто бы пользовался Интернетом, чтобы читать. У всех были там какие-то другие интересы и занятия.

Даниил учился в седьмом классе, разумеется, в «единице», которая заслуженно считалась самой приличной из всех восьми школ Северосумска. Приличной она была потому, что тут не насрут в сменную обувь, как запросто могут сделать в жуткой «восьмерке», что располагалась в Слободке. Здесь, опять же в отличие от «восьмерки», не бросят в рюкзак зажженную петарду. Не вставят в перила на лестнице режущей кромкой вверх половину бритвенного лезвия. Не станут драться стульями на уроках.

Не накаурятся на перемене в туалете «спайсов» до бессознательного состояния. Не бросят дрожжи в унитаз того же самого туалета. Девочки из «единицы», в отличие от тех, что в «восьмерке», не были замечены в съемках любительского порно на камеру мобильного телефона или в том, что поздними вечерами бегают в строительные вагончики в Заселье, где, по слухам, удовлетворяют за раз сразу нескольких изголодавшихся рабочих с далекого Юга. А мальчики из школы № 1, по крайней мере в своем большинстве, не лупят одиноких прохожих на темных улицах. Учителя в «единице» не приходят пьяными на уроки, а директор не бьет по спине учеников метровой линейкой. А еще дети из школы № 1 ждут выпускного с особенным чувством, потому что отправятся после этого учиться в Михайловск, или в Питер, или даже в Москву, а не останутся в тоскливом Северосумске, чтобы перебраться из школы в местное ПТУ. Кроме того, отец Даниила, Петр Маркович Трок, снабдил все классы в школе такими компьютерами, какие не у каждого есть дома; стараниями же мэра города Бориса Саввича Глотова, три младшие дочки которого тоже учились в «единице», на входе дежурил не пропитой пенсионер, а крепкий молодой человек, похожий на спецназовца из приключенческого фильма. Если Даниил и был благодарен за что-то деньгам и статусу своего отца, так это за учебу в «единице». Он здраво оценивал свои данные и понимал, что в любой другой школе, не говоря уже про «восьмерку», ему, худому, низкорослому, лопухому, рыжему и к тому же в очках, пришлось бы худо. А здесь у него даже были друзья. Ну как друзья – школьные приятели, наверное, так правильнее. Они не тусовались вместе после уроков, у каждого были свои интересы и свои товарищи вне школы, но тут отлично ладили и с удовольствием общались друг с другом. Ночной поход к раскопанной яме был первым случаем, когда они куда-то отправились вчетвером.

Сначала попытки заинтересовать друзей рассказами про неолитическую революцию, наскальную живопись и удивительные массовые захоронения успеха не имели. Вообще-то все трое любили слушать Даниила. Он умел интересно пересказывать прочитанные книги, а читал он действительно много и такого, о чем даже не слышали не только его ровесники, но даже и многие взрослые. В прошлом году он, например, к гордости отца и мамы, осилил «Илиаду», а потом пересказывал ее в школе, подставляя на место героев себя и друзей. В его изложении гомеровский эпос освободился от изрядной доли занудства и стал тем, чем был для современников: ураганным боевиком с элементами эротики и мистических ужасов. Рассказы о яростных драках стенка на стенку с

острым железом в руках особенно понравились Макс. Он жил в Слободке, учился до шестого класса в «восьмерке» и перешел в «единицу» лишь потому, что его новый отчим, мужчина серьезный и основательный, работавший прорабом, решил, что парень должен хотя бы днем проводить время с нормальными ребятами, а не с гопниками. Макс и год назад был хорошо физически развит, а сейчас мускулы у него на руках походили на кирпичи, а когда он сгибал локоть, то бицепсы надувались под рубашкой впечатляющими буграми. В «Илиаде» от Даниила Трока он был Аяксом. Роме понравились описания смертей и ранений, он даже нарисовал – очень точно и с подробностями, – как *«хрястнула кость, и глаза у Пизандра, выскочив, подле него на кровавую землю упали»*. Получилось круто. Женю Зотова ничего особенно не впечатлило, но он назвал с десятков компьютерных игр, которые, по его словам, сюжетом напоминали «Илиаду».

Рассказы про каменный век такого интереса не вызвали. Даниил и сам понимал, что изложение фактов про орудия, переселения и причины возникновения культов животных-покровителей звучит уныло, как книга, в которой прочитано уже сорок страниц, а еще никого не убили. Передать свое ощущение древней тайны, головокружительного чувства от мысли про многие тысячелетия не получалось. Про дальний космос или глубоководных чудищ рассказы выходили интереснее.

Все решила неолитическая Венера.

Даниил нашел ее изображение вечером и понял – вот оно, то, что нужно. Лично его больше всего поразило, что у женщины отсутствовало лицо: вместо него на голове была как будто натянута странная круглая шапочка с извилистыми линиями, но он знал, что приятели оценят другое. Даниил скачал фотографию себе в телефон и на следующий день, не дотерпев до перемены, послал ее всем троим прямо во время урока МХК. Эффект был быстрым. Женя на задней парте ухнул от восторга и мгновенно прислал ответное сообщение:

«СИСЬКИ!!!»

От Макса в ответ пришло:

«У Машки на Слободке такие дойки! Зачет!»

Рома, увидевший картинку последним, не выдержал и хохотнул в голос.

– Лапкович! – прикрикнула учительница. – Что такого смешного?

– Извините, Елена Сергеевна, – отозвался Рома. – Это по теме.

Преподавательница МХК была его мамой, но в классе называла сына по фамилии, чтобы не выделять среди других. Даниил считал, что Роме

тоже повезло с тем, что мама работает в «единице» и он может учиться именно здесь: в «восьмерке» с такой фамилией трудно было бы продержаться и неделю. Даже в «единице» не обходилось без шуток, а год назад кто-то из особо одаренных юмористов насыпал ему в дневник жестких коротких волос; учитывая отсутствие на тот момент собственной растительности такого рода, оставалось только догадываться, откуда их собрали. Скоро, правда, они стали дружить с Максом, и шутки закончились, а когда учителя называли фамилию Ромы, в классе царило молчание: ни реплик про мандавошек, ни «он только побреется и придет».

– У нас сейчас своя тема, – с усталой строгостью сказала Елена Сергеевна. – Убери телефон!

На следующей перемене тема неолита обсуждалась куда живее, чем раньше.

– Это Венера каменного века, – объяснял Даниил. – Самое интересное, что такие изображения были найдены в самых разных местах мира, от Азии до Севера Европы...

– А почему у нее сиськи такие?

– И жопа?

– И башка странная?

– Предполагается, что подобные формы означают плодородие... ну и способность к деторождению. Это как бы Мать. Символ, в общем. А почему лица нет, я не выяснил еще.

– А у нас в яме не нашли ничего такого? – спросил Рома.

– Я не знаю, – честно признался Даниил. – Может, и нашли.

– А если они не все откопали, что там было? И вот такая вот... Венера где-нибудь еще зарыта? – предположил Женя.

– Это вряд ли, – усомнился Даниил. – Хотя...

Нет, потом никто так и не вспомнил, кто же все-таки первым предложил пойти посмотреть раскоп. Но мысль о том, что где-то там может лежать, присыпанная мокрым песком, тяжелая округлая статуя женщины с неправдоподобно огромными грудями и бедрами, странным образом их зацепила. Никто всерьез не надеялся ничего найти, да и пресловутые сиськи тут были ни при чем: что они, сисек в Интернете не видели? Но вот засело же в голове...

Утром в пятницу все четверо уже относились к вылазке на раскоп как к делу решенному. Оставалось обсудить план.

– Идти надо, когда стемнеет, – сказал Макс. – У ворот ментовская охрана сидит, днем точно заметят.

– А фонарей там нет разве? – спросил Рома.

Макс покачал головой.

– Два прожектора, один светит на яму, другой в сторону ворот. Мне отчим рассказывал. Это же его бригада нашла эту... как его...

– Капище, – подсказал Даниил.

– Ну да, херню эту. Они же и забор ставили, железный. Там есть щели у самой земли, если со стороны леса зайти, можно попробовать пролезть. А сама яма накрыта пленкой – когда заберемся внутрь, никто уже не увидит.

– Если что, с нами Петрович будет, не страшно. Скажет, кто его отец, – нас отпустят.

Даниил с сомнением покачал головой. Их, может, и отпустят, но с отцом потом будет разговор, и не из приятных. К тому же он пока не представлял себе, как объяснит родителям такую позднюю прогулку.

– Во сколько пойдём? – уточнил он.

– Часов в десять вечера, чтобы наверняка. Ты сможешь?

– Да, постараюсь. В смысле, смогу.

Не отказываться же, в самом деле: всю неделю рассказывал про неолит, показал Венеру, а теперь останется дома. Как будто струсил.

– Ну все, значит, договорились. В десять встречаемся у Макса, от него ближе всего добираться, – подытожил Рома.

На том и порешили.

Друзьям Даниила было легко вот так взять и собраться куда-то идти на ночь глядя. Макс с детства болтался по Слободке до позднего вечера, мать его никогда не ограничивала и не интересовалась особо, где он и чем занят: гуляет с ребятами, и ладно. Строгий отчим был доволен, что парень не пьёт, не курит, занимается спортом – ходит в секцию карате в Доме творчества юных «Синева» – и к отсутствию сына до полуночи, а то и позже относился лояльно. Дело молодое, сами такими были. У Жени тоже проблем с тем, чтобы отпроситься из дома, не возникало. Он жил в Городке, с матерью и старшей сестрой. Отец его был морским офицером, служил старпомом на СРЗК^[2] и дома появлялся нечасто: раз в три месяца, а то и еще реже. Военных в Городке стало уже гораздо меньше, чем раньше, даже местная школа, «пятерка», закрылась лет десять назад, поэтому все товарищи Жени по компьютерным играм жили в других районах, преимущественно на Тройке. Иногда они собирались там целой командой, у кого-нибудь дома или в клубе, и мама Жени привыкла, что сын приходит домой поздно. Зато ничем плохим не занимается. А Рома... у него была своя ситуация. И ситуация эта предполагала, что он может уходить и приходить домой, когда сочтет нужным. Главное, чтобы предупредил: мама, сегодня буду поздно. В двенадцать, например. Ну, или еще позже.

Хорошо, сынок, осторожнее только. И когда придешь, открывай дверь потише, дедушку не разбуди. О последнем можно было и не предупреждать: Рома разбудил дедушку только однажды, уронил ночью на кухне кружку с чаем, и после этого неделю ходил с большим багровым пятном на скуле. Рука у дедушки была жесткая и тяжелая.

У Даниила же существовал строгий распорядок жизни, нарушения которого если и допускались, то только в виде исключения. Подъем в семь; возвращение из школы до половины четвертого, в зависимости от количества уроков. С четырех до семи – самостоятельная подготовка. В семь – ужин, потом занятия спортом или свободное время. Если нет спортивных занятий, то в девять вечера – общение с родителями: рассказ о достижениях, планах, интересных событиях. Иногда отец по привычке называл их вечерние разговоры рабочими встречами. Потом обычно следовала игра в шахматы, причем сына Петр Маркович не щадил, поддаваться и не думал, играл в полную силу, даже очевидных «зевков» не прощал, так что из десяти игр Даниилу в лучшем случае удавалось одержать победу в одной да еще пару свести вничью, и то если отец отвлекался на что-то. В одиннадцать – отбой. Петр Маркович и сам подчинял свою жизнь железной дисциплине, и сына приучал к тому же. Даниил не понимал, почему его отец, который, по идее, мог бы ходить на работу когда вздумается, ежедневно отправляется в офис к десяти утра, а возвращается не раньше восьми вечера. Какой прок тогда в том, что ты хозяин компании? И сам Даниил, и все его сверстники полагали, что главная ценность и смысл своего дела заключается именно в том, что можно особенно не напрягаться: придумал идею, набрал себе людей, и все – занимайся чем хочешь, живи в свое удовольствие. А тут какая-то каторга. Не ограничиваясь одним лишь распорядком дня, Петр Маркович уделял внимание и гармоничному развитию сына, хотя тут налицо имелся пока явный перекося: если с чтением и кругозором все было в порядке, то вот со спортом как-то не ладилось. Сам Трок в юности увлекался футболом, потом занимался боксом, а сейчас, за отсутствием времени, регулярно тренировался в небольшом спортзале, который оборудовал прямо в квартире. Для сына он выбрал плавание: полезно, не травматично, отлично развивает мускулатуру. Даниил занятия в бассейне ненавидел, запах хлорки вызывал отвращение, вода казалась очень холодной, а еще постоянно попадала в нос, так что потом отвратительно щипало гортань. Тем не менее два раза в неделю, по вторникам и субботам, приходилось ездить на тренировки. Не отвертись.

Как отнесется отец к просьбе отпустить его куда-то с друзьями до

позднего вечера, и гадать не приходилось. Требовался веский повод. Шестым уроком в ту пятницу была история, и к моменту, когда прозвенел звонок, план созрел. Даниил дождался, пока все уйдут, и подошел к преподавателю:

– Аркадий Леонидович, можно с вами поговорить?

Новый историк Даниилу нравился. Да и остальным, в общем-то, тоже: не зануда, не истерик, рассказывает понятно, даже интересно. Внешность такая, что ни шутить, ни спорить с ним не хотелось: выше среднего роста, крепкий, широкоплечий и с бритым наголо черепом – но главным образом уважение вызвала спокойная сила, с которой он себя вел. Девчонки в классе сначала принялись хихикать, стрелять глазами и выпячивать грудь – ну, у кого уже было что выпячивать, – но историк на девочек подчеркнуто не обращал внимания, а от хорошенькой кореянки Вики даже шараялся, когда увидел ее в первый раз. Такая странная реакция могла бы вызвать не очень хорошие подозрения, но скоро все узнали, что новый учитель то ли женат, то ли просто живет с какой-то женщиной, неважно – главное, что не педик. Девочки строить глазки перестали, снова переключившись на несчастного школьного охранника, который только с тоской отводил взгляд, когда его дразнили созревшие старшеклассницы. В общем и целом в отношении историка все сходилось на довольно высокой для учителя оценке «нормальный» и даже дали прозвище «Вин Дизель», что свидетельствовало об уважении. Могли бы и Шреком назвать. А то и Колобком.

Аркадий Леонидович повернулся к Даниилу на скрипнувшем кресле.

– Да, слушаю вас.

Еще одна особенность нового историка: он ко всем обращался на «вы». Наверное, привычка осталась с университета. Это было необычно, но приятно.

– По поводу олимпиады... я еще могу записаться?

На прошлой неделе Аркадий Леонидович сообщил, что в конце октября по инициативе городского комитета по образованию в Северосумске состоится большая межшкольная историческая олимпиада. Победителям обещали ценные призы и поездку на три дня в Михайловск для участия в областных соревнованиях. Никто особого смысла в таких олимпиадах не видел, но из их класса для участия в состязании по истории записались четыре девочки: одна из дочек мэра, Жанна, две подружки-отличницы Светка Быстрова и Надя Бородина, а еще та самая Вика, чем немало смутила Аркадия Леонидовича. Наверняка и из других классов участвовать будут одни девчонки.

– Да, еще можете, Даниил, – ответил Аркадий Леонидович. – Мы начнем подготовку с понедельника, будем собираться после уроков. И нужно определиться с рефератом. Вас какая тема интересует?

Готового ответа на этот вопрос у Даниила не было, и он сказал первое, что пришло в голову:

– Каменный век. Точнее, эпоха неолита.

Историк приподнял брови.

– Вот как? Очень интересный выбор. Ну что ж, добро пожаловать в команду. Рад, что к нам присоединится мужчина, разбавите этот женский батальон.

И улыбнулся.

Даниил почувствовал, что краснеет от удовольствия. Мужчина, так-то. Он даже пожалел, что пришлось наврать о своем намерении участвовать в олимпиаде. Но других вариантов в голову не приходило. Шахматы научили Даниила продумывать возможные ходы и варианты развития событий, и Аркадий Леонидович должен был подтвердить его участие в школьной команде, если бы отец вздумал это проверить.

Вечером, ровно в девять, он спустился из своей комнаты в гостиную. Нужно было поторопиться с решением вопроса, а отец имел обыкновение разговаривать долго, подробно и вдумчиво. Впрочем, сегодня и папа, и мама были чем-то расстроены и явно думали о своем. Во всяком случае, Даниил ожидал более жесткой реакции, когда попросил отпустить его сегодня из дома до позднего вечера к друзьям, чтобы вместе готовиться к олимпиаде по истории.

– Вот как, – задумчиво сказал Петр Маркович. – И во сколько ты намерен вернуться?

– До двенадцати, – ответил Даниил.

Когда-то он услышал, как отец говорит: «Всегда проси больше, чтобы получить необходимое». Реально Даниил собирался вернуться до половины двенадцатого.

– Исключено, – отрезал Петр Маркович. – Максимум до одиннадцати. Не забывай про распорядок дня.

Даниил собрался приступить к торгам, но тут неожиданно вмешалась мама.

– Петя, да пусть съездит, позанимается с ребятами, – предложила она. – Он и так постоянно дома сидит. Вы у кого собираетесь? Кто там еще будет?

– Собираемся у Макса Кораблева, еще будут Рома Лапкович и Женя Зотов. Я про них рассказывал... кажется.

– Да... наверное, – сказала мама. – Хорошие ребята, по-моему.

Даниил не стал спорить с этим утверждением.

Петр Маркович прикрыл глаза, устало потер переносицу и произнес:

– Ладно. Но имей в виду, что ты забираешь у себя час ночного отдыха.

Завтра – рабочий... в смысле, учебный день, а кроме того, занятия в бассейне. Ты должен понимать, что усталость может сказаться на твоей эффективности.

Даниил заверил, что вопрос личной эффективности у него под контролем.

– Ну что ж, договорились. Я сейчас позвоню Андрею, он тебя отвезет, а потом заберет ровно в двадцать три сорок пять.

В тесной трехкомнатной квартире у Макса было жарко, густо пахло едой и отчимом, дядей Вадимом, который смотрел телевизор в проходной комнате. Даниил поздоровался, скользнул равнодушным взглядом по экрану, где встревоженные люди рассказывали что-то про бомбежки и артиллерийские обстрелы, и прошел в комнату к Максиму – тесную, как стенной шкаф, и оклеенную плакатами с Джетом Ли, Стэтхемом и Вином Дизелем. Последний, как показалось Даниилу, посмотрел на него укоризненно.

– Наконец-то! – воскликнул Рома. – Мы уже думали, ты соскочил.

– Смотри, что есть, – сказал Женя и показал фонарь, похожий на старинную керосиновую лампу. – Крутая штука, работает от батареек, аккумулятора, солнечных батарей, а еще можно вот эту ручку механическую повертеть, и тоже свет будет. Отцовская, взял на всякий случай.

К счастью, водитель Андрей не стал ждать у подъезда, а куда-то уехал. Через пять минут после этого четверо мальчишек вышли в холодную черную ночь.

– Пока по Слободке идем, рядом держитесь, – небрежно сказал Макс, поднял воротник куртки, пониже надвинул козырек кепки и пошел вперед. Мог бы не предупреждать: никто и так не собирался от него отставать. У Даниила даже мелькнула мысль, что можно было бы как-то договориться с Андреем, чтобы он отвез их вчетвером к стройплощадке, хотя бы это и разрушило всю конспирацию. Он сам никогда не был в Слободке, да и Рома с Женей сюда уж точно не заходили поздним вечером, и сейчас оглядывался по сторонам, будто добропорядочный моряк-пуританин, впервые очутившийся на Тортуге. Ничего особенно страшного не было в здешних улицах с разбитым асфальтом и глубокими лужами, в низких домах, угрюмо светящих в ночи темно-желтыми окнами, в редких кривых

деревцах вдоль тротуаров и в темных дворах, где угадывались очертания покосившихся железных качелей на детских площадках, но все равно казалось, что идешь по городу, захваченному зомби или кем пострашнее. Даниил плотнее прижимал к себе сумку с планшетом. Макс, разумеется, возможности добавить жути не упустил:

– Вон там месяц назад пацана изуродовали, рот порвали и в жопу кусок арматуры засунули; вот тут один наркоман жил, его мать зарезала; а вот в этом доме на третьем этаже Машка живет, которая с сиськами, ей восемнадцать уже, я с ней мутил в прошлом году, пока к ней парень из армии не вернулся...

Даже если делить все это на два, звучало впечатляюще. Даниил бы усомнился в том, что семнадцатилетняя девица что-то там мутила с малолетним пацаном, но сейчас спорить не хотелось. Это Слободка, так-то, брат.

– На Зону из Dead Noggor похоже, – пробормотал Женя, – жаль, у меня огнемета нет или лазерной пушки, не помешало бы.

Когда они миновали Слободку, все вздохнули с облегчением, кажется, даже Макс. Вышли на проспект и сели в маршрутку, чтобы доехать до старого порта, западной окраины города. Даниил ощущал себя отважным авантюристом, отчаянным смельчаком, пустившимся навстречу приключениям, а когда думал о том, что будет, если отец вдруг решит позвонить родителям Макса или, например, попросит Андрея подняться в квартиру и проверить, чем там занят сын, то по коже бежали мурашки и внутри все сводило от ужаса и восторга.

Город закончился; позади них были полуразваленные ангары и железные павильоны станции Сортировочная, от которой куда-то в леса уходила узкоколейка. Налево через виадук убегало шоссе, а справа и дальше, за давно опустевшим поселком, ярко светили по тьме сине-белые прожектора на строительной площадке. Из холодного влажного мрака доносились дальние гудки тепловозов, будто механическая нежить тоскливо выла в ночи, и протяжно вздыхало рядом с близким краем земли море: вечно беспокойная тьма за границами мира.

– Нам туда, – показал Макс рукой в сторону прожекторов.

Женя включил лампу, и очень кстати: дороги в обход не было, только неровные осыпи из каких-то обломков, песка, торчащих железок, среди которых с трудом удалось отыскать тропу, ведущую на невысокий холм, наполовину поросший лесом. Древние сосны покачивались от ветра, а иногда под внезапным, особенно сильным порывом начинали шуметь, тревожа непроницаемый мрак у корней.

Они поднялись выше. Теперь освещенная прожекторами и огороженная забором площадка была прямо перед глазами, как залитая неестественным светом софитов пустая театральная сцена. Тяжелый бульдозер отбрасывал резкую тень, а ярко-синий пластик над ямой словно сиял изнутри. Это было похоже на зону высадки инопланетных существ, раскинувших свою базу над древним капищем.

– Как в Invasion, – прокомментировал Женя. – В самом начале, когда хварганы прилетают на Землю.

Макс оказался прав: железные листы забора неплотно примыкали к песку, да это было и невозможно – кругом зияли рытвины и промоины. Оставалось найти лаз; трудность заключалась лишь в том, чтобы забраться за забор поближе к раскопу и так, чтобы бульдозер заслонял их от сторожевой будки.

– А если охрана пойдет с обходом, что тогда? – спросил Даниил.

– Тогда начинай громко звать папу, – сквозь зубы ответил Рома, развернул бейсболку козырьком назад и обеими руками принялся выгребать из-под забора тяжелый, мокрый песок. – Помоги лучше.

– Не ссы, Петрович, – добродушно сказал Макс. – Убежим.

– Да я и не ссу, – обиженно ответил Даниил. – Вот еще.

В щель под забором первый полез именно он, как самый тощий. Лег на спину и, извиваясь и отталкиваясь ногами, пополз вперед, стараясь не зацепиться пуговицами за кромку железа и думая, удастся ли очистить куртку и шапку от песка и грязи. Выбрался на другую сторону, перевернулся на живот, огляделся. Синий купол над ямой яркой заплаткой светился метрах в двадцати прямо перед ним. Вокруг никого не было.

– Чисто, пацаны, – прошептал он в темную щель. – Можно лезть.

Следом прополз Рома, за ним протиснулся Макс. Чтобы пролез Женя, пришлось еще повозиться: он был самый толстый из них, так что несколько минут все четверо, шепотом матюгаясь, дружно скребли ладонями песок с двух сторон, а потом, когда в ставшем похожим на вход в нору лазе появилась отдувающаяся прыщавая физиономия с перепачканным песком черными сальными волосами, еще и тащили приятеля за руки.

– Ну что, поползем? – показал в сторону ямы Рома.

Даниил покачал головой:

– Нет, лучше бегом и пригнувшись. Ползти будем дольше, а значит, больше шансов, что нас заметят. Это по теории вероятностей...

– Понятно. Тогда на счет «три».

Со стороны леса один край синей пленки, закрывавшей раскоп, был приподнят на распорках на высоту в половину человеческого роста; от

выложенного камнями края уходила в темную глубину грубо сколоченная деревянная лестница. Мальчишки один за одним скатились вниз, толкаясь и падая, потом встали и выпрямились в полный рост. Женя снова зажег свою лампу.

– Круто, – выдохнул он.

Да, оно того стоило. Освещенная неживым, призрачным светом лампы, яма казалась огромной, как сказочная пещера. Могучие булыжники нависали из стен, словно хотели сомкнуться в тяжелые своды, густые тени черными змеями лежали у каменных оснований, а над головой, где-то в невероятной дали, тускло мерцал темно-синий таинственный свод. Они будто оказались в другом мире, как те герои сказок и мифов, что через колодцы и норы в земле попадали к заложным покойникам или подводным владыкам. Тут даже воздух был иной: очень густой, плотный, пропитанный сыростью, запахом старого мха, мертвых водорослей и морской соли. Пар от дыхания причудливо извивался, поднимаясь наверх и растворяясь во тьме. Про поиск неолитической Венеры все четверо тут же забыли: замерли, прижавшись друг у другу спинами, и глазели по сторонам, осматривая свои новые владения.

– Что, этому правда шесть тысяч лет? – шепотом спросил Рома.

– Может, и больше, – ответил Даниил. – Это древнее капище, ну, место, где молились богам. Только раньше оно стояло наверху, а потом ушло под землю.

Он тоже шептал, как если бы боялся кого-то побеспокоить, кого-то, кто был тут до них, а теперь скрылся на время, потревоженный светом.

– Смотрите! – шепнул Макс и показал куда-то между стенами и плотным песчаным полом.

Внизу из каменной кладки выдавался вперед большой плоский камень с выемкой посередине.

– Тут, наверное, кто-то сидел, – заметил Рома. – На стул похоже.

– Ага, на стульчак, – фыркнул Женя. – Доисторический толчок.

Макс попытался сдержаться, не смог и громко хрюкнул от смеха. Следом захохотал Рома. Довольный удачной шуткой Женя скалил неровные крупные зубы. Молчаливая тьма, усмехнувшись, отступила, втянувшись в щели меж валунов.

– Тут еще один такой же! И еще!

Четыре камня выдавались из стен попарно, один напротив другого.

– Петрович, что это такое, знаешь?

Даниил пожал плечами.

– Наверное, тут и правда сидели во время обрядов. Может быть,

шаман и какие-то важные люди из племени, вождь, ну и еще кто-то.

– Это контур силы! – закричал Женя. – Как в «Героях и магах», если его замкнуть, то получится защитное поле!

Он поставил лампу на пол посередине и с размаху уселся на камень рядом с лестницей.

– Это мой!

– А я здесь!

Через минуту все сидели и таращились друг на друга. Освещенные голубоватым светом лица в полумраке были похожи на маски.

– А дальше что? – спросил Рома.

Женя пожал плечами:

– Откуда я знаю, это же не игра.

– Пацаны, тут еще что-то есть!

Между камнями, на которые сели Рома и Даниил, на уровне глаз выступал из стены плоский камень, образуя узкую полку.

– Наверное, для идолов, – догадался Даниил.

Он наморщил лоб, что-то прикинул в уме и сказал:

– Получается, что тут молились, обращаясь на север.

– В церквях же алтарь на востоке, разве нет?

Даниил снял очки, протер пальцами и снова водрузил себе на нос.

– Нет, здесь другая культура. Наверное, дело не в севере, а в том, что с той стороны море. Тут жило племя рыболовов, вот они и молились в сторону моря. Оно их кормило.

– Что, просто морю?

– Ну, какому-то божеству, связанному с морем. Женскому, скорее всего.

– Так этой, как ее... сисястой Мамочке и молились! – с торжеством провозгласил Женя.

Все снова засмеялись.

– А вот и она сама, кстати.

Даниил достал планшет, включил его, открыл фотографию неолитической Венеры и осторожно поставил планшет на каменную полку. Экран тускло светился, как портал в иной мир, а посередине его в сероватом свечении парило изображение древнего идола. Зрелище было жутковатым, будто увидел в зеркале позади себя то, чего там быть не должно. Снова стало тихо. Экран притягивал взгляд и гипнотизировал.

– А как ей молились? – тихо спросил Рома.

Даниил хотел ответить, что этого никто на самом деле не знает. Все, что написано о неолитических культурах, – это только догадки, основанные на предметах материальной культуры. Пытаться понять по ним, во что и

как верили тогда люди, – это все равно что пытаться, например, по окуркам составить психологический портрет человека. Но если ученые строят гипотезы, почему бы и ему не предположить?..

– Сначала шаман входил в транс, – начал он. – Иногда самостоятельно, иногда вдыхая дым или употребляя настойки из трав и грибов...

– У нас на Слободке этих шаманов – каждый первый, – заметил Макс, – от «миксов» в такой транс входят, что только держись.

Но сейчас слушать про Слободку было неинтересно.

– Еще часто использовали бубен или барабан, – медленно продолжал Даниил, – потому что звуки на определенных частотах и ритм входят в унисон с вибрациями и ритмом самого мироздания...

Он не знал, откуда ему сейчас приходили в голову такие мысли: чистая фантазия, импровизация на тему, которая увлекла его самого.

– Вот такой ритм? – Женя, раздувая толстые щеки, принялся издавать звуки, похожие на сердцебиение огромной лягушки – навык, неоднократно использовавшийся на скучных уроках. Макс подстроился в ритм и начал постукивать себя по ляжкам.

– Потом приступали к самой молитве. – Даниил не сводил глаз со светящегося экрана планшета. – Начинать следовало с прославления. Например, «Слава тебе, о великая Мать!».

– Дай нам тебя за жопу обнять! – мгновенно продолжил Женя.

На этот раз в голос захохотали все, даже Даниил. Он, правда, на мгновение испугался и скосил глаза на планшет: «А вдруг обидится?»

– Круто, Жека! Вот ты моришь!

– Отлично получается, давайте продолжать! – воскликнул Рома и заунывно пропел: – Слава тебе, о великая Мать! Дай нам тебя за жопу обнять!

– К сиськам твоим дружно мы припадем, – добавил Женя.

– Желаний любых исполнения ждем! – закончил Даниил.

Получилось действительно складно. Надо было закрепить: Женя снова принялся ухатать, как объятая похотью исполинская жаба, Макс барабанил по бедрам, а Рома с Даниилом выводили, завывая:

Слава тебе, о великая Мать!

Дай нам тебя за жопу обнять!

К сиськам твоим дружно мы припадем,

Желаний любых исполнения ждем!

Даниилу было, конечно, весело, но он ни на секунду не забывал об охране наверху, которая запросто могла услышать гомон этого диковатого подземного балагана, а еще о том, что время идет, а ему позарез необходимо вернуться к дому Макса до без четверти двенадцать. Нужно было как-то это прекращать.

– Ну все, все! – громко сказал он, перекрикивая хохот и пение. – Можно уже желания загадывать!

Все замолчали, тяжело дыша и глядя на Даниила.

– Какие желания?

– Любые, какая разница, – он махнул рукой и чуть не добавил: «Главное, побыстрее».

Друзья задумались. Даниил посмотрел на экран: в правом верхнем углу различались цифры «23.20».

– Ну вот, например, – с досадой начал он, – я не хочу завтра идти в бассейн.

Даниил простер руки к парящей в черной пустоте Венере и заголосил:

– Mamochka! Сделай так, чтобы я не ходил больше в бассейн! Понятно?

Рома кивнул, тоже протянул руки к планшету и сказал:

– Mamochka, отмени контрольную по математике в понедельник! Иначе мне жопа!

Женя подумал секунду-другую, пожал плечами и произнес:

– Mamochka, сделай так, чтобы я набил больше всех HP на штурме Замка Дракона в Warriors World.

– Чего? Такое вообще можно загадывать? – Рома посмотрел на Даниила.

Тот махнул рукой.

– Можно. Она богиня, поймет. Макс, твоя очередь, ты последний остался.

Макс наморщился и задумался. Никаких особых желаний в голову не приходило. Даниил подпрыгивал на камне замерзшим и онемевшим тощим задом.

– Макс, давай резче, а?

Тот набычился и изрек:

– Хочу завалить Комбата в спарринге!

Это было немногим понятнее, чем про HP и Замок Дракона, но для завершения игры годилось.

– Итак, именем великой Mamochki все да исполнится!

Даниил быстро снял с полки планшет, выключил его и виновато посмотрел на приятелей:

– Парни, если честно, то мне реально домой пора. Двинем обратно, ладно?

Они все-таки опоздали, хотя через Слободку неслись бегом так, как будто за ними погнались разом все ее кошмарные обитатели. Когда задыхающийся, перепачканный, раскрасневшийся Даниил прыгнул на заднее сиденье Range Rover, часы на приборной доске показывали 23.55. Андрей посмотрел в зеркало на сына шефа, ничего не спросил и сказал только:

– Не волнуйтесь, Даниил Петрович, за пять минут долетим.

Куртку Даниил кое-как успел почистить, но руки выглядели так, словно он лично раскопал ими могильник каменного века. Дверь, сонно щурясь и кутаясь в черный халат, открыла мама.

– Папа спит уже, – шепотом сообщила она, посмотрела на вымазанные в грязи ладони сына, черные пальцы с траурной каемкой вокруг ногтей и ахнула: – Сынок, где это ты так?!

Даниил начал было сочинять на ходу, что споткнулся на пороге у дома Макса, но мама только махнула устало рукой и отправила его умыться.

Спал Даниил в эту ночь крепко и без сновидений. Уже под утро, в мертвый час между тьмой и рассветом, пошел дождь. Резко усилившийся ветер зло швырял в потолочные окна мансарды крупные капли воды. Море заволновалось, раздраженно забило о берег белыми пенными гребнями на черных волнах; мертвые корабли у причалов ожили, зашевелились, со скрежетом стали тереться облезшими ржавыми бортами. По городу пронеслись сквозняки и тревожные сны. А за пределами горизонта в глубине темных вод что-то вздрогнуло несколько раз, будто ударили в большой барабан, отозвавшийся вязким и низким звуком.

Глава 4

Рабочие дни Карина любила. Ей вообще очень нравилась работа, и не только потому, что когда-то она сама выбрала профессию медсестры. На работе можно было не думать, освободиться от навязчивых мыслей, занимаясь лишь тем, что действительно важно, – своим делом. Это всегда срабатывало: и когда она стремилась убежать от воспоминаний о нескольких кошмарных годах в детском доме; и когда приходилось глушить в себе изматывающую, тоскливую жажду мести, не находящую выхода и каждую ночь клубившуюся черными снами; а когда она получила возможность свершить отмщение, ядовитыми каплями отмеряя страх и страдание уже забывшему ее обидчику, работа помогала не думать о том, на что пришлось пойти ради этой мести. Сейчас работа в психоневрологическом интернате избавляла от других мыслей: о ее нынешнем положении, о будущем, а главное – об Аркадии Леонидовиче, которого она даже в мыслях называла «А. Л.» просто потому, что не могла понять, кто он ей. Муж? Друг? От определения зависело столь многое, что проще было не думать, не беспокоиться, а вместо этого сосредоточиться на назначениях и хозяйственных нуждах. Да, при мыслях о своем странном спутнике Карина чувствовала нежное, волнительное тепло, но в этом присутствовала и тревога. И если сложно было самой определиться с ответом на вопрос: «Кто он для нее?», то уж вопрос: «Кто для него она?», и вовсе мог разрушить хрупкое душевное равновесие и непривычное для Карины ощущение покоя. В своей жизни она была сиротой при живой матери, жертвой малолетних насильников, мстительницей, убийцей, колдуньей, ведьмой, преступницей, но никогда не была той, кого любят, оберегают и ценят. Да, была еще и Валерия, но она погибла в огне, охватившем подвалы Виллы Боргезе, да и воспоминания о ее тепле и заботе связаны с такими эпизодами, о которых лучше забыть.

Как тут не любить работу.

Городской психоневрологический интернат – а проще, дом престарелых для тех, кто или остался один, или чьи близкие не захотели ухаживать за выживающими из ума стариками, – располагался в длинном деревянном двухэтажном здании, построенном еще в конце позапрошлого века на западной окраине Слободки. Кажется, это был дом кого-то из первых рыботорговцев, обосновавшихся в поселке Кривая Губа. От поселка остался только десяток просевших, черных, рассыпающихся от гнили и

ветра домов, а вот особняк еще скрипел и охал в ожидании неизбежного конца – совсем как его обитатели.

Карина, пригибаясь от сильного ветра, вцепившись в зонт одной рукой, а другой придерживая на голове платок, поднялась по широкой пологой лестнице вычурного деревянного крыльца с колоннами и античным фронтоном, на котором чернела надпись, следы давно отвалившихся букв: «*AMOR VINCIT MORTEM*». Любовь побеждает смерть. Еще увидев эту надпись впервые, Карина подумала, что из этих слов непонятно, кто кого побеждает. Возможно, этого точно не знал и тот, кто сделал надпись. По обе стороны от высоких двойных дверей ярко светили два круглых электрических плафона, как бельма, таращащиеся в дождливую темноту. Мокрые ступени чуть прогнулись под низкими каблуками черных туфель, с протяжной натугой открылась створка высокой двери, и Карина вошла внутрь.

Здесь пахло больницей и старостью сильнее, чем в обычных заведениях такого рода: ведь дерево лучше впитывает запахи, а еще – нелегкие мысли, одиночество и тоску. Карина расстегнула плащ, стряхнула зонт, с которого, как с большого кропила, сорвались на истоптанный пол капли небесной влаги, и посмотрелась в зеркало. Поправила черный локон, выпавший из строго стянутых в хвост на затылке волос, оправила бежевую блузку и поднялась на второй этаж.

Интернат был рассчитан на сто человек, но сейчас в нем жили – а точнее, уже доживали – только четыре десятка стариков в различной степени умственного расстройства, так что в комнатах, рассчитанных на четверых, размещалось по двое больных, а некоторые, кому еще позволяло здоровье, и вовсе жили отдельно. Медсестер было семь: четыре на первом этаже, где располагались тяжелые больные, уже полностью потерявшие связь с этим миром, и три – на втором. Еще было два санитаря, один из которых немногим отличался по уровню интеллекта от обитателей интерната, одна пожилая санитарка тетя Люся и четыре врача: персонал дома живых мертвецов, смотрители склепа для заживо погребенных, духи Чистилища, где еще томящиеся в смертных телах души ожидали повестки в рай или ад.

Карина переоделась, приняла смену, пробежала глазами журнал назначений и бросила взгляд на часы: 19.45. Она всегда предпочитала приходить на работу чуть раньше.

– Здравствуйте, Карина Максимовна! – поприветствовала ее тетя Люся, вперевалку ковыляющая по узкому коридору со шваброй и мятым ведром, источавшим едкую, кислую вонь.

– Добрый вечер, тетя Люся! – улыбнулась Карина и, как и всегда, удивилась тому, как это у нее здорово получается – улыбаться. – Как у нас сегодня, все ли в порядке?

– Вот, Тамару Николаевну из шестой комнаты стошнило, – тетя Люся качнула ведром. – А про вас Леокадия Адольфовна спрашивала, когда, мол, Карина придет, когда придет. Прямо любит она вас.

– Спасибо, обязательно к ней зайду, – снова улыбнулась Карина.

Тетя Люся тоже скривилась в улыбке, покачала пегой головой – волосы у нее были частью еще темные, частью седые и носили следы попыток окрасить их хной – и неспеша пошла дальше; под тяжелыми косолапыми ступнями жалобно скрипели половицы, позвякивало ведро. Карина еще раз посмотрела на часы: что ж, можно и зайти к Леокадии Адольфовне. Карина ее тоже любила.

Леокадия Адольфовна Успенская была из редких благообразных старушек, которые до конца своих дней носят туфли на каблук, пользуются макияжем и следят за внешним видом с той тщательностью, которой можно было бы поучиться многим из тех, кто годился им во внучки: юбка, блузка с бантом, розовый шейный платочек, кофточка или даже старомодный пиджак. Она вполне справлялась с делами личной гигиены и каждое утро спускалась на первый этаж, в душевую, где минут двадцать стояла под струями ледяной воды: с горячей тут то и дело случались перебои. В истории болезни Леокадии Адольфовны значился 1913 год рождения, что, несомненно, было ошибкой: не могло же ей быть сто лет? Карина думала, что кто-то, много лет назад, когда старушка поступила в интернат, перепутал местами две последние цифры. Комната ее располагалась в самом конце коридора и имела два окна, одно из которых выходило на верфи старого порта, а другое – на ангары и склады вокруг товарной железнодорожной станции. Не самый радостный вид, но Леокадию Адольфовну, похоже, он более чем устраивал. Вот и сейчас, когда Карина вошла в ее комнату, она чинно сидела на стульчике у окна и смотрела в промозглую тьму на яркие огни порта. Хотя кто знает: может быть, она думала, что смотрит на звезды. Болезнь Альцгеймера, хоть и в начальной стадии, проявлялась порой слишком явно. Леокадия Адольфовна называла Карину «моя милая девочка» и любила рассказывать ей удивительные истории из своей жизни, а может быть, тех жизней, которые она хотела бы прожить.

– Я была певицей, и очень, очень известной, – говорила она. – Как мне рукоплескали в зале Дворянского собрания в Петербурге! Сама Вера Панина называла меня своей преемницей, а Плевицкая завидовала черной

завистью, особенно за то, что Лёнечка Собинов увлекся мной, а не ею!

И пела «Утро туманное...» приятным, звучным контральто.

Карина подсчитывала в уме, вспоминала, что Панина умерла за два года до самой оптимистичной даты, указанной в качестве года рождения Леокадии Адольфовны, но слушала. Рассказывала Леокадия Адольфовна вдохновенно.

– Лично Бочкарева приняла меня в «батальон смерти»; о, как мы поднимались в атаку под Крево! Карина, милая моя девочка, что за женщины были в нашем отряде: красавицы, умницы, отважные, самоотверженные, знаешь, таких уже нет и не будет. Сняли таких людей с производства за ненужность. Но как мы шли, как атаковали в штыки! И знаешь, ведь они все, все погибли!

И плакала.

Карина потом спрашивала у А. Л. про женские батальоны: удивительно, но ни в именах, ни в фактах Леокадия Адольфовна ошибок не делала. В ее рассказах были искренность и достоверность любви, и Карина не обращала внимания на то, могло или нет происходить все это с ее странной приятельницей. Ей просто нравилось слушать.

– Добрый вечер, Леокадия Адольфовна! – поздоровалась она.

Старушка обернулась, радостно улыбнулась и сделала приглашающий жест.

– Карина, девочка моя милая, входи, входи! Я рада тебя видеть. А то сегодня что-то покоя мне нет, – и нахмурилась.

– Что-то случилось? Плохо себя чувствуете? – обеспокоилась Карина. Леокадия Адольфовна махнула рукой.

– Это все девчонки. Надоели мне, уже пару дней тут ошиваются, паршивки.

Карина почувствовала, как сжало сердце.

– Какие девчонки? – спросила она, не уверенная, что хочет слышать ответ.

– Да ходят тут две. Все просят: «Поиграй с нами, бабушка, поиграй с нами!» Как тебе это понравится? Одна еще ничего, горемычная, а вот другая – противная такая, настырная. Я их гоню, говорю: «Брысь, пойдите прочь, я не ваша бабушка!», а они уйдут – и снова возвращаются.

Карина молча присела на краешек кровати, аккуратно застеленной лянцалым одеялом.

– А когда они приходили последний раз? – осторожно спросила она.

– Да вчера. Думаю, это все из-за нее. – И Леокадия Адольфовна задумчиво посмотрела в окно. По черному стеклу расползались под ветром

водяные разводы, в которых преломлялись огни порта.

Наверное, кто-то мог бы списать все на галлюцинации бедной старушки, мозг которой сдавался под натиском неумолимой и неизлечимой болезни. Но не Карина.

– Из-за кого, Леокадия Адольфовна? Из-за кого все это?

Старушка смотрела в окно, куда-то на запад, за окраину города, и покачивала головой.

– Ее выпустили на свободу. Нельзя было этого делать. И она голодна, очень, очень голодна.

Леокадия Адольфовна повернулась, посмотрела на Карину и твердо сказала:

– И ты, деточка, не вздумай ее кормить.

Тусклая желтая лампочка под потолком мигнула и резко погасла, а вслед за ней исчезли во мраке огни порта и фонари у складов и ангаров.

На город опустилась тьма.

* * *

Штурм замка Золотого Дракона требовал основательной подготовки. Это не какая-нибудь охота на монстров и даже не отражение атаки на город: тут требуются точный расчет и слаженная командная работа. И с тем и с другим дела обстояли отлично, но замок пока оставался непокоренным: никакой выгоды, одни потери.

Женя никогда не принимал наркотиков и вовсе не увлекался алкоголем. Он даже не курил. Зачем все это, когда есть другие, куда более безопасные и сильные стимуляторы? В онлайн игры в «единице» мало кто играл, все предпочитали шутеры, гонки и файтинги на приставке или компьютере; ну, может, и было несколько новичков, время от времени поигрывающих в какие-то стратегии, но уж точно никого, кто мог бы сравниться с троллем J-Hammer 25-го уровня в «Линии огня», демоном MotherFucker 18-го уровня в Heaven&Hell, и самое главное – с великолепным орком Jack Ripper чистого 40-го апа в Warriors World – последний был предметом особой гордости Жени, его любимым персонажем, достигшим многого в своей недолгой виртуальной жизни: отдельный дом в городе, домашний грифон, два комплекта доспехов и жена, прекрасная эльфийка Андомиэль, звавшаяся в реальной жизни Галиной и проживавшая примерно в двух тысячах километрах от Северосумска, в далеком южном городке вместе с мужем и тремя детьми.

Сегодня Jack Ripper был готов к новой попытке покорить самый неприступный замок в игре. В комнате полумрак, экран монитора приглушенно светится пестрым, как окно, ведущее в глубины фантастически прекрасного мира; рядом на столе бутылка колы и большая тарелка с бутербродами. Вот они, прекрасные минуты предвкушения. Особенно приятно, что дома никого нет. Отец в принципе здесь редкий гость: «Старпом, сынок, – это такой человек на корабле, который почти никогда не сходит на берег». Вот он и не сходил, даже когда его СРЗК возвращался в Северосумск, разве что выкраивал день-другой, но сейчас отец был где-то далеко, за горизонтом, среди фьордов и шхер дальних морей. Мамы тоже не было дома. По субботам, если у нее нет дежурства, она уходит из дома вечером, а возвращается ночью, а чаще под утро. Женя не спит, хоть мама об этом не знает, но все равно заходит к нему, чтобы поцеловать, и он старается увернуться: от мамы пахнет сладковатым алкоголем и резкими мужскими духами, а губы у нее покрасневшие, припухлые и липкие. Обладателя мужского парфюма с резким запахом Женя готов был убить. Он чувствовал острую ревность, стыд за мать, обиду за отца, но понимал: такова жизнь, что поделать. Папа почти не появляется дома, но даже если бы и не так, он, прямо скажем, не роковой красавец с мягкой обложки женского романа: сорокалетний, высокий, но толстый, с большим круглым носом, одышкой, плохой кожей и жирными черными волосами. Маме тридцать шесть, но выглядит она на двадцать пять: яркая, стройная, с длинными вьющимися светлыми волосами и такими живыми, такими огненными глазами, что Женю бросало в жар, когда мама случайно попадала в него тем взглядом, который обычно предназначался другим. Ух. Сестра Инга явно пошла в мать: тоненькая, но фигуристая, блондинистая, длинноногая, вертялая, глазастая, в дни короткого северного лета не вылезавшая из шорт, больше похожих на трусы, и коротких топиков. Тоже ух. Сестра, как и Женя, училась в «единице», в выпускном классе, и входила в число девчонок, вдохновляющих старшеклассников на яростно-мечтательную мастурбацию. Сегодня она отправилась с подругами в «Селедку» – будут там пить коктейли, строить глазки командированным мужикам с «Созвездия» и врать, что уже исполнилось восемнадцать. Ну и отлично – никто не ворвется в комнату с какими-нибудь дурацкими разговорами в самый разгар боя.

Женя посмотрел в чат, потом на часы: до назначенного времени штурма оставалось еще минут десять, но что-то никто из его группы пока не появился. Впрочем, придут, никуда не денутся. Пропустить согласованный штурм замка Золотого Дракона – дело немыслимое. Все

товарищи Жени по игре были из Северосумска, но жили в других районах, кто на Тройке, кто в Заселье, кто на Рогатке. Их клан назывался Nordic Forces и включал в себя гнома Трампуса, гоблина DarkSide, двух людей – Гробокопателя и 123_Dirty Pervert_456, а еще эльфа Тимануила и тролля Дерибаса – трех школьников, девочку из текстильного техникума, прикидывающуюся мальчиком, машиниста тепловоза и тридцатипятилетнего программиста из «Лиги». Последним двум Женя немного завидовал: взрослые мужики, зарплата и все такое, могут покупать себе крутые доспехи и оружие за реальные деньги. Сам Женя такой возможности не имел, но зато он очень хорошо умел считать и продумывать стратегию боя: как увеличить силу, сколько очков поставить на магию, какие вещи лучше скомбинировать и какие магические свитки использовать. Его уважали. Он был мощным и авторитетным бойцом.

В ожидании группы Женя открыл еще одно окно браузера и быстро ввел адрес. На экране раскинулось яркое лоскутное одеяло порносайта, как фуршетный стол на любой вкус. Для полноценной, долгой, вдумчивой мастурбации времени нет, но немного взбодриться перед важным боем не помешает. Он не стал открывать все ссылки, просто быстро ввел в строке поиска «brother sister» и «tom & son» – и вот они, любимые сюжеты. Не выбирая, открыл в новых вкладках несколько роликов, оглянулся опасливо по привычке на закрытую дверь – он специально для таких случаев прикрутил на нее шпингалет – стянул штаны и положил руку на член. Из наушников понеслись шепот, стоны и крики. Дело вроде бы и пошло, даже мелькнула мысль, что можно успеть, но тут беспорядочные звуки коитуса перебил короткий писк: новое сообщение в чате игры. Женя быстро свернул порносайт: да, так и есть, соратники стали прибывать в город.

Ладно, потом. Если штурм пройдет успешно, можно будет отметить.

На часах было 19.45.

Замок Золотого Дракона состоял из пяти этажей, каждый из которых защищали полчища монстров, чем выше – тем сильнее и злее. Первый этаж они прошли без потерь и даже без использования лечебных свитков: драгены и фонги малых уровней не смогли нанести никакого урона. Женя шел вторым после Дерибаса по набитым НР и только сейчас вдруг вспомнил про Мамочку.

«Ну, сисястая, не подведи», – подумал он.

Nordic Forces ворвались на второй этаж. Тут, кроме монстров, был один черный дракон, так что пришлось потрудиться: не повезло DarkSide, которому пробили доспех и сняли едва ли не треть жизни, но остальные, навалившись, добили зловредного ящера и перешли на третий этаж.

Здесь начался настоящий бой. Визжали монстры, два черных дракона, кружа по каменным залам, изрыгали пламя и сокрушительно били хвостами с шипом на конце, стены крошились от магических рикошетов, протяжно звенели щиты, свистели стрелы, мечи врубались в плоть и черную чешую.

«Джек, я пропускаю, возьми третьего и пятого!»

«Дарк, жри свиток!»

«Дирти, прикрой!»

«Мочите раненого драка!»

Когда третий этаж был позади, у Жени по вискам струился пот. Он жадно отхлебнул колы, надкусил бутерброд, вытащил из сумки запасные лечебные свитки и приготовился. Их осталось пятеро: DarkSide и девочка-мальчик 123_Dirty Pervert_456 пали в неравном бою. Женя посмотрел на результаты: по-прежнему второй. Неплохо.

Он поднялся на четвертый этаж и остановился. Теперь надо было согласовать действия с остальными, но они почему-то молчали. Время шло. Игровой таймер отсчитывал обратное время в секундах: 456...455...454...

Что за черт?!

Он взглянул в чат и обомлел:

«Трампус покинул город».

«Гробокопатель покинул город».

«Тимануил покинул город».

«Дерибас покинул город».

Орк Jack Ripper стоял в одиночестве на четвертом этаже замка Золотого Дракона перед ордой монстров и парой красных ящеров.

Женя схватился за мобильный. Что-то пошло не так, но что?!

Трампус, он же учащийся шестого класса школы № 3 Степан Русь, ответил после второго гудка.

– Что за дела?!

– Брат, электричество отрубили во всем городе, посмотри в окно! Модем, роутер – ничего не пашет.

Женя выругался, выскочил из комнаты и побежал к окну маминой спальни, откуда обычно на другой стороне узкого залива была видна россыпь огней Северосумска. Сейчас на его месте была влажная тьма, и только фары машин медленно пробирались по невидимым во мраке улицам.

Женя метнулся обратно к компьютеру.

– Через мобильный войти можешь?

– Не тянет игру мобильный модем, брат, – печально ответил ему

Трампус. – А у тебя что, свет не выключили?

– Я в Городке. У нас же база военная, тут свои трансформаторы... или генераторы... хер знает. Мы от города не зависим.

– Ну прости, Джек. Дракону привет передавай, если что.

Женя положил мобильник. На таймере светились угрожающе красные цифры: 292... 291... 290...

Орк Jack Ripper поудобнее перехватил боевой молот и пошел на врага. Отчаяние и надежда придавали ему сил, так что даже когда последний красный дракон навис перепончатыми крыльями над ним, израненным и умирающим, у него хватило сил на последний удар – до того, как на экране боя появилась черная надпись: «Вы мертвы».

Женя откинулся в кресле и с силой ударил себя по колену – раз, другой, третий.

– Сука! Сука! Сука!

Он и в самом деле набил больше всех НР на штурме. Но замок устоял. А мертвым не выплачивают выигрыш.

* * *

– Наворовали!.. Вот морду какую отъел!.. Насосала, прошмандовка!.. Опять миллиардами воруют, а дороги сделать не могут!.. Хер тебе, обезьяна вонючая!.. Да он бухой все время, ты посмотри на него!..

Даже через две прикрытые двери, стены и коридор слышно было так, будто дед сидел у Ромы над ухом.

– Да на какие деньги, козлы драные?.. Давай, заливай, трендеть – не мешки ворочать!.. О, еще одна шалава вылезла!.. Ты бы, сука, на завод пошел работать, педрила!..

Дома проходил вечерний просмотр телевизионных программ. Рома сидел с ноутбуком на кухне, но прекрасно знал, что происходит в их с мамой комнате: дед восседает на диване с пультом от телевизора, время от времени переключает каналы и комментирует увиденное. Комментарии эти разнообразием не отличались. Согласно взглядам Сергея Сергеевича, весь мир состоял из воров, проституток и педиков, которые только и делают, что крадут деньги у таких простых тружеников, как он. Рома не понимал, как можно что-то украсть у человека, который в этой жизни ничего так и не заработал, но спорить не приходилось. Да и было рискованно. Вот и мама сидит сейчас на продавленном старом диване рядом с дедом и, наверное, пытается что-то читать.

– Вот бядина! – грянуло из комнаты как-то особенно громко. Кошка Татка, уютно расплывшаяся у него на коленях мягким горячим комком, встрепенулась и чуть выпустила когти, впившиеся в кожу сквозь тонкую ткань домашних штанов. Рома сморщился и прислушался: нет, это все-таки в телевизор, а не маме. Хотя бывало, что такие слова относились и к ней. Мама в ответ на это молчала – она всегда молчит. Просто потому, что ей некуда пойти. Раньше Рома думал, что мама рано или поздно встретит хорошего мужчину и они уедут из дедовой двухкомнатной квартиры в какой-нибудь новый дом. Правда, теперь он на это не рассчитывал. Его мама была некрасивой, Рома уже достаточно повзрослел, чтобы уметь это признавать: маленькая, пухлая, с редкими бесцветными волосами, курносый носом и круглым лицом, похожая на постаревшую хиппи. Она не умела нравиться мужчинам, а одевалась так, как одевается женщина, махнувшая рукой на уходящую молодость и будто бы старающаяся ускорить наступление старости: какие-то длинные юбки до пола, бесформенные кофты, блеклые старомодные блузки. Отца Рома не знал и никогда даже не слышал о нем. Сколько он себя помнил, они жили с дедом – желтоглазым, злым, с большими жесткими ладонями. Если бабушки обычно пахнут лежалыми вещами, сушеными травами и валерьянкой, то дедушка пах железом, машинным маслом и стоялой морской водой. Он работал на «Коммунаре», резал и разбираал на металлолом старые корабли. Его недолюбливали и побаивались все: и товарищи по работе, и соседи, предпочитавшие избегать с ним встречи, и даже кошка Татка, за несколько лет в совершенстве овладевшая типично кошачьим искусством бесследного исчезновения в квартире, чтобы не попадаться хозяину ни под горячую руку, ни под тяжелую ногу. Пока дед был на работе, дома можно было еще находиться, но потом он входил в дверь, дыша злобой и алкоголем, ел, смотрел телевизор – вот как сейчас – и уходил к себе в комнату спать, после чего в квартире должна была прекратиться всякая жизнь и всякие звуки. Так что заниматься своими делами получалось только на кухне, пока дед смотрел телевизор.

– Что она, что он, проститутка и пидор, ты глянь!..

Рома вздохнул, осторожно переложил на табурет недовольно дернувшую хвостом кошку, встал, долил кипятка в кружку с чаем и вернулся к прерванным занятиям. На экране чернел популярный шаблон картинок для социальной сети. Он поместил в центр изображение усатого вождя, найденное по запросу «Сталин уродливый страшный». Потом немного подумал и написал сверху: «За время правления расстреляно 14 385 728 человек. Погибло в лагерях 25 680 937 человек. Умерло от

голода...» Он задумался на минуту и написал: «35 654 789 человек». Получалось впечатляюще, а главное, чтобы цифры были неровные и казались точными, как будто полученными из архивов. Ниже фотографии приписал крупно: «А ты радуйся, что ему ставят памятники». Рома полюбовался результатом, сохранил изображение и взялся за другое. На этот раз в ход пошла фотография, которую выдал запрос «Сталин вождь красавец». Выше расположился текст: «За время правления построено 2 756 заводов и фабрик, 156 437 школ, 231 889 больниц. 95,7 % населения получили образование». И ниже: «А ты продолжай считать его тираном».

Недурно.

Рома пробежал глазами список заявок в заказе и взялся за другие картинки. Теперь он внес в строку поиска «жертвы бомбардировки дети». Нужно несколько картинок с разными подписями: заказчиками Ромы являлись два крупных сообщества в социальной сети, оппонирующие друг другу, и это было удобно – фотографии можно использовать одинаковые, а подписи делать разные. Правда, в случае с жертвами обстрелов нужен другой подход, нечто более эмоциональное. Например: «Так выглядит мирная политика такого-то» или «Политика такого-то: оплачено жизнями». Рома скопировал несколько фотографий, скользя рассеянным взглядом по длинным галереям изображений с растерзанными взрывами, расчлененными, окровавленными детскими телами. Потом внимательнее посмотрел отобранное и решил, что нужно оставить картинки, где видны лица убитых, хотя бы частично – так впечатление будет сильнее. В качестве подписей выбрал «Мирный план в действии» и лаконичное «Потерь нет». Клиентам должно понравиться.

– Говнюки, мать их!.. Довели страну!..

Рома взглянул на часы: 19.45. Через пятнадцать минут начнется новый выпуск новостей, а за ним, через час – еще один. Отлично, есть время поработать с комментариями.

Тут простора для фантазии было больше, а результат нагляднее. Он открыл несколько окон в браузере с разными страницами в социальной сети и проверил результаты вчерашнего комментирования. В трех ветках обсуждения страсти разгорелись как следует, дело дошло до мата и угроз. Взгляд выхватил несколько знакомых имен: этих ребят он знал, они тоже работали. С некоторыми Рома даже переписывался. Оплата за комментарии зависела от количества ответов, и если не удавалось хорошенько разозлить публику, они писали друг другу, накручивали результат.

В четвертой ветке выяснение отношений затихло, едва начавшись. Рома внимательно почитал, проанализировал ситуацию и быстро написал

три ответа с трех разных страниц.

«Откуда ты взялся, эксперт? Знаешь ли ты, что с 1613 года Россия в ходе захватнических войн уничтожила 453 этноса, в том числе в Средней Азии, в Закавказье и на Крайнем Севере? А на Камчатке более 45 000 представителей коренного населения в 1815 году по приказу царя были вывезены на баржах в море и расстреляны из пушек! Учи историю, школога!»

Кстати, какого царя? Надо бы добавить для достоверности. Рома снова развернул поисковый сайт и через минуту отредактировал: «...по личному приказу Николая I...» Да, так лучше. Теперь еще один комментарий от другого имени:

«Между прочим, из 1457 народностей, вошедших в состав России, НИ ОДНА не потеряла самостоятельности! А 1256 из них до вступления в Российскую империю не имели письменности и школ! Почитай материалы Центрального государственного архива и Архива академической библиотеки, а потом спорь! Хотя кто тебя пустит в архивы, малолетка!»

Последний был самым коротким:

«Петушила я твою маму трахал а твой папаша у меня отсасывал ахахх».

С точки зрения оживления дискуссии это казалось наиболее перспективным.

Рома открыл страницу с интернет-кошельком и проверил счет. Чуть меньше сорока тысяч за три месяца. 37 566, ага. Нужно быть точным. И за сегодня получится еще рублей 700 примерно. До покупки квартиры в Северосумске осталось всего-навсего 860 000. Это однокомнатная; двухкомнатная для них с мамой выйдет дороже. Если бы не было деда, он мог бы работать по ночам... Хотя если бы не было деда, не было бы и проблем. Или все равно были бы?

Наверняка.

Вот какие трудности в жизни, например, у Петровича? Да никаких. У него уже все есть и дальше все будет просто по факту рождения: любые телефоны, планшеты, деньги карманные, после школы – учеба в хорошем университете в Питере или в Москве, потом – работа в отцовской конторе или вообще где пожелает. Ну, девочки на него внимания не обращают, так это можно пережить; еще лет пять, а то и меньше, девчонки подрастут, сообразят про отцовские деньги, и отбоя от них не будет, не помешают ни оттопыренные уши, ни мелкий рост, ни костлявые руки. Или Жека Зотов – у него тоже все ровно в жизни. То, что батя у него редко дома бывает, так это даже хорошо, наверное: живешь себе с сестрой и мамой, сидишь в

своей комнате, играешь в игрушки. Никто не орет из-за стенки пьяным матом, не храпит так, что дрожат стекла, не нужно жаться на кухне, если хочешь просто спокойно посидеть в социальной сети или поработать, не нужно бояться кого-то разбудить ненароком и получить затрещину большой и тяжелой ладонью. С будущим тоже все более или менее понятно: не захочет сам куда-нибудь поступать – а Жека, скорее всего, не захочет, факультет игромании еще не придумали – так отец устроит в военное училище. Какой из Жеки военный – смешно и подумать, но главное, что варианты есть. Макс вообще не парится: занимается карате, зажимает каких-то телок у себя в Слободке; нет мыслей – нет печалей.

А что у него, Ромы? Одинокая мама-учительница и отсутствие перспектив. Нехватка денег ощущается уже сейчас; он сравнительно неплохо зарабатывал в Сети, но тратить заработанное на себя не хотел – нужно копить: на квартиру, на будущее, на учебу, да мало ли еще на что. Его-то никто не будет устраивать в университет или на работу. Платный вуз стоит дорого, поступить на бюджетный – трудно, разве что только в Михайловске, и то выбирать не придется, нужно будет идти куда возьмут. Жизнь впереди представлялась чередой сплошных проблем, для решения которых нужны были деньги, чем дальше, тем больше. К тому же пока непонятным оставалось и то, чем он хочет в перспективе заниматься. Учеба не то чтобы не давалась, но интереса не вызывала, по математике он балансировал на грани тройки и двойки, и грядущая контрольная в понедельник обещала изменить этот баланс не в его пользу; история или литература наводили тоску: никому не нужные факты, никчемные даты и цифры, непонятные переживания героев позапрошлого века, словно вытряхнутых из пыльных сундуков краеведческого музея. Хорошо было только с рисованием – сказывалась наследственность, мама в студенческие годы неплохо работала маслом. Рома картин не писал, зато отлично умел рисовать злодеев и монстров из игр или мультфильмов. Но разве этим можно заработать на жизнь? В последнее время, правда, его влекла журналистика; дело это, насколько он мог судить по публикациям в Интернете, было несложное: знай ври с три короба о чем-нибудь злободневном, пиши бранные комментарии по поводу политических событий и не забывай в конце указывать счет в банке и реквизиты для интернет-платежей. Правда, с доходностью такого занятия тоже предстояло еще разобраться.

Открылась дверь в комнату, в коридоре громко зазвучали жизнерадостные сообщения рекламного ролика: «Ученые нашей лаборатории создали этот крем специально для...» Тоже врут. По коридору

протопали шаги: дед воспользовался паузой, чтобы сходить в туалет. Наверняка сейчас заглянет на кухню. И точно: скрипнула дверь, и вот он, на пороге – высокий, худой, с костистым лицом, горбоносый, с жестким ежиком коротких седых волос над морщинистым лбом. Глядя на деда, Рома каждый раз как будто смотрелся в уродливое зеркало, показывающее его самого в старости – внешнестью он явно пошел не в маму и, видимо, не в не известного никому отца. Дед уставился на внука, несколько секунд смотрел ему прямо в глаза, произнес:

– Что, все сидишь? – потом что-то зло прошипел сквозь зубы и хлопнул дверью. Рома жалел, что у него нет наушников: сейчас бы они пригодились очень кстати, чтобы заглушить звуки, несущиеся из сортира, да и вообще, с ними как-то повеселее. Летом мать взяла микрокредит в магазине электроники и купила ему на день рождения шикарные дорогие наушники, но через две недели их отжали вместе со смартфоном залетные гопники из Слободки. Макс тогда попытался было вписаться за друга, но ему объяснили, что «вещь у братвы», а значит, ничего сделать уже нельзя. Маме пришлось сказать, что забыл наушники и телефон в автобусе; она долго утешала его, говорила, чтобы он не расстраивался, а потом сама полвечера плакала, закрывшись в ванной.

Рома вздохнул и стал сочинять сообщение для новой темы в обсуждениях – и в этот момент вдруг стало темно. Замолчал телевизор; погасла лампа под потолком, мигнули и исчезли огоньки на панели плиты и на микроволновке. Темнота настала сразу, всюду, ошеломила внезапностью и оглушила звенящей тишиной, только продолжал светиться экран ноутбука да журчала вода в трубах.

– Убью, сука!!! – от истошного вопля дрогнули стены, да так, что «писающий мальчик» на дверях туалета, наверное, и в самом деле сейчас обмочился. – Включи свет, гаденыш!!!

Татка, царапнув когтями по табуретке, метнулась стрелой и пропала во тьме. Рома вскочил, бросился к окну и понял, что свет в ближайшее время включить навряд ли удастся: в домах Тройки не было ни огонька, уличные фонари стали мертвыми, как сгоревшие спички; мрак и дождь опустили на беспомощный город.

* * *

Тренировка подошла к концу; последние двадцать минут до того, как все уйдут в раздевалку, отводились для спаррингов. Противники в парах

были, как правило, одни и те же, подобранные по возрасту, росту и силе, если только тренер Геннадий не решал вдруг поставить слабого с сильным, исходя из каких-то своих педагогических целей. У Макса тоже был постоянный спарринг-партнер, да такой, которого и врагу не пожелаешь. Так получилось, что своих сверстников, да и некоторых ребят постарше, Макс убирал в поединках за несколько ударов; в прошлом году дошло то того, что с ним просто отказывались становиться в пару или падали сразу, получив даже легкий тычок, во избежание более серьезных тумачков. Вот Геннадий и решил в начале этого учебного года назначить Максиму в противники Тимура Комбарова по кличке Комбат, долговязого пятнадцатилетнего парня, который тоже жил на Слободке. Отношения у них были в принципе нормальные, ровные, но в спаррингах Комбат земляка не щадил и гонял по татами, пока не сваливал с ног. После тренировок у Макса теперь всегда были отбиты предплечья, которыми он ставил блоки, и почти никогда не обходилось без синяка под глазом, разбитого носа или рассеченной губы. Комбат физически был вряд ли сильнее – как-никак Макс мог шесть раз выжать шестнадцатикилограммовую гирю, – но сказывалась разница в возрасте, росте, а еще в скорости: реакция у Комбата была как у кобры, а удары хлесткие, резкие, будто он бил не рукой, а хлыстом с металлическим наконечником. Макс раз за разом придумывал разные комбинации, пытался пробить и с дальней, и с ближней дистанции, но пока безуспешно.

– Ёииии! – звучно прокричал тренер.

Макс резко выдохнул и встал в стойку, топнув передней ногой в татами.

– Ну, давай, Максюта, удиви меня. – Комбат ухмыльнулся, в узких карих глазах запрыгали азартные огоньки – а может, это просто отразился свет ламп под высоким потолком зала. Он медленно, как в кино, выставил перед собой руки, присел в оборонительную позицию и даже согнул ладонь и поманил к себе Макса согнутыми пальцами – то ли Брюс Ли, то ли Нео в «Матрице».

– Хаджиме!

Противники тут же отскочили друг от друга, а потом, пружиня на носках, стали осторожно сближаться. Комбат ждал нападения: он обычно предпочитал контратаковать. Макс решил, как всегда, начать с лоу-кика, а когда Комбат отдернет ногу – а тот всегда успевал среагировать на такой удар, – попытаться продолжить движение и сделать подсечку. Он быстро шагнул, согнул правую ногу и быстрым, резким таранным толчком выбросил ее вперед.

В зале стало темно, будто на глаза надвинули черную плотную шапку. Пары остановились. Ослепленный неожиданной тьмой, Комбат замер, недоуменно моргая. Макс, наверное, тоже бы остановился, озираясь вокруг и хлопая глазами, как проснувшийся сыч, но движение уже пошло, и удар было не остановить. Через долю секунды он почувствовал, как его стопа с силой врезалась в уже выпрямленное колено Комбата, раздался отчетливый мокрый хруст, а потом тишину и мрак разорвал пронзительный крик боли и шум упавшего на татами тела.

* * *

– Удачной тренировки, Даниил Петрович! – сказал водитель Андрей и протянул Даниилу спортивную сумку, слишком большую для помещавшихся в ней плавательных трусов, полотенца, резиновой шапочки и пластиковых очков. Даниил что-то буркнул в ответ и поплелся к большим стеклянным дверям под широким бетонным навесом. Настроение было отвратительное.

Поход в бассейн представлял для него регулярное путешествие по кругам омерзительного ада, похуже, чем тот, что описывал Данте; во всяком случае, два раза в неделю Даниил думал, что охотнее смирился бы с серным дымом, раскаленными камнями и воплями грешников, чем с гадким запахом хлорки, холодом, противным звоном, которым отдавался тут любой звук, и колышущейся массой голубоватой неживой воды – как будто это и не вода вовсе, а какое-то искусственное химическое соединение.

Начиналось это мучение с общей душевой. Она была огромной, белой, с кафельными стенами и мокрым скользким полом, и все тут ходили совершенно голыми. Даниил очень стеснялся наготы, и своей, и чужой. Было что-то унижительное и противоестественное в том, чтобы догола раздеваться и разгуливать среди толпы таких же бесстыдно обнаженных людей, иногда даже касаясь их кожи плечами и бедрами. Причину его собственного стеснения можно было понять: очень тощий, с торчащими, будто недоразвившиеся крылья, лопатками, выпирающими ключицами, бледный, в россыпи бледно-рыжих веснушек на тонких плечах – не совсем то, что можно с гордостью выставить напоказ. Но Даниилу было еще и стыдно смотреть на других; куда ни бросишь взгляд – одни пенисы: мелкие и белесые мальчишеские, болтающиеся, как бойкие червячки, над голыми подобрившимися мошонками; темные, толстые, как сардельки, мужские,

торчащие из курчавых волос – они окружали его со всех сторон и притягивали взгляд, как и все отвратительное. Ему казалось, что все тоже тарашатся на его член, едва ли не единственный из всех лишенный крайней плоти, от чего стыд делался невыносимым. Даниил, старательно глядя в пол, мышью шмыгнул под душ в самом ближнем углу, наскоро ополоснулся и выскочил обратно в раздевалку, где торопливо натянул на себя красные плавки. Прохождение первого круга ада завершилось натягиванием резиновой шапочки и плавательных очков – неприятно, неудобно, нелепо, а еще мир вокруг сразу стал размытым, как смазанная акварель: свои очки, разумеется, пришлось снять, а на тех, что предназначались для плавания, не было диоптрий.

Огромный пятидесятиметровый бассейн встретил его многоголосым гулким эхом, отражавшимся от высокого потолка, стен и голубоватой воды. Даниилу сразу стало холодно, и он почувствовал, как кожа покрывается противными пупырышками и, возможно, синееет. Шесть из восьми дорожек были заняты; в воде поплавками покачивались головы в разноцветных шапочках, а некоторые и без них – величайшая несправедливость, когда тем, кто просто пришел сюда поплескаться для удовольствия, можно не надевать этот узкий, противный, похожий на презерватив головной убор, а тем, кто, как и Даниил, занимался тут с тренером, приходилось натягивать его на голову.

Его группа выстроилась в две шеренги у края бассейна. Тренер в красном спортивном костюме и с длинным красным же носом стоял сбоку у бортика, держа в руках металлический шест с резиновым наконечником. Предполагалось, что это спасательный инструмент, однако Даниил знал, что у длинной алюминиевой палки есть и другое назначение – толкать его в затылок, чтобы он опускал лицо в воду, как полагается делать в классическом кроле, в то время как Даниил предпочитал задирать голову над водой, как собака.

– Моя группа, по одному, с тумбочки, в воду – марш!

Еще одно испытание: почему-то нужно обязательно прыгать, а не сходить спокойно по ступенькам лестницы, что было гораздо удобнее, а еще позволяло не нахлебаться воды, когда плюхаешься с высоты в воду. Даниил, дрожа, забрался на тумбочку с энтузиазмом приговоренного к казни, лезущего на эшафот, согнул ноги, вытянул руки и, неловко оттолкнувшись, рухнул в бассейн, ударившись о поверхность воды грудью и животом.

Кажется, тренер крикнул ему что-то, даже наверняка, он всегда орал после исполнения Даниилом своего коронного прыжка, но сейчас на это

было наплевать – главное, побыстрее вынырнуть и вдохнуть воздух. Едкая вода залилась в ноздри, шумела в ушах, и Даниил, дыша ртом и отплевываясь, пытался вспомнить, что делать дальше. Чуть согнуть руку, развернуть корпус, погрузить ладонь, сделать гребок, опустить голову вниз... Даниил забил руками по воде, с трудом выпрямился и заработал ногами, стараясь повыше вытянуть шею.

– Лицо в воду! – гаркнул над головой тренер.

Даниил, помня про алюминиевый шест, поспешно окунулся, но при этом ноги его почему-то тоже ушли вниз, и вместо стильного погружения лица получился нелепый нырок. Снова защемило в носу и зашумело в ушах. Он вынырнул, выплюнул воняющую хлоркой мертвую воду и снова принялся грести – отчаянно, с выпученными глазами, как упавший в ванну кот.

– Лицо в воду!

Толстый резиновый набалдашник мягко, но сильно ткнулся в затылок, погрузив Даниила в воду как раз в момент очередного судорожного вдоха. Вода хлынула в носоглотку, и в глазах померк свет.

На какое-то мгновение Даниил подумал, что умирает: все, вот предсказуемый конец его мучений, он тонет, захлебнувшись на тренировке. От ужаса он забился и задержался так, что выскочил из-под воды едва ли по пояс, будто обезумевший кит.

Вокруг была тьма. Гигантские лампы погасли, и даже через большие окна под потолком не проникал свет городских фонарей или окон домов, только тусклое синеватое ночное свечение. Даниила окружали непроницаемый мрак, вода и ошеломительная тишина, как если бы он оказался один посреди океана – даже людей не было видно, только чуть слышно плескалась вода под растерянными гребками. Он завертел головой, но в следующий миг тишина взорвалась голосами: громкими, встревоженными, кто-то кого-то звал, где-то заплакал ребенок.

– Моя группа, из воды, быстро! – раздался откуда-то сверху голос тренера.

– Выходим, все выходим! – протяжно прокричала женщина на другом конце бассейна, тренер детей помладше.

Со стороны спасательной вышки прозвучал резкий свисток. В воде возникла мгновенная толчея: взрослые уверенно гребли по направлению к лестницам, дети металась, наталкиваясь друг на друга, пытались забраться наверх по скользким стенкам, хватались за канаты дорожек и друг за друга. Тренер с криками метался по бортику, тыча длинной палкой в воду; тех, кому удавалось уцепиться за спасительный шест, он вытягивал вверх,

довольно бесцеремонно хватая за руки, ноги и плавки. Глаза понемногу привыкли к темноте, Даниил заработал руками, пытаясь подплыть к тому месту бортика, где орудовал тренер, но почувствовал, что кто-то больно ударил его ногой по ноге, а потом чья-то пятка врезалась ему в живот, мгновенно выбив дыхание. Он бултыхнулся, дотянулся до разделительного каната дорожки и судорожно вцепился в него, пытаясь понять, что делать дальше. У сходней тем временем началась давка, послышались громкие крики, брань, а потом шумный всплеск от падения в воду тяжелого тела. Заголосила девчонка, ее крик подхватили другие. Отовсюду неслись визг, плач, шумный плеск и просьбы о помощи. Даниил как будто оказался в самом страшном из возможных кошмаров: он в воде, на глубине, кругом темнота и помочь ему некому. Он заставил себя отпустить канат и поплыл в дальний конец бассейна, где толкотня была меньше; впереди тускло отсвечивала металлическая лестница. Как ни плохо он плавал, но оставшиеся сорок метров мог осилить, в крайнем случае всегда можно было снова схватиться за канат. Даниил сделал несколько гребков и тут почувствовал, как вода тяжело всколыхнулась. Сначала он решил, что поверхность взбудоражена множеством в панике плывущих людей, но движение было другим, единым, мощным и слитным – и Даниил ощутил, как какая-то сила опускает его ноги и тянет под воду. Он дернулся, распластался по поверхности, но то, что было внизу, не отпускало, напротив, тянуло все сильнее и сильнее.

Снова раздался свисток спасателя – один, другой, третий, а за ними – громкий крик, в котором явно слышалась паника:

– Стоки открыты! Вода идет в трубы! Выходим, выходим, выходим!

Ответом был многоголосый вопль. Эхо носилось меж стенами и потолком, как стая перепуганных чаек. Даниил, которого тянуло на дно с неумолимой механической мощью, изо всех сил рванулся вперед. Так плавали, вероятно, первобытные люди, рыбаки неолита, упавшие с челнока в море и преследуемые морскими чудовищами: в этом плавании не было ни стилия, ни правил, а только дикое, животное желание выжить. Тренер, отчаянно таскавший наверх всех, до кого мог дотянуться, вряд ли оценил бы технику Даниила, но уж точно был бы впечатлен скоростью, с которой тот добрался до дальней лестницы; уже подплывая, уже протянув руки, чтобы схватиться за металлический поручень, Даниил бросил взгляд вниз, и ему показалось – нет, он точно увидел в толще прозрачной, как черное стекло, тревожно колышущейся воды маленькую, отчаянно размахивающую руками и ногами фигурку, прижатую к бледному дну. Через мгновение Даниил уже взялся за лестницу, одним рывком выбросил

себя из воды и помчался, шлепая босыми ногами в сторону выхода. Со всех сторон на него летели голые тела, большие и маленькие, блестела мокрая кожа и испуганные глаза, крики оглушали, а у самого выхода кто-то огромный, мокрый и волосатый, как вылезший из речки медведь, налетел на Даниила большим животом и отшвырнул к стенке. Даниил упал, больно стукнувшись головой, и тут же, споткнувшись о его вытянутую ногу, сверху повалилась какая-то истошно кричащая женщина, за ней девочка, кто-то еще и еще, пока через несколько секунд Даниил не почувствовал, что его тонкие ребра трещат и гнутся под копошащейся на нем живой массой. Он попытался вздохнуть и не смог.

Внезапно тела разметало в стороны, будто взрывом. Кто-то тяжело шлепнулся голой спиной о стену. Женщину, упавшую сверху, сорвало с места, подхватило и отшвырнуло куда-то. Водитель Андрей, запыхавшийся, в расстегнутом пальто, сбившемся галстуке и с фонариком в руке склонился над Даниилом. Костяшки пальцев, держащих фонарь, были почему-то содраны и кровоточили.

– Даниил Петрович! Живы?!

Даниил утвердительно пискнул. Андрей одним движением подхватил его с пола, положил на плечо и стал пробиваться вперед, сквозь хаос и тьму.

– Мальчик, – прошептал Даниил. – Там мальчик, на дне. Я его видел.

* * *

Способность наслаждаться тишиной и одиночеством – одно из самых благих умений, которые только может приобрести человек. Оно приходит только с опытом, и чаще всего с опытом горьким; это как лекарство, оплаченное пережитыми скорбями, потерями, совершенными ошибками; как эликсир мудрости, который трудно добыть, но, когда наполненная им чаша оказывается в израненных, дрожащих ладонях, когда иссушенные губы припадают к нему и ты делаешь первый глоток – приходит покой, а вместе с ним мудрость.

Аркадий Леонидович надеялся, что они пришли надолго, может быть, навсегда.

Он сидел за круглым столом в комнате и читал. Ровный уютный свет разливался в маленькой комнате с убогой, поношенной мебелью. Телевизор молчал. Ниоткуда не доносилось ни звука. Окно выходило на улицу, но прохожие за мокрым стеклом скользили бесшумно, как быстрые тени, а

машины были тут редкостью: улица Красных Матросов заканчивалась тупиком, а для большинства ее обитателей автомобиль являлся не средством передвижения, а самой что ни на есть роскошью.

Аркадий Леонидович сделал глоток горячего чая из большой кружки и прикрыл глаза. Тишина и одиночество. Когда человек хочет искоренить в себе что-то, или достичь какого-то результата, или избавиться от пагубного пристрастия, он должен себя ограничивать. Собственные ограничения Аркадий Леонидович соблюдал очень строго: никаких программ новостей по телевизору; ни в коем случае никакого Интернета; желательно – никаких газет. Все это помогало избежать раздражающего воздействия окружающей действительности, а он очень хорошо знал, к каким последствиям может привести такое раздражение. Не для того он покинул Санкт-Петербург, не для того начал новую жизнь в этом маленьком, холодном городе на берегу северного моря, чтобы опять сорваться или, что вообще немыслимо, снова взяться за старое. Его жизнь сейчас была нормальной: спокойная работа, разумный досуг, хорошая женщина – и он хотел, чтобы нормальной она оставалась и впредь. В отличие от Карины, его не беспокоило будущее, особенно в части их взаимоотношений: Аркадий Леонидович принял как должное, что они вместе, что она удивительным образом принимает определенный им образ жизни, что разделяет его интересы, принял ее заботу; принял любовь. Карина была частью этой новой, счастливой жизни, частью важной, неотъемлемой и естественной.

Все так, как должно быть.

Никаких дискуссий, никаких озлобленных споров, никаких попыток атаковать окружающий мир; ни борьбы с одному ему видимыми чудовищами, ни проповедей, ни охоты, ни дознаний, ни казней. Он даже книги для чтения выбирал с особенным тщанием и поначалу испытывал с этим некоторые затруднения: читать современных авторов было рискованно – его могли вывести из себя невежество, чудовищная, беспардонная профанация вечных ценностей, безликость или сознательно культивируемая бессмысленность. С классикой тоже следовало быть поосторожнее; он попробовал было перечитывать проверенную временем беллетристику прошлых веков, но и тут таилась опасность: чтение, например «Трех мушкетеров», мгновенно вызвало в памяти подробности той эпохи, когда на кострах в Бамберге жгли и правых, и виноватых, в то время как томные мушкетеры короля приносили чужие жизни в жертву сомнительному адюльтеру. Неплохо пошел Конан Дойль, но Аркадий Леонидович нехотая вспомнил, что тот увлекался спиритизмом, и рассказы о Шерлоке Холмсе сразу потеряли свое очарование. К счастью,

отличную идею подала Карина, когда попросила прочесть ей курс мировой литературы. Аркадий Леонидович исправно наведывался в местную библиотеку, брал нужные книги и перечитывал их так, как будто готовился к занятиям в университете, – это помогало видеть в тексте то лучшее, чем хотелось поделиться, и не замечать того, что могло бы задеть опасные струны в душе.

Это очень хорошая жизнь, напоминал он себе каждый день. Это нормально. Это правильно. А неправильно и ненормально похищать женщин при помощи электрошокера; пытаться их, разбивая молотком пальцы на ногах и ломая колени, добиваясь признания в ведьмовстве; неправильно и ненормально раздевать догола и искать на них отметину дьявола, а потом поливать бензином и поджигать, иногда заживо...

Не надо. Ни думать, ни вспоминать. Прошлое живо только до тех пор, пока мы не даем ему умереть.

Аркадий Леонидович покачал головой и снова сосредоточился на чтении. Как все-таки здорово, что Карине нравится западноевропейский эпос и что она с таким интересом слушает «Песнь о Нибелунгах». Он и сам перечитывал с удовольствием. Завтра воскресенье, Карина вернется со смены, отдохнет, а вечером они приступят к следующей авантюре про сватовство Гунтера к Брюнхильде.

Лампа под потолком погасла, словно кто-то нажал на выключатель. Аркадий Леонидович вздрогнул, как всегда вздрагивает человек, когда нарушается привычный порядок вещей: раздается из другой комнаты резкий звук, или кто-то осторожно стучит в дверь поздней ночью, или сам по себе включается телевизор. Или вот так неожиданно гаснет свет.

Черт, даже сердце забило сильнее и чаще.

Наверное, выбило пробки. Аркадий Леонидович встал, взял мобильный телефон и, подсвечивая себе путь синеватым, призрачным светом экрана, отправился в коридор к входной двери. Проходя мимо кухни, он взглянул в сторону окна: свет не горел и в соседних домах, а на улице погасли редкие фонари. Зрелище было жутковатым. Видимо, проблема не в пробках.

Тем не менее просто так сидеть и ждать неизвестно чего не хотелось. Даже если понимаешь, что проблема имеет масштаб района или целого города, все равно выйдешь на лестничную площадку, чтобы встретить соседей, так же светящих по сторонам фонариками или телефонами, и обменяться репликами: «У вас тоже света нет?» – «Нет, а у вас?» – «И у нас нет. Наверное, на подстанции что-то». Таков ритуал.

Аркадий Леонидович открыл дверь и отшатнулся. Он уже привык к

тому, что идиот из соседней квартиры стоит иногда в открытых дверях и смотрит в упор, но на темной лестнице лицо умственно отсталого парня со спутанными кудрявыми волосами и пустым взглядом, подсвеченное снизу электрическим фонариком, выглядело жутковато.

– Добрый вечер, – сказал Аркадий Леонидович, переведя дух.

Тот, как всегда, не ответил. Несколько секунд они смотрели друг на друга, потом парня втащили внутрь темной квартиры, в дверях мелькнули седые космы, быстрый злобный взгляд – и дверь с грохотом захлопнулась. Аркадий Леонидович покачал головой и сделал пару шагов на площадку. Откуда-то сверху донеслись лязганье замка, шаги, голоса, на грязных стенах парадной запрыгали лучи фонарей.

– Во всем доме, кажется!

– Да, и напротив!

Сверху спустился, шаркая домашними туфлями, немолодой мужчина в халате, подвязанном кушаком под объемным животом. Он остановился на верхней площадке и молчал, светя фонарем Аркадию Леонидовичу в глаза.

– Здравствуйте! У вас тоже света нет?

– Нет, – отозвался мужчина и вздохнул. – А у вас?

– И у нас нет. Наверное, на подстанции что-то.

– Да, наверное. – Мужчина еще раз вздохнул, повернулся и пошел вверх.

Аркадий Леонидович улыбнулся, вошел в квартиру и задвинул засов. И сразу же почувствовал, что там кто-то есть.

Он не один в темноте.

Это было не поддающееся рациональному объяснению, но совершенно отчетливое ощущение; по спине пробежал неприятный холод, волосы на руках поднялись дыбом, сердце сжалось. Из квартиры не доносилось ни звука, но Аркадий Леонидович точно знал: в этом мраке и тишине кто-то есть.

Он осторожно ступил вперед, выставив перед собой телефон. Синеватое свечение слабо рассеивало тьму. Маленькая квартира сразу стала похожа на огромный готический замок с привидениями: черные тени, призрачный свет, острые углы, стены и потолок скрыты тьмой и как будто исчезли. Аркадий Леонидович бесшумно вошел в кухню, оглянулся на коридор, а потом, медленно водя телефоном, внимательно осмотрелся: небольшой холодильник, раковина, над ней – сушилка с несколькими тарелками и чашками, плита, кухонный стол, подвесной шкафчик... Никого. Он подумал, пересилил себя и заглянул под стол, ожидая, что сейчас что-то ринется ему навстречу.

Пусто. Он разогнулся, и тут из комнаты послышался тихий звук, легкий, приглушенный смешок, словно кто-то сдерживал себя, чтобы не рассмеяться громче.

Желание выскочить из квартиры, из дома и побежать по улице куда глаза глядят было мгновенным и сильным. Аркадий Леонидович, ощущая тяжелый пульс во всем теле и шум в голове, тихо вышел в коридор и пошел к комнате.

«Сейчас оно выйдет навстречу», – подумал он.

Больше всего сейчас он хотел, чтобы на нем вновь оказались надеты защитные в мешочки святыни – ладан, соль, воск, освященные травы. Да и молоток бы не помешал.

В комнате никого не было. Спрятаться тут тоже было негде, разве что в платяном шкафу, но Аркадий Леонидович с мужеством отчаяния распахнул створки – ничего, кроме привычных вещей. Дверца шкафа чуть скрипнула, закрываясь, и в тот же миг в коридоре быстро простучали шаги, легкие, почти детские – кто-то стремительно пробежал к входной двери. Аркадий Леонидович, размахивая зажатым в потной руке телефоном, как мечом, бросился в коридор. Пусто. Только дверь почему-то была приоткрыта. Не рассуждая, не удивляясь, не пытаясь вспомнить, точно ли он задвинул засов, Аркадий Леонидович с силой рванул на себя ручку, лязгнув затвором, щелкнул замком – одним, а потом еще и вторым, нижним, которым они обычно не пользовались, и привалился к двери спиной. Рука с телефоном опустилась вниз, и в тусклом свете экрана Аркадий Леонидович увидел что-то темное на полу, какое-то пятно...

Он присел на корточки и посмотрел.

На полу, протянувшись цепочкой следов, лежала комковатая, твердая грязь, похожая на мерзлую землю, и несколько подгнивших, высохших листьев.

20 сентября 20... г., воскресенье.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info)

Происшествия

«Вчера, 19 сентября, в субботу, около 20.00 на Северосумской ТЭЦ произошла авария, которая привела к массовому отключению электроэнергии. Полностью обесточенными оказались районы Рогатка, Заселье, Слободка, Тройка. В домах и на предприятиях погас свет, прекратилась подача холодной и горячей воды. Вследствие аварии

остановилась работа вечерних смен на заводах «Созвездие», «Коммунар», в подразделениях транспортной компании «Лига» и других частных и общественных организациях. Городские больницы были срочно переведены на вспомогательные источники питания, что помогло избежать тяжелых последствий для здоровья пациентов. Подача электроэнергии сохранилась только в Городке, снабжение электричеством которого осуществляется с помощью независимых источников питания.

По имеющейся у нас информации, причиной аварии стало проведение работ на ОРУ (открытом распределительном устройстве), во время которых один из работников станции случайно уронил лестницу и произошло короткое замыкание. Защита по не известной пока причине не сработала, в результате чего полностью разрушилась одна из старых турбин, работавшая уже более полувека. Осколки попали в кабельную и водородную трассы. Возник пожар. Практически все кабельные трассы вышли из строя. Никто из сотрудников ТЭЦ не пострадал. Электроснабжение города было восстановлено только к утру воскресенья».

«Трагический инцидент произошел вечером в плавательном бассейне «Океан» во время отключения электроэнергии. В этот момент в самом бассейне и на территории спортивного комплекса находилось около 120 человек. Вследствие сбоя в электрической сети, осуществляющей управление системами обеспечения, открылись стоки коллекторов, и вода под большим давлением стала уходить из чаши бассейна. Мощным исходящим потоком к отверстию стока затянуло восьмилетнего Алексея П., занимавшегося плаванием в составе организованной группы. Темнота и возникшая паника помешали тренеру и спасателям заметить исчезновение ребенка и оперативно на него отреагировать, вследствие чего мальчик не смог самостоятельно выбраться из бассейна и погиб. По нашим данным, он являлся сыном преподавательницы математики школы № 1. Получить какие-либо комментарии от родителей погибшего ребенка не удалось.

Кроме того, в давке при выходе из спортивного комплекса пострадало не менее 15 человек, двое из них были госпитализированы с травмами различной степени тяжести».

Криминальные новости

«Поздним вечером субботы 19 сентября, воспользовавшись отсутствием света и отключением тревожной сигнализации, несколько

неизвестных злоумышленников совершили ограбление супермаркета «В двух шагах» на улице Передовиков в районе Слободка. По словам продавцов и охранников, не менее семи-восьми человек ворвались в магазин, вооруженные битами и арматурой. Они нанесли телесные повреждения одному из охранников, кассиру и двум продавцам, после чего похитили денежные средства из трех кассовых аппаратов, а также продукты питания и алкогольные напитки на неустановленную сумму. Кассир супермаркета Альбигоева Г. З., оказавшая упорное сопротивление грабителям, доставлена в больницу с множественными переломами и открытой черепно-мозговой травмой. Врачи оценивают ее состояние как критическое».

Новости культуры

«Большое интервью областному телевизионному каналу «Наш Регион» дала руководитель общества сохранения духовных традиций «Северная Веда» Кларисса Львова. В ходе получасовой беседы с корреспондентом канала она рассказала о том, какое огромное значение имеет недавняя археологическая находка, сделанная на месте бывшей строительной площадки складского комплекса ЗАО «Лига». Госпожа Львова особенно подчеркнула важность этого открытия не только для Северосумска, но и для страны, а также для мира в целом. «Древнее святилище эпохи неолита – это настоящее место силы, где зарождались традиции и верования, составляющие основу современной духовности. Мы имеем уникальную возможность прикоснуться к своим корням, подключиться к мистическим энергиям, питавшим человечество задолго до возникновения так называемых официальных религий». Кроме того, госпожа Львова высказала опасение, что бывшие владельцы земли, на которой находится столь важный культурно-исторический объект, могут умышленно повредить святилище или попытаться обойти запрет на строительство, наложенный в рамках действующего законодательства, и продолжить возведение «бездушных железных ангаров, попирая своей жаждой наживы наследие наших предков». Также лидер «Северной Веды» обратилась через телевидение с требованием открыть доступ к святилищу для поклонения и совершения в нем обрядов согласно «освященным веками традициям».

С полным текстом интервью Клариссы Львовой можно ознакомиться по ссылке: www.severosumsk.info/news/interview/klarissa_lvova_nash_region».

Глава 5

Грудь у Скворцовой были, конечно, выдающиеся и совершенно возмутительные: огромные, налитые молодой упругой силой, торчащие чуть в стороны и вперед – их даже приподнимать не нужно никаким push-up'ом, сами держатся. Сквозь туго натянувшуюся тонкую цветастую кофточку отчетливо проступала кружевная ткань лифчика и нагло выпирали крупные соски. Не грудь, а сиськи какие-то, прости господи.

Светлана Николаевна Крупская оторвала взгляд от бюста Скворцовой и с усталой укоризной взглянула ей в глаза: большие, карие, томные, с бесстыжей поволокой.

– Лиля, – сказала Светлана Николаевна, – ты же понимаешь, что, кроме меня, тебе это никто не скажет. И ты так и будешь думать, что главное в жизни – это вывесить свои тела на всеобщее обозрение.

Скворцова усмехнулась краешком ярких губ, вздохнула и подкатила глаза под густо накрашенные веки с неприлично длинными ресницами.

«Ну вот проблядь же, – раздраженно подумала Светлана Николаевна. – Это ей еще шестнадцать. А дальше что будет?»

Откровенно говоря, будущее Лили Скворцовой Светлану Николаевну не волновало ни в малейшей степени. Она и так знала, как сложится у той дальнейшая жизнь: окончит школу, лет в восемнадцать «по залету» выскочит замуж за какого-нибудь водителя или кладовщика, нарожает, растолстеет, перестанет за собой следить и годам к двадцати пяти превратится в жирную рыжую бабищу, склочную и, что скорее всего, еще и пьющую. Если уж плебейство в крови, так оно ни к чему иному привести и не может – а Крупская считала себя авторитетным экспертом в части определения, кто плебей, а кто может рассчитывать на присоединение к духовной и интеллектуальной элите общества, к каковой, без сомнения, принадлежала она сама. На вызывающую и вульгарную внешность этой девицы Светлане Николаевне тоже было бы наплевать, если бы не одно обстоятельство: в подобном виде та имела наглость расхаживать по ее, Крупской, школе, что являлось совершенно недопустимым.

Моя школа – мои правила.

Формально директором «единицы» была Екатерина Ивановна Капитанова, женщина почтенная, пожилая, отличник народного образования, приобретающая за десятилетия руководства учебным заведением пугливую осторожность, готовность к любым компромиссам и

характерную учительскую беспринципность: неудивительно, если учесть, что за время ее трудовой деятельности директивные идеологические установки менялись несколько раз на диаметрально противоположные – не успеешь убедить саму себя в том, что белогвардейцы не враги трудового народа, а герои, доблестно умиравшие за Россию в борьбе с варварами-коммунистами, как раз – ветер снова переменялся, и приходится критиковать белое движение за близорукость и предательство, попутно смягчая, как только можно, рассказы о большевистском терроре и сталинских репрессиях. От всего этого здоровье Екатерины Ивановны год от года слабело все больше и больше, так что в школе она появлялась, только когда требовалось исполнение представительских функций, а реальное руководство взяла на себя заведующая по учебно-воспитательной работе Светлана Николаевна Крупская. Собственно учебная работа была ей, правда, неинтересна, а вот воспитательная – о, к ней она чувствовала настоящее призвание. Все – и преподаватели, и ученики – знали, что избежать бесед с пристрастием по поводу морального облика, манеры вести себя или одеваться можно только принятием догмата о нравственной непогрешимости Крупской, мирным согласием с ее мнением и покорным выполнением требований. Судьба несогласных была незавидной. «Ее нельзя судить строго, она бедная, больная женщина, – говорила Светлана Николаевна о строптивой молодой учительнице химии и биологии. – Знаете, у нее ведь адипозо-генитальный синдром: нимфомания, постоянное сексуальное возбуждение, неразборчивость в половых связях. Кажется, недавно она даже лечилась от чего-то такого... нехорошего». Несчастной преподавательнице чудом удалось избежать после этого развода с мужем, хотя трещину в семейной жизни пришлось латать еще долго, но из школы она была вынуждена уйти, более того – даже из Северосумска уехать. Город-то маленький. Уволившись весной учительница истории, имевшая неосторожность заступиться за нескольких девочек из девятого класса, где была руководительницей, отделалась легче: получила только слухи о нетрадиционных сексуальных наклонностях, что по нынешним временам не так страшно, и о том, что регулярно посещает лесбийские вечеринки в Михайловске. Из города уезжать не пришлось, но школу она сочла за благо сменить, не дожидаясь окончания учебного года.

С учениками было одновременно и проще, и сложнее. С одной стороны, легко было вызывать восхищение, пребывая в образе носительницы истинных ценностей русской интеллигенции: сиди себе на уроке в кресле, закинув ногу за ногу, и многозначительным тоном вещай о духовности в творчестве Тургенева и Гончарова. Умные мальчишки и

чувствительные девочки внимали и трепетали. С другой – невозможно было применить к строптивым по-настоящему жесткое психологическое воздействие, и следовало выбирать выражения: все дети тут были из приличных семей, и ответ мог последовать неприятный. Приходилось сдерживаться. Папа Лили Скворцовой, например, был начальником уголовного розыска Северосумска. Так что как ни хотелось Светлане Николаевне поинтересоваться: «Что, не все еще стенки в подворотнях спиной обтерла?», нужно было выбрать другие слова. Она еще раз глубоко вздохнула, обозначая глубокую скорбь, и сказала:

– Я уверена, ты не хочешь, чтобы тебя оценивали только по внешнему виду. Может быть, это твой богатый внутренний мир так выпирает из-под кофты, я не знаю, но выглядит он как демонстративно выставленные...

«Сиськи. Бесстыжее вымя».

– ...Грудь, – справилась с собой Крупская.

Скворцова перекатила во рту жевательную резинку, посмотрела на Крупскую и сказала скучающим голосом:

– Я нормально одета, Светлана Николаевна, никаких вырезов, ничего открытого, как вы и говорили. И у меня богатый внутренний мир. Можно идти?

Хитрая рыжая девка действительно перестала надевать расстегнутые едва ли не до пупа тесные рубашки после того, как Крупская сделала ей замечание в прошлый раз, но зато втиснулась в кофту, которую носила, наверное, в первом классе, и в узкую юбку, едва не лопавшуюся на бедрах и круглой заднице.

– Ты могла бы носить что-то более свободное. – Крупская откинулась в кресле, давая оценить собственный стиль одежды. – Что-то достойное приличной девушки, а не...

«Малолетней потаскухи. Сучки в течке».

Слов не нашлось, так что Крупская просто оставила фразу незаконченной, вопросительно глядя на Скворцову.

– Как вы одеваться, да? – ехидно осведомилась та.

Светлана Николаевна и сама была женщиной с формами, только ее формам было уже почти сорок лет, и за это время они закономерным образом потяжелели, пообмякли и пообвисли, так что приходилось драпировать их просторным и длинным.

– Спасибо, мне пока не нужно такое носить.

Крупская почувствовала, как ярость красной волной накатывает на глаза. В сгустившейся тишине загрохотал оглушительной трелью школьный звонок.

– Мне на урок пора, Светлана Николаевна, – сообщила Скворцова.

Та устало махнула рукой, как человек, сознающий невозможность в одиночку противостоять порокам мира.

– Иди. Но я не знаю, как с такими нравственными установками ты хочешь иметь по русской литературе четверку, на которую претендуешь.

Лиля пожалала полными плечами и вышла из кабинета, крутанув на прощание задницей.

– Сука, – выдохнула Светлана Николаевна, когда дверь за девочкой закрылась. – Дрянь. Все настроение испортила.

На столе зазвонил местный телефон.

– Да, слушаю!

– Светлана Николаевна, это Лапкович, – зазвучал в трубке женский голос. – У седьмого класса будет замещение на последнем уроке или можно их домой отпускать?

Крупская поморщилась. За важными воспитательными занятиями она совсем забыла о преподавательнице математики, которая слегла в больницу после гибели сына в субботу. Досадное происшествие пробило серьезную брешь в расписании, и закрывать ее приходилось с трудом: других математиков в школе не было. Светлана Николаевна потянулась к графику работы учителей, пробежала его взглядом и ответила:

– Да, я историю поставлю шестым уроком. Кстати, Аркадий Леонидович в учительской? Скажите, чтобы зашел ко мне.

Причинно-следственные связи порой бывают причудливы, особенно в том, что касается внутренней мотивации, мыслей и чувств. Крупская и сама бы себе не призналась, что грудастая Лиля Скворцова так раздражает ее не в последнюю очередь потому, что в школе появился преподаватель истории Аркадий Леонидович Майзель.

Мужчина в школе вообще редкость. В «единице», например, до начала этого учебного года единственным представителем сильного пола являлся учитель физкультуры, бывший мичман военно-морского флота: лет семидесяти с небольшим, краснолицый, седой, без трех пальцев на одной руке и ростом на полголовы ниже Крупской – а она уж точно не из долговязых моделей. И тут такое явление: из Петербурга, преподаватель университета, кандидат наук. Разумеется, Крупская ответила восторженным и быстрым согласием на его вопрос о работе, едва взглянув на документы, но даже и без научной степени и преподавательского опыта – черт, даже без диплома о высшем образовании! – она бы приняла его к себе в школу без раздумий. Аркадий Леонидович был настоящим мужчиной, высоким, сильным, спокойным, с фактурной внешностью,

брутальности которой придавала бритая налысо голова, – при взгляде на него кончики пальцев у Крупской холодели, а внизу живота разливался влажный жар. То, что он жил с какой-то там девицей, Светлану Николаевну несколько не смущало. Она видела их вместе пару раз в городе, летом: ничего особенного, маленькая, темненькая, носатенькая, висела на руке у Аркадия Леонидовича, как девочка, вышедшая на прогулку с отцом. О том, что она может конкурировать с обаянием и харизмой настоящей женщины, к тому же умной, тонкой и образованной, и речи не шло. На два летних месяца Светлана Николаевна выпустила нового историка из виду, но с сентября взялась за дело. Для начала она провела профилактику возможной конкуренции: Светлана Николаевна была уверена, что не только ее бросает при виде Аркадия Леонидовича в жар и в холод. Она специально то и дело останавливала его посреди коридора, подолгу беседуя на виду у всех и нарочито громко смеясь; как бы в шутку, по-дружески, брала под руку, когда вместе с ним шла в столовую, часто приглашала к себе в кабинет, а в разговорах с такими же одиночками, как и сама Крупская, коллегами, то и дело вставляла «мы с Аркадием обсуждали...», «мы с Аркадием говорили о...», «мы с Аркадием собираемся...», чтобы ни у кого не оставалось сомнений – она с историком – это «мы». И пусть только кто сунется. В итоге другие учителя предпочитали здороваться с Аркадием Леонидовичем издали и не подходить на расстояние вытянутой руки. Сама же Светлана Николаевна, напротив, расстояния как могла сокращала, игнорируя всякие представления о личном пространстве: при каждом удобном случае касалась историка то грудью, то бедром, будто невзначай, увлекшись беседой, брала за руку, клала ладонь на плечо – пока, впрочем, безрезультатно. Это ее не огорчало, напротив, только укрепляло в решимости и в осознании верности выбора: настоящий мужчина не станет при первых же знаках внимания хватать за задницу и тащить в темный угол; за него нужно побороться. Вот она и боролась.

Естественно, что при таком положении дел раньше времени созревшая Лиля Скворцова бесила особенно сильно. Да, кроме нее в школе было немало смазливых девчонок – старшая Зотова, например, со своими подружками – но все они были тонконогими вертихвостками, привлекательными разве что для своих сверстников да для заезжих педофилов, а не для взрослых, нормальных мужчин. А в Скворцовой было что-то такое, что нравится именно мужикам, и терпеть это было нельзя. Мало ли что, в самом деле. Выставит свои бессовестные сиськи, тряхнет рыжими волосами, стрельнет карим, чуть скошенным глазом – и испортит Крупской игру. Ну да ладно, придумается что-нибудь. Можно, например,

вызвать папу и сказать, что школьный охранник жалуется на домогательства. Или еще лучше: поссорить с дочкой мэра, старшей Гловой из одиннадцатого класса. «Ирочка, а какие у тебя отношения с Лилей Скворцовой? Хорошие? Так странно, я вот тоже думала, что вы дружите, а она про тебя сказала, что...» И пусть разбираются. А еще можно было бы...

В дверь постучали. Крупская быстро одернула блузку, расстегнула на ней пару пуговиц, чуть приподняла длинную юбку, поправила легкий цикломеновый шарфик на шее и нежно пропела:

– Войдите!

– Добрый день, Светлана.

Какой все-таки мужик красивый: в костюме всегда, широкоплечий такой – в маленьком кабинете даже как будто стало темнее, уютнее и теплей.

– Аркадий, привет! – Крупская улыбнулась самой обаятельной из своих улыбок. – Садись. Ты же не спешишь никуда?

Историк покачал головой и присел на скрипнувший стул.

– Слушай, мы теперь без математика остались...

– Да. Жуткая история. Очень жаль мальчишку.

Светлана Николаевна изобразила на лице сочувствие.

– Ужас, просто ужас. Я весь день себе места не нахожу, такое несчастье, такая беда...

Она скосила глаза: Аркадий Леонидович молча смотрел на нее, ожидая продолжения разговора.

– Так вот, – сказала она, быстро закончив скорбеть, – сможешь сегодня заместить математику у седьмого класса? У тебя как раз нет шестого урока, а мне поставить некого.

– Да, без проблем, – согласился историк.

– Вот и отлично! – обрадовалась Светлана Николаевна. – Если ты не против, я вообще все твои «окна» закрою заменами, ладно? Пока нового математика не найдем. Там общее количество часов еще на половину ставки наберется.

– Спасибо, это будет очень кстати.

Аркадий Леонидович сдержанно улыбнулся.

– Слушай, вот что еще хотела с тобой обсудить, – Крупская чуть понизила голос и как можно грациознее нагнулась вперед, демонстрируя мятую складку между грудями. – В Михайловске в конце этой недели будет двухдневный семинар для преподавателей истории и литературы, называется «Современные духовные основы обучения гуманитарным

наукам». Мне кажется, очень интересно. Я точно поеду, но есть еще одно место. Проезд, гостиницу, питание двухразовое оплачивает Комитет по образованию. Хочешь со мной?..

Историк задумался.

– А когда именно этот семинар?

– В субботу и воскресенье, курс выходного дня. Я знаю, у тебя уроки в субботу, но я придумаю что-нибудь, как-то компенсирую... так как?

– Мне надо с Кариной посоветоваться, – ответил Аркадий Леонидович. Крупская сделала удивленные глаза.

– С Кариной? А, это девочка, с которой ты живешь... не сообразила сразу.

– Моя подруга, – твердо сказал Аркадий Леонидович.

Светлана Николаевна прекрасно знала, что историк не женат официально – изучила его паспорт при оформлении. Но сейчас специально изобразила забывчивость и назвала Карину «девочкой» – было очень важно, как ее назовет сам Аркадий. Мог бы и «жена» сказать, мало ли, что не расписаны. Но сказал «подруга». Неплохой знак.

– А тебе нужно у нее разрешение спрашивать? – продолжала удивляться Крупская.

Ответом был твердый, прямой взгляд. Светлана Николаевна прикусила язык. Кажется, перегнула немного.

– Нет, не нужно. Но Карина работает сменами, мы не так часто бываем вместе. И если в субботу у нее выходной, то я предпочел бы провести этот день в кругу семьи.

Он встал.

– Света, я пойду: мне нужно к уроку у седьмого класса готовиться, я его не планировал сегодня.

Крупская изобразила улыбку, понимая, что та получается довольно кислой, и как можно бодрее ответила:

– Да, конечно, иди! А про семинар подумай, это может быть очень интересно!

Последние слова прозвучали уже в закрытую дверь.

* * *

– Ну, что будем делать, пацаны? – спросил Рома.

Все молчали. Вопрос этот – «что делать?» – два дня не выходил у всех четверых из головы, но ответа на него не находилось. А еще им было

страшно. То, что их высказанные в шутку желания исполнились, то, что смеха ради проведенный обряд сработал, было само по себе жутковато. Но по-настоящему страшным было то, как это сработало. В способе исполнения желаний чувствовалась какая-то свирепая, избыточная сила, одним махом погрузившая город во тьму, походя убившая ребенка и искалечившая, прямо или косвенно, несколько человек. Так ответ на вопрос «что теперь с этим делать?» был вовсе не очевиден.

Утром в понедельник, придя в школу, они едва поздоровались. На лбу у Даниила красовался огромный кровоподтек, у Макса под глазом расплылся синяк. Женя все время дергался и постоянно облизывал губы. Рома был внешне спокоен, но казалось, что все мышцы его находятся в напряжении, спина неестественно выпрямлена, а когда он слышал – постоянно слышал – возбужденные, взволнованные разговоры о погибшем сыне учительницы математики, то опускал глаза и стискивал зубы. «Ты как?» – «Нормально, а ты?» – «Тоже». – «Соберемся?» – «Да, после уроков».

Даниила пришлось подождать: понедельник был первым днем подготовки команды для олимпиады по истории, в которую он так опрометчиво записался на прошлой неделе. Вообще-то, в его планы входило вежливо отказаться от участия, но в свете последних событий Даниил решил на дополнительные занятия все же сходить. Заодно, может быть, и спросить кое-что у историка, коль скоро сам заявил своим интересом тему неолита.

Было действительно интересно. Аркадий Леонидович понравился ему еще больше: рассказывал увлекательно, даже смешно иногда, так что Даниил забыл на какое-то время о том вопросе, для решения которого ждали его друзья. И с девчонками получилось общаться как-то совсем иначе, чем раньше: смотрели они на него с интересом, слушали, когда он говорил, сами говорили разумные вещи – в общем, вели себя, как взрослые девушки, а не шептались, глупо хихикая и кривляясь. Но надолго забыть о другом, более важном деле не удалось.

– Итак, Даниил, что именно вас интересует в культуре неолита? О чем будете писать реферат?

– Меня интересует религия, – немного замямвшись, ответил он. – Ну, обряды там всякие... Культы.

– Культы, – задумчиво повторил Аркадий Леонидович. – Что ж, давайте я кое-что расскажу вам в общих чертах, а подробности вы попытаете найти самостоятельно. Главное, что вам нужно понять: «культ» и «культура» не зря являются словами однокоренными; каков культ – такова

и основанная на нем культура, но порой верно и обратное – уровень развития культуры определяет характер культа. Это похоже на то, как личность человека влияет на его судьбу: все ошибки или, наоборот, верные решения, все вызванные ими драматические повороты в жизни, успехи или неудачи определяются особенностями личности человека – той самой личности, которая формируется культурой, основанной на каком-либо культе...

Даниил слушал очень внимательно.

Парни сидели рядом на деревянной скамейке у кабинета истории и молча ждали. Когда Даниил вышел, так же молча, не сговариваясь, поднялись на четвертый этаж: там были классы младшей школы, и сейчас, в половине четвертого, рекреация этажа и коридоры пустовали; дети давно разошлись, учителя – тоже, остался только особый детский запах, похожий на смесь ароматов кипяченого молока, сопливых носовых платков и потной сменной обуви. Мальчишки прошли, опасливо оглянувшись, мимо двери кабинета завуча Светланы Николаевны, минули коридор и свернули в небольшой закуток около туалета. Бросили сумки и рюкзаки на пол, Рома и Даниил уселись на подоконник, Макс привалился к стене рядом с фонтанчиком для питья, в который кто-то успел запихнуть огрызок яблока, Женя потоптался немного и сел на свою сумку.

– Так что будем делать? – спросил Рома.

Ответом была неловкая тишина. За окном рвался в разные стороны ветер, небо мрачно нахмурилось, потемнело, обещая вслед за дождями скорые снегопады. С деревьев во дворе школы непогода уже грубо сорвала почти все листья, безжалостно обнажив кроны, и голые ветки раскачивались, как голые тощие руки, словно деревья в отчаянии размахивали ими, умоляя пустить внутрь и спасти от наступающих холодов – а то и от чего-то похуже. От особенно сильного порыва ветра на крыше что-то загремело, будто по пустой бочке ударили железным ломом. Все вздрогнули.

– Я Комбату колено сломал, – сообщил Макс. – Не хотел, так получилось. Когда свет погас, он остановился и не среагировал.

– А синяк у тебя откуда? – поинтересовался Рома.

Макс помрачнел.

– Я вчера к нему в больницу ходил, ну, извиниться, все дела. А там брат его, старший, Марат. Он весной из армии вернулся, на «Коммунаре» работает. Такой, лютей. Увидел меня и даже слова сказать не дал. В палату не пустил и вот... попал, в общем, в глаз.

Рома кивнул.

– Понятно. Но Комбата ты, выходит, все-таки завалил?

Макс неуверенно пожал плечами.

– Выходит, так.

– Хорошо. Жека, у тебя как дела с этими НР или чем там еще?

Получилось?

Женя невесело усмехнулся.

– Ну, как бы да, но как бы и нет. Набить-то я набил действительно больше всех, но замок все равно не взяли, так что без выигрыша. Но если ты про желание, то да – как заказывал, все точно.

Даниил подумал, что Жеке, наверное, сейчас легче всех: от его виртуальных баталий никому не было ни жарко ни холодно. Никаких сломанных коленей. Никаких утопленников. Он вспомнил про судорожно сучащую руками и ногами тень на дне бассейна и поежился.

– Как у нас с Петровичем дела обстоят, всем понятно, – подытожил Рома. – Бассейн закрыт, контрольной нет.

– И пацан утонул, – негромко добавил Даниил.

Рома напрягся, но отвечать не стал.

– В связи с этим давайте решать, – продолжил он, – что будем со всем этим делать?

Макс снова пожал плечами.

– Да ни хера не делать. Забыть. Ну его на хрен, – и отвернулся.

Рома повернулся к Жене.

– Ты чего скажешь?

Тот почесал толстыми пальцами сальную шевелюру, осыпая перхотью ворот темного пиджака, подумал немного и спросил в ответ:

– А какие есть варианты?

– Понятно. Петрович, твое мнение?

– Забыть, – быстро ответил Даниил. – Вообще не ходить туда больше. Я с Максом согласен.

– Ну, если вам всем ничего не надо, – медленно сказал Рома, – то ладно. Один пойду. Прямо сегодня.

Он думал над этим все воскресенье и почти всю ночь понедельника, сидя на кухне за ноутбуком. Машинально рисовал картинки; писал комментарии, не задумываясь особо о смысле, так что в конце концов от рассеянности перепутал и написал сообщение в женском роде от мужского лица – пришлось стирать комментарий и удалять скомпрометированный аккаунт. Думая о своем, зашел на любимый сайт, специализирующийся на публикациях без цензуры фотографий и видеороликов с жертвами насилия и катастроф, и пару часов смотрел на сцены казней, взрывы, расчлененные

трупы – но то, что обычно вызывало хоть какой-то интерес, сейчас не цепляло. Раз за разом снова высчитывал, сколько еще нужно денег на квартиру в Северосумске, сколько – если переехать в Михайловск, какая сумма потребуется на образование, а какая – если он решит начать свое дело, ну, например, открыть дизайн-студию. Мама давно спала, за стеной угрюмо храпел дед, и в конце концов Рома тоже выключил компьютер и осторожно пробрался в комнату к своему креслу-кровати. Раздеваясь и укладываясь в постель в крошечной, непроницаемой тьме, он вспоминал, как в раннем детстве мечтал найти лампу с джинном, или поймать волшебную щуку, или, на худой конец, раздобыть шапку-невидимку, в которой можно ходить по городу и брать все, что вздумается. Потом мечты стали менее сказочными, но от этого не более реальными: например, найти в кустах чемодан с миллионом долларов. Он даже представлял себе обстоятельства, которые могут привести к такой находке: грабители банка, уходя от погони, припрятали чемоданчик с деньгами, чтобы вернуться за ним через несколько часов, а тут он, Рома, в нужное время и в нужном месте, раз – и все, нет больше никаких проблем у него в жизни. А теперь вот оно: и лампа, и щука, и чемодан – все в одной яме, выложенной древним камнем. Все что хочешь – только попроси.

Под утро он забылся легким, беспокойным сном, в котором вокруг летали стаи каких-то серых птиц; Рома пытался поймать их, но не мог.

– Решено, – повторил он, будто убеждая самого себя. – Пойду один, а вы как хотите.

– Ничего не выйдет, – тихо сказал Даниил.

– Что?

– Я говорю, не получится у тебя ничего, если один пойдешь, – произнес он громче.

– Это почему?

Даниил вздохнул, снял очки, протер их пальцами, как всегда делал, когда требовалось собраться с мыслями, и попытался объяснить:

– Как сказать... то, что получилось, оно не просто так получилось. Понимаешь? Мы что-то сделали, случайно, и это сработало. Ну вот как если бы обезьяна нашла ружье и нажала на спусковой крючок. Ружье бы выстрелило, но повторить выстрел обезьяна бы не смогла, если бы не сообразила, как перезаряжать и стрелять.

– Сам ты обезьяна, – беззлобно прокомментировал Рома. – Можешь нормально сказать?

– Погоди, я понимаю, кажется. – Женя внимательно посмотрел на Даниила. – То есть это сработало, потому что мы не просто попросили, а

еще сели на те камни, да?

– Ну, почти, – согласился Даниил и стал вспоминать то, что рассказал ему сегодня Аркадий Леонидович. – Вышло так, что мы провели обряд. Странно звучит, но тем не менее. Собрались вчетвером, призвали Мамочку, стихи эти сочинили дурацкие. И это подействовало. Значит, нужно в точности все повторить: прийти туда вчетвером, сесть так, как сидели, поставить изображение Мамочки на камень, даже снова сказать все слова, желательно в таком же порядке, как в прошлый раз. И тогда все сработает. Основа любого религиозного ритуала – повторяемость. Если, конечно, это не просто случайность.

– Что, и стихи про сиськи и жопу будем читать? – усмехнулся Макс.

– Блин, а я их забыл! – покачал головой Женя.

– Я помню, – успокоил их Даниил. – Такое не забывается. Кроме того, важным является время проведения ритуала: мы там были в пятницу, вот в пятницу и нужно теперь собираться снова, причем в то же время, около половины одиннадцатого.

– Ну вот, Петрович, можешь же все объяснить! – сказал Рома. – Значит, идем к яме в пятницу, да?

Снова повисла тишина.

– Да бля, пацаны! – взорвался Рома. – Вам реально ничего не надо, что ли?! Понятно, Петрович – у него и так все хорошо по жизни. Жека, у тебя что, нет никаких желаний?

– Есть, – отозвался Женя, подумав.

– Ну вот! Макс, а у тебя?

Макс наморщил лоб. Вообще-то, если честно, никаких особенных желаний у него не было, но выглядеть дураком не хотелось. Его и так считали недалеким.

– Есть, – заверил он. – Как не быть.

– Ну так в чем дело тогда? Да, сын у математички утонул, жалко, но вот честно скажите: вам не пофиг? Ну вот если с одной стороны – любое желание можно исполнить, а с другой – какой-то левый пацан умрет, вам не пофиг будет?

– Лично мне реально пофиг, – сказал Женя.

– Да и мне, – неуверенно ответил Макс.

Рома посмотрел на Даниила. Тот отвернулся и промолчал. Деревья за окном продолжали махать ветками, и сейчас казалось, что они не просятся внутрь, а предупреждают о чем-то, как человек, который бежит навстречу поезду рядом с поврежденным участком путей и крест-накрест машет руками. «Стой! Стой! Опасность!»

– Я сам чуть в этом бассейне не сдох, – заметил Даниил.

– Но не сдох ведь? Петрович, вот ты все знаешь, – продолжал Рома. – Может быть, такие косяки случились, потому что мы чего-то не сделали? Ну, чтобы настоящий ритуал получился? Мы же просто дурака валяли.

Даниил подумал.

– Ну, настоящие обряды были немного сложнее. Нужно бы кое-что добавить... Маски, например. Историк сегодня рассказывал, что древние люди во время совершения обрядов надевали маски, а еще брали себе на это время другие имена. Это потому, что обычные люди не могут общаться с богами и духами, а когда надеваешь маску, то становишься другим. Не человеком.

– Круто! – воскликнул Женя. – Я себе имя возьму, как в Warriors World! И маску орка сделаю!

– Вообще-то, лучше назваться каким-нибудь животным, – заметил Даниил. – Твоих прозвищ сетевых Мамочка может не одобрить. И над текстом молитвы нужно еще поработать, добавить кое-что.

– Да, добавь, отлично! А еще?

– Ну, изображение Мамочки у нас есть, – рассуждал Даниил. – Планшет поставим, как в первый раз. Время, место, последовательность действий, маски, имена... а, вот: нужна еще жертва. А то получается, что мы у Мамочки только просили, а взамен ничего не дали.

– А какая жертва? – поинтересовался Женя.

– Что-то ценное: обычно это была еда, часть добычи или улова, но наиболее высоко ценилась человеческая жертва, потому что... – Даниил увидел взгляд Ромы и осекся.

– Есть какие-то предложения по этому поводу? – спокойно спросил тот.

Наступила нехорошая тишина.

– Слушайте, это же я просто сказал о том, как было в каменном веке, совершенно необязательно, чтобы... – торопливо заговорил Даниил, но тут Женя неожиданно подскочил и закричал:

– У меня! У меня есть идея! Я знаю, кто будет жертвой!

Глава 6

Ворота, ведущие на огражденную часть бывшей стройплощадки «Лиги», охраняли двое молодых полицейских. Не то чтобы они так уж много повидали за несколько лет службы, но достаточно для того, чтобы уметь не сочувствовать, не суетиться по пустякам, не удивляться и не беспокоиться или, во всяком случае, не показывать беспокойства. Но сейчас было из-за чего разволноваться. Не каждый вечер такое увидишь. Хорошо еще, что их тут двое. Не так страшно.

– Какая-то нездоровая херня, – пробормотал сержант Ярыгин, глядя в ненастную тьму через покрытое мелкой изморосью окно сторожевого поста.

Ярыгин до службы в армии и работы в полиции успел окончить педагогический институт по специальности «русская филология и культура», а потому обладал воображением, развитым немного более, чем нужно для сотрудника правоохранительных органов.

– Что это такое, как думаешь? – спросил он и передернул плечами.

Старшина Дегтярев, который был старше и мудрее на полтора года, мрачно плюнул на грязный пол сторожевой будки, надел форменную кепку и ответил:

– Это проблемы, Гриша. Позвони в отдел, пусть помощь пришлют. А я выйду.

Открылась и снова захлопнулась дверь, как рот, жадно хвативший холодного свежего воздуха. Дегтярев, щурясь от ветра, отпер замок на воротах, с усилием приоткрыл одну створку и протиснулся наружу.

За железным забором тугой ветер рвал воздух, толкал в бок, хлестал по глазам, угрожающе выл басом среди черных деревьев близкого леса. Ураганные порывы накатывались, как волны, со стороны скрытого непроницаемым мраком моря, и казалось, что невидимые канаты сдерживают рвущийся к берегу шквал, который, будто взбесившийся цепной пес, в ярости бросается вперед, натягивая гудящую, как струна, цепь. Со стороны города, из темноты, к воротам медленно двигались огни: около двух десятков, синеватых, белых и желтых, вытянувшихся в две неровные цепочки. Дегтярев топтался в ярком пятне света от направленного на ворота прожектора, рефлекторно сжимал рубчатую рукоять дубинки на поясе и ждал.

– Все, вызвал, – сообщил Ярыгин, натягивая пониже кепку и становясь

рядом. – Скоро приедут.

– А что сказал? – любопытствовал Дегтярев.

– Что у нас внештатная ситуация и требуется помощь.

– Вот и молодец.

Ярыгин посмотрел вперед, на приближающиеся огни.

– Я просто не знал, как это описать.

Из тьмы, тускло освещенные направленными вперед лучами фонариков, стали вырисовываться фигуры: все в черных дождевиках с капюшонами, под которыми бледными пятнами маячили лица. Впечатлительному Ярыгину это зрелище показалось похожим на шествие последователей сатанинского культа или жутковатую похоронную процессию, провожающую на дальний погост тело злобного колдуна, – так, по крайней мере, это выглядело в его любимых фильмах и книжках. Люди приблизились к воротам и выстроились полукругом на границе светового пятна от прожектора, будто боясь покинуть укрывающую их тьму. Вперед шагнула высокая, тонкая женская фигура; взметнулись вверх бледные руки, откинув капюшон плаща, темные провалы глаз уставились на патрульных, ветер подхватил длинные черные волосы, взметнув их зловещим облаком. Женщина воздела ладони к бурному небу и громким, пронзительным голосом провозгласила:

– Я духовный наставник общества «Северная Веда»! Мы требуем дать нам пройти к святилищу!

Должно было получиться эффектно. Кларисса Львова скосила глаза на укрытого вместе с камерой большой прозрачной накидкой оператора и корреспондентку канала «Наш Регион» – та показала большой палец и энергично закивала головой. Значит, картинка хорошая. Только бы водостойкая косметика не подвела – Львова уже чувствовала, как лицо покрывается холодной липкой моросью от свирепого дыхания моря. Она осторожно поправила волосы, чтобы длинные черные пряди не налипли на лицо, и торжественно скрестила руки на груди – тоже шикарный жест, который, как и воздевание рук, она тщательно отрепетировала перед зеркалом.

Старшина Дегтярев, вздохнув с облегчением от того, что ситуация стала приобретать реальные черты и перестала быть похожей на какую-то чертовщину, шагнул вперед и произнес тем скучным голосом, что идеально подходит для озвучивания протокольных фраз:

– Граждане, вы находитесь на границе охраняемой территории, куда запрещен вход посторонним лицам. Прошу вас разойтись и не мешать проведению мероприятий по несению караульной службы.

– Мы имеем право видеть объект культурного наследия и поклониться древним святыням! Вы не можете нам запрещать!

Львова вскинула руку, люди вокруг загудели на разные голоса, раскачивая фонариками в руках, и чуть подались вперед.

– Слышь, Ярыгин, отойди за ворота и закрой их на замок на всякий случай, – негромко сказал Дегтярев.

Сержант кивнул и поспешно скрылся в темной щели между створками.

Кларисса Львова оглядела свой небольшой батальон и удовлетворенно улыбнулась. Молодцы, ведь почти все пришли, несмотря на вечер пятницы и отвратительную погоду! И Наталья Ивановна, пожилая библиотечка, хоть она уже пенсионерка и у нее больная спина; и Анечка, которая могла бы сейчас, как обычно, выпивать уже третий коктейль в «Селедке» и строить глазки мужикам; и до изнеможения изношенная жизнью и провинциальной сценой актриса драмтеатра Карельская – вот она, размахивает фонарем и возмущается в голос; и даже сторож Степан Аркадьевич поменялся сменами, чтобы прийти, и принес с собой огромную старую лампу «летучая мышь». Раньше о такой массовой явке членов «Северной Веды» можно было только мечтать; но, с другой стороны, и такого шикарного повода раньше не было.

Львова твердо знала законы медийного пространства: если не напоминать о себе, не создавать событий, в идеале, скандальных, не присутствовать постоянно в новостях – если уж не в телевизионных, то хотя бы в лентах социальной сети, – то считается, что тебя как бы нет. Когда Львова вернулась в Северосумск из Москвы после крайне неудачного развода, который не принес ей ничего, кроме унижительно маленьких отступных, и переквалифицировалась из содержанок в духовные лидеры, она только тем и занималась, что пыталась привлечь к себе внимание. Самым удачным в этом отношении оказался «Фестиваль ведьм», который она провела весной прошлого года вместе с парой единомышленниц из Михайловска: Вальпургиева ночь, пригорок у леса, каковой она тоже провозгласила «местом силы», – ну и возрождение традиций, как же без этого. Гостям фестиваля предлагалось попробовать варево из котла на костре, поучиться управлять метлой, «очистить мысли», «улучшить энергетику» – в общем, все как всегда. Народу было немного, зато удалось договориться с руководством двух школ, которые привезли на этот праздник жизни учеников младших классов. Все бы прошло незамеченным, как и другие инициативы Львовой, вроде Моления Морю на прибрежной песчаной полосе или Ярмарки Оберегов в Доме культуры, но пришла

помощь откуда не ждали: настоятель храма Бориса и Глеба неожиданно резко высказался в адрес ведьминского шабаша, направил жалобу в администрацию города и даже района, так что в итоге на фестиваль прибыла съемочная группа того самого канала «Наш Регион». Казалось бы, дело пошло, но нет, больше ничего интересного придумать не получалось. Хуже того, последователи «Северной Веды» начали терять энтузиазм и манкировать собраниями и общими мероприятиями: на утренние Моления собиралось все меньше желающих мерзнуть на пронзительном ветре и мочить ноги в мокром песке; семинары по личностному развитию теряли слушателей; две книги Львовой – «Жить долго и счастливо» и «Духовные методы привлечения денег», которые она пыталась продавать на своих лекциях, расходились из рук вон плохо.

И тут такая удача. Львова ушам своим не поверила, когда раздался телефонный звонок и ей сказали о том, что следующей ночью будет сделана уникальная археологическая находка, что на строительной площадке выруют из-под земли древнее капище времен неолита. Даже если бы не настойчивая просьба звонившего не оставить сей факт без внимания и обеспечить информационную поддержку, Львова бы и сама сообразила, как распорядиться таким шансом.

Все-таки связи решают все.

Вдалеке засверкали синие проблесковые маячки полицейских машин. Что ж, это тоже было запланировано. Разумеется, Львова и не рассчитывала на то, что ей и ее людям дадут пройти к раскопу – случись такое, пришлось бы импровизировать и придумывать на ходу, что там делать. Но патрульные автомобили и хмурые полицейские в форме должны были придать новостному репортажу дополнительную остроту и драматизм. Не просто «Последователи общества «Северная Веда» пытались пройти к святилищу времен неолита», а «...были разогнаны полицией при попытке совершить поклонение». Звучит гораздо интереснее. Время вечера пятницы тоже выбрано не случайно: у события были шансы попасть в итоговые воскресные новостные выпуски недели, а потом еще в обзоры утра понедельника, когда офисные работники, проклиная судьбу, выходят на работу после выходных и первым делом принимаются за чтение новостей в социальных сетях. Вначале Кларисса даже хотела устроить факельное шествие, но подумала, что это может вызвать ненужные негативные ассоциации, да и дождь с ветром не способствовали реализации идеи, и она с сожалением от нее отказалась. Жаль, конечно, что никто не будет действительно разгонять ее людей силой или тащить саму Львову в «автозак» – Северосумск все-таки не Москва. Но несколько насыщенных

эмоциями кадров сделать получится.

Львова повернулась в сторону десятка темных фигур в полицейской форме, идущих к воротам, у которых держал оборону от пожилых библиотекарей, учительниц и сторожей нестигаемый Дегтярев.

– Алёна, снимаете? Вот сейчас, как полиция подойдет, попробуйте крупные планы.

– Все в порядке, Кларисса, работайте, уже хороший материал получается, – заверила ее корреспондентка Алёна, и Львова, высоко подняв голову в капюшоне, шагнула навстречу полиции – то ли леди Макбет, то ли Мортиша Аддамс.

Впереди, недовольно отдуваясь и то и дело вытирая толстой ладонью круглое лицо, шел сам начальник полиции Михальчук. Неприятный сюрприз: Львова думала, что приедут несколько человек из ближайшего отделения, может быть, какой-нибудь капитан или даже майор, с которыми можно будет пререкаться и спорить, но уж никак не ожидала увидеть Михальчука.

– Привет, Клара, – устало сказал он. – Я-то думаю, кто тут моих парней напугал. А это ты.

Львова краем глаза уловила свет фонарика телевизионной камеры, приосанилась и громко сказала:

– Да, это я! И мы пришли сюда заявить наше право на поклонение духовному наследию предков!

– Понятно, – отозвался Михальчук. – Пойдем в машину, поговорим.

Львова поколебалась немного, потом показала оператору и корреспонденту Алёне на полицейских, медленно раздвигающих нестройные ряды адептов «Северной Веды», и направилась вслед за Михальчуком.

Они уселись на заднее сиденье его личной Toyota Landcruiser: Михальчук пропустил Клариссу вперед и, пыхтя, залез следом. Хлопнула дверца. Полицейский опустил немного стекло, вытянул из кармана пачку сигарет, сунул одну в рот и предложил Львовой:

– Покурим?

– У меня свои. – Она достала из-под дождевика одну тонкую сигаретку, зажала ее в узких красных губах и прикурила от протянутой Михальчуком зажигалки.

– Ну, Клара, рассказывай, что ты тут хулиганишь? – спросил полицейский, выдохнув в узкую щель в окне большой клуб дыма, часть которого тут же повисла под высоким потолком джипа серым пологом.

– Работаю я, Стас, – недовольным голосом отозвалась Львова. – А ты

зачем сам приехал?

– А я тоже работаю, – сказал Михальчук. – У меня категорический приказ: никого постороннего рядом с раскопом. А тут звонят в отделение эти два обормота, ничего не говорят толком, чуть не кричат про нештатную ситуацию и что нужна помощь. Если бы я знал, что это ты, не приехал бы, а то у меня и без этого головных болей хватает: следователи приехали из Михайловска по поводу этого утонувшего в бассейне парнишки, ограбление с тяжкими телесными в Слободке, да и вообще, что-то у нас беспокойно в последнее время... Могла бы и предупредить, кстати, по дружбе, что собираешься тут устраивать свой шабаш.

– Ой, Стас, – отмахнулась Львова. – Не хотела портить эффект. Планировалось, что твои бойцы будут прогонять всех от ворот, может, хотя бы за руки тянуть или толкать. Кого-нибудь из моих старых кошелок в грязь уронят.

– А мне потом отвечать, да?

– Да ладно, не было бы никаких жалоб, просто для картинки хорошо.

– Ну, теперь уже не уронят, – резонно заметил Михальчук.

– Теперь уж да. Слушай, ну если не будет толкотни, может, что-нибудь другое придумаем? Мне нужно людям дать что-то, не зря же они в эту даль приперлись, да еще в такую погоду.

– Что, например?

Львова задумалась.

– Ну, пусть нам откроют ворота.

Михальчук предостерегающе поднял руку.

– Нет, нет, мы заходить не будем, – торопливо заверила его Львова. – Просто это будет маленькой победой: хоть к самому капищу пройти не удалось, но нам дали посмотреть на него издали, поклониться и вознести молитвы. Типа того.

– А кому молиться-то будете? – не без ехидства осведомился Михальчук.

– Да как всегда, – пожала плечами Львова. – Вечным богам, духам предков, какая разница?

– Ну хорошо, Клара, но только посмотреть. Я за это место головой отвечаю перед такими людьми, что тебе лучше и не знать.

Кларисса промолчала. Перед какими людьми отвечает Михальчук за сохранность ямы, она догадывалась.

Они вышли из машины. Возмущение и перебранка у ворот тем временем уже улеглись, люди – и в форме, и в плащах – сбились кучками под яростным ветром, негромко переговариваясь и ожидая своих лидеров.

– Братья и сестры! – громко возгласила Львова. – Наши требования были услышаны! И хоть прикоснуться к святыне сегодня – только сегодня, подчеркиваю! – нам не удастся, мы сможем увидеть ее издали! Нам откроют ворота! Готовьтесь вознести слова благодарности и мольбы!

– Открой, открой, – махнул рукой Михальчук и добавил: – только не очень широко.

Дегтярев стукнул кулаком по железной створке ворот. Загремел замок, и ворота, преодолевая сопротивление ветра, приотворились. В нескольких десятках метров от них, ярко освещенный светом прожектора, над землей приподнимался пластиковый ядовито-синий купол.

Толпа ахнула.

Зрелище действительно было фантастическое и несколько нереальное. Черные неестественно резкие тени от бульдозера лежали на мокрой траве и развороченном песке и прятались в спутанных, поникших стеблях в тех местах, до которых не успела добраться строительная техника. Синий пластик среди всего этого смотрелся странно чужим, инородным, как артефакт из потустороннего мира.

– Повторяйте за мной! – воскликнула Львова. – О древние вечные боги...

Разноголосый хор подхватил ее восклицание. Она собралась было уже импровизировать дальше, посмотрела на синий купол, вытаращила глаза и взвизгнула:

– Там что-то есть! Что-то движется, смотрите!

По поверхности плотного пластика скользили и извивались, как щупальца спрута, всплывшего из темных глубин, толстые черные тени.

* * *

Подкоп под забором немного размыло дождями, но все равно пролезть было можно даже Жене, и не пришлось раскапывать песок пальцами, как в прошлый раз. Перед тем как ползти, Даниил надел поверх куртки длинный дождевик с капюшоном, втайне от родителей предусмотрительно прихваченный с собой в сумку – второй раз объяснить свою перепачканную одежду неловким падением вряд ли бы удалось.

Вообще все четверо подготовились к этой вылазке особенно тщательно.

...Маски сделал Рома. Попросил у мамы несколько больших листов плотного картона для художественных работ и за один вечер нарисовал и

вырезал четыре личины: волка с оскаленными клыками и кроваво-красными глазами – для себя; рыжего лиса – ему он хотел смеха ради пририсовать очки, но потом решил, что веселость в таком серьезном деле неуместна, и оставил как есть – лис получился задумчивым и печальным, вылитый Даниил. Женя выбрал себе имя Филин, и маска его была, наверное, самой страшной: очень уж жуткими получились большие желтые глаза и разинутый хищный клюв, как будто это не филин вовсе, а неприятный причудливый осьминог с перьями на голове и торчащими острыми ушами. Макс хотел быть сначала тигром, но Даниил сказал, что лучше брать имя такого зверя, который водится в их широтах, так что тигр предсказуемо был заменен на медведя – маска его получалась сперва слишком доброй, и Рома добавил нахмуренные мохнатые брови и кровь на огромных клыках.

– Сынок, а это зачем тебе?..

– Готовимся к Дню учителя, мама, задумали один номер для праздничного концерта. Не знаем еще, может, что и не получится.

– Лучше бы работать пошел, мелкий говнюк! Вот я в твои годы...

– Да, дедушка, обязательно пойду. На завод, как и ты.

Жди, жди, старый хрыч. Недолго тебе осталось.

Свою идею насчет жертвы Женя держал в тайне, только хихикал и говорил, что жертва будет что надо, Мамочка останется довольна.

– А как мы будем ее убивать? – серьезно спросил Макс.

Даниил обещал разобраться и на следующий день выдал подробный обзор способов ритуального умерщвления в разных культурах. Остановились на разбивании головы.

– По некоторым данным, в культуре неолита голова считалась вместилищем души, так что логично предположить, что жертве раскраивали череп во время отправления ритуала...

– Нам нужен молоток или что-то еще в этом роде.

– Я принесу, – пообещал Макс.

И не подвел. Вечером в пятницу его отчим, дядя Вадим, учил Макса водить машину – новенький китайский джип серебристого цвета. «Премию дали на работе», – объяснил отчим. Макс знал, что последней работой дяди Вадима было руководство бригадой на закрытой теперь стройплощадке, где нашли капище, в связи с чем не очень было понятно, за что дали премию, но вопросов не задавал. Отчим разрешил ему посидеть за рулем и даже немного проехать по пустым улицам Слободки, а потом похвалил за то, как Макс хорошо справлялся с вождением. Момент был благоприятный.

– Дядя Вадим, можно взять у тебя кувалду? Ту, которая в кладовке?

– Зачем тебе?

– Да надо. – Макс был не мастер придумывать поводы.

Но это и не потребовалось. Теперь увесистый молот болтался у него за спиной в большом рюкзаке.

Почти всю дорогу они молчали, едва перекинувшись парой слов.

Огромная, выложенная камнем яма в земле показалась уютной, как будто их тут кто-то ждал и был рад, что они наконец появились. Женя зажег лампу и аккуратно поставил ее на пол, точно на середину, как в прошлый раз.

– Черт, я забыл! Нам нужен жертвенник!

– Что?

– Ну, алтарь для жертвоприношения. Камень какой-нибудь.

Макс и Женя, пытаясь, с трудом вытащили из верхнего края кладки большой плоский камень и тяжело уронили его на песчаный пол.

– Пойдет?

Алтарь поместили рядом с лампой. Рома вытащил из плоской широкой сумки, в которой когда-то его мама студенткой носила свои картины, четыре маски и раздал друзьям.

– Вот, держите.

– Круто!

– Жесть!

Они надели личины. Освещенные голубоватым светом маски выглядели странно живыми и неживыми одновременно: словно духи древних, давно исчезнувших с планеты зверей вернулись и собрались здесь, в подземелье. Другой Волк, другой Лис, другой Филин, другой Медведь, ничего общего не имевшие с теми, что бегали и летали в лесах. Человеческие глаза блестели в прорезях, как зрачки.

Даниил включил планшет и поставил его на каменную полку. Массивная фигура Мамочки повисла в черном пространстве экрана, выйдя из пустоты. Серебристый огрызок яблока на кромке планшета сиял у нее над головой, как причудливая корона.

– Нужно решить, кто будет шаманом.

– Я грибы есть не буду.

– А я бы съел!

– А это что значит?

– Должен быть кто-то один, кто будет передавать просьбы от всех, – объяснил Даниил. – Как бы представитель. Нужно будет повторять Мамочке все, что мы скажем.

– Давай я, – сказал Рома.

– Тогда держи, – Даниил протянул Роме листок бумаги. – Я тут текст доработал немного, но главное осталось без изменений.

Все сели на свои места: Рома и Даниил по обе стороны от Мамочки, Женя и Макс – ближе к лестнице.

– Готовы? Начинаем.

Сердце билось в груди так, что казалось – стук идет откуда-то снизу, снаружи, извне.

Рома взял листок и громко начал читать:

– Мы пришли к тебе, благодатная Мать, поклониться смиренно и славу воздать! Я, Волк!

– Я, Лис!

– Я, Филин!

– Я, Медведь!

– Прими славословие и песнопения в честь твоего от сна пробуждения!

– Филин, Медведь, начинайте, – шепнул Лис.

Раздались низкие, ухающие звуки и гулкие, ритмичные шлепки.

Уммм-уммм-умм-умм, уммм-уммм-умм-умм...

– Теперь главная песня, – подсказал Лис.

Волк кивнул и начал:

– Слава тебе, о великая Мать!

– Дай нам тебя за жопу обнять!

Теперь никто не смеялся. Древние звери не умеют смеяться.

– К сиськам твоим дружно мы припадем...

– Желаний любых исполнения ждем!

Уммм-уммм-умм-умм, уммм-уммм-умм-умм...

– А сейчас время жертвы...

Филин расстегнул сумку, вынул оттуда что-то белое, продолговатое и осторожно положил на камень.

– Бля, – сказал Медведь.

– Зашибись, – недовольно прорычал Волк.

На камне, ярко освещенном лампой, как актриса на сцене, лежала голая кукла с длинными черными волосами, огромными накрашенными

глазами, выпяченными губами и торчащими грудями без сосков. Длинные тонкие руки и ноги куклы были аккуратно связаны тонкими веревками.

– Вообще-то, в жертву нужно приносить что-то ценное, – заметил Лис.

– Это ценное, – заверил Филин. – Очень, очень ценное!

...Так оно и было. Куклу эту он стащил у сестры года два назад: она и не искала особо, выйдя из возраста, когда девочкам интересны куклы. Он немедленно раздел ее и стал играть: кукла была его пленницей, рабыней, с которой можно было делать все что пожелаешь, а она только умоляла о пощаде и обещала быть покорной. Пленница содержалась в тайнике под нижним ящиком письменного стола, а когда мать и сестра уходили из дома, извлекалась из своего заточения для развлечения господина: в грудь и между ног ей втыкались длинные канцелярские кнопки, по круглой заднице хлестала плеть из переплетенной проволоки, а еще ее можно было вешать, топить, а после всего этого кончать на лицо, заливая густым и белым распахнутые глаза, грудь и пухлые губы. Правда, последнее время кукла редко покидала тюрьму под столом: у хозяина появились другие игрушки, но все равно – она была ценной. И похожей на человека.

– Ладно, делаем, – решил Волк и продолжил читать нараспев.

– Щедрую жертву от нас ты прими!

– Будем тебе мы вечно верны!

– Гимн тебе этот сейчас допоем...

– Голову жертве тотчас разобьем!

Медведь встал и передал Волку молот для первого удара. Тот с натугой поднял тяжелую кувалду и с размаху опустил на пластиковую голову куклы.

– Черт!

Пластик спружинил, и молот откинуло назад так, что железо врезалось в камень стены.

– Филин, твою мать!..

– Спокойнее! Просто не так сильно, дай я...

Лис вцепился тонкими лапами в массивную деревянную рукоять, приподнял молот и опустил его вниз, стараясь плотно прижать. На этот раз получилось удачнее: голова сплющилась, волосы расплзлись по алтарю, как щупальца раздавленной медузы.

– Давай, Филин! Покажи класс!

После третьего удара пластик треснул, так что глаза жертвы уставились вверх и вниз, а лицо стало похоже на египетский рисунок. Медведь ухнул и с грохотом вдарил по жертвеннику – брызнула каменная крошка, а пластиковая голова оторвалась от тела.

Все тяжело дышали.

– Все. Теперь желания. В том же порядке, как и прошлый раз.

– Лис, начинай, ты первый.

Тот замялся.

– Ну? Ты что?

Глубокий вздох.

– Хочу, чтобы Лиля Скворцова обратила на меня внимание!

Филин хрюкнул под маской.

– Ну и желание! Хоть бы за сиськи потрогать загадал!

– Нет. Не за сиськи. Я хочу, чтобы Лиля Скворцова обратила на меня внимание.

...На самом деле Даниил хотел, разумеется, пощупать выдающуюся грудь Лили. Да и не только грудь, если уж на то пошло. Но ему представлялось, что это не главное, что это должно быть следствием чего-то другого, более важного. Например, ее восхищения. Или, как это называется в старых романах, благосклонности. Если и можно было загадать Мамочке желание более невероятное, то Лис его не знал. Уже почти год каждый вечер он заходил на страницу Лили в социальной сети, чтобы нажать на значок «сердечко» под каждой фотографией, с тоской понимая, что он двадцать четвертый... тридцать пятый... восемнадцатый... а в случае с изображением Лили, выходящей из бассейна в крошечном красном купальнике, который как будто растворялся на ее блестящей от воды груди и покатых бедрах, – так и вовсе девяносто второй. Он ставил «лайк» под каждой ее записью на стене, понимая, что это глупо, но все-таки ждал, что однажды она подойдет к нему на перемене и скажет: «О, это ты тот парень, которому понравились стихи у меня на стене? Как мило, спасибо!» Он вешал свою куртку рядом с ее пальто в школьном гардеробе, ждал, когда у нее закончатся уроки, следил, чтобы войти вместе с ней в раздевалку и там, между плотных мягких рядов висящей одежды, пройти совсем рядом, даже иногда чуть касаясь, и втянуть ноздрями ее сладкий, томный, тревожащий аромат, похожий на смесь молока и меда. Лиля смотрела на него, улыбалась, говорила: «Проходи, мальчик», и он протискивался мимо нее, а великолепная грудь маячила на уровне его очков, потому что Лиля Скворцова была на три года старше и на голову выше. Иногда Даниил представлял себе, очень живо, как она однажды придвинется ближе, навалившись мягкой тяжестью, и прошепчет что-то, и прижмется плотнее... но потом чувствовал такое сильное возбуждение, что ему становилось стыдно за эти мысли, и он снова открывал ее страницу и бесконечно кликал мышкой. «О, так это тебе понравилась моя

фотография?..»

– Как скажешь.

Волк простер руки к Мамочке, парящей в потусторонней пустоте, и произнес:

– Пусть на Лиса обратит внимание Лиля Скворцова!

«Ну, и за сиськи тоже можно», – подумал Лис неожиданно для себя и услышал: «Да, молодец!»

Низкий женский голос прозвучал в голове так отчетливо, что он вздрогнул и оглянулся по сторонам. Если бы маски могли менять цвет, то в этот момент рыжий Лес превратился бы в бледно-серого.

Тем временем Волк вздохнул и, четко выговаривая слова, произнес:

– Пусть исчезнет мой дед, и мы с мамой будем жить вдвоем!

«Что значит исчезнет? – вкрадчиво спросил женский голос в голове Волка. – Ты же хочешь, чтобы он умер, да? Чтобы сдох, как собака? Ну, смелее!»

Волк не стал вздрагивать и крутить головой. Чего-то в этом роде он ждал.

«Да, я хочу, чтобы он умер».

Экран планшета мигнул и на мгновение потускнел.

– Ты что, зарядить забыл?

– Нет, все в порядке вроде было...

– Филин, твоя очередь!

...В четверг вечером мама и сестра сидели на кухне. Из коридора он слышал их смех и слова матери:

– Только проговориться не вздумай, что я тут тебе рассказываю...

Когда он вошел, обе замолчали, только смотрели на него насмешливо и вызывающе, как на маленького, которому еще рано знать то веселое, что они обсуждают. На столе перед ними стояла бутылка и два широких бокала. Пахло алкогольным и сладким, а еще теми резкими мужскими духами, которые он так ненавидел. Он сделал себе бутерброд и ушел в комнату, слыша из-за стены взрывы смеха и громкий шепот. Защелкнул задвижку и, чтобы заглушить звуки, надел наушники. «Mom&son», «sister brother love».

– Я хочу, – тщательно подбирая слова, сказал Филин, – чтобы мама перестала встречаться с тем, с кем встречается сейчас. У меня все.

Никто не издал ни звука. Волк негромко, будто чего-то стесняясь, повторил слова Филина, протянув руки к Мамочке, а тот вдруг добавил, словно обращаясь к кому-то:

– Да, пусть так. Я хочу, чтобы так и случилось.

– Медведь, ты последний!

...Желание придумать у него так и не получилось. Всю неделю в голову лезли только какие-то вещи: то новые перчатки для тренировок, то модная бейсболка, то навороченный телефон – ничего такого, чего бы он не мог попросить, скажем, у отчима. Место известной своей любвеобильностью Машки, к которой из армии вернулся парень – кстати, тот самый Марат, брат Комбата, – заняла Светка, которая была даже круче: ей было уже двадцать семь, и она работала продавщицей. Реально, желать было нечего, так что он в конце концов решил, что будет импровизировать прямо на месте. Но и сейчас в мыслях была пустота.

– Я хочу... хочу...

Взгляд упал на Мамочку.

– Я хочу планшет, как у Петровича... тьфу, как у Лиса! Да, точно такой же планшет, как у Лиса!

И облегченно вздохнул.

– Мамочка, дай Медведю такой же планшет, как тот, на котором мы тебя сейчас видим! – провозгласил Волк.

Что-то протяжно вздохнуло во мраке за горизонтом. Ветер пронесся над синим куполом и принес издали чей-то крик.

– Тише! Слышали?

Все замерли. Точно, откуда-то со стороны ворот неслись визгливые вопли. Все четверо уставились друг на друга. Если бы вместо этого они посмотрели наверх, то поняли бы, чем был вызван этот тревожный визг: во мраке под потолком клубились, свиваясь, как спаривающиеся змеи, черные тени.

– Надо посмотреть! Макс, подсади!

Макс вскочил, подбежал к стене, уперся ногами в пол и сложил ступенью согнутые руки. Рома сорвал маску, ступил на сложенные ладони и схватился за камни стены. Макс крякнул, выпрямился и, как мог, поднял друга чуть выше, так, чтобы он смог выглянуть наружу между камнями и краем купола. Рома взглянул и через мгновение спрыгнул вниз.

– Пацаны, уходим! Там целая толпа у ворот и менты еще, кажется!

Все заметались. Маски полетели на пол, Рома торопливо подхватывал их и засовывал в сумку. Даниил смахнул с полки планшет, Макс, матерясь, пытался всунуть кувалду обратно в рюкзак.

– А с ней что будем делать?

Женя показал на распластанную на камне жертву.

– С собой!

– Нельзя, это для Мамочки!

– Тогда закапываем, быстро!

Пальцы вонзились в холодный и мокрый песок. Крики стали ближе, а может быть, просто громче.

– Быстрее, быстрее!

Безжизненное пластиковое тело скрылось под слоем песка. Сверху надгробием навалился жертвенный камень. Женя подхватил лампу, выключил ее, и они в темноте, на ощупь хватая грубые доски ступеней, выкарабкались по лестнице наверх. Из-за бульдозера ворот не было видно, но чувствовалось движение и слышались крики. Четверо, низко пригнувшись, рванулись к подкопу, проскочили под железным забором испуганными мышами – даже Женя юркнул туда с такой легкостью, как будто не он с кряхтением протискивался здесь полчаса назад. Вскочили, подхватили рюкзаки и сумки и, почти не разбирая дороги, с треском бросились через темный подлесок.

Когда Ярыгин и Дегтярев, оглядываясь на едва сдерживаемую толпу у входа на стройплощадку, подошли к куполу и осторожно посветили в темную глубину, там были только мрак, пустота и тяжелый, сгустившийся воздух, который пах потревоженной древней землей, морем, прелыми водорослями, а еще чем-то живым и горячим, как если бы внизу, в темноте, притаилось чье-то огромное тело.

Проверить они не стали.

Глава 7

К рассвету непогода утихла. Ветер и дождь исчезли, ушли, как рабочие сцены, закончившие устанавливать декорацию перед следующим действием унылого спектакля, накрыв город низким, тяжелым занавесом непроницаемых туч. Наступило утро субботы, тусклое, серое, как похмелье. Все неподвижно застыло вокруг в тоскливом, тягучем ожидании чего-то недоброго; может быть, нового дня, может быть, продолжения жизни. Редкие прохожие шли торопливо, не оглядываясь по сторонам, опустив головы, и казались испуганными. Улицы были пустынные, и даже на всегда оживленном проспекте лишь изредка проносились машины, недовольно шурша шинами и вздымая легкие облака грязноватой мороси. У стены дома, в углу, на размокшем пожухлом газоне копошился, пытаясь то ли подняться на ноги, то ли просто отползти куда-то подальше отсюда, человек в перепачканной куртке, мокрых брюках и без ботинок. Он вставал на колени, упирался головой в землю, застывал на мгновение и снова валился на бок, вяло перебирая ногами.

Карина чуть сбавила шаг, присмотрелась, сделала шаг с тротуара.

– Мужчина? Помощь нужна?

Человек попытался повернуться на голос, замычал и неловко упал на спину. Глаза были полуприкрыты, по лицу размазалась грязь. В нос ударила резкая вонь переработанного алкоголя, мочи и экскрементов. Карина покачала головой, отступила и пошла дальше своей дорогой.

Неделя выдалась непростой, а сегодняшняя смена была особенно трудной. Резкое ухудшение состояния показали почти все обитатели интерната; это бывает при деменции, но такое массовое проявление негативных симптомов Карина наблюдала впервые. Врачи говорили о синдроме взаимного отягощения; медсестры кололи лекарства и разносили дополнительные дозы лекарств; санитары устало таскали в туалет, помывочную и в постели утерявших самостоятельность пациентов. Деревянные тесные коридоры наполнились плачем, нечленораздельным бормотанием, тревожными выкриками. Леокадия Адольфовна, впрочем, держалась лучше других, не доставляла тревог санитарам, по-прежнему справлялась с бытовыми делами, но была беспокойной и заговаривалась чаще обычного. С той ночи, когда погас свет, Карина так и не услышала от нее больше ничего ни о девочках, просивших поиграть с ними, ни намеков на нечто, пробудившееся ото сна – голодное и жаждущее насытиться.

Волнение престарелой приятельницы Карины проявлялось иначе: она постоянно смотрела в окно, как караульный, каждый миг ожидающий внезапного нападения врагов, почти не рассказывала интересных историй и только бормотала что-то нечленораздельное про потревоженную землю, моря на краю света, врата на границе и тому подобное. Визитам Карины она все так же радовалась: улыбалась, спрашивала, как дела, но через минуту снова отворачивалась к окну, хмурилась и опять принималась вполголоса причитать. Карина только вздыхала печально, не особо надеясь на то, что их беседы когда-либо возобновятся.

Деменция необратима.

Сегодня под утро, когда Карина зашла в угловую комнату перед тем, как сдавать смену, Леокадия Адольфовна отвлеклась от своих бдений у окна, повернулась и ясным голосом, твердо, отдельно сказала:

– Моя милая девочка, остерегайся волка, лиса, филина и медведя!

Значительно подняла палец, потрясла им и вновь отвернулась.

– Леокадия Адольфовна, а кто эти звери и почему мне нужно их остерегаться? – попробовала поинтересоваться Карина.

Но старушка уже вновь отвернулась и смотрела в серую, влажную дымку, путешествуя мыслями в сумерках, в которые за ней никто не мог следовать.

– Молодые древние звери... стали кормить... сами позвали, впустили, а зря...

Карина грустно посмотрела на голову в седых кудряшках, раскачивающуюся, как готовый облететь одуванчик, и тихо вышла из комнаты.

Дома было тихо и пусто: А. Л. уже ушел на работу. В низкие окна лился свет, похожий на воду из грязной лужи, от которого в квартире казалось темнее, чем ночью. Карина подумала, что истинный цвет печали не черный, а серый, убивающий всякие надежды и растворяющий краски; смирившийся с тем, что никогда не быть белым, но и не решающийся стать аспидно-черным. Может быть, из-за этого тоскливого утреннего свечения дома все показалось Карине каким-то безнадежно унылым, будто бы у всего в квартире разом испортилось настроение: у дивана, стола, шкафа с одеждой, даже у чайника и обоев. Ложиться спать Карина передумала; засыпать в такой обстановке было бы жутковато. Она разделась, встряхнула головой, прогоняя тягучие мысли, включила телевизор, зажгла во всей квартире свет и отправилась в душ. Надо просто встряхнуться, смыть печаль и усталость, а потом заняться чем-то по дому в ожидании мужа.

Надо же, как она только что назвала его – муж. Карина даже

покраснела немного, словно проговорила о чем-то совсем своем, личном, смущенно улыбнулась и забралась в порыжевшую сидячую ванну, подставляя лицо и тело под горячие струи. Белая кожа ожила, заблестела от воды и мыльной пены, длинные черные волосы опустились на спину, как у русалки. Карина приподняла ногу, по привычке собираясь до красноты тереть внутреннюю сторону бедра, но вскрикнула и уронила мочалку.

Рисунок перевернутого трезубца увеличился в размерах, стал выпуклым и налился густой чернотой – совсем как в тот день, когда впервые появился у нее на бедре.

* * *

Аркадий Леонидович прекрасно чувствовал аудиторию – навык, приобретенный десятилетиями преподавательской деятельности. В лекционном зале университета, где собиралось порой человек сто или больше, он как будто видел каждого: кто отвлекся и смотрит в смартфон или в раскрытую под столом книгу, кто разговаривает, кто переписывает другие лекции из тетради в тетрадь, кто строит глазки – соседу по парте или ему самому. Да что там – он мог каким-то немислимым для самого себя образом увидеть все это, даже отвернувшись к доске, и порой поражал студентов до нервного смеха тем, что, продолжая писать мелом, говорил ровным голосом что-нибудь вроде: «Сидоров, умение играть в «Птиц и свиней» на планшете не пригодится вам на экзамене». Да, в последние годы он уже стал равнодушен и к невниманию, и к полному отсутствию интереса аудитории, но навыки видеть, а тем более улавливать настроение никуда не делись. И тем более он мог почувствовать состояние двадцати школьников в небольшом помещении класса.

Сейчас он сразу понял – что-то не так. Вроде бы все как обычно: четвертый урок у седьмого класса, все вошли, сели, достали учебники и тетради, он поздоровался, начал, но все же... Какое-то напряжение, словно воздух сгустился и замер перед грозой. Аркадий Леонидович быстро окинул взглядом класс, привычно разделив его на несколько страт. Справа и впереди – Света Быстрова, Надя Бородина, Вика, еще пара девочек, группа отличниц; смотрят прямо, готовы поднять руки, довольны собой; так, тут все в порядке. Слева и посередине – Жанна Глотова, ее подруга Алиса, Аня Верлинская, эти звезд с неба пусть и не хватают, сидят, выпрямив спинки и выставив пробивающиеся из-под рубашек еще детские грудки, сложили ручки, вежливо слушают; здесь тоже нормально. Сзади по центру и слева –

так называемые «футболисты», Паша Мерзлых с несколькими друзьями, парни, которые могли бы доставить – и наверняка доставляли – проблемы другим педагогам, но не Аркадию Леонидовичу; ребята резкие, но сообразительные, еще не включились в ситуацию урока, о чем-то переговариваются... Нет, это не здесь. А вот: Даниил Трок. Мальчишка умный, начитанный, но сегодня как-то особенно бледный и вроде обеспокоенный, сидит, уткнувшись носом в учебник так низко, что того и гляди очки упадут. С Даниила он перевел взгляд на заднюю парту: Женя Зотов и Максим Кораблев. У одного на лице непривычная серьезность, другой сжимает перед собой кулаки, задумчиво смотрит на них, уйдя в свои мысли. И Рома Лапкович: хороший мальчишка, сын этой милой учительницы по МХК; он в черной плотной кофте с капюшоном, сидит неестественно прямо, в позе напряженного ожидания. Аркадий Леонидович знал, что эти четверо вроде были друзьями; может, поссорились? Все четверо разом? В любом случае нужно обратить внимание именно на них.

Он хлопнул в ладоши.

– Как всегда, начинаем с быстрой проверки знания ключевых дат из пройденного материала. Я задаю вопрос, называю фамилию, вы отвечаете. С места не кричим, хотим ответить – поднимаем руку. Итак, год окончания войны Белой и Алой розы, Трок?

– Одна тысяча четыреста восемьдесят пятый.

Пробубнил, даже головы не поднял. Ладно.

– Год открытия Америки Колумбом, Зотов?

Парень вздрогнул, вытаращился на Аркадия Леонидовича, бросил быстрый взгляд в тетрадь и ответил:

– Тысяча четыреста девяносто второй, да?

Подсмотрел, конечно, но пусть.

– Год начала Реформации в Европе, Лапкович?

Тот угрюмо посмотрел на Аркадия Леонидовича, отвернулся и произнес в сторону:

– Тысяча четыреста девяностый.

– Нет, не верно, вспоминайте! Остальные не подсказывают!

Рома медленно повернулся. Теперь он смотрел Аркадию Леонидовичу прямо в глаза.

– Мое мнение – тысяча четыреста девяностый.

– Я ценю ваше мнение, но оно неверное.

– Почему?

В классе мгновенно стихли все звуки: поскрипывание стульев, шорох

ручек в тетрадах, перешептывание и даже, казалось, дыхание. Теперь атмосфера определенно стала предгрозовой.

– Потому что доктор богословия Мартин Лютер прибил к дверям виттенбергской Замковой церкви свои «Девяносто пять тезисов» тридцать первого октября одна тысяча пятьсот семнадцатого года, а отнюдь не тысяча четыреста девяностого. Устроит вас такой ответ на вопрос «почему», Роман? – спокойно ответил Аркадий Леонидович.

Рома пожал плечами:

– А откуда вы это знаете?

Прошелестел осторожный шепот. Теперь все повернулись и смотрели на Рому и на Аркадия Леонидовича – все, кроме троих: Даниил только еще глубже вжал голову в плечи, Женя и Макс сидели опустив головы. Сам Рома был похож на нахохлившегося воробья, который не желает отступить перед голубем, пытающимся отобрать у него хлебную крошку. «У парня что-то случилось, – подумал Аркадий Леонидович. – И серьезное». Но отступить было нельзя.

– Роман, я не хочу сейчас тратить общее время урока, посвящая вас в историческое источниковедение и рассказывая о том, откуда черпаю свои знания лично я. Для вас достаточно, что эта дата указана в учебнике.

– Ну и что? Учебник кто написал?

– Посмотрите имя автора на обложке.

– А ему деньги заплатили за этот учебник?

– Думаю, да.

– Ну вот, откуда вы знаете, может быть, ему заплатили, чтобы он написал про этот самый тысяча пятисотый или какой там еще год. А заплатили бы за другое, он бы иначе написал, разве нет?

– Роман... – предостерегающе начал Аркадий Леонидович, но парня уже явно несло.

– Я сегодня вечером напишу статью, что вообще никакой этой Реформации не было, подпишусь профессором Пупкиным, размещу в Интернете и дам вам ссылку – вот, пожалуйста, профессор пишет, и что вы скажете?!

Шепот в классе превратился в приглушенный гомон. Еще немного, и ряды парт превратятся в трибуны.

– Я скажу, что у вас нет достаточной доказательной базы, – попытался ответить Аркадий Леонидович. – В официальные учебные материалы попадает информация, которая проверена и с которой согласны большинство ученых...

– И что с того? Я читал в Интернете статью, тоже какого-то ученого,

что никакого татаро-монгольского ига не было, а еще что Вторую мировую войну начал Советский Союз, и много чего еще, и все это тоже пишут ученые! На самом деле никто ничего не знает, все пишут то, что хотят, или то, за что платят, у всех свое мнение, и неизвестно, какое правильное! Вот вы нам рассказывали, что Джордано Бруно сожгли на костре не за слова о том, что Земля вращается вокруг Солнца, а за какую-то церковную ересь, хотя в учебнике написано по-другому! Разве нет?!

– Кстати, да, – неожиданно подал голос Паша Мерзлых. – И про Инквизицию говорили, что на самом деле на костре ведьм сжигали светские власти, а инквизиторы типа только просвещали людей на тему, правильно или неправильно они верят.

Класс загудел.

– Аркадий Леонидович, вот в учебнике написано, что в эпоху Возрождения люди освободились от церковного мракобесия, а вы нас заставили записать в тетради, что Ренессанс был культурной катастрофой, – раздался тоненький голосок Вики Цай. – Так это правда или нет?

– И то, что реальная продолжительность жизни всегда была одинаковой, просто неправильно высчитывать среднее арифметическое с учетом войн и эпидемий, а в учебнике по-другому!

– И что зарождение капитализма и мануфактуры разрушили нравственные ценности патриархального мира!

– А правда, что не Колумб Америку открыл, а викинги?

– А я читала, что на самом деле не Джордано Бруно сожгли, а Коперника!

– Дура, на самом деле Галилея сожгли!

– Да какая разница, если никто ничего на самом деле не знает, все только врут!

Аркадий Леонидович не знал, что ответить. Иногда студенты, еще не утратившие вкуса к знаниям, тоже бросали ему вызов, втягивая в дискуссии, то тогда обе стороны сражались по правилам, оперируя ссылками на заслуживающие доверия источники и уважаемых авторов; то были поединки соперников, вооруженных отточенными рапирами и умеющих ими владеть. Сейчас он чувствовал себя стоящим перед возбужденными дикарями каменного века с булыжниками и палками. Да, в происходящем была и часть его вины: не проповедовать, не спорить, не возмущаться, не реагировать обещал он себе, и нужно было просто сдерживать это обещание, сохранять покой, читать по учебнику, повторяя чудовищные трюизмы торжествующего невежественного сознания, не

утруждающего себя онтологическими рассуждениями и радостно топчущегося по праху Средневековья, размахивая при этом знаменем пошлейшего гуманизма. Станным образом, но в дикарском отрицании всех научных, культурных и нравственных авторитетов, которое он видел перед собой сейчас, была самая настоящая победа того самого гуманизма: нет истины, есть только множество пестрых правд, и каждый может выбрать любую себе по вкусу, как газировку в супермаркете; нет абсолютных ценностей, нет единых для всех законов и правил; есть только вранье, приспособленчество и подделки на любые случаи жизни. И нет ничего, что стоило бы любить, потому что любить – глупость, когда живешь в мире одноразовых, легкодоступных и так же легко заменяемых вещей.

Он вздохнул. Невозможно спорить с людьми, которые считают авторитетным источником информации публикации и картинки в социальной сети. В своих давних дискуссиях со студентами Аркадий Леонидович никогда не использовал в качестве довода собственный авторитет; это справедливо сочли бы не только дурным тоном, но и признаком исчерпанности аргументов: «Я кандидат наук и поэтому прав». Но такое правило применимо лишь там, где действуют хоть какие-то законы; дикари же понимают, увы, только доводы другого порядка.

– Дорогие друзья! – Аркадий Леонидович специально понизил голос, и мощный, десятилетиями отработанный лекторский бас перекрыл детский гомон. Шум тут же стих, будто ветер сорвал пену с волны. – Так случилось, что я ваш учитель, а вы – мои ученики. Поэтому здесь и сейчас единственным источником знаний по истории являюсь я. И источником ваших оценок, кстати, тоже.

Последняя фраза подействовала, как выстрел в воздух на разбушевавшихся туземцев. В «восьмерке», скорее всего, намек на оценки полностью бы проигнорировали, но в «единице» это сработало. Класс замер.

– Я уважаю и ценю ваше стремление к дискуссиям, – продолжал Аркадий Леонидович, возвышаясь над классом. Сидящий на первой парте Даниил съезжился в его тени. – Вы всегда можете подойти ко мне после уроков с вопросами и замечаниями. Тогда и будем спорить. А пока могу подтвердить, что Джордано Бруно сожгли на костре за отрицание добровольной жертвы Христа и попытку создания секты под названием «Новая философия», Америку открыл Колумб, а Реформация в Европе – специально для вас, Роман, сообщаю – началась тридцать первого октября одна тысяча пятьсот семнадцатого года. Всем понятно?

Ответом были молчаливые кивки.

– Роман, в виде исключения сегодня за ошибочный ответ я не поставлю вам оценку.

– Да ставьте что хотите, – огрызнулся тот и уставился в окно.

– Ну, что ж, – сказал Аркадий Леонидович после паузы, – продолжим. Открываем тетради и записываем сегодняшнюю тему...

После урока, разумеется, никто не подошел для продолжения споров. Статус-кво был восстановлен, вожак подтвердил свое лидерство, шоу закончилось, а в смартфонах все равно интереснее. Едва прозвенел звонок, Рома встал, зло сдернул сумку со стула и вышел из класса первым, толкнув кого-то плечом.

* * *

– Ты чего на историка наехал? – спросил Даниил.

Это были первые слова за сегодняшний день, обращенные к другу. Ну, не считая «привет».

– Достал, – буркнул Рома.

– Ну да, меня тоже иногда бесит, – поддакнул Женя. – Все у него плохо: Возрождение – плохо, капитализм – плохо...

– Ладно, чего вы, нормальный мужик, – вступился Макс.

– Да похер на него, – отмахнулся Рома. – Который час?

– Половина первого.

– Еще долго.

– Да.

Если предположить, что Мамочка столь же строго придерживается принципа повторяемости собственных действий, как и они во время своего ритуала, то за работу она должна взяться около восьми часов вечера, как и в прошлый раз. Нет ничего хуже, чем ждать, особенно когда ставки высоки. Даниил мог бы и не спрашивать друга, почему он сорвался на историка; они все были на нервах. А еще было страшно; кому-то за то, что просьбы не исполнятся, а кому-то наверняка от того, каким образом может произойти их исполнение. Лично Даниил на месте своих товарищей больше боялся бы за последнее. После невольной исповеди, в которую превратилось высказывание их желаний, Даниил ощущал себя так, как будто они все четверо разделись друг перед другом догола. Подобно тому, как в душевой бассейна взгляд постоянно и невольно упирался в чужие отвратительно-бесстыдные интимные органы, так и сейчас мысли все

время крутились вокруг того, что мама Жени оказалась гулящей, а Рома желает смерти своему деду. Немного не то, что хотел бы узнать о друзьях. Себя самого Даниил успокаивал тем, что он-то ничего плохого не попросил: что может быть невиннее – и безопаснее, кстати! – простого желания, чтобы девочка обратила на него внимание; ну, и еще за грудь потрогать, может быть, в качестве бонуса. Кому это повредит? Да никому ровным счетом. Но все равно он тоже волновался.

С утра он сфотографировал себе на планшет расписание уроков десятого класса и на каждой перемене таскался по лестницам и коридорам, чтобы увидеть Лилю Скворцову. Иногда получалось, и тогда он ошивался неподалеку, подглядывал из-за угла, как она смеется, как разговаривает с одноклассницами, как небрежно откидывает рукой с лица рыжую челку, как идет, плавно качая завораживающе полными бедрами, и тогда Даниил с каждой секундой чувствовал, как что-то горячее, волнующее все сильнее перехватывает дыхание в горле, как мысли о Лиле становятся ярче, сильнее и не отступают, как раньше. Это становилось похоже на одержимость. Пару раз Лили не оказалось рядом с кабинетами, где должны были проходить занятия ее класса; Даниил метался по школе и один раз успел увидеть ее перед самым звонком на урок, выходящей из столовой, а другой – на втором этаже, с подружками из одиннадцатого класса: Ирой Гловой, дочерью мэра, Ингой, сестрой Жени, и еще двумя девочками, имен которых Даниил не помнил. Он напустил на себя озабоченный вид, уткнулся в планшет и медленно продефилировал мимо, осторожно косясь в сторону туго натянутой ткани цветастой кофточки и юбки чуть выше круглых коленей.

– Мы в половине одиннадцатого собираемся, ну, плюс-минус десять минут, – говорила старшая Глова. – Если придешь позже, набери меня или Ингу, мы скажем, как нас найти внутри.

– Я постараюсь к одиннадцати подойти, – ответила Лилия. – Супер, сто лет уже в «Селедке» не была, там как сейчас, есть что новое?

Дальнейшего разговора Даниил не услышал, но информацию взял на заметку.

Весь последний урок он ерзал, как будто у него зудело в заднем проходе, а со звонком бегом бросился вниз, в раздевалку. Отдышался немного, подошел к своей куртке и сделал вид, что деловито копается в сумке. Лилия появилась через две минуты. В узком проходе меж вешалок пахло теплым, женским и нежным, так, что Даниил засопел, а голова у него чуть закружилась. Он сдернул куртку с крючка и повернулся.

– Проходи, мальчик, – сказала Лилия, улыбнулась и повернулась

вполоборота, выставив грудь. Даниил что-то пробормотал и протиснулся мимо, едва не коснувшись носом затынутого в лифчик и кофточку великолепия.

Дома он не находил себе места. Слонялся по двум этажам из комнаты в комнату, то усаживаясь перед телевизором в гостиной, то снова поднимаясь к себе, чтобы в сто первый раз зайти на страницу Лили в социальной сети. Родителей дома не было. Рано утром они оба уехали в Москву, как сказал отец, «по делам». Даниил предполагал, что это связано с какими-то неприятностями последнего времени, а то, что такие неприятности имели место, было для него очевидно: за прошедшую неделю папа два раза пропустил вечерние встречи с сыном, а вчера, спускаясь по лестнице, Даниил слышал, как они с мамой о чем-то разговаривали: голоса были напряженными, какими не говорят о чем-то приятном, но, что было всего удивительнее, в речи и у мамы, и у отца проскакивали такие слова, за которые самому Даниилу не удалось бы избежать сурового наказания, вздумай он их произнести дома. Он хорошо помнил, как когда-то давно, в первом классе, произнес слово «жопа» – первый из плодов просвещения, которые принесло обучение в школе, – и тут же получил по губам от мамы, а от папы – серьезный разговор о приличном и допустимом. А тут вдруг такие сочетания и обороты, что куда до них «жопе»; даже Макс с его полным курсом сквернословия, пройденным на улицах зловещей Слободки, замер бы в почтительном молчании. Так что неприятности, определенно, были.

– Сын, я считаю тебя взрослым и ответственным человеком, – сказал отец утром, – и я уверен, что ты сможешь провести без нас с мамой два выходных дня, не испытывая трудностей и дискомфорта. Еды в холодильнике достаточно, мама проинструктирует тебя более подробно о том, что ты должен есть на завтрак, обед и ужин. Помни о распорядке дня и своих обязательствах.

И он обнял сына, похлопав большой ладонью по острым торчащим лопаткам.

Но сейчас Даниил меньше всего думал о распорядке или каких-то там обязательствах. На часах было восемь вечера. Потом половина девятого. Девять. Ничего не происходило: ни звонков, ни внезапных сообщений в социальной сети. Но и что могло произойти, если он сидит дома? Как должна Мамочка выполнить его просьбу, когда он сам не прикладывает к этому никаких усилий?

Десять часов. Надо было что-то делать. Отец всегда говорил, что удаче нужно помогать, нельзя просто сидеть и ждать благоприятного момента,

хорошей погоды или выигрыша в лотерею. Необходимо действовать самому.

На Мамочку надейся, а сам не плошай.

Даниил решил. Он выключил компьютер, телевизор, быстро оделся, засунул по привычке в сумку планшет, подумал и на всякий случай взял все деньги, которые родители оставили на непредвиденные расходы. Посмотрелся в зеркало: вид был серьезный и даже бравый, которые сейчас не портили ни оттопыренные уши, ни очки. Даниил, совсем как отец, кивнул своему отражению, застегнул «молнию» и пуговицы на куртке и вышел из квартиры.

Темная улица встретила его холодным влажным воздухом, в котором как будто был растворен будоражащий аромат предстоящего приключения. Именно такой аромат должен ощущать настоящий мужчина, решившийся на поступок. Даниил поднял воротник, втянул голову в плечи и быстрым шагом направился в сторону проспекта.

Клуб «Селедка» был единственным приличным ночным заведением города, где собиралась и молодежь, и люди постарше, где играл диджей, а за стойкой бармены в белых рубашках стремительно смешивали коктейли и разливали искрящиеся в свете пульсирующих огней напитки. Располагалась «Селедка» напротив драматического театра. Когда-то давно на этом месте было кафе под названием «Рампа»: предполагалось, что в нем после шумных премьер должны были собираться актеры и поклонники их таланта. Возможно, некогда так и было; но сейчас драмтеатр радовал немногих оставшихся в живых любителей сценического искусства разве что старыми постановками раз в месяц, а актерам, вздумай они отметить удачный спектакль, хватило бы денег только на посиделки в дешевой рюмочной на окраине. «Рампа» погасла лет двадцать назад, а несколько лет спустя на ее месте открылся ночной клуб. Вначале владельцы сохранили прежнее название, но оно не прижилось, а заведение стали называть «Селедкой», наверное, потому, что оно располагалось на первом этаже очень длинного и приземистого двухэтажного дома, вытянутого, как тощая рыба. В итоге вывеску поменяли, народное название стало официальным, а на желтоватой стене, во всю длину фасада, нарисовали рыбий скелет с огромным выпученным глазом. Даниил помнил, что в детстве он этого рисунка побаивался.

План был прост: подойти к «Селедке» до одиннадцати часов и фланировать вдоль разрисованной стенки, мимо больших темных окон, пока не появится Лиля. Что делать дальше, Даниил не имел никакого понятия, тут в дело должна была вступить Мамочка. Не случайно же, в

конце концов, он узнал сегодня о планах Лили на вечер.

Субботняя осенняя ночь была ярко-черной, блестела мокрым асфальтом, сверкала огнями машин, сияла горящими окнами домов и витринами магазинов. Движение было еще оживленным, на улицах торопились в разные стороны группы людей – Даниил как будто впервые попал в другой мир, страшноватый, опасный, но восхитительный. Он шел, глубоко дыша, лавируя между не замечавшими его прохожими, и минут через десять увидел на другой стороне проспекта светящуюся ядовитосинюю вывеску: «СЕЛЕДКА». Над черными зеркальными стеклами больших окон призрачно светились голубоватым большие маркизы, у обочины выстроилось несколько автомобилей, рядом с входом толпились люди: кто курил, кто разговаривал по телефону. Даниил, нетерпеливо переминаясь с ноги на ногу, дождался зеленого сигнала светофора, перебежал на другую сторону, придерживая бьющуюся на боку сумку, и сбавил шаг, медленно направившись в сторону входа. Сердце колотилось в груди. Он внимательно огляделся: Лили пока не было видно. Часы показывали без двадцати минут одиннадцать. Ждать оставалось недолго.

* * *

– Ромчик, ты есть не хочешь еще? А то дедушка скоро придет, наверное.

Он покачал головой.

– Мам, я что-то не голодный. Давай попозже, ладно?

Мама слабо улыбнулась и бесшумно исчезла, аккуратно прикрыв дверь кухни. Рома посмотрел на часы: почти десять вечера. Это внушало надежду. Интересно, как Мамочка это делает? Невнимательный автомобилист, сбивший пьяного пешехода? Неудачное падение на лестнице? Сердечный приступ? Или что-то более изобретательное: оборвавшийся лифт, нападение одичавших собак, пожар в той гнилой рюмочной, где дед обычно напивался по субботам с приятелями, чтобы потом прийти домой и смотреть телевизор, источая алкогольную вонь и злобную ругань?

Что бы ни было, лишь бы он не вернулся.

Дед задерживался уже часа на два, а то и больше. Не то чтобы жизнь Сергея Сергеевича Лапковича была подчинена строгому распорядку, но свои обычаи имелись: по субботам он уходил из дома около полудня, шел в рюмочную «Капелька», что рядом со Слободкой, и возвращался домой

самое позднее к восьмичасовым новостям. Но сейчас его не было.

Похищен тайной организацией для жестоких опытов, во время которых его заживо выпотрошат? Стал жертвой древнего оборотня, преследующего добычу в темных дворах? Сдох с перепоя?

Мамочка, на твой выбор.

Дома тихо. Телевизор молчит. Кошка Татка, пользуясь временным затишьем, бродит осторожным, стелющимся шагом и посверкивает желтыми глазами, как будто исследует новые пути в незримые человеку миры. Мама сидит в комнате, на своем обычном месте, вжавшись в угол дивана, и что-то читает. Она всегда так сидит, когда деда нет дома. Наверное, отдыхает. Уходит отсюда подальше, через страницы потрепанных книг, гуляет с барышнями викторианской эпохи, распутывает козни придворных интриганов в Париже, скачет наперегонки, сидя боком в женском седле на спине каурой кобылы – кто знает. Пусть, ей это нужно. Рома на кухне, перед ноутбуком, но сегодня работать не может: открывает и снова закрывает страницы, скользит взглядом по фотографиям и видеороликам, поглядывая на часы. Минуты идут издевательски медленно, но все же проходят.

Десять ноль две. Голода Рома и правда не испытывал. Есть он будет потом, когда им сообщат – кто там обычно сообщает родственникам в таких случаях? Смыт в море внезапным цунами; растерзан выбравшимся из канализации крокодилом; убит рухнувшим самолетом.

Рома рассеянно прокручивал ленту новостей в социальной сети: все больше картинки, смешные и не очень, злые, глупые или с претензией на глубокомыслие. Петрович рассказывал, что в доисторические времена, когда не было алфавита, существовало пиктографическое письмо: люди не писали слова, а общались при помощи разных рисунков. Казалось, что те времена вернулись. Радость – одна картинка, удивление – другая, возмущение – третья. И все понятно.

За входной дверью ожил и загудел лифт. Рома насторожился. Сердце неприятно заныло. Да нет, не обязательно дед, в доме девять этажей, мало ли кто возвращается вечером в субботу домой. Механическое далекое завывание замерло, а потом снова возобновилось, все ближе и ближе. Двери со скрежетом раскрылись на их этаже. Через мгновение на лестничной клетке затопали тяжелые шаги, а потом о замочную скважину лягнул ключ – кто-то пытался засунуть его неуверенной, пьяной рукой.

Рома выдохнул и закрыл руками лицо.

Дверь распахнулась, с грохотом врезавшись в вешалку. Что-то упало и покатилося по полу с дробным пластмассовым стуком. Судя по звукам, дед

вернулся пьянее и злее, чем обычно. Снова грохот – на этот раз дверь в его комнату, а потом хриплое дыхание и какая-то возня.

Рома опустил руки и окинул взглядом кухню. Ему хотелось орать от обиды, а еще – от желания сделать сейчас самому то, что не сделала Мамочка. Что тут есть? Кухонный нож? Молоток для отбивания мяса? Скалка? Нет, не получится. Это же он только так называется – дед, а ему нет и шестидесяти, он высокий, жилистый, быстрый и сильный, даже если совсем пьян, как сейчас. Или все же попробовать?..

Рома тихонько встал и подошел к разделочному столу. Наверное, нож...

За стеной в комнате деда что-то скрипело и падало. Раздалась сиплая ругань, потом металлический лязг, снова брань – на этот раз торжествующая – и громкий стук шагов: из комнаты, к входной двери.

Тихо скрипнула дверь гостиной.

– Папа, ты ужинать будешь? – раздался осторожный голос мамы.

– На хер пошла! – вопль отдался эхом на лестничной клетке. Рома замер, сжимая в руке рукоятку ножа. Снова завыл лифт; не дожидаясь его прибытия, шаги загремели по лестнице, путаясь, сбиваясь, и постепенно затихли внизу. Громыкнула железная дверь подъезда.

Тишина.

Рома выглянул в коридор. Мама, бледная, со слезами в глазах, смотрела на открытую дверь квартиры.

– Ушел, – сказала она.

* * *

Игра сегодня шла так себе. В штурмы и клановые бои Женя специально не вписывался – знал, что не сможет толком сосредоточиться, так что коротал время за вылазками в Пустоши. Обычно для орка Jack Ripper поход за ресурсами и охота на монстров были легкой прогулкой, но сегодня удача от него отвернулась. Драгены и фонги попадались на редкость сильные, многие были в шлемах, панцирях или с магическими дубинками, двигались ловко, били жестко, так что после каждого квеста затраты на починку оружия и лечебные свитки были раза в два больше, чем выручка от найденных сокровищ. Дело дошло до того, что пришлось скинуть и монетизировать один чистый ап – катастрофа, которая в любое другое время лишила бы Женю покоя и испортила настроение как минимум на всю ночь и весь следующий день, но сегодня ему было все равно. Он

даже улыбался, когда продавал с трудом заработанные очки опыта, и что-то напевал под нос.

Суббота, а мама вечером осталась дома.

Инга уже давно свалила в свою любимую «Селедку», но мама никуда не пошла: Женя слышал, как она смотрит в комнате какой-то фильм по телевизору. Раньше в восемь ее уже не было, а сейчас – вот, пожалуйста: начало одиннадцатого, а мама ходит себе по квартире в банном халате, который всегда надевала после душа, курит тонкие сигареты на кухне, открыв узкую форточку, чтобы выпускать дым, и, кажется, даже и не думает никуда собираться.

Поле боя обновилось, и Женя хрюкнул от удовлетворения: критический удар снес начисто черного дракона, охранявшего сокровища. «Ваш выигрыш – 125 монет». Отлично! Если так дальше пойдет, он за ночь вернет себе проданный уровень. Жизнь налаживается!

– Слава тебе, о великая Мать, – Женя напевал вполголоса, выстукивая ритм пальцами по краю стола, – дай нам тебя за жопу обнять...

Неизвестно, что там Мамочка учинила с неведомым маминым кавалером, но ясно, что не подвела. Женя надеялся, что конец этого типа, который неизменно представлялся ему в образе полуголого хлыща в распахнутой белой рубашке, с черными напыженными волосами и тонкими усиками, был болезнен и постыден: как насчет падения в выгребную яму деревенского сортира, например? Или откушенных бультерьером яиц? Впрочем, это неважно. Нет его – и все.

– К сиськам твоим дружно мы припадем, – он барабанил и раскачивался, совсем как во время обряда, – желаний любых исполнения ждем!

На его барабанный ритм внезапно отозвался другой, из-за стенки: рваный и звонкий. Женя вздрогнул, не сразу сообразив, что звонит мамин мобильный – тоже, кстати, подарок этого неизвестного жигало.

Телевизионные голоса мешали подслушивать. Женя быстро вскочил со стула, бесшумно приоткрыл дверь в комнату и высунул голову в полутемный коридор. Из гостиной сюда падала широкая желтоватая полоса света.

– Я максимум минут через сорок уже буду готова, – слышался мамин голос, звонкий и оживленный. – А ты заедешь? Да, давай за углом, я не хочу, чтобы... Как обычно, ага...

И она засмеялась – весело и игриво. В этом смехе было предвкушение, а еще особая радость обмана.

– Ну все, бегу собираться... И я тебя, медвежонок!

Женя прикрыл дверь и уперся в нее лбом.

Послышались быстрые шаги. Женя метнулся обратно к столу и уселся перед компьютером. Экран расплывался бесформенными цветными пятнами – глаза застилала злые слезы.

Мама открыла дверь.

– Сынок? Слушай, у меня подруга приехала из Михайловска, тетя Тамара, мы вместе в медицинском учились, помнишь, я тебе рассказывала?

Женя, не поворачиваясь, кивнул.

– Я с ней не виделась уже год, наверное, а тут такая удача, она сама приехала, но всего на одну ночь. Так что я сейчас уеду, а вернусь уже утром. Сынок?.. Ты меня слышишь?

Женя с трудом проглотил ком в горле, провел по глазам ладонью и повернулся к маме. Она стояла в дверях: стройная, светлая, красивая, как вечно юная эльфийская королева, а халат у нее чуть распахнулся, так что на кончике белой груди был виден округлый, розоватый сосок.

– Да, мама. Я тебя слышу.

– Инге тоже скажи, что я утром приду. Если захочешь кушать, в холодильнике котлеты есть, разогрей.

Она внимательно посмотрела на сына и добавила:

– И ради бога, не сиди так много за компьютером. У тебя глаза слезятся.

* * *

– Целую тебя во все места, лисичка!

– И я тебя, медвежонок!

Он положил трубку и удовлетворенно улыбнулся, даже прищурился от удовольствия. Ритка Зотова была шикарной женщиной: длинноногая, спортивная, но не худая, с выпуклой задницей, платиновой копной густых волос до лопаток, веселая, горячая, озорная, изобретательная – в самом расцвете подлинного женского очарования, который наступает только после тридцати. Само собой, она была замужем – за каким-то морячком, который месяцами не появлялся дома, и дети у нее имелись, но так даже лучше: он ведь тоже не свободен, у него и жена, и почти взрослая уже дочь. Эти семейные статусы не предполагали нежелательного развития отношений, какое могло иметь место с незамужней любовницей: начались бы всякие намеки, потом требования, назойливые вопросы: «А когда разведешься? А ты на мне женишься?», которые отравили бы все удовольствие от общения.

А так – чистое наслаждение друг другом при полном взаимном понимании необходимости соблюдения определенных условностей. Просто шикарно.

Сегодня он наконец сумел вырваться на всю ночь. Ему давно уже хотелось не просто потрахаться несколько часов где-нибудь в квартире кого-то из сослуживцев, а провести с Риткой ночь: уснуть вместе, обнявшись, проснуться, заняться сексом с утра, особенно страстным и нежным, который бывает после пробуждения. Так что на эту ночь он забронировал номер в «Туристе» и предупредил супругу, что в связи с ухудшением криминогенной ситуации в городе останется на ночное дежурство вместе со своими оперативниками. Особой вины перед женой он не испытывал: в конце концов, он в свои сорок два был спортивен, силен и подтянут, а она уже лет десять назад превратилась в толстую рыжую бабу с расплывшимся, постаревшим лицом, в котором растворились черты ее прежней – юной, задорной и сексуальной. Похоже, и Лилька, когда совсем повзрослеет, станет похожей на мать; у нее уже лифчики почти того же размера, да и попа такая, что отцу стыдно иной раз взглянуть.

Начальник уголовного розыска Северосумска подполковник Михаил Скворцов вспомнил про дочь и вздохнул. Мужем, возможно, он был не очень хорошим, а вот отцом являлся заботливым. Лиля сказала, что собирается вечером в «Селедку»; надо бы позвонить ей сейчас, проверить, что и как, все ли в порядке, а потом уже ехать за Риткой. В «Туристе» ему уже будет не до звонков.

Он посмотрел на часы: без четверти одиннадцать. Взял телефон и набрал номер дочери.

– Папа, привет! – голос запыхавшийся, на заднем плане шум улицы, значит, еще не в клубе.

– Привет, дочка! Ты где?

* * *

Кто бы что ни говорил, но Лиля Скворцова считала себя девушкой глубокой и тонко чувствующей. И с богатым внутренним миром, если уж на то пошло. Она даже писала стихи и размещала их в своей группе в социальной сети. Группа называлась «Поэтесса Лилия Старлинг», в ней было почти двести подписчиков и стихи, если судить по «лайкам» и комментариям, многим нравились. Нравились они и самой Лиле. Вот, например, из последнего:

Ты сказал мне, что будешь со мною всегда,
Я открыла объятья, ответила «да».
Оказалось, ты сердцем моим лишь играл,
И любовь ты ко мне на другую сменял.

Сорок «лайков», между прочим. Для проверки совершенства своего таланта Лиля даже оформила одно из стихотворений в картинку. Набрала красивым рукописным шрифтом:

Любовь уходит, будто дождь,
Я жду, когда ты вновь придешь.
Весной закончатся дожди,
Я жду, ведь ты сказал мне: «Жди!»

Потом подписала «Сергей Есенин», добавила портрет поэта с трубкой в зубах и разместила у себя на странице. Картинка имела успех; многие даже публиковали ее на своих страничках и признавались в комментариях: «Есенин – мой любимый поэт!» Так что в собственном даровании Лиле сомневаться не приходилось.

А еще она верила в любовь. И да – ждала своего принца, как бы глупо это ни звучало. На самом деле все девчонки его ждут, Лиля это точно знала: сколько бы они ни болтали о радостях орального секса, как бы легкомысленно себя ни вели, все равно мечтали о своем собственном принце, пусть даже и в образе сорокалетнего мужика, который подарит им квартиру, машину и модный смартфон. У Лили тоже был собственный идеал мужчины: в кожаной куртке, на мощном мотоцикле с большим черным сиденьем и множеством хромированных деталей, с обезоруживающим прищуром голубых глаз, трехдневной небритостью и темной челкой, падающей на лоб. Опасный, дерзкий, плохой парень с золотым сердцем. В отличие от многих своих подруг, Лиля не собиралась в ожидании идеала прыгать из постели в постель – вот еще! – но прекрасно понимала, что в жестком конкурентном окружении нужно как-то выживать, иначе ее принц на мотоцикле, появившись однажды, может просто не заметить ее среди множества других, молодых и симпатичных девчонок. Лиля знала, какое впечатление производит, суть множества мужских жадных взглядов, с которых, казалось, капала слюна, была ей ясна (интересно, может со взгляда капать слюна? наверное, да, нужно будет

использовать в стихотворении), но каждый ходит со своих козырей и сражается, чем и как может. Например, Инга Зотова надевает юбки, больше похожие на широкие пояса, так что даже трусы видны, демонстрируя длинные, от ушей, стройные ноги. У Юльки Бородиной – шикарные вьющиеся каштановые волосы и огромные кукольные голубые глаза. Ирка Глотова обычно нравилась мужикам постарше, потому что выглядела как развращенная малолетка и подчеркивала такой имидж хвостиками, цветными заколочками, клетчатыми юбочками в складку и белыми гольфами. Ну а у Лили зато есть грудь, попа, полные, яркие губы, и глупо все это прятать, когда опасный парень в кожаной куртке может вывернуть на мотоцикле из-за угла в любой момент. Поэтому для сегодняшнего похода в «Селедку» она выбрала узкую белую майку с самым глубоким разрезом, безжалостно тесные джинсы, подвела губы карандашом, щедро смазала их липким розовым блеском и встала на высокие каблуки, чтобы тяжеловатые и не такие уж длинные ноги казались стройнее и выше. Рыжие волосы она с тщательной небрежностью заколола на затылке в лохматый пучок. У плохого парня с золотым сердцем не останется шансов.

– Мама, я пошла! – крикнула Лиля в кухню, откуда неслись бормотание телевизора и густая вонь чего-то вареного.

– Осторожней там! – привычно отозвалась мама и загремела кастрюлями.

До «Селедки» Лиля доехала на автобусе, вышла на остановке метров за сто до входа и, стараясь не оступиться с непривычки на каблуках, направилась к дверям клуба. Обогнула какого-то лопоухого мальчика, стоявшего на тротуаре и вытаращившего на нее глаза за стеклами больших очков, махнула рукой знакомому охраннику в дверях, машинально отметила двоих неизвестных взрослых мужчин в костюмах и светлых рубашках, которые курили у входа; из темного дверного проема били синеватые лучи клубных огней, ритмично вибрировали басы. Лиля полезла в сумочку, чтобы взять телефон и позвонить девчонкам, Ире или Инге, но тот сам задергался и зазвонил у нее в руке. На экране светилось: «Папочка».

Она остановилась и поднесла аппарат к уху:

– Папа, привет!

– Привет, дочка! Ты где?

Один из куривших мужиков в костюмах заметил Лилю, прищурился и улыбнулся. Она вздернула голову и раздраженно отвернулась. Не ко времени сейчас, да и мотоцикла у него нет.

– Ой, пап, вот как раз к «Селедке» подхожу. Хорошо, что ты сейчас позвонил, а то там внутри шумно, выходить бы пришлось.

– Смотри, будь аккуратнее, – прозвучал голос отца. – Много не пей и не вздумай с незнакомыми парнями куда-то ехать, поняла меня?

Лиля вздохнула. С папой у нее были хорошие отношения, он вообще понимал ее, не придирался, но, как считала Лиля, работа в уголовном розыске сделала его уж чересчур недоверчивым и подозрительным.

– Папа, ну что ты начинаешь, не в первый раз же, – недовольно протянула Лиля. – Мы с девочками посидим немного, и все.

Грязный автомобиль с ревом и дребезгом подлетел ко входу и резко затормозил, встав вторым рядом борт о борт с другой машиной. Лиля хотела было обернуться, но папа продолжал говорить:

– Я сегодня на ночном дежурстве, если что – звони в любое время. Мало ли, какие-то проблемы возникнут с сотрудниками полиции – говори, что ты моя дочь, а потом все равно звони мне, хорошо?

– Да поняла я, папа, поняла, – заторопилась Лиля и уже хотела поскорей попрощаться, как вдруг сзади закричали.

Она резко развернулась, и в этот миг грянул гром.

* * *

Рюмочная «Капелька» была похожа на пожилого бродягу, уютно привалившегося в темном углу под стеной старого дома. Над входом висела одинокая лампа, тускло освещавшая вывеску, нарисованную выцветшей голубой краской, а интерьер внутри не менялся уже десятилетия: буфетная стойка с фарфоровой тарелкой для мелких монет и большим блюдом, на котором невысокой горкой лежали прелые сухари, за стойкой – полки с десятком бутылок; несколько сизых пластиковых столов, липкая грязь на которых образовала уже не один культурный слой, шаткие металлические стулья с порванными сиденьями из коричневого кожзаменителя. На стене – пожелтевший листок бумаги с нечитаемым машинописным текстом и старый плакат, на котором большой и угловатый красный рабочий стыдил мелкого, извивающегося, как червь, черного пьяницу. К посеревшим от пыли тусклым лампам поднимался клубами табачный дым – в «Капельке» плевать хотели на любые нововведения, поэтому дымили прямо в помещении, как в старые добрые времена. Публика тут тоже как будто осталась с тех самых времен: кряжистая, могучая буфетчица за стойкой в условно белом, а на самом деле серо-желтом фартуке, и гости, как правило, ровесники «Капельки», которая осенью уже разменяла пятый десяток. Молодежь сюда не ходила, а если и забредал кто моложе лет сорока, то в

карманах у него наверняка гулял ветер, а вместо паспорта была справка об освобождении. Большинство посетителей рюмочной работали на «Созвездии» или «Коммунаре», пережили вместе с ними и дни славы, и годы упадка; и уж конечно, все знали друг друга. Узкие кружки постоянных собутыльников складывались годами и были крепче семейных союзов. Каждую субботу они собирались тут днем, а некоторые и с утра, в силу многолетней привычки к ранним подъемам, и, чинно шатаясь, расходились под вечер, когда живущий в другом измерении город только начинал просыпаться для ночных развлечений.

У Сергея Сергеевича Лапковича здесь тоже имелся свой маленький, проверенный временем тесный круг. Седоусый, печальный, как морж, старый Тихон, слесарь с «Коммунара»; Гера – весь морщинистый, как шарпей, начальник цеха в «Созвездии», и Артем, молодой, по меркам «Капельки», парень, лет под сорок, водитель погрузчика. Сейчас все четверо сидели за угловым столом у окна; трое слушали, а Сергеич рассказывал. Дело шло уже к вечеру, и он находился в том особом, сумеречном состоянии, когда исчезает время, растворяется пространство вокруг, и ты как будто висишь, тихонько вращаясь, в безмолвной серой пустоте или плывешь себе тихо по глади реки, тоже серой и медленной, уносящей тебя куда-то в мягкое небытие. Можно молчать, можно слушать шуршание невидимых волн, а можно и говорить. Сергеич выбирал обычно последнее; его рассказы не отличались разнообразием и были такой же частью остановившегося времени «Капельки», ее особой атмосферы, как буфет, плакат на стене или бормотание покрытого пылью и паутиной радио под потолком.

– Мы в девяностые вот так весь город держали, – сообщил Сергей Сергеич и сжал в крепкий кулак толстые сильные пальцы. Собеседники одобрительно закивали.

– Я тогда в бригаде у Кости Брусничина был, Брусникой его звали. Барыг по всему Северосумску нахлобучивали. Все под нами были: и вещевого рынок, и ларечники, и магазины – все. Нас даже в Михайловске уважали – и боялись, не совались сюда. Сунулись один раз, так мы их на трассе встретили и прямо там четверых положили, а остальные – давай бог ноги, обратно в Михайловск. Так-то! На «Мерседесах» ездили. Всем заправляли, пока эти пидары Трок с Готовым наркотой торговать не стали и всех под себя не подмяли вместе со своим поделником, Михальчуком, – он в те времена опером служил, а теперь, смотри-ка, начальник полиции.

Сергей Сергеич горестно покачал головой, и его собутыльники тоже покачали своими, как отражения в четырех зеркалах.

– Я тогда Бруснике сказал: «Дай команду, мы с братвой за тебя впишемся, всех их на хер зачехлим». И зачехлили бы, да пацаны приссали. Духа им не хватило. Испугались тех, кто за Троком и Готовым стоял. И Брусника посмотрел на меня так печально и говорит: «Видишь, какой расклад, Серега, – вдвоем нам не справиться, а братва менжуется, заднего включает». И все. Он в Михайловск уехал, пацаны тоже кто куда разбежались. А ведь было время, когда только скажешь какому-нибудь мешочнику на рынке: «Я, мол, от Сереги Лапковича!» – все, сразу полные штаны наложит и деньги достает, чтобы отдать. Вот так-то.

– И дальше что? – раздался вдруг голос.

Сергеич перевел мутный взгляд вправо. За соседним столиком в одиночестве сидел какой-то незнакомый парень: лупоглазый, с рыбьим рылом, толстый, с бабьими сиськами, обтянутыми тонким свитером.

– А ты что за черт? – осведомился Сергей Сергеич.

Тот пожал плечами и осклабил большие редкие зубы.

– Просто черт.

– Чебурашка ты, а не черт, – беззлобно констатировал Сергеич. – Я в твои годы такими делами ворочал, что тебе и во сне не увидеть. А ты тут маринуешься, водку жрешь.

– Ну так и ты тоже тут, – резонно заметил парень.

– Я жизнь прожил! – снова сжал кулак Сергеич. – И не тебе, сопляку, меня учить. Я с такими людьми дело имел, которые тебе...

– Так это раньше, а сейчас? Что у тебя есть?

Тихон, Артем и Гера все так же молча сидели напротив, задумчиво кивая головами. Наглого типа за столиком справа они явно не замечали. Сергей Сергеич задумался. Что у него есть?

– Квартира... отец получил еще... от завода... машина осталась... старая, правда...

Настроение стремительно портилось.

– Ну а занимаешься ты сейчас чем? – не отставал лупоглазый.

– На «Коммунаре» вкалываю, – огрызнулся Сергеич. – Жрать надо что-то. И дармоедов кормить, а их у меня двое: дочь бестолковая и сынок ее, тоже с придурью.

– Ух ты, семья, – с неприятной насмешливостью произнес толстый парень.

– Да какая к черту семья! Светка, жена моя, ушла от меня, когда дочери года не было. Нашла себе какого-то хера из Михайловска, инженеришку блядского. Ну и уехала. Он ее, кстати, тоже скоро бросил. А в девяносто восьмом взяла и померла. И – здрасьте-пожалуйста, я

ближайший родственник, а потому не хочу ли обратно принять свою дочь! Девке, между прочим, уже тринадцать лет было! Ну, я по доброте душевной и принял; в дом пустил, кормил, поил, одевал. А она взяла и родила в семнадцать лет. Проститутка.

– А от кого родила-то? – поинтересовался пучеглазый.

Сергей Сергеич налился багровым и хлопнул ладонью по столу так, что разом подпрыгнули пивные кружки и рюмки.

– От духа святого! Тебе-то что, чепушила?! Родила и родила. И кроме себя еще и отпрыска своего мне на шею повесила. А ты говоришь – семья. Хер там, а не семья.

– Так, значит, у тебя сейчас нет ничего, да? Ни денег, ни семьи?

– Да я в девяностые... – взвился было Сергеич.

– Пошел ты со своими девяностыми, – спокойно ответил пучеглазый. – Это когда было. А сейчас ты просто старый неудачник.

Сергей Сергеич взревел и вскочил. Стол опрокинулся, кружки и рюмки полетели на пол и на колени Артему, Гере и Тихону. Те тоже подпрыгнули, в ужасе вытаращившись, как люди, проснувшиеся от кошмарного сна.

– Сергеич, ты чего?!

Он подхватил металлический стул за спинку, резко развернулся вправо и замер. Серый лупоглазый парень исчез. За столиком вместо него сидели трое полужнакомых рабочих с «Созвездия», которые тоже испуганно смотрели на Сергея Сергеевича.

– Ничего... ничего я... на воздух мне надо.

Он отпустил стул, подхватил с широкого подоконника куртку, не глядя по сторонам, подошел к двери, пинком распахнул ее и выскочил в переулок. Глубоко вздохнул, раз, другой, третий, пока в легких не стало промозгло и сыро. Низкое молчаливое небо нависло, как крышка гроба. Некрасивые, приземистые дома подмигивали россыпью окон, будто глубоководные насекомые. С проспекта доносились протяжные вздохи проезжающих автомобилей.

К черту. Пора домой.

Город был серым и неприятным. Огни фонарей, фары машин, свет вывесок и витрин раздражали до рези в глазах. В воздухе висела невидимая стылая морось. Мимо, едва не столкнув его с тротуара, прошли несколько девушек и парней.

– Старый неудачник! – и взрыв смеха.

Сергей Сергеич стремительно обернулся, но молодежь уже была далеко.

Может, слышалось?

До дома было минут двадцать ходьбы. Он шел, уставившись под ноги, и старался не думать о разговоре в рюмочной, о прошлом, о будущем, о городе, людях, домах, дочке, внуке – не думать вообще. Сейчас главное, пока хмель еще держит, быстро добраться до койки и лечь спать.

Но свежий холодный воздух и пешая прогулка сделали свое дело, и скоро у Сергея Сергеевича возникло то отвратительное чувство, какое бывает, когда изрядная доля алкоголя начинает отпускать, рождая неприятную тяжесть в голове и особую, похмельную раздражительность. Дело можно и нужно было срочно поправить – глоточком или двумя. Только быстро.

Впереди тревожным красным светом горела вывеска: «24 часа». То, что надо.

Он толкнул дверь и вошел. У прилавка со спиртным стояли двое: рослые, грузные, в костюмах и белых рубашках под распахнутыми пальто. У одного из кармана торчал полосатый скомканный галстук. По виду командированные, наверное, из Михайловска, а то из Москвы или из Питера – кто их разберет. Сергей Сергеевич пристроился рядом, быстро нашел взглядом необходимое – стограммовый стаканчик водки с крышечкой из фольги, поспешно вытащил из потертого кошелька несколько мятых купюр и стал ждать.

– А виски у вас есть? – спрашивал один из приезжих, коротко стриженный, светловолосый, в маленьких очках, влипших в мясистую физиономию.

– Виски? – задумчиво переспросила продавщица и повернулась к полкам с бутылками. – Ну да, какой-то есть...

– А какой?

– Ну-у-у... вот есть «Джонни Уокер»...

– Нет, нет, только не «пешеход», – пробасил другой, ростом пониже, и махнул рукой с отпечатком от обручального кольца на толстом пальце. Само кольцо было снято и, судя по красной, припухлой коже, не без труда.

– Что еще есть?

– Ну-у-у-у... – снова протянула женщина за стойкой, – вот еще «Скотиш Колли»...

– Да ну, говно какое-то, – снова заговорил тот, что в очках. – Давай лучше коньяк возьмем. Коньяк какой есть?

Сергей Сергеевич нетерпеливо притоптывал, злобно посматривая на мужчин в костюмах.

– Ну-у-у-у, у нас есть «Хеннесси»...

– Ребята, а можно я пока водочки возьму? – встрял Сергей Сергеевич. –

Я быстро.

Мужик в очках уставился на него через отсвечивающие голубоватым линзы.

– Дед, ты не видишь, мы выбираем? Стой и жди.

Сергей Сергеич сжал зубы.

– Еще есть вот армянский, пятизвездочный... еще «Командирский»...

– Так, давайте «Хеннеси», две бутылки. Хватит нам две?

– Должно хватить на троих, – подтвердил тот, у которого на пальце был след от кольца, и спохватился: – А баб чем поить будем?

– Точно! Шампанское какое у вас есть?

– Да бля, вы тут до ночи выбирать будете! – взорвался Сергеич и швырнул деньги на прилавок. – Родная, водочки дай мне, стограммовый стаканчик!

Мужик в очках небрежным жестом смахнул на пол купюры.

– Слушай, дед, тебе что, больше всех надо? Жди своей очереди.

Их было двое, большие, тяжелые, и оба налиты той рыхлой, мясистой силой, которая накапливается за годы чересчур изобильной и частой еды, малой подвижности и излишества в алкоголе. Драться не хотелось. Сергей Сергеич скрипнул зубами и нагнулся, чтобы поднять деньги.

– Старый лишай, – донеслось сверху. – Неудачник. Так шампанское какое у вас?

В кармане у второго зазвонил телефон.

– Да, Саня, мы в магазине сейчас... что-нибудь выпить купим в номер и сразу поедим... а ты уже в клубе? И как, хорошие есть?

Они ушли только минут через десять, позвякивая огромными пакетами и продолжая разговаривать с кем-то по телефону. Хлопнула дверь. Сергеич положил деньги перед продавщицей, посмотрел на нее и спросил:

– И вот что с ними делать? Убить?

– Конечно, убить, – ответила продавщица и моргнула огромными, выпученными рыбьими глазами. – Найти и убить.

Сергей Сергеич вздрогнул и вытаращился на женщину за прилавком. Она была толстой, с огромными грудями, свешивающимися под фартуком едва ли не до середины выпуклого живота.

– Что ты сказала? – переспросил он.

– Хватит пить, говорю, – резко выкрикнула продавщица и со стуком поставила водку на прилавок. – Домой иди!

Теперь она почему-то стала худой, с резкими чертами лица и бородавкой на носу. Сергей Сергеич взял стаканчик, попятился и вышел.

«Убить, – звучало у него в голове. – Убить».

Водку он выпил залпом.

Серая молчаливая река подхватила и понесла.

Он с трудом открыл замок в двери. Не разуваясь, в верхней одежде вошел в свою комнату, сорвал покрывало с дивана, поднял сиденье и принялся рыться в ящике для белья.

– Твою то мать... где же?... А, вот!

Под старым одеялом, завернутая в простыню, лежала «Сайга»: родная сестра «калашникова», со складным прикладом и магазином на восемь патронов двенадцатого калибра. Вороненый металл тускло засветился в полумраке. Сергей Сергеич погладил карабин и спросил шепотом:

– Убить?

– Убить, – металлически звякнуло в ответ.

Он вытащил оружие, из нескольких картонных коробок пересыпал патроны в карман, прислонил «Сайгу» к стулу и снова пошарил в диване. Пальцы сомкнулись вокруг металлической ребристой поверхности.

– И ты тоже сгодишься, – прошептал он, засовывая гранату в другой карман.

Он выскочил из квартиры, что-то проорав в ответ дочери, высунувшейся из дверей комнаты. Пешком, грохоча ботинками и едва не упав, сбежал вниз по лестнице и распахнул дверь подъезда. Старая, выдавшая вместе с видами и лучшие времена ржавая «Нива» стояла напротив. Сергеич открыл дверцу, положил карабин на пассажирское место и уселся за руль.

– В клуб, значит, собираетесь? Интересно, в какой?

– А у нас один такой клуб, – ответил он сам себе, глядя в зеркало над приборной доской. – Блядская «Селедка».

Двигатель надсадно взревел. «Нива» дернулась, резко сдала назад, врезавшись бампером в припаркованный Ford. Завыла сигнализация, лихорадочно замигали оранжевые огни. Сергеич выругался и крутанул руль. Машина, вновь заревев и едва не встав на дыбы, рванулась вперед и вынеслась на проспект.

Ему хватило самообладания не врезаться ни в кого по дороге и даже чуть-чуть сбавить скорость. Дело предстояло нешуточное, и глупо было бы все испортить случайной аварией. Но на последнем, прямом участке проспекта перед «Селедкой» он все же не выдержал и понесся вперед ураганом. Резко затормозил, чуть не ткнувшись в руль носом, притерся правым бортом к какому-то автомобилю и посмотрел в окно. Оба командированных стояли у входа в клуб, как будто специально его поджидая, и курили, о чем-то переговариваясь. Сергей Сергеевич сдержнул

«Сайгу» с сиденья, щелкнул предохранителем, передернул затвор и выскочил из машины с оружием наперевес.

Его заметили, только когда он уже вскинул карабин к плечу и прицелился. Кто-то закричал. Мужик в очках закрутил головой, пытаясь понять причину тревоги.

– Эй, чепушила! – позвал его Сергей Сергеевич, и, когда тот обернулся, нажал на спусковой крючок.

* * *

Даниил увидел Лилю издали. Ее нельзя было не заметить: рыжая, на каблуках, в белой короткой курточке, расстегнутой на глубину декольте так, что большие упругие груди, стиснутые тугим лифчиком, подпрыгивали при каждом шаге, словно собираясь вот-вот выскочить наружу. Даниил подумал в первое мгновение, что ей, наверное, холодно – сам он уже продрог до соплей, пока слонялся последние четверть часа взад и вперед вдоль стены клуба, – но от нее почти ощутимо исходила волна такой живой теплой силы, такой солнечной, яркой энергии, что казалось, она может согреть собой всю улицу, какое там – весь этот город, заставить заулыбаться серое море и пробить брешь в низких тучах до самого неба. Он встал перед ней, лихорадочно думая, что должен сказать или сделать, но солнце померкло, а Лиля, едва скользнув по нему взглядом, качнула бедрами, сделав шаг в сторону, обошла его как ни в чем не бывало и направилась к входу в «Селедку», рядом с которым стояло несколько человек: курили, разговаривали по телефонам, выскочив без верхней одежды в промозглую ночь.

Даниил растерянно смотрел Лиле вслед. Она остановилась. Он было шагнул вперед, но Лиля достала из сумочки телефон, прижала к уху и заговорила, повернувшись в сторону Даниила, так что он смог увидеть, как сморщился ее носик и надулись немного губы, складываясь в недовольную гримаску.

Со стороны дороги резко взвизгнули тормоза. Из грязной машины выскочил высокий худой человек с морщинистым злым лицом и жестким ежиком седых коротких волос. Дерганым, нервным шагом он подошел ближе, ступил на тротуар напротив входа в клуб, остановился и вскинул руки. Даниил даже сразу не понял, что тот держит в руках, а когда миг спустя сообразил, то обомлел и раскрыл рот. Это был автомат, черный, тускло блестящий металлом, с длинным рожком. Человек расставил ноги и

прицелился. Лиля стояла к нему спиной и все еще говорила по телефону. Даниил хотел было что-то сделать, крикнуть, как-то предупредить, может, броситься к ней, но то, что происходило у него на глазах, было так дико, невероятно, неправильно, невозможно, что он мог только стоять и смотреть, раскрыв рот, вытаращив глаза и опустив руки. Ремень сумки соскользнул у него с плеча.

Раздался чей-то крик. Лиля стала поворачиваться в сторону мужчины с автоматом.

– Эй, чепушила! – хрипло выкрикнул тот, и в следующий миг грянул выстрел.

* * *

Лиля услышала резкий хлопок и увидела, как голова высокого мужчины в костюме, минуту назад с улыбкой щурившегося через очки в ее сторону, резко дернулась. Затылок над толстой, покрытой складками шеей разлетелся кровавыми брызгами. Что-то липкое и горячее брызнуло на ее грудь. В динамике телефона закричал отец, но Лиля его не слышала: она стояла, остолбенев, и смотрела на злобный блеск сузившихся желтоватых глаз поверх длинного ствола карабина в нескольких шагах от нее. Тощий старик с винтовкой в руках чуть повернулся, навел дуло на еще одного мужчину в костюме и снова выстрелил. Тот отлетел, ударился спиной о стену и медленно сполз вниз, широко раздвинув ноги. Серые брючины задрались кверху, оголив белые волосатые ноги чуть выше сползших черных носков.

Люди у входа, пригибаясь, бросились врассыпную. Лиля пронзительно завизжала. Старик с карабином повернулся на ее крик, и она увидела прямо перед собой круглый черный срез чуть дымящегося дула. Она снова взвизгнула, взмахнула рукой – мобильник, вращаясь, ударил стрелка в кустистую правую бровь. Тот мотнул головой, зарычал, ствол дернулся в сторону, грохнул выстрел, пламя вырвалось едва ли не на полметра, и Лиля услышала, как что-то с низким гудением пролетело над ухом, будто шмель прожужжал мимо. Запахло пороховой гарью и горячим железом. Со стены посыпалась отбитая штукатурка. Лиля развернулась и метнулась прочь, едва не сбив с ног замершего посреди тротуара лопухого мальчишку в очках.

– Мальчик, что ты стоишь, беги! – закричала она.

Паренек не двинулся с места. Лиля схватила его за руку, рывком

сдернула с места и побежала, волоча за собой.

За спиной снова ударил выстрел. Вокруг кричали на разные голоса, бежали, прятались за машины. Нога на неудобном высоком каблуке подвернулась, и Лиля бы непременно упала, но мальчишка в очках с неожиданной силой вцепился ей в руку. Лилия быстро нагнулась, сорвала с ног туфли, перехватила их в одну руку, другой снова сжала горячую, мокрую ладонь паренька и побежала вперед, не чувствуя холода ледяных луж под ногами, не думая, не видя, почти не соображая, как человек, изо всех сил вырывающийся из сна, превратившегося в кошмар.

* * *

Пуля попала очкастому здоровяку аккуратно вверх переносицы. Сергей Сергеич видел, как разлетелась шрапнелью оправа, как дернулась голова, как густые кровавые брызги из разломанного затылка плеснулись по сторонам и на серо-желтую стену.

Его охватил чистейший, ослепительный, искрящийся ликованием восторг. Это было похоже на глоток горного воздуха после долгих лет, нет, десятилетий, проведенных в подземной тюрьме.

– Да! – заорал он и прицелился во второго, того, что был пониже и толще. Тот выглядел уже не так уверенно, как час назад в магазине, нет, совсем не так: пухлая физиономия из розовой стала белой, он присел, вытянул вперед руки, из трясущихся губ понеслось какое-то бормотание, а растопыренные пальцы, на одном из которых припухла и покраснела кожа от содранного кольца, дрожали, как будто с похмелья.

Сергей Сергеич ослабился и выстрелил, с наслаждением ощутив мощный толчок отдачи. Толстяк врезался спиной в стену рядом с входной дверью, уселся на задницу и раскорячился на грязном асфальте, как раздавленный паук.

В панике заметались вокруг люди и тени. Справа кто-то завизжал, как свинья, почуявшая острие заточки. Сергеич обернулся на звук: какая-то рыжая грудастая девка верещала, выпучив на него круглые карие глаза. Сергей Сергеич вскинул «Сайгу», но визгливая сучка бросила в него что-то, кажется, свой мобильник, угодивший жестким пластиковым ребром в бровь. Боли не было, но он дернулся, рефлекторно нажал на спуск, выстрелил и промазал. Он было снова прицелился вслед убегающей рыжей, наведя мушку точно посередине спины в белой куртке, но уловил боковым зрением, как от входа в «Селедку» к нему метнулась какая-то тень. Сергеич

стремительно развернулся – и вовремя, как раз чтобы успеть почти в упор выстрелить в молодого охранника, бежавшего на него с широко расставленными руками. Пуля вошла парню в живот, мгновенно окрасив ярко-алым белую ткань рубашки. Охранник охнул, упал, скрючился на асфальте, хрипло завыл и пополз обратно к дверям, вяло суча согнутыми ногами по тротуару.

– Что, приуныл, герой? – торжествующе поинтересовался Сергеич. Сделал шаг, встав над корчащимся у его ног раненым, вытянул руку, приставил дуло «Сайги» к голове и надавил на спусковой крючок. На этот раз к пороховой кислой вони добавился запах горелых волос. По асфальту расплескалось пятно, будто кто-то каблуком раздавил гнилой помидор. Сергей Сергеич чуть отступил и с удовлетворением огляделся, как художник, окидывающий взглядом наброски к живописному полотну.

Здоровенный мужик в очках валялся в луже на тротуаре, как тюк с тряпками и потрохами. Его приятель сидел, свесив голову, у стены; из раны в груди толчками текла густая кровь, на губах пузырилась розовая пена. Скорчившийся у двери охранник застыл, лежа головой в растекающейся кровавой каше. Автомобили на проспекте останавливались, некоторые разворачивались поспешно и уезжали, некоторые стояли, тревожно мигая рыжими аварийными сигналами. Тротуары опустели. Прохожие, как тени, растворились в ночи. Сергей Сергеич вдохнул полной грудью и улыбнулся. Сердце разухабисто отплясывало в груди, как перепивший грибного отвара шаман, кровь кипела и пузырилась, в каждой клетке тела пульсировала и билась бешеная, веселая, молодая жизнь.

– Э-ге-ге-ге-гей! – во всю глотку заорал он и, поворачиваясь на каблуках, не целясь разрядил остаток обоймы по автомобилям. Зазвенело стекло, взревели моторы, кто-то пронзительно и жалобно заголосил.

Сергей Сергеич деловито отсоединил магазин, полез в карман, вынул патроны и не спеша, поглядывая на дверь клуба, стал заряжать их один за одним. Странно, но на улицу пока никто не вышел: то ли не слышали выстрелов в грохоте музыки, пульсировавшей басами, как забивающий стальные сваи молот, то ли, наоборот, все слышали и прятались, как крысы в темной норе.

Ладно, сейчас проверим.

Он защелкнул рожок и перешагнул порог «Селедки».

Тяжелые, ритмично давящие звуки ударили по ушам. В полумраке вспыхивали и гасли огни. Слева был гардероб, впереди – залитая золотистым светом длинная барная стойка, справа – беспорядочно расставленные круглые столики, а за ними, в самом конце длинного,

вытянутого, как тоннель, помещения, находился погруженный в мерцающий полумрак танцпол, над которым возвышался на высоком подиуме ди-джей в наушниках и бейсболке, сосредоточенно водивший руками над аппаратурой. Все места за столиками были заняты, вдоль стойки сидя и стоя выстроилась живая стена, на танцполе клубилась и вздрагивала темная человеческая масса. Сергей Сергеич постоял немного, опустив «Сайгу», оглядываясь и привыкая к полумраку. Никто не обращал на него внимания, только тощий парень в длинной футболке навыпуск двинулся было в его сторону, дико взглянул на карабин, отшатнулся и исчез в толпе.

В первые несколько секунд никто не понял, что происходит. Холеный, вальяжный мужчина в полосатой рубашке с высоким воротником, сидящий у барной стойки, дернулся, стукнулся лбом о полированное темное дерево и тяжело повалился прямо на Ингу Зотову, сбив ее с высокого стула и уронив на пол. На зеркальных полках взорвались осколками и разлетелись, обрушив потоки текилы и рома, бутылки. Один из барменов в белой рубашке растерянно оглянулся на полки и тут же упал с залитым кровью лицом в лужу растекшегося алкоголя, перемешанного с битым стеклом. У самого входа кто-то навзничь рухнул на столик, сметая бокалы с коктейлями и шампанским. Яростные децибелы диджейских миксов поначалу глушили гром выстрелов, и публика на танцполе все еще дергалась, извивалась, терлась бедрами и вскидывала вверх руки, когда в другом конце зала, стремительно, как пожар, нарастало смятение, быстро превратившись в страшную панику. Вокруг человека с ружьем мгновенно образовалось пустое пространство; люди оглядывались, падали под столы, ползли, разбегались, несколько человек опрометью бросились в двери кухни слева от стойки.

– Куда! Стоять! – заревел Сергей Сергеич и дважды выстрелил вслед убежавшим, попав в спину девчонке в розовом топе. Пуля мгновенно перебила позвоночник, вырвалась наружу под грудью, раздраженно жужжа, будто злобное насекомое, и девушка упала навзничь в дверном проеме, прижав своим телом распахнутую дверь.

Движение охватило весь зал. Теперь и на танцполе увидели, что происходит; толпа всколыхнулась, стеснилась, потом раздалась, но бежать было некуда: у входной двери разрывали полумрак сполохи выстрелов, загоняя людей в дальнюю часть клуба и отсекая от дверей кухни с ее спасительным черным ходом. Кто-то успел перепрыгнуть барную стойку и присесть за ней рядом с кегами с пивом и перепуганными барменами. Последним почуял неладное диджей: оторвавшись от экрана компьютера,

он увидел хаотичное движение на танцполе, перевел взгляд чуть дальше и только тогда заметил высокого человека с оружием у дверей. Тот размахивал карабином и что-то кричал. Две подряд резкие вспышки огня ударили по глазам. Музыка оборвалась и затихла. Перекрывая разноголосые выкрики и громкий плач, раздались надсадные, хриплые вопли:

– На пол! На пол! Лежать, суки! Всем лежать! Лежать!

Снова ударил выстрел. С потолка полетели обломки фанерных панелей. Все попадали, где стояли. Над толстым слоем живой, копошащейся плоти, обтянутой разноцветными тряпками, возвышались опустевшие столики, на которых стояли стаканы с недопитым мартини и виски. Слышались приглушенные стоны и испуганный плач.

– А ну, не ныть мне тут! – заорал Сергей Сергеич, вырвал из кармана гранату и потряс ею в воздухе. – Только рыпнетесь или пикнете – взорву всех к херам!

Все замерло. Он внимательно посмотрел на вздрагивающие спины, голые ноги, торчащие из-под задравшихся юбок, затылки и задницы, удовлетворенно крикнул и стал заряжать новую обойму.

* * *

Подполковник Скворцов перезвонил дочери мгновенно, сразу после того, как связь оборвалась после грохота выстрела и ее крика. Он выскочил из кабинета, одной рукой держа ремни плечевой кобуры с табельным пистолетом, а другой прижимая трубку к уху. «Аппарат абонента выключен или находится вне зоны действия сети», – сообщил металлический женский голос.

Он пронесся по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, распахнул дверь в вестибюль, прокричал дежурному: «Всех, кто есть, к «Селедке», быстро!», и через несколько секунд уже прыгнул в автомобиль. Одной рукой крутанул ключ в замке зажигания, другой снова выхватил телефон.

«Аппарат абонента выключен...»

Нельзя было разрешать ей ходить по клубам. Нельзя было засиживаться на работе. Нельзя было мутить роман с Риткой.

Это все из-за него.

Скворцов стиснул зубы и рванул автомобиль с места. С заднего сиденья со звоном и грохотом скатились на пол две бутылки шампанского, припасенные для романтической ночи.

Проспект рядом с «Селедкой» был пуст. У дверей неподвижно лежали три тела – мужских, с облегчением заметил Скворцов. На середине проезжей части, рядом с раскорячившейся во втором ряду старой «Нивой», стояла полицейская «Лада». За ней съезжились двое патрульных. Стекла припаркованных у клуба машин были разбиты, в борту «Лады» зияла дыра. Скворцов затормозил рядом, набросил на плечи ремни кобуры и, пригнувшись, подбежал к сотрудникам.

– Подполковник Скворцов, что тут у вас?

Лица у обоих были бледные и испуганные. У того, что помладше, серая форменная куртка была порвана на боку, края ткани измазаны кровью.

– Ранен?

– Чуть-чуть... зацепило...

– Был тревожный вызов, по «кнопке», – заговорил старший. – Мы подъехали, собирались войти, а он стал стрелять...

– Один?

Полицейский кивнул.

– Да. С винтовкой или автоматом. Там второй экипаж у задней двери, говорят, кто-то успел выскочить, повара вроде и из посетителей несколько человек, вот они и сказали, что стрелял один какой-то мужик...

– Не говорили с ним?

Сержант помотал головой.

– Ясно. Рацию дай. Кто старший во второй машине?

– Дегтярев. То есть старшина Дегтярев.

Пискнула рация. В динамике зашипело.

– Дегтярев, слышишь меня? Подполковник Скворцов говорит. Люди, которые из клуба успели выбежать, у вас?

– Так точно. Да их немного, человек десять всего, мы их...

– Понял, понял. Скажи, девчонка, полная такая, рыжая, есть среди них?

Шипение. Треск. Скворцов сжал рацию так, что заскрипел пластик.

– Никак нет, рыжих нету.

Из темной двери клуба гроыхнуло. Стекло в правой дверце полицейского автомобиля рассыпалось. Патрульные втянули головы.

– Эй, мусора! – раздался натужный крик. – Чего ждем? Давайте, я здесь!

Снова выстрел.

– Он так все время, – сообщил сержант. – Орет и стреляет. И поет еще. Скворцов сунул ему рацию, прислонился спиной к борту машины и

снова достал телефон.

«Аппарат абонента...»

Он нажал на отбой и набрал номер жены. Гудки были долгими и томительными.

– Эй! Мусора! Приссали?!

– Сейчас, сейчас, подожди, поговорим, – пробормотал сквозь зубы Скворцов, и в этот момент в динамике раздался голос супруги.

– Мишенька, прости, что долго, я тут на кухне, не слышала звонка...

– Лиля дома?

– Нет, так она же в клуб сегодня ушла, ты же сам...

Подполковник чертыхнулся и сбросил вызов.

– Эй! Что молчим?!

Скворцов чуть приподнялся и посмотрел на вход в клуб. Ничего не видно, только черный провал в пустоту. Он выдохнул, встал, не сводя взгляда с двери, и прокричал:

– Ну, давай пообщаемся!

* * *

Сергею Сергеичу хотелось битвы. Настоящей, кровавой, с перестрелкой и рукопашной дракой. Что делать с заложниками, он понятия не имел; можно было расстрелять в расprostертые перед ним спины и головы весь боекомплект, а потом еще и гранату бросить, но такая мысль не привлекала. Он нуждался в сражении, отражении штурма и... да, в геройской смерти в бою. Серая река, в которой он, будто дохлый карась, так долго и медленно плыл по течению, взметнулась пенными брызгами, закружила волнами и стремительно понесла его к ревущим порогам, за которыми низвергалась в бездну, и Сергей Сергеич не прочь был загреметь в нее, но загреметь под фанфары. Счастливое возбуждение после стрельбы на улице и в клубе стало уже ослабевать, когда наконец-то появился противник: двое патрульных вылезли из машины, увидели трупы на тротуаре, остановились, что-то заговорили в рацию, а потом медленно, осторожно направились к входу. Сергеич наблюдал за ними, прижавшись к стене у входной двери, а когда те подошли ближе, выскочил в проем и открыл огонь. Правда, не очень удачно: одного вроде подранил, но второй подхватил напарника и с удивительным проворством утащил под прикрытие припаркованных у поребрика автомобилей. Снова наступило затишье. Последние минут пять Сергей Сергеич развлекался криками и

стрельбой из дверей, попутно осушив несколько недопитых стаканов со столиков: коньяк, виски, текила, еще какое-то бабское сладкое пойло. В голове приятно шумело, в теле была особая, порывистая легкость.

– Эй! Что молчим?!

Он уже приготовился снова выстрелить, как вдруг услышал ответный крик:

– Ну, давай пообщаемся!

Сергей Сергеич выглянул одним глазом наружу. Высокий плечистый мужик в рубашке, перетянутой кобурой, стоял за полицейским автомобилем.

– А ты кто такой будешь? – поинтересовался Сергеич.

– Подполковник Скворцов!

– Подполковник? В рот тебе половник! – и он заразительно расхохотался, радуясь неожиданному экспромту.

– Давай договариваться! – не унимался полицейский. – Что тебе нужно?

Сергей Сергеич задумался.

– Миллион долларов! – крикнул он после паузы. – И голубой вертолет! И снова захохотал.

– Я серьезно! Отпусти людей, еще можно все решить по-хорошему!

– А я, может, хочу по-плохому!

Он вскинул «Сайгу» и выстрелил. Подполковник мгновенно присел за машину, и пуля только выбила последние оставшиеся стекла в боковых дверцах.

– Ты куда пропал, мусор! – надсаживаясь, заорал Сергеич. – Ты же поговорить хотел!

Он еще раз, не целясь, пальнул и затянул во весь голос:

– Орленок, орленок, взлети выше солнца и степи с высот оглядiiiiiiiiииии...

Выстрел. Еще один.

– Навеки умолкли веселые хлопцы, в живых я остался одiiiiiiiiииииин...

Выстрел – и сухой звонкий щелчок. Нужно перезарядить. И хватит пока – патроны пригодятся, когда начнется настоящее дело. А оно, судя по всему, было не за горами.

* * *

Через пять минут у «Селедки» было уже восемь патрульных машин и

– И устроим перестрелку в набитом людьми замкнутом пространстве? – возражал Михальчук.

– Ладно, тогда пройдем вдоль стены, под окнами, и сразу войдем в двери. Используем эффект неожиданности и расстреляем в упор.

– Миша, я все понимаю, но давай дождемся спецназ. Он же пока не стрелял в заложников, верно?

– Да, пока не стрелял, – согласился Скворцов.

И готов был молиться любым богам, чтобы так оно и оставалось.

* * *

– Инга, – шепотом позвала Ира Глотова. – Инга!

Лежащая рядом подруга осторожно повернула голову и уставилась на Иру покрасневшими от слез глазами. На щеке размазалась и запеклась кровь, но ран или ссадин не было видно. Наверное, чужая.

– Чего? – одними губами шепнула она.

– Надо валить, – тихо сказала Ира. – И я знаю как.

Часов она не носила, мобильного под рукой не было – потерялся куда-то в этой кутерьме, – так что Ира не знала, сколько времени прошло с момента, когда психованный дед с винтовкой положил их всех на пол, но ей уже казалось, что минуло несколько суток, и провела она их то ли в ночлежке, то ли в военном госпитале на передовой: отовсюду слышались стоны, сдавленный плач, испуганный шепот, воняло кровью, порохом, потом и страхом, а недавно понесло еще и мочой. Все это время перед носом у нее с одной стороны маячили подошвы мужских ботинок с логотипом производителя и довольно топорно вытисненной картой Италии, а с другой – красная изнанка под каблуком женских туфель на раздвинутых длинных ногах; между ними, под слишком короткой юбкой, белели узкие трусики с неряшливым желтым пятном. Тот еще вид. Сумасшедший у двери то стрелял, то орал на кого-то, то пел, то разговаривал сам с собой – вот как сейчас:

– Ты не черт, ты чепушила, вот ты кто... Виски тебе надо? Коньяк? Вот тебе, сука, и коньяк и виски... Убить... да, мамочка, твоя правда... всех убить...

Ничем хорошим такое кончиться не могло. Все, пора сваливать.

– Как? – прошептала Инга.

Ира пошевелилась, приподняла голову и показала глазами назад:

– Посмотри! Да не бойся, я слежу!

Инга, уже огибавшая огромную, все еще горячую стальную плиту, оглянулась и увидела, как правый глаз подруги взорвался кровавыми брызгами, а через мгновение прошедшая навывлет пуля ударила в стену над плитой, раскрошив кафельную плитку, осколками осыпавшуюся в большую сковороду. Ира упала навзничь. Инга взвизгнула и кинулась к черному ходу.

– Твари! – заорал Сергей Сергеич. – Говорил же, лежать смирно! Всех порешу!

Он направил карабин в пол и начал стрелять. В полутьме зала раздались отчаянные крики и вой.

Грохот выстрелов был слышен на улице. Темные матовые стекла окон озарились изнутри яркими вспышками.

«Убивает заложников, – понял Скворцов. – Лиля!»

Он выхватил пистолет и бросился к входу.

– Куда! Назад! – закричали сзади, но он был уже в пяти, в трех, в двух шагах от двери.

Из темноты дверного проема вынырнуло искаженное злобой, белое, как посмертная маска, лицо. Подполковник вскинул оружие, но вдруг почувствовал, словно ему кто-то накинул на шею веревку с петлей и сильно дернул назад. Он поскользнулся и упал на спину.

Пуля двенадцатого калибра попала ему в горло и перебила яремную вену. Еще не понимая, что он уже убит, Скворцов попытался подняться, но тело сковала тошнотворная свинцовая слабость. На лицо плеснуло густой горячей волной. Один глаз закрылся, залитый кровью, но другой еще был открыт и смотрел в небо: оно было угрожающе низким, непроницаемо темным, клубящимся тучами, которые свились в одну огромную, грузную, принявшую очертания исполинской женской фигуры с гигантскими грудями и круглой маленькой головой без лица. Фигура качнулась и стремительно опустилась вниз.

Сергей Сергеич увидел, как к упавшему подполковнику устремилось несколько человек, в форме и в штатском. Он оскалился, упер поплотнее в плечо приклад карабина и нажал на спуск.

Ничего.

Отшатнулся от входа, выдернул рожок, сунул руку в карман – пусто. Патроны закончились – как песок в песочных часах.

Люди на полу ползали и копошились, стараясь отползти подальше от трупов. Кто-то корчился, непрерывно крича, какого-то парня, бледного, с окровавленным животом, девушка в платье в горошек пыталась затащить под столик. У ног Сергея Сергеевича прополз на четвереньках мужик в черном свитере, мотая головой и мыча.

Сергей Сергеич встал посередине зала, достал из кармана гранату, вытащил кольцо, сразу ощутив, как железная рукоятка надавила на пальцы, и прижал ребристый край к голове.

– Ну, вот и все, – сказал он громко. – Не поминайте лихом, если что!

Пальцы разжались. Рычаг со щелчком отлетел в сторону.

Секунды тянулись так медленно, так бесконечно, что Сергей Сергеич подумал уже, что боеприпас неисправен. Он поднес гранату к лицу, посмотрел с удивлением на округлые ребра – и в следующий миг мир и время исчезли в ослепительной белой вспышке.

* * *

Лиля сидела на скамейке у подъезда, поджав замерзшие, исцарапанные ноги. Очкастый мальчишка был рядом: пристроился на краешке, сгорбился, положив руки на колени, смотрел перед собой и едва заметно дрожал. Лиля не помнила, да и не понимала, как и зачем она притащила его за собой к своему дому; она просто бежала и бежала, не оглядываясь, как не бегала никогда в жизни, а когда очнулась, то увидела дверь своей парадной и почувствовала, что все еще крепко сжимает мальчишескую ладонь, так, что даже свело от напряжения пальцы. Паренек, впрочем, не сопротивлялся, просто стоял рядом, не глядя на Лилю, как будто ждал, что она ему скажет, как быть и куда идти дальше.

Она и сама этого не знала, но чувствовала, что не может пойти домой. Пока не может. Сердце заходило в груди и больно, бешено колотилось, дышать было трудно, в голове вихрем носились обрывки мыслей и жутких картинок, словно осенний ветер подхватил, кружа, рассыпавшиеся фотокарточки: белесые глаза поверх прицела, черное отверстие дула, разлетающийся в кровавые ошметки затылок...

Лиля опустилась на лавочку, поставила подле себя сумочку, туфли и попыталась перевести дыхание. Ноги болели и ныли, и она поджала их под себя. Мальчик молча сел рядом. Она покосилась на него и сказала:

– Я в этом доме живу. А ты?

Он неопределенно махнул куда-то рукой.

– Недалеко. Тоже на Рогатке.

– Сможешь дойти сам?

– Да.

Со стороны проспекта несколько раз доносились, то нарастая, то удаляясь, тревожные звуки сирен. Было пусто и холодно.

Паренек посмотрел на Лилю, заерзал и стал расстегивать молнию на куртке.

– Ты чего? – удивилась она.

Тот не ответил, снял куртку, повернулся и принялся неловко закутывать в нее Лилины босые стопы.

– Не надо, ну что ты, нет... – слабо запротестовала она, но мальчишка упрямо мотнул головой.

– Тебе же холодно. Ноги совсем ледяные.

Он попытался растереть ее ступни и пальцы ладонями, задел ссадины, и Лиля вскрикнула:

– Ой, больно!

– Прости.

Он убрал руки, но все же плотнее подоткнул куртку по бокам. Удивительно, но ей и в самом деле стало теплее. Она улыбнулась.

– Спасибо.

Мальчишка ответил слабой улыбкой. Лиля присмотрелась к нему и сказала:

– Слушай, а я тебя знаю, наверное... Ты в «единице» учишься?

– Ну да. Мы с тобой в одной школе.

– Вот! А я думаю, где тебя видела, – Лиля протянула ему руку. – Я Лиля.

Мальчик невесело усмехнулся и ответил:

– Да. Я знаю. А меня зовут Даниил.

И тихонько пожал ее холодные пальцы.

Лиле захотелось сказать ему что-то хорошее и ободряющее – уж очень жалко выглядел сейчас этот Даниил: маленький, худой, бледный, взъерошенный и печальный.

– Ты смелый, – сказала она первое, что пришло в голову.

Подумала и добавила:

– И заботливый. Знаешь, еще никто и никогда не грел мне ноги собственной курткой.

Поддействовало: Даниил заулыбался уже увереннее, а глаза за стеклами больших очков перестали влажно блестеть и быть похожими на глазки испуганного зверька.

– Спасибо, – ответил он. – А меня еще никто не называл смелым.

На проспекте снова завывли сирены. Они замолчали, прислушались, напряглись. Даниил затрясся сильнее: на нем был только тонкий серый свитер, обтягивающий костлявые плечи, и без куртки он явно мерз – вздрагивал, шмыгал носом и даже пару раз клацнул зубами.

– Знаешь, – сказала Лиля, – наверное, мне пора домой. И тебе тоже. Ты точно сможешь дойти сам?

Она стала стаскивать с ног куртку. Даниил помотал головой.

– Нет. Тебе домой так нельзя.

– Почему? – удивилась Лиля.

Он молча кивнул, указывая на ее грудь.

– Вот почему.

Лиля опустила глаза, охнула и почувствовала, что кровь разом отхлынула от лица, голова закружилась, а в ушах противно зазвенело. Весь вырез ее декольте от шеи до самой кромки бюстгалтера был забрызган подсохшими крупными красными каплями и какими-то вязкими сгустками. Она покачнулась и схватилась за спинку скамейки.

– Тебе плохо? – Даниил встревоженно схватил ее за руку.

– Да... нет... не знаю... нет, вроде уже прошло... Ужас какой!

– Сейчас что-нибудь придумаем, – серьезно сказал Даниил и полез в карман аккуратных отглаженных брюк.

Платок был на месте: чистый, отутюженный, сложенный вчетверо. Даниил развернул его, поплевал, как делала мама, когда хотела стереть с его лица одной ей заметную грязь, накрыл платком глубокий вырез футболки и стал аккуратно вытирать, чуть надавливая ладонью. Грудь под его рукой была восхитительно плотная, податливая и одновременно упругая. Даниил прикусил губу, сосредоточился и, не поднимая глаз, деловито продолжил размазывать чужую кровь по нежной матовой коже цвета топленых сливок. Платок покрылся красноватыми и розовыми пятнами и полосами. Даниил так старался думать только о стирании кровавых капель и старательно гнать другие, посторонние мысли, что увлекся и сам не заметил, как его рука то и дело забиралась в тугую щель между грудями и даже заползала под жесткий край лифчика. Очнулся он от этого странного транса, когда его палец задел твердый крупный сосок. Даниил вздрогнул, отдернул руку и испуганно взглянул на Лилю. Она смотрела на него со странной полуусмешкой, понимающей и снисходительной. Даниил покраснел и снова опустил глаза.

– Как-то не очень получилось, – извиняющимся тоном произнес он.

– Ничего, – сказала Лиля и поддернула вверх застежку своей куртки. – Я дома смою.

А потом быстро нагнулась и звонко чмокнула его прямо в губы.

– Ну все, я пошла. – Она поднялась со скамейки. – До встречи в школе!

Даниил смотрел, как она идет, прихрамывая и покачиваясь, к входной двери, достает ключи, открывает электронный замок, как мелькает в

освещенном проеме лестницы ее белая куртка. Железная дверь медленно закрылась и лязгнула.

Назад он шел медленно, то проводя языком по губам, на которых остался сладковатый и маслянистый след, будто от мокрого леденца, то останавливаясь и задумчиво глядя на свои ладони. И только у самого дома, когда достал из кармана связку ключей, он спохватился и хлопнул себя по бокам: сумка с планшетом, упавшая с его плеча на тротуар у «Селедки», видимо, лежала там и поныне.

* * *

Северосумск пусть и небольшой город, но и не настолько маленький, чтобы переполох в его центре мог быстро добраться до окраин. Когда старый Лапкович схлестнулся в круглосуточном магазине со злосчастными командированными из Петербурга; когда мама Жени Зотова в радостном возбуждении натягивала на себя короткое красное платье и спешно красилась, собираясь на ночное свидание; когда загремели первые выстрелы, а по центральному проспекту, одна за одной, завывая сиренами, понеслись машины полиции, пожарных и «Скорой помощи»; когда незримый эфир наполнился паническими телефонными звонками, переговорами по радиации и нарастающей тревогой; когда упала, получив пулю в затылок, дочь мэра города Ира Глотова, а отец Лили Скворцовой, начальник уголовного розыска Северосумска, распростерся на грязном асфальте, захлебываясь кровью; даже когда взрыв гранаты в красную пыль разнес голову Сергея Сергеича, а зазубренные осколки разлетелись по полутемному залу ночного клуба, убивая, калеча и раня – ничто не нарушало на северном краю Слободки размеренности мирного вечера, который Макс проводил в кругу своих старых товарищей. Возможно, знай Макс, что это его последний спокойный вечер, он тоже бы ощутил беспокойство и даже страх, но это пока было ему неизвестно, так что примерно с восьми вечера и почти до полуночи он сидел с пацанами на скамейках площадки детского сада, рассказывал и слушал анекдоты, играл в карты, грыз семечки и думал, не навестить ли ему грудастую продавщицу Светку, имевшую страстную склонность к мальчишкам-подросткам. В непростом выборе между Светкой и онлайн-игрой «Броневики» победа оказалась за последними. Такова жизнь: в ее первое с половиной десятилетие преимущество остается за играми, потом лет двадцать или чуть больше Светки и Ленки уверенно возглавляют списки мужских

развлечений, а дальше снова игрушки – пусть другие, взрослые, но все же игрушки – вытесняют на второе и третье места суетливые плотские радости.

Макс попрощался с приятелями и не спеша направился к дому. Узкая улица была пустынна, под стать мыслям, которые вроде и были, а спроси сам себя: о чем думаешь? – и ответ вряд ли найдется.

Впереди замаячила чья-то тень. Макс на всякий случай чуть сбавил шаг и сунул руку в карман, нащупывая рукоятку складного ножа. Конечно, это его район, но мало ли... Слободка – она Слободка и есть.

– Здорово, Максютя!

– О, привет, Кекс!

Макс отпустил нож, вытащил руку из кармана и протянул ее для приветствия. Кекс был его сосед по подъезду, длинный, нескладный парень лет восемнадцати; он в прошлом году закончил учебу в легендарной «восьмерке» и предпочел дальнейшему образованию карьеру разнорабочего на «Созвездии», совмещая эту деятельность с небезуспешным коммерческим предприятием по продаже курительных «миксов». Может быть, вследствие специфики этого рода занятий Кекс всегда выглядел полусонным, каким-то вялым и слегка заторможенным, но сейчас его было просто не узнать: дерганый, нервный, глаза бегают, язык то и дело облизывает сухие губы. Вроде бы не под дозой, но зрелище странное и даже тревожное.

– Нормально все у тебя? – осторожно поинтересовался Макс.

– Блин, сосед, я сегодня в «Селедке» был, там вообще бойня! Настоящая в смысле, прикинь, со стрельбой! Какой-то дед с автоматом, наверное, крыша у него поехала, расстрелял всех, вот просто очередями, человек десять положил прямо на улице! Прикинь!

Макс недоверчиво посмотрел на Кекса.

– Да ладно?

– Я тебе говорю! Реально стрельба! Один мужик рядом со мной стоял, так у него голова разлетелась, как в кино!

– А ты сам как выскочил?

– Да я на улице был, курил. Мы с Серегой Качком туда сегодня пошли, ему вроде премию дали, он же водилой в «Лиге» работает, ну так, думали, тусанем немного, может, замутим с кем или мажоров молодых нахлобучим после закрытия, а тут такое! Серега внутри остался, я вообще не знаю, что с ним, звонил – телефон не отвечает, прикинь! Вот такие дела, брат!

Макс покачал головой. В рассказ верилось с трудом. Бывало всякое, особенно в Слободке, но стрельба из автомата? На улице? В Северосумске?

– Короче, смотри, – продолжал Кекс, – я, когда бежал, сумку с тротуара подцепил, ее уронил кто-то. Тут планшет, по ходу, новый, вот думаю, нужен тебе?

Кекс вытащил из-под короткой кожаной куртки небольшой серебристый прямоугольник.

– Он рабочий, я проверил, не битый, не ломаный, только зарядки нет, но это херня, в любом магазине можно купить. Ну что, берешь?

Макс взял в руки почти невесомый планшет. Да, действительно, вещь стоящая: новая модель, идеальное состояние, совсем как...

Как у Петровича.

Надо сказать, что Макс уже успел забыть о том, что брякнул вчера вечером в яме. Надо было пожелать что-то, вот он и пожелал. А теперь вспомнил.

– И сколько стоит? – медленно спросил он.

– Слушай, ну реально-то вещь дорогая, сам понимаешь, – включил коммерсанта Кекс. – Даже вот просто так, без коробки и зарядного устройства он за пятерку легко уйдет.

Макс покачал головой.

– Нет таких денег.

– Но тебе, чисто по-соседски, отдам за тысячу. Если прямо сейчас возьмешь.

Скидка была неожиданной и что-то уж очень большой. Макс внимательно посмотрел на Кекса. Тот подпрыгивал на длинных ногах и жался от холода в своей тонкой куртке.

– Тысячи сейчас тоже нет, – сказал Макс и протянул обратно планшет.

Кекс замотал головой.

– Нет, подожди. Ладно, давай так: ты возьми, а деньги потом можешь отдать, ладно? Я тебе верю, чего уж.

Невероятно. Может, все же Кекс успел что-то принять по дороге от «Селедки» до дома?

– То есть я беру его просто так, а деньги могу отдать когда захочу? – уточнил Макс.

Кекс мотнул головой и пожал плечами.

– Ну да, так выходит. – Он как будто и сам удивился подобной сделке.

Макс нажал на узкую, почти незаметную клавишу на рамке планшета. Экран засветился сумрачно-серым, и появилась заставка.

Ощущение было такое, что гаджет в его руках превратился в окно или в устье древнего, сумрачного колодца: между серебряных рамок разверзлась тусклая мгла, из которой выплыла и повисла в пустоте до жути

реальная, мощная, вся в складках каменной плоти фигура с огромными грудями, бедрами и животом. Ломаные линии на месте лица, казалось, двигались и свивались в узоры.

– Мамочка, – выдохнул Макс.

Глава 8

Территория ЗАО «Транспортная компания «Лига» была огромной и вытянутой, как широкий рукав, от восточной границы старого порта до западной окраины города и от полузаброшенных складов «Коммунара» на севере до узкой ленты двухполосного шоссе на юге, которое огибало «Лигу» и убегало прочь, теряясь среди лесов. Под ногами был разбитый асфальт, истертый до каменной крошки бетон, гигантские лужи с коричневой мутной водой и жидкая грязь. Печально озираясь по сторонам, пробежал куда-то большой, тощий и мокрый пес. Толстая женщина в форменной куртке и резиновых сапогах прошла мимо Аркадия Леонидовича, придерживая под мышкой толстую папку с бумагами. Десятки большегрузных машин, урча и выпуская в воздух клубы синеватых выхлопных газов, медленно передвигались от парковочных площадок к складским пандусам или к железнодорожным ангарам; между ними с раздраженным воем рывками пробирались погрузчики, заскакивали на аппарели и исчезали в разверстых воротах; вокруг бродили кажущиеся одинаковыми люди в синих спецовках с логотипами на спине. «Лига» работала – как и всегда, как в любой другой понедельник, – несмотря на объявленный в городе траур, который оставил дома школьников и учителей, закрыл двери кинотеатров, ворота «Созвездия» и «Коммунара» и приспустил флаги на здании мэрии. Впрочем, и без видимых проявлений скорби территория «Лиги» казалась погруженной в какую-то тоскливую безысходность: то ли от доминирующего вокруг серого цвета, то ли от вида железных ангаров и отсутствия всякой растительности, то ли из-за нависшего тучами неба, с которого сыпался вниз крупный ледяной дождь, среди капель которого мелькали белые штрихи мокрого снега.

Офис был совсем не похож на штаб-квартиру крупной компании и располагался в помещении бывшего склада. Аркадий Леонидович поднялся на второй этаж и вошел в небольшую приемную с тремя закрытыми дверями цвета мореного дуба и высокой стойкой, из-за которой виднелась светловолосая, склоненная над клавиатурой компьютера голова.

– Здравствуйте, я к Петру Марковичу.

Секретарша подняла на него взгляд и улыбнулась без всякой приветливости, просто растянув лицо в отработанным десятилетиями мимическом жесте. От улыбки в уголках глаз и губ обозначились сеточки мелких морщин. Видно было, что время расцвета ее красоты пришлось на

те времена, когда содержанкам дарили не смартфоны, а VERTU. Глаза у секретарши были печальные и злые, как у стареющей куклы, с которой больше никто не играет.

– Вы договаривались о встрече? – спросила она.

– Да, мне назначено. – Аркадий Леонидович взглянул на часы. – На пять.

Оставалось еще десять минут.

– У Петра Марковича сейчас посетители, – сообщила секретарша. – Вы можете подождать здесь. Если хотите, снимите верхнюю одежду. Вешалки в шкафу, вот тут, слева.

Она еще пару секунд посмотрела на гостя, мысленно отнесла его к категории визитеров, которым можно не предлагать чай или кофе, сделала озабоченное лицо, и, чуть нахмутив тщательно подрисованные брови, принялась смотреть в экран монитора и кликать «мышкой». Аркадий Леонидович снял шарф, тонкую вязаную шапочку, перчатки и рассовал это все по карманам пальто, которое пристроил на вешалку рядом с парой казенного вида плащей и серым полупальто из тонкой шерстяной ткани. Потом провел ладонью по свежесбритой голове, сел на кожаный белый диван, который тут же издал короткий неприличный звук, и стал ждать. Минуты тянулись медленно. Из-за одной двери доносились приглушенные голоса. Чуть слышно тикали в тишине настенные часы с эмблемой «Лиги». Клацали изредка клавиши. Аркадий Леонидович смотрел на белую стену приемной, увешанную, по обычаю всех приемных, грамотами и дипломами, и думал о предстоящем разговоре.

Еще в субботу он почувствовал что-то неладное, смутный, отзывающийся тревогой дискомфорт, будто предчувствие грядущей беды. Тогда он списал все на неожиданный резкий спор, возникший на уроке в седьмом классе. Дело было даже не в сути дискуссии, а в ее тоне, который задал этот мальчик, Рома Лапкович, тоне резком и очевидно враждебном. Аркадий Леонидович не столько был раздосадован учениками, сколько злился на самого себя за то, что вообще позволил втянуть себя в этот совершенно бессмысленный диспут: это было с его стороны нарушением собственных правил – не реагировать, не обращать внимания, не проповедовать. Если уж на то пошло, то нарушил он их еще раньше, когда не сдержался и принялся излагать школьникам свои взгляды на Ренессанс, философию Нового времени и инквизицию. Тем не менее ситуация выбила его из колеи, и по дороге с работы он мысленно продолжал спорить, оттачивая аргументы, проговаривая возражения, пока не убедился в том, что проигрывает раз за разом примитивной, но неотразимой логике

тринадцатилетних оппонентов.

Домой он вернулся расстроенным и молчаливым.

Вечером они читали о том, как Хаген убил Зигфрида. Карина переживала: кусала губы, называла Кримхильду дурой и даже чуть не расплакалась. Аркадий Леонидович обычно давал к прочитанному пояснения. Вот и сейчас, упомянув ради академической добросовестности про вассальную преданность и мотивы поступка Хагена, сказал, что суть событий «Песни о Нибелунгах» в том, как проклятый клад сводит в могилу всех, кто к нему прикасался, как нарушение человеком незримых, но четких границ дозволенного для смертных неизбежно приводит к страданиям и гибели. Карина слушала, а потом вдруг спросила:

– Скажи, а ты в это веришь?

– Во что? – вначале не понял он.

– В проклятия. В темные силы. В то, что они могут действовать здесь и сейчас... вот так, как в этой книге, или даже еще страшнее и хуже?

Она смотрела ему в глаза, очень пристально и внимательно, и Аркадий Леонидович понял, что вопрос этот для Карины вовсе не праздный и ответ много значит – для нее, а может быть, и для них. Он подумал немного и решил сказать правду.

– Да, я верю. Даже не просто верю, а знаю.

Ответ предполагал продолжение разговора, и бог весть куда он бы мог завести их, но Карина не стала ничего больше спрашивать, а только сказала:

– И я знаю.

И все.

Он тоже решил обойтись без вопросов. Пока сказанного было достаточно.

Ночь была беспокойной. Уже ставшие привычными звуки плотского соития, доносящиеся с верхнего этажа, стали другими: больше ярости в мужском хриплом рыке, больше боли, чем наслаждения, в женских столах, больше отчаяния в последних вскриках, а потом, когда все стихло, слышались слабые, едва слышные всхлипы.

– Слышишь? – прошептала Карина.

– Да.

– Она плачет.

– Похоже.

Но плач скоро стих, и Аркадий Леонидович забылся тревожным, поверхностным сном. Ему то слышались шаги в коридоре, то ощущалось внезапно и совершенно отчетливо чужое присутствие, то он падал в

глубокий колодец – и вздрагивал, просыпаясь. Пробудившись очередной раз среди ночи, он открыл глаза и увидел, что Карина не лежит, а сидит рядом, обняв согнутые колени, выпрямившись и прислушиваясь к чему-то. Ему стало не по себе.

– Ты чего не спишь? – спросил он сиплым спросонья голосом.

Она повернулась и чуть улыбнулась во тьме. Черные глаза влажно блеснули, как болотные окна. Она положила ему на лоб прохладную узкую ладонь, погладила и прошептала:

– Все хорошо, дорогой мой, я просто вставала, а сейчас снова лягу. Спи, все хорошо, все хорошо...

И он уснул, успев подумать, что Карина так и не легла, а осталась сидеть, вслушиваясь в темноту.

Карине кошмары не снились – во всяком случае, в привычном понимании этого слова. Самые жуткие ночные видения, которые только можно вообразить, были для нее друзьями детства, спутниками юности, помощниками и союзниками; она привыкла к ним, как заклинатель змей привыкает к устрашающим и опасным обитателям своего серпентария, умеет управлять ими и даже по-своему любит. Она и сама была ночным кошмаром для многих. Но этой ночью ее разбудил не страх, а тревога. В темноте что-то пряталось, там, за гранью доступной взгляду реальности, и Карина обеспокоенно пыталась нащупать природу явления, то бодрствуя, то засыпая сидя, пока не уснула под утро уже окончательно, как обычно, крепко и без сновидений.

Утром воскресного дня Аркадий Леонидович и Карина проснулись едва ли не единственными жителями Северосумска, не знавшими о событиях в ночном клубе. Телевизор они не включали, Интернета в квартире не было, близких знакомых, которые бы позвонили и рассказали им о кровавых событиях субботнего вечера, у них не водилось. В квартире было холодно: оказалось, что ветхая форточка в кухне ночью открылась, наверное, от порыва ветра, и дома едва ли не шел пар изо рта. Тусклый утренний свет заглядывал в окна, как опостылевший попрошайка. Все было не так, как-то неправильно, словно за ночь мир чуть сдвинулся, изменив границы, линии и очертания вещей, нарушив гармонию. Так иногда покосившаяся картина на стене комнаты вызывает раздражающее ощущение беспорядка.

Аркадий Леонидович, засучив рукава, в который раз занял себя попытками починить подтекающий сливной бачок унитаза, а Карина отправилась в магазин. Вернулась она побледневшей, с тревожным блеском в глазах и с опущенными уголками губ.

– Давай посмотрим новости, – сказала она. – Я слышала, ночью что-то случилось в городе.

Они включили телевизор. За полгода это был единственный раз, когда Северосумск упомянули в федеральном выпуске новостей на Центральном канале. «Страшная трагедия... неизвестный преступник устроил кровавую бойню в ночном клубе... открыл огонь, предположительно из карабина «Сайга»... взрыв гранаты... тринадцать погибших, более двадцати раненых, из них пятеро в критическом состоянии...» На экране раз за разом показывали одни и те же кадры: фасад «Селедки» с выбитой дверью и двумя вылетевшими от взрыва окнами, машины «Скорой помощи», желтые ленты, озабоченные люди в форме, возбужденные, перепуганные свидетели происшествия.

Аркадий Леонидович оделся и отправился в ближайший салон сотовой связи. Казалось, что на улицах стало больше людей и все куда-то спешили. Машины проносились по мокрым дорогам озабоченные и встревоженные. Серые неказистые дома склонялись друг к другу, как старухи на лавочке у подъезда, и шептали: «А вы слышали?..»

Все правила полетели к чертям. Если у тебя склонность к дракам с невидимыми для всех чудовищами и великанами – не подходи к ветряным мельницам. Лучше вообще избегай всего, что большое и вертится. Отличный способ сдерживать собственные порывы. Проблема в том, что ты совершенно точно знаешь: великаны и чудища существуют и очень сложно сдержаться, когда они опять начинают размахивать своими лапами на горизонте. А в природе последних трагических происшествий в Северосумске Аркадий Леонидович не сомневался. Оставалось разобраться в причинах и следствиях, а потом начать действовать.

Он купил интернет-модем, вернулся домой, достал из сумки старый сложенный ноутбук и подключился к Сети. Главные статьи на всех новостных ресурсах начинались с заголовков:

«Неизвестный преступник расстрелял людей в ночном клубе...»

«Террорист перестрелял десятки людей и подорвал себя гранатой...»

«Бойня в ночном клубе: основная версия – террорист-смертник...»

Ближе к обеду стало больше конкретики, а вместе с ней и путаницы:

«Обезумевший пенсионер расстрелял «золотую молодежь» в ночном клубе Северосумска...»

«Безработный застрелил двенадцать человек и подорвал себя гранатой...»

«Преступником, расстрелявшим людей в ночном клубе «Селедка», стал 56-летний ветеран труда...»

«Селедка» под кровавой шубой: все подробности страшной трагедии в Северосумске...»

«Массовый убийца из Северосумска оказался бывшим криминальным авторитетом...»

Аркадий Леонидович читал, испытывая неприятное чувство дежавю. К счастью, на этот раз героем репортажей был не он.

К вечеру сообщения приобрели более реальный характер:

«Среди убитых в ночном клубе «Селедка» – дочь Бориса Глотова, мэра Северосумска...»

«При попытке остановить маньяка застрелен начальник уголовного розыска Северосумска Михаил Скворцов...»

«По предварительным данным, десять человек погибли от пулевых ранений, еще трое – в результате взрыва гранаты, предположительно Ф-1...»

«Губернатор Михайловской области Пустовар А. А. выражает глубокие соболезнования семьям...»

«В городе создан координационный штаб...»

«Специальные следственные бригады из Москвы...»

«Понедельник, 28 сентября, объявлен днем траура...»

«Установлена личность стрелка из Северосумска: это местный житель, 56-летний рабочий завода «Коммунар» Лапкович С. С...»

– О господи, – пробормотал Аркадий Леонидович. – Рома...

Новости они читали вместе с Кариной: молча, только изредка переглядываясь друг с другом. Время для разговора еще не настало. Потом она ушла готовить ужин, а он взялся за изучение хроники происшествий в Северосумске за последние годы; даже скачал несколько полугодовых отчетов местных участковых.

– Знаешь, когда в этом городе последний раз стреляли на улице? – спросил он у Карины и сам ответил: – Почти двадцать лет назад. Я прочитал в одном обзоре. Тогда в ходе перестрелки между криминальными группировками было убито два человека и еще пятеро ранено, из которых один – мирный житель, которого задело шальной пулей.

Карина убирала посуду со стола и молча слушала, ожидая продолжения.

– За последние годы случаи применения огнестрельного оружия сотрудниками полиции исчисляются единицами, и ни разу никто не стрелял на поражение – так, для острастки. Убийства не то чтобы редкость, но практически все они совершались или дома после пьяной ссоры, или на улице в драке, и редко, когда из корыстных побуждений. Основная масса

преступлений – это мордобой различной степени тяжести, хулиганство, мелкие кражи, вандализм, чуть реже бывают грабежи или разбой. Наркоторговля по мелочи. Изнасилования тоже случаются. Аварии на производстве, даже со смертельным исходом. Дорожные происшествия, куда ж без них. И это только то, что попало в новости или официальные отчеты, реальная картина, как всегда, более печальна. Но такого, как вчера, здесь не было никогда, вот что я хочу сказать. Никогда. Может быть, это даже единственный случай подобной массовой насильственной смерти за всю историю существования Северосумска.

Карина села напротив него за кухонный стол и сказала:

– Интересно. Я вот подумала... ты не знаешь, наверное... были раньше случаи полного аварийного отключения электричества в городе? Как неделю назад?

– Нет, – сразу же ответил Аркадий Леонидович. – Я специально интересовался. Во всяком случае, не было в последнее время.

Они молча смотрели друг на друга.

– Надо полагать, и дети в бассейнах раньше не тонули? – ровным голосом продолжила Карина.

– Никогда. Хотя это и не показатель в данном случае, но...

Это было приглашение, такое же, как вчерашний вопрос про проклятия и потусторонние силы. Надо было решаться.

– Примерно недели две, да? – спросил он.

– Наверное, три.

– Ты тоже чувствуешь?

– Да. Как и ты.

Они смотрели друг другу в глаза, взвешивая каждое следующее слово. Это было похоже на то, как если бы два человека решились пойти навстречу друг другу по туманной, зловонной топи болота, осторожно выверяя каждый шаг на неверных, колышущихся кочках. Правда прошлого зияла в опасной близости непроницаемо-черной водой разверстых трясин. Сделаешь одно неправильное движение, поскользнешься – и не миновать беды.

– У тебя были... как сказать... неприятные сны? – спросил он.

Карина подумала. Две девочки, Лера и Вика. Вчерашнее ощущение чужого присутствия в доме.

– Наверное, можно сказать и так. Да, были. Не такие, как обычно. А у тебя?

Он медленно кивнул. Ощущение молотка в руке, отдающееся ударом. Сухие листья и земля в коридоре. Сдавленный смешок в темноте.

– Да. Не сны даже, скорее видения.

– Поняла. Помнишь, я рассказывала тебе про одну пациентку у нас в интернате, Леокадию Адольфовну?

– Такую милую, чудаковатую старушку? Да, помню. А что с ней?

Карина рассказала: и о необъяснимом ухудшении состояния всех обитателей интерната, и про слова своей престарелой приятельницы, опустив только упоминание о девочках, что просили с ними поиграть.

– Сами позвали,пустили, а зря, – повторил он задумчиво.

На этот раз они поняли друг друга вовсе без слов.

– Яма, – сказала Карина.

– Капище на стройплощадке, – одновременно произнес Аркадий Леонидович.

Остаток вечера они сидели за компьютером, читая все, что касалось «уникальной археологической находки» – так презентовалось вскрытое древнее святилище и в официальных релизах, и в многочисленных публикациях от имени общества «Северная Веда».

– Петр Маркович Трок, владелец ЗАО «Транспортная компания «Лига», – сказал Аркадий Леонидович. – Это на его земле находится яма. Кстати, сын у меня учится, очень хороший, смысленый мальчишка. Будет повод нанести визит папе.

– И что ты ему скажешь? – поинтересовалась Карина.

– Насколько я понимаю, у него возникли проблемы из-за находки. Видишь, написано, что строительство остановлено. Вряд ли он испытывает от этого восторг, будь он даже сто раз поклонником древней истории и сторонником защиты памятников культуры. Попробую предложить помощь. Вспомню о том, что я кандидат исторических наук. Скажу, что смогу подействовать в том, чтобы сняли охранный статус с объекта, и тогда он зароет эту яму и спокойно продолжит свою стройку.

– А ты можешь?

Аркадий Леонидович пожал плечами.

– Скорее всего, нет. Но надо с чего-то начать. Я хочу посмотреть на это место. Если его используют, скажем так, по назначению, там должны быть следы. Ты же понимаешь, что дело не только в самом капище.

– Да, – сказала Карина. – Дело в людях.

– В тех самых древних и молодых зверях, про которых упоминала твоя приятельница.

– Полагаешь, там кто-то проводит обряды?

– А ты разве думаешь по-другому?

В синеватом свечении экрана компьютера их лица показались друг

другу незнакомыми и странно чужими. Бездонная черная топь колыхалась совсем рядом.

– Ты ведь разбираешься в этом, да? – тихо спросила Карина.

– Читал кое-что, – ответил Аркадий Леонидович и отвел взгляд.

Это был первый вечер, когда их объединило общее дело. Тем удивительнее, что в последовавшую за ним ночь они спали, не прикоснувшись друг к другу, и долго лежали на спине, глядя в белеющий потолок, за которым давно стихли бурные стоны и крики, не решаясь повернуться друг к другу спиной. Вдруг выяснилось, что они осведомлены в таких вещах, о которых запросто не заговоришь не то что со случайным знакомым, но даже с тем, с кем делишь постель. Как будто два человека встретились, разговорились и даже успели стать приятелями, как оказалось, что оба вооружены.

В понедельник занятия во всех школах, училищах и колледжах города были отменены из-за траура. Аркадий Леонидович, не откладывая дела в долгий ящик, позвонил Петру Марковичу, представился и попросил о безотлагательной личной встрече. Трок несколько удивленно согласился: просьба была неожиданной, но отказывать учителю сына было как-то неловко.

Учителям, врачам и полицейским вообще отказывают довольно редко, хотя встречи с ними обычно сводятся к необходимости за что-то платить.

– Надо побриться, – сказала Карина. – Уже неделя прошла, неловко к такому человеку идти со щетиной.

Еженедельное бритье головы было их ритуалом, частью той прекрасной, тихой, размеренной жизни, которую они так ценили и так берегли. Аркадий Леонидович, по пояс голый, сажился на табурет посреди маленькой ванной, а Карина, ловко орудуя пеной, помазком и настоящей опасной бритвой, осторожно и нежно приводила в порядок его голову, лицо и шею. В этом было что-то очень интимное, доверительное, теплое, и Аркадий Леонидович с удовольствием ощущал, как его кожи касаются сильные, длинные пальцы и как легко скользит лезвие, срезая жесткие волосы.

Утром понедельника этот процесс впервые не доставил ему удовольствия, а когда Карина придерживала его за подбородок и блестящая, острая, как бумага, стальная бритва касалась горла, он был так напряжен, что в итоге чуть дернулся, получив небольшой, но ощутимый порез на кадьке. Карина быстро отдернула лезвие и ничего не сказала, только молча обработала ранку. Хорошо еще, что на черепе не осталось царапин.

Аркадий Леонидович еще раз провел ладонью по гладкой коже на

голове и посмотрел на часы: пять минут шестого. Дверь кабинета открылась. Два человека в одинаковых мешковатых костюмах с брюками, чуть забрызганными грязью внизу, серых рубашках, с короткими стрижками и как будто бы даже одинаковыми лицами вышли в приемную. За ними шагнул и сам Петр Маркович Трок: его костюм сидел идеально, белая рубашка светилась, а сам он был выше, осанистее и шире в плечах. Стены приемной с его появлением словно раздвинулись и стали прямее; даже потолок подскочил вверх на полметра.

– Спасибо, Петр Маркович, – произнес один из визитеров и протянул руку. – Если у нас еще возникнут вопросы, мы с вами свяжемся.

Трок пожал руку вежливо, но без энтузиазма.

– Не за что, это вам спасибо. Обращайтесь в любое время. И про мою просьбу не забудьте, как только появится информация – сразу звоните.

– Непременно, – заверил второй, натягивая жесткий плащ. – Всего доброго.

Трок проводил гостей взглядом, посмотрел на Аркадия Леонидовича и чуть наморщил лоб.

– А вы?..

– Это к вам, Петр Маркович, – поспешила подсказать секретарша. – Мужчина сказал, что договаривался о встрече, на пять часов.

Аркадий Леонидович поднялся с дивана.

– Здравствуйте. Я Майзель.

– Ах, да, очень приятно! – Петр Маркович улыбнулся неожиданно тепло. Рукопожатие было быстрым и крепким. – Проходите.

Просторный кабинет главы «Лиги» явно обставлялся еще в то время, когда о вкусе и статусе свидетельствовали не минималистические сталь и стекло, а полированный дуб, кожа и письменные приборы из золота. Впрочем, огромный сияющий моноблок с логотипом в виде огрызка свидетельствовал, что хозяин кабинета не отстает от веяний времени – как и актуальная подборка бизнес-литературы на краю обширного рабочего стола. Книги были сложены в стопку, из срезов страниц торчали многочисленные разноцветные закладки.

– Присаживайтесь. – Трок указал рукой на стулья, стоящие вдоль длинного языка стола для совещаний. – Чай, кофе?

Аркадий Леонидович подумал про секретаршу и отказался. Трок демократично уселся напротив, сложил перед собой руки и снова чуть улыбнулся.

– Вы, наверное, по поводу Даниила? Он много о вас рассказывал, очень лестно отзывался и об уроках, и о дополнительных занятиях.

– Даниил очень способный молодой человек, – ответил Аркадий Леонидович. – Не только начитанный, но и умный, вдумчивый, а это большая редкость сейчас. Знаете, нынешние дети ведь очень мало читают, а предпочитают в основном получать информационный суррогат из социальных сетей, это проблема... Даниил не такой.

Трок покивал.

– Да, мы с женой постарались привить ему любовь к книгам и самостоятельному мышлению.

– Как он сейчас?

Петр Маркович помрачнел.

– Очень переживает. Мы все, конечно, потрясены происшедшим, но он весьма впечатлительный мальчик... ну, вы это знаете. К тому же преступником оказался родственник его близкого друга... как его...

– Ромы.

– Да, верно, Романа. В общем, все это очень неприятно. Нас не было в городе в субботу, мы с женой ездили в Москву по делам и, как только узнали, сразу прилетели обратно. Разумеется, сын сейчас очень эмоционально подавлен. Мы тоже все еще в шоке. Вы знаете, вероятно, что погибла дочь Бориса Глотова, мэра города, а он мой старый друг; я разговаривал с ним, пытался сказать какие-то слова, но... в такой ситуации подобрать их довольно сложно.

Наступило молчание. В приемной прозвонил телефон. Через двойные рамы в окнах кабинета донеслось приглушенное рычание большегрузного автомобиля.

– Так, собственно, что вы хотели обсудить в отношении Даниила? – спросил Трок.

Аркадий Леонидович замялся.

– Видите ли, я тут не по поводу вашего сына. Я пришел поговорить о яме. О древнем капище на вашей земле.

Петр Маркович откинулся на спинку стула и нахмурился.

– Не понимаю. Тут есть что обсуждать?

– Если я правильно понимаю ситуацию, у вас возникли определенные трудности, связанные с этой археологической находкой, не так ли?

– Предположим.

Трок скрестил на груди руки. Аркадий Леонидович вздохнул и подался вперед.

– Строительство нового логистического комплекса остановлено из-за того, что яма в земле признана памятником культурно-исторического наследия, подпадающего под федеральный закон об охране такого рода

объектов. Три гектара земли, более двенадцати миллиардов рублей – я нашел информацию в открытых источниках, в частности, на сайте банка, который выдал вашей компании кредитные средства на реализацию проекта. Я не бизнесмен, но на уровне простого здравого смысла могу предположить, что проблемы у вас теперь есть.

– Кое-какие.

– В том случае, если удастся доказать, что данная находка не является исторически ценной, можно оспорить решение об отзыве разрешения на строительство. И я бы хотел в этом помочь.

– А что, есть какая-то конкретная информация? – Трок быстро взглянул на Аркадия Леонидовича.

Тот покачал головой.

– К сожалению, нет. Но у меня степень кандидата исторических наук, многолетний опыт исследовательской работы в Петербургском университете и десятки публикаций. Я мог бы попробовать.

Петр Маркович встал и медленно прошелся по кабинету, задумчиво глядя на носки блестящих черных ботинок.

– Я не уверен, – сказал он, – что перечисленных компетенций будет достаточно. На месте находки уже побывали десятки ваших коллег. Официальная комиссия из Михайловского исторического музея, например. Все как на подбор ученые-археологи и специалисты по каменному веку. Заключение сделано, увы, однозначное.

– А другие экспертизы проводились?

Трок мрачно усмехнулся.

– А как же. Кстати, ваши земляки приезжали, из Петербурга, по моему личному приглашению. И за мои личные деньги. Повозились в раскопе, набрали камней для радиоуглеродного анализа – так сказали, во всяком случае – и отправились в Михайловск, изучать найденные артефакты. Вывод тот же. Вот, можете посмотреть, если интересно.

Он подошел к столу, выдвинул ящик, вынул оттуда пластиковую папку и положил перед Аркадием Леонидовичем. Фотографии, текст, разноцветные графики с указанием тысячелетий на нижней шкале. Выглядело все это удручающе убедительно.

– Тем не менее, – упрямо произнес Аркадий Леонидович. – Давайте попробуем. Что вы теряете?

Трок пожал плечами и сел.

– Да ничего, в общем-то. А зачем вам это нужно?

Ответить на этот вопрос честно было немислимо. «Я считаю, что в город вырвалось зло. Что кто-то проводит в этом святилище ритуалы,

порождающие убийства и катастрофы. Что, если не прекратить это, последствия могут стать поистине страшными».

Поэтому объяснение своему энтузиазму Аркадий Леонидович подготовил заранее, и такое, которое было бы понятно собственнику крупнейшего в Северосумске коммерческого предприятия.

– Мы могли бы обсудить мое вознаграждение, – сказал он. – В случае успеха, конечно.

Трок с интересом посмотрел на собеседника.

– Вот как. Ну, давайте обсудим. Что вы хотите?

– Предположим, миллион рублей, – ответил Аркадий Леонидович.

– Довольно скромно, – улыбнулся Трок.

Аркадий Леонидович почему-то смутился.

– Ну, для меня это большие деньги... мы недавно переехали, снимаем квартиру тут... с моей подругой... и, в общем, зарплата учителя...

– Сделаем так. – Петр Маркович хлопнул по столу рукой. – Я в это не верю, но если вы действительно сможете помочь снять запрет на строительство, получите не только свой миллион, но еще и квартиру в Северосумске на правах пожизненной бесплатной аренды и машину – любую, на выбор. Устраивает такой вариант?

– Более чем.

– Значит, договорились. От меня еще что-то потребуется?

– Да, – ответил Аркадий Леонидович. – Мне нужно осмотреть капище. И чем скорее, тем лучше.

– Да хоть сейчас. – Трок открыл дверь кабинета и громко спросил: – Алла! Андрей где?

– Внизу был, Петр Маркович, – послышался голос секретарши. – Позвать?

– Нет, я сейчас отъеду на полчаса, потом вернусь. Дождись меня, не уходи никуда.

Он повернулся к Аркадию Леонидовичу.

– Ну что, едем?

В салоне Range Rover пахло кожей и теплым парфюмом. Аркадий Леонидович чувствовал себя неуютно: отчасти от того, что будто бы оказался внутри материализовавшегося банковского счета с изрядным количеством нулей, а отчасти из-за светлой кожи сидений, напомнивших о том, что последний раз поездка в подобном автомобиле закончилась перестрелкой, погоней и падением с обрывистого берега лесной речки. Петр Маркович сидел рядом и молча смотрел в окно.

Машина остановилась у закрытых железных ворот, преграждающих

въезд на бывшую стройплощадку. Вокруг было безлюдно, серо и тихо.

– Посигналь, – сказал Трок.

Водитель Андрей несколько раз нажал на клаксон. Одна створка ворот приоткрылась, оттуда выглянул полицейский, окинул взглядом автомобиль и не спеша подошел ближе.

– Я поговорю. – Петр Маркович опустил боковое стекло.

– Здравствуйте, старшина Дегтярев, проезд запрещен, – вяло козырнув, сообщил полицейский.

– Моя фамилия Трок. Я владелец этого земельного участка и имею право проехать.

Старшина поколебался немного, но все же решил возразить:

– Извините, но стройплощадка закрыта до особого распоряжения, все работы прекращены...

– Я что, на тракторе еду? – резко спросил Трок. – При чем тут работы? Сами откроете или мне Михальчуку позвонить?

Полицейский отступил от машины и махнул кому-то рукой. Ворота открылись. Когда автомобиль въезжал внутрь, из-за створки выглянул еще один патрульный. Физиономия у него была бледная и испуганная.

Они остановились у широкого синего купола, жестким пластиком накрывшего место раскопа. Водитель остался в машине. Трок и Аркадий Леонидович вышли и встали у черного лаза, ведущего в темноту. Песок под ногами был вязкий, тяжелый, сырой и чуть поскрипывал под подошвами ботинок. Заросли длинной, вьющейся по земле травы побурели от холода и спутались, как волосы мертвой русалки. Сильный ветер налетал штормовыми порывами. Сразу стало пронзительно зябко, так, что Аркадий Леонидович поднял воротник и натянул шапочку поглубже. Трок стоял в распахнутом тонком сером пальто и смотрел вдаль, куда-то, где линия горизонта стиралась в тумане и мгле. Справа, всего в километре, за черными изломанными силуэтами заброшенного поселка шумело гулкое море, а слева гудели и выли басовыми нотами сосны и ели, словно две древние стихийные силы переговаривались между собой о недобром.

– Ну вот, – сказал Трок. – Полезете вниз?

– Да, – неуверенно ответил Аркадий Леонидович. – Только я забыл взять фонарь.

– У Андрея в машине есть.

Наспех сколоченная деревянная лестница чуть пошатывалась, упираясь в неверное песчаное дно, ступеньки скрипели. Аркадий Леонидович, зажав в руке фонарь, медленно спустился в холодную темноту. Яма была похожа на погреб в обиталище подводного божества:

сырая, пропахшая солью и водорослями. Снизу она представлялась гораздо глубже, чем с поверхности. Неровный прямоугольник выхода маячил тусклым серым пятном где-то в опасно недостижимой высоте. Аркадий Леонидович провел лучом мощного фонаря: каменная грубая кладка, купол над головой, кажущийся не синим, а черным. Осторожно ступая, он пошел вдоль стены, внимательно осматриваясь вокруг.

– Вам тут нравится? – прозвучал сверху голос Трока.

– В яме? Не очень.

– Нет, я имею в виду Северосумск.

– Да, неплохой город.

Аркадий Леонидович водил фонарем: четыре выступающих камня, похожие на низкие сиденья или постаменты; небольшая каменная полка на уровне груди на закругленной стене; еще один камень, плоский, лежит под ногами. И следы, множество разных следов: их было так много на истоптанном плотном песке, что они перекрывали друг друга и трудно было определить, особенно в темноте, чьи они – мужские или женские. Впрочем, само по себе это еще ничего не значило: наследить могли михайловские археологи или коллеги-историки из Петербурга. Искать нужно что-то другое: следы пламени, копоты, может быть, крови...

– Знаете, я ведь тут всю жизнь прожил. – Трок наверху, похоже, разговаривал сам с собой. – Мой отец работал инженером на «Созвездии», попал по распределению после института. Я помню этот город другим. Людей было больше в два раза, предприятия работали в полную силу, строили крейсера, подводные лодки. Помню, как вот в этом поселке еще жили люди, рыбаки, кажется. А теперь здесь только развалины. Да и тех скоро не станет.

Ни следов подпалин, ни капель воска, ни пятен, похожих на кровь. Аркадий Леонидович нагнулся, внимательно осмотрел лежащий по центру камень: на ребрах змеились царапины и едва заметные сколы. Он поднял глаза и увидел черную щель в стене. Похоже, кто-то вытащил камень оттуда. Зачем?

– Я много читал в детстве. В основном про морские походы и приключения. А вот как раз на этом месте мы еще мальчишками часто гуляли, и я любил смотреть в море. Оно тут всегда, как сейчас, тусклое и серое. И небо такого же цвета, сливается с морем. Если долго смотреть вдаль, то поверишь, что где-то там и правда есть край земли. Не в смысле обрыва, с которого можно свеситься и увидеть слонов и черепаший панцирь, а другой край, предел мира. И если долго плыть, никуда не сворачивая, то незаметно для себя перейдешь этот предел и окажешься

нигде: туман и ничего больше. А наш город стоит на последней кромке суши перед этой туманной бесконечностью. Я думал об этом, смотрел, вот как сейчас, пока не становилось страшно, как будто заглядываешь в бездонную глубину и ждешь, что оттуда сейчас что-то явится... Что-то огромное и нечеловеческое.

Аркадий Леонидович не слушал. Он с натугой перевернул плоский камень, увидел под ним нечто белесое и продолговатое и запустил пальцы в стылый плотный песок. Слежавшиеся мокрые комья посыпались с длинных черных синтетических волос. В руках у него было тонкое обнаженное пластиковое тельце куклы и ее оторванная, беспощадно раздавленная голова. Чудовищно изуродованное игрушечное лицо тарасилось в полумрак одним огромным размалеванным глазом.

Он охнул и сел.

– Все в порядке? – Голос Трока зазвучал из отверстия лаза. – Что-то нашли?

Биение сердца отдавалось в пальцах, державших изувеченную куклу.

– Да. То есть нет. Почти.

Аркадий Леонидович осторожно пристроил пластмассовый трупик на место, присыпал песком и накрыл сверху камнем. Встал, осветил фонарем, немного подвинул – да, теперь точно как было. Отряхнул брюки и направился к лестнице.

– Я вылезаяю.

Трок протянул сверху руку.

– Давайте помогу. Держитесь. Вот так.

Они снова стояли рядом. Аркадий Леонидович тяжело дышал, наполняя легкие тугим морским ветром.

– Я к чему это все рассказываю. – Трок опять посмотрел туда, где за островами разваливающихся домов шумело свинцовое небытие холодного моря. – Это мой родной город. Отец говорил, что, если не можешь ничего улучшить там, где живешь или работаешь, – уходи. А мне нравится здесь. Так что вот вся эта история с новым терминалом и портом – это не только деньги. Это еще рабочие места, отчисления в бюджет, новые люди, новая жизнь, не такая, как раньше, но, может быть, еще лучше. Хочется как-то исправить мир, понимаете?

– Да, – ответил Аркадий Леонидович. – Это я понимаю.

Они еще помолчали немного. Потом Трок поежился, застегнул пальто и сказал:

– Ладно, пойдемте отсюда. Вам достаточно того, что увидели?

Хлопнули дверцы. Салон автомобиля после промозглого стылого ветра

был расслабляюще теплым, как турецкая баня. Водитель Андрей завел двигатель.

– Да, пока этого хватит, – ответил Аркадий Леонидович. – Если можно, еще один вопрос.

– Задавайте.

– Кто такая Львова? Та, что из «Северной Веды»? От ее имени очень много публикаций в Сети про капище.

Трок поморщился.

– Львова? Идиотка. Родилась здесь, уехала в Москву, вышла там замуж за какого-то то ли ресторатора, то ли продюсера. Развелась, вернулась в Северосумск. Потом с чего-то решила, что она духовный наставник, эзотерик, не знаю, как это еще называется. Собрала таких же сумасшедших и назвала «Северной Ведой». Я считаю, просто пытается денег заработать. Читает какие-то лекции, курсы ведет, пару книжек напечатала, кажется, за свой счет. Одно время даже именовала себя ведьмой.

– Ах вот как. Ведьмой.

– Говорю же, идиотка. Кстати, именно Львова первой учинила переполох вокруг этой ямы.

– В смысле?

– В ночь, когда обнаружили святилище, она со всем своим выводком оказалась на стройплощадке раньше меня. Я утром приехал, а они уже толпились вокруг. Устроили целое камлание с поклонением духам и прочим в таком роде.

– Очень интересно. И как она объяснила такую осведомленность?

Трок пожал плечами.

– Да никак. Несла что-то про мистический зов, откровения и видения.

– А вы?..

– Проверил, естественно. На всякий случай. Никто из тех, кто работал в ночную смену, ей не звонил. И она никому не звонила. Так что черт ее знает, откуда ей стало известно. Честно, я и не задумывался об этом. Понимаете, с точки зрения экономической выгоды Львова вообще лицо не заинтересованное. Единственные дивиденды, которые она получает от такой находки, – это возможность постоянно напоминать о себе. Недавно даже пыталась прорваться через охрану; кстати, репортаж был об этом на Региональном канале, не видели?

– Нет, – ответил Аркадий Леонидович. – Видимо, пропустил. Но теперь посмотрю обязательно.

Range Rover остановился у проходной «Лиги».

– Ну что ж, я обратно в офис, – сказал Петр Маркович. – Если хотите,

Андрей может подвезти вас до дома.

– Нет, спасибо. Я прогуляюсь.

– Тогда всего доброго. – Трок протянул руку. – Надеюсь, у вас что-нибудь получится. Если понадобится помощь или появятся новости – сообщайте.

Аркадий Леонидович попрощался и вылез из машины. Трок перегнулся через сиденье:

– Мне просто интересно: вы уже знаете, с чего начнете?

Аркадий Леонидович улыбнулся. Это была предвкушающая улыбка человека, которому дали повод нарушить слишком долгое воздержание.

– Да. Я знаю.

* * *

– Никогда больше.

– Никогда.

– Все, забыли.

– На хер, хватит.

Они сказали это друг другу еще в воскресенье, по телефону, а во вторник, встретившись в школе с утра, вместо приветствия повторили:

– Никогда. Забыли. Хватит.

Прошедшие два дня были адом. Как потом оказалось, это было всего лишь его преддверие.

После того как мама сказала, что уйдет на всю ночь, Женя заперся на щеколду и сел на пол, прислонившись к двери спиной. Он слышал торопливый топот босых ног по квартире, стук дверцы гардеробного шкафа, громкие звуки музыки: мама всегда включала что-нибудь развеселое и бодрящее, когда собиралась уйти из дома в субботу. Потом музыка стихла. По линолеуму простучали высокие каблуки. Из кухни понесло легким запахом табака и ментола. Женя знал, что сейчас мама сидит у приоткрытого окна на кухонной табуретке, закинув ногу за ногу так, что тонкая ткань короткого платья задирается вверх, скользя по гладкой блестящей коже, курит, чуть щуря глаза, и ждет звонка. Он тоже ждал, сжав кулаки и зажмурившись, чтобы не дать пролиться горячим и злым слезам. Но время шло, а ничего не происходило. Только дым ментоловых сигарет чувствовался все сильнее. Почти через сорок минут звонок все же раздался, но, хоть мелодия его была та же, звучал он тревожно. Женя слышал, как мама бросила в трубку несколько коротких, обрывистых фраз, а потом

почти побежала к двери.

– Сынок, я в больницу! – крикнула она. – Меня вызвали, что-то случилось!

Голос у нее был обеспокоенный.

Он остался один. Большая квартира наполнилась пустой тишиной, от которой звенело в ушах. Женя включил телевизор, зажег везде свет, походил из комнаты в комнату, посидел у компьютера, снова встал, не в силах усидеть от волнения.

Что-то случилось. Он это чувствовал. И радостно от этого не было.

Впервые, оставшись один, он не знал, чем заняться.

А потом пришла Инга. Было уже почти пять утра. В гостиной по-прежнему бубнил телевизор, спасая от тягостного безмолвия. Женя сидел у себя в комнате, когда щелкнул замок и дверь тихонько открылась. Он прислушался. В коридоре кто-то возился. Женя приоткрыл дверь и выглянул.

Сначала он подумал, что сестру изнасиловали. Бледное лицо было припухшим, рот приоткрыт, большие глаза покраснели, еще больше округлились и смотрели на брата, будто не узнавая. Тушь, тени, розовая помада размазались, как на покойнице. На коленях поблескивали свежие ссадины. Куртки не было, сумочка тоже куда-то пропала. Инга покачнулась, пытаясь стащить высокие узкие сапоги, один из каблучков которых был сломан, схватилась за вешалку и чуть не упала. Женя подскочил к сестре и успел схватить ее за тонкий локоть. Инга уставилась на брата и вырвала руку.

– Не надо. Сама.

Он попытался спросить, что случилось, но сестра не ответила; молча прошла в гостиную и легла – нет, упала – лицом вниз на диван и замерла неподвижно. Женя топтался рядом. Ему стало жутко. Под потолком ярко горела люстра. Телевизор разговаривал сам с собой на разные голоса, как душевнобольной. Женя принес из маминой спальни плед, осторожно накрыл лежащую на диване сестру, погасил свет, выключил телевизор и вышел из комнаты. Прислушался. Тишина. Он взял телефон и набрал номер мамы, но та не ответила. Ему захотелось убежать из квартиры, куда угодно, хоть бы даже просто на улицу и ждать маму на лавочке у подъезда, но он пересилил себя и сел на табурет в коридоре у входной двери, как одинокий оловянный солдатик.

Мама вернулась часа через два после Инги. На ней было тесное и короткое красное платье, которое она надела, готовясь к свиданию, но пахло на этот раз не алкоголем и мужскими духами, а антисептиком,

резиной и кровью. Волосы были примяты, а сама она словно бы постарела разом лет на пятнадцать. Женя вскочил ей навстречу, не зная, какие слова подобрать, что говорить, но мама опередила его:

– Тише, тише. Тише. Инга дома?

Женя кивнул.

– Она у себя?

И, получив еще один утвердительный кивок, сказала:

– Хорошо. Иди спать.

Женя развернулся на деревянных ногах и отправился в свою комнату. О сне не могло быть и речи. Он услышал, как мама вошла к сестре; зазвучали два голоса, сразу громко, потом сорвались в невнятные вопли и плач. Женя метался по комнате, от кровати к столу, от стола к двери, обратно к кровати, а потом выскочил и бросился в гостиную. Мама обнимала, прижимая к себе ревущую Ингу, уткнувшуюся лицом ей в плечо, и тоже рыдала, в голос, надрывно, как древние плакальщицы, что тащатся в похоронном шествии за мертвецом. Она увидела застывшего в дверях сына и закричала:

– Уйди! Уходи!

Глаза у нее были страшные и полные слез. Женя не пошевелился – он просто не мог, а мама, раскачиваясь, баюкая заходящуюся плачем дочь, зажмурилась и зашептала:

– Пожалуйста, пожалуйста, я прошу тебя, сыночек, уйди, уйди, уходи...

Он так и не уснул.

Через полтора часа мама снова уехала в больницу. Учитывая новости, которые обновлялись ежеминутно и обрастали новыми подробностями, это было неудивительно: Маргарита Зотова работала хирургом-травматологом, а данная врачебная специальность была востребована в Северосумске в то утро, как никогда ранее.

– Пожалуйста, присматривай за Ингой, – сказала она перед уходом.

Женя не знал, как нужно присматривать, но на всякий случай устроился в другом углу гостиной, в кресле, со смартфоном в руках. На городском портале к вечеру появились списки убитых. Он всматривался в имена и фамилии и гадал: который из них тот самый? Двое командированных из Петербурга. Охранник клуба. Подполковник полиции. Бармен. Менеджер по продажам из «Лиги». Начальник отдела снабжения «Коммунара».

Неважно.

Фамилию убийцы тоже назвали: Лапкович. Мертв. Подорвал гранатой

себя и еще трех человек, не считая застреленных из карабина.

Отдельно писали про дочку мэра, Иру Глотову. Женя знал, что они с Ингой дружили. То, что в числе погибших нет его сестры, было то ли большой удачей, то ли каннибальской вежливостью Мамочки.

Женя взглянул на сестру. Она весь день пролежала, уставившись в потолок. Мама передела ее, смыла краску с лица, и теперь та была похожа на обиженного пупса с большими голубыми глазами.

– Инга, – позвал Женя.

– Чего тебе? – спросила сестра, не глядя в его сторону.

– Может быть, хочешь поесть? Или чаю?

Инга повернула голову.

– У нее лицо разлетелось, – сообщила она. – У Ирки. Я ее видела, вот как тебя сейчас. В трех шагах. Глаз взорвался как будто. И все кровью залило. И мозгами. Прямо под ноги мне.

Сестра опять отвернулась и замолчала. Женя посидел немного, открыл в телефоне мессенджер и написал сообщение.

«Никогда больше».

Ответ пришел только минут через десять.

«Никогда».

Рома не хотел отвечать на сообщение. Не хотел ни с кем говорить. Сидел один, в темноте, на мамином диване и старался ни о чем не думать. Свет не зажигал, включил только тусклую лампочку в коридоре. При свете разгром в квартире выглядел совершенно ужасно, словно кто-то заживо выпотрошил шкафы, бельевые ящики, тумбочки и вывалил их мягкие внутренности на пол безобразной грудой, как потроха. В этой картине вывернутого наизнанку быта было что-то от постыдного надругательства.

«Дедушка убил кого-то» – так сказала мама, когда ей первый раз позвонили. В этот момент Сергей Сергеич все еще орал песни и стрелял через раскрытую дверь «Селедки», отец Лили Скворцовой пока не получил пулю в горло, а дочь мэра Ира Глотова лежала на полу рядом с подружкой Ингой и думала, что ей удастся сбежать.

Вначале Рома обрадовался. Это было мрачное, злобное торжество. Убил – значит, теперь точно сядет в тюрьму. Мамочка сделала свое дело, избавила его и маму от этого матерящегося, воняющего перегаром, угрожающего насильем тролля. Но потом оказалось, что «кто-то» – это чертова дюжина человек, расстрелянных из «Сайги» и изрешеченных осколками. На смену радости пришла тревога. Второй звонок из полиции раздался около полуночи. Бледная мама – ни жива ни мертва – умчалась из дома. Ее ждали допросы и опознание трупа с оторванной головой и

изуродованным осколками телом. Рома остался один и сидел на кухне, ежеминутно обновляя страницы новостей в Сети. Катастрофический масштаб происшествия пугал по-настоящему. Он вспомнил, как однажды давно, еще первоклассником, гулял со старшими мальчишками на пустыре у северного берега Шукры. Его приятели тогда принесли с собой большую железную банку из-под краски с дыркой в крышке, через которую торчал короткий фитиль. Они насыпали внутрь какого-то темного порошка, добавили светлых металлических стружек, плеснули вонючей жидкости из маленькой пластиковой бутылки, а потом предложили Роме поджечь фитиль. Он чиркнул зажигалкой и отбежал к ребятам, стоящим поодаль. Маленький синеватый огонек скрылся внутри банки, а потом оттуда с гулом вырвался столб оранжево-красного пламени. Это не походило на взрыв, скорее на извержение вулкана: огонь становился все выше и выше, он рос на глазах, гудение превратилось в рев, и стало так страшно, что маленький Рома развернулся и убежал в слезах, не обращая внимания на смех старших товарищей. Он подумал тогда, что пламя так и будет расти, пока не станет огромным, до неба, а потом обрушится вниз испепеляющим жаром, будто бы, поджегши фитиль, он выпустил какую-то страшную, беспощадную силу, с которой не в силах справиться и которая может уничтожить весь мир – или как минимум город.

Сейчас, читая новости о бойне в «Селедке», он испытывал похожее чувство.

Во второй половине дня позвонила мама.

– Ромчик, – сказала она напряженным голосом, в котором слышались слезы. – Я сейчас домой приду, только не одна, а с полицией. У нас обыск будет. Ты приберись там немножко, хорошо? Неудобно, если беспорядок...

Рома ничего не ответил. Он быстро собрался и вышел из дома. Видеть, как посторонние люди ходят по квартире, лезут в его секретер или копаются в мамином нижнем белье, ему не хотелось. Ноутбук он прихватил с собой: читал где-то, что полиция всегда изымает при обыске компьютеры, так что свой «Асег» он засунул в рюкзак и так и гулял с ним за спиной несколько часов, пока не стемнело, от Тройки до самого Городка. Люди на улицах выглядели напуганными, настороженными, и Роме казалось, что сейчас кто-нибудь покажет на него пальцем и закричит: «Смотрите! Это он! Он во всем виноват!» Рома пересек Городок и вышел на край Гремячего мыса. В нескольких метрах внизу шумели волны. Резкий ветер высекал слезы из глаз, толкал в грудь тугими ладонями, но Рома упрямо стоял и смотрел вдаль, в черную, бурлящую пустоту. Хорошо быть моряком, подумал он. Можно взять и уплыть туда, в темноту, раствориться в

небытие, и никто тебя не найдет.

Домой он вернулся совершенно продрогшим. Квартира стала как будто чужой: двери комнат раскрыты настежь, все сдвинуто с мест, вещи разбросаны, словно кто-то затеял большую уборку, а потом махнул на это дело рукой. Пахло чужими людьми и чем-то казенным. Взъерошенная Татка, нахохлившись, сидела на стуле и с брезгливым выражением на морде старательно вылизывала бока и хвост. На полу в большой комнате в гряде каких-то выпростанных из шкафов тряпок лежали четыре большие картонные маски: Волк, Лис, Филин, Медведь. Светлая ткань бельмами просвечивала в прорезях глазниц. Рома забрался с ногами на диван, на тот его край, где обычно сидит мама, и уставился на звериные лики. Надо порвать их и выбросить в мусоропровод. А еще лучше, сжечь.

Хватит, наигрались.

Первым, кто ему написал в этот вечер, был Даниил.

«Привет! Ты как?»

Рома не знал, что ответить, и поэтому просто выбрал из галереи картинок самую угрюмую рожу.

«Ясно. Я тут подумал. Больше никогда».

«Да, – ответил Рома. – Никогда».

Потом встал, поднял маски с пола, сложил одна на другую и засунул глубоко под диван. Сожжет потом как-нибудь, при случае.

Даниил тоже не спал всю ночь. А может быть, что и задремал ненадолго, сам того не заметив и приняв за сон рой диких, ярких, кричащих, обрывистых мыслей и образов, мятущихся, как охваченная паникой толпа. Еще он думал о Лиле. Хотел позвонить ей, но вспомнил, что не знает номера телефона. Даниил открыл ее страницу в социальной сети и послал сообщение: «Ты в порядке? Как самочувствие?» – и, подумав, приписал: «Я беспокоюсь». Прозвучало по-взрослому. Лиля ничего не ответила.

Первым, кого Даниил увидел ранним утром, был водитель Андрей, растрепанный, встревоженный и запыхавшийся.

– У вас все хорошо, Даниил Петрович? До вас родители не могут дозвониться.

Он совсем забыл про телефон: тот лежал на тумбочке в прихожей, темный, разрядившийся и холодный. Даниил подключил зарядное устройство и на протяжении следующих восьми часов слышал голос мамы каждые пятнадцать минут, за исключением того времени, в течение которого они с отцом летели из Москвы в Петербург. При встрече папа крепко пожал ему руку и обнял, долго прижимая к себе и похлопывая по

спине. У мамы был такой вид, словно она примчалась домой, готовая сразиться с целым отрядом вооруженных бандитов, чтобы защитить своего сына. Наверное, учитывая характер сегодняшних новостей из Северосумска, ее можно было понять.

Отец быстро уехал, вероятно к Гловым, а мама осталась с Даниилом и окружила его такой заботой, какой он не помнил с тех пор, как в девять лет болел скарлатиной. Она не отходила от него ни на шаг, тревожно заглядывала в глаза, а вечером даже предложила почитать вслух, что уж не лезло ни в какие ворота. Даниил подумал, что, узнай мама о том, где он был и как провел прошлый вечер, забота и помощь понадобятся бы ей самой. Предложение почитать он твердо отклонил и сказал, что хочет побыть один.

– Конечно, конечно, – согласилась мама, вышла из его комнаты и тихонько прикрыла за собой дверь.

Даниил снова вошел в Сеть и увидел, что Лиля изменила фотографию на странице. Вместо нее самой, улыбающейся из вороха рыжих листьев, на аватаре появилась зажженная свеча на черном фоне. Даниил прочитал на городском портале список погибших и все понял. Под картинкой со свечой на странице Лили были стихи.

Ты жил, любя, любви достоин,
Прекрасный папа, верный муж,
Друг, офицер, защитник, воин,
Душа, светлейшая всех душ.
И утром солнечного мая
Нам больше не гулять с тобой –
Ты в бой пошел, людей спасая,
И пал как истинный герой.
Папочка, я тебя люблю!!!

Даниил подумал и поставил «лайк».

А потом позвонил Макс. Долго мялся, мычал и наконец сказал:

– Слушай, Петрович, тут такое дело. Твой планшет у меня. Его один шнырь с нашего района у «Селетки» нашел. Ты там был, что ли?

– Был, – ответил Даниил.

– Ага. Ну, короче, я тебе во вторник принесу его в школу.

Нельзя сказать, что это решение далось Максиму просто. Планшет и правда был крутейший, да и достался, можно сказать, даром. Не то чтобы

он так уж увлекался гаджетами, но вещь хорошая. Отдавать было жалко. Он же не виноват, что Мамочка так буквально поняла его желание?

Только смущала цена. Не та символическая, за которую Кекс продал вещь, а другая, реальная.

В отличие от друзей, новости Макс узнавал не из публикаций в Сети, а на улице. Принципиальной разницы между пересказываемыми друг другу слухами о драме в «Селедке» и журналистскими репортажами не было: то же самое стремление приврать, нагнать жути и смаковать кровавые подробности. Макс слушал, кивал, даже смеялся вместе со всеми в нужных местах – в Слободке ко многим вещам относились намного проще, – но внутри что-то понемногу сжималось. Даже если делить все рассказы на два, а то и на три, выходило, что планшет Петровича обошелся в несколько десятков убитых и раненых. Неужели Мамочка затеяла все ради этого?.. Потом прозвучало имя стрелка, и Макс немного расслабился. Слова «пусть исчезнет мой дед» он хорошо помнил. Тот, кстати, можно сказать, что реально исчез: взорвал гранату рядом с головой. Этого Макс не заказывал, так что пусть теперь Волк переживает о цене своих пожеланий.

Но беспокойство не отпускало.

Вечером, когда уже стало смеркаться и все истории о событиях прошедшей ночи были пересказаны по сто раз, Макс собрался домой. Он уже перелез низкий забор детского сада, на площадке которого, по десятилетиями освященной традиции, собирались все местные гопники, когда его кто-то окликнул. Макс спрыгнул на землю и обернулся. С той стороны забора к нему семенил Чахлый, мелкий шкет примерно одного с ним возраста.

– Макс! Погоди!

– Чего тебе?

От Чахлого несло какой-то кислятиной.

– Это... ну, в общем... короче, ищут тебя.

– Кто?

Чахлый отвел взгляд.

– Да какие-то черти. Трое. Взрослые, лет по двадцать, наверное.

Макс насторожился.

– А кто такие? Чего им надо?

– Да не знаю я, – скривился Чахлый. – Я у «Ромашки» с пацанами тусовался, они подошли, спрашивают, типа, знаете такого? Ну, мы такие говорим: «Знаем». А они: «А где его найти?» Никто не сказал, понятно. А один из них, самый здоровый, говорит: «Передайте ему, чтобы не прятался, а то будет хуже». Вот так.

Вечер сразу стал темнее и холоднее. Макс поежился. Звучало это все неприятно. Вроде он ни с кем не рамсил в последнее время, тем более со старшими. Может, какие-то приятели продавщицы Светки?

– Ладно, спасибо, что предупредил.

– Есть сига? Угостишь?

– Я не курю, – рассеянно сказал Макс.

По улице он шел быстрым шагом и по дороге оглядывался. Нож вытащил из кармана и на всякий случай зажал в кулаке.

Дома Макс лег на кровать в своей узкой, похожей на шкаф комнате и задумался, вертя в руках проклятый планшет. У него возникло неприятное чувство, что у этой вещи тоже есть цена, не такая страшная, как у желания Ромыча, но все равно – есть. И похоже, что Макс придется ее заплатить.

Да ну к черту. Он отдаст эту штуковину обратно Петровичу. И уж точно не пойдет больше к яме. Никогда.

Школа, в которую они пришли во вторник, в первый день после траура, была другой, не такой, как раньше. В воздухе чувствовалось какое-то оцепенение, одновременно растерянное и угрожающее. На стене главной лестницы между первым и вторым этажом висел большой портрет Иры Гловой в траурной рамке. Подпись гласила: «Помним. Любим. Скорбим». На полу под портретом лежали цветы, горели свечи и сидел унылый розовый мохнатый медведь – напоминание о том, что погибшая все же была еще, по сути, ребенком, пусть и давно уже играла совсем в другие игрушки.

Не было слышно ни смеха, ни громких разговоров. Даже на четвертом этаже, в обители вечного гвалта и хаоса, примолкли младшие классы. Все кучковались у стен, негромко переговариваясь или уткнувшись в мобильные телефоны. Многих не было: не только сестер Гловых – Жанны из седьмого класса и Машеньки из третьего, не только Инги Зотовой и ее подруги Юли, тоже чудом выжившей той страшной ночью, но и других. У кого-то были ранены родственники, кого-то родители решили оставить пока дома – просто так, без причины. Директор школы Екатерина Борисовна Капитанова вышла с вечного больничного: в черном платье, слишком тесно обтягивавшем необъятные формы, пряча глаза, прошла к себе в кабинет и засела там, зачем-то вызывая по одному преподавателей и некоторых учеников. Уроки превратились в формальность; слушать и всерьез обсуждать взаимоотношения Чацкого с Софьей или развитие капитализма в начале прошлого века сейчас было странно. Смерть обесценила все – а может быть, просто правильно расставила приоритеты. Расписание из опоры стабильности и порядка стало лишь намеком на

реальность: учительница математики так и не вышла на работу, и надежд на ее возвращение было немного; старый физрук тоже отсутствовал – его внук в тяжелом состоянии лежал в городской больнице со множественными осколочными ранениями. Занятия переносились и отменялись в произвольном порядке.

Впрочем, инициатива отмены некоторых из них была проявлена снизу.

Одиннадцатый класс в полном составе не пришел на урок МХК. Когда Елена Сергеевна Лапкович, удивленная отсутствием учеников после звонка, открыла дверь и выглянула в коридор, то увидела, что все они стоят у стен и сидят на подоконниках напротив кабинета. У многих на рукавах или лацканах пиджаков были черные ленты. Они молчали, просто смотрели на учительницу и не двигались с места. Ей оставалось только закрыть дверь, а потом сесть за стол и плакать – все сорок пять минут.

Примеру одиннадцатого последовал класс девятый. Елена Сергеевна не выдержала и, глотая слезы, бросилась за помощью к Крупской. Та спустилась со своего верхнего этажа и, вопреки ожиданиям, не загнала упрямо выстроившихся в коридоре учеников в класс, а подошла к ним и негромко о чем-то заговорила. Потом заглянула в кабинет к всхлипывающей Лапкович, пожалала плечами и сообщила:

- Их можно понять. Попробуйте переждать.
- А уроки? – подняла красные глаза Елена Сергеевна.
- Проводите у тех, кто придет. Даже если никто не явится, часы я вам не сниму.

К концу дня на двери кабинета МХК появилась корявая надпись мелом. Она была сделана розовым цветом по белой краске, поэтому читалась плохо, но все-таки различимо: «Лапкович – убийца!»

Вокруг Ромы образовалось пустое пространство. Он и сам никогда не отличался общительностью, но сейчас с ним даже никто не здоровался. Остальных трех друзей еще сквозь зубы приветствовали, но смотрели уже с подозрением, а на Рому – со страхом. В среду страх сменился ненавистью. На телефон ему стали приходить сообщения с фотографиями жертв ночной бойни и подписями: «За что?!», «Внук палача», «Гори в аду!» и прочим в таком духе. Номера были незнакомые. Он молчал, стиснув челюсти. Даниил, Женя и Макс старались держаться рядом с другом, но он, казалось, не замечал их. В четверг вслед ему уже неслись крики: «Стрелок! Гранату продашь? Споешь нам «Орленка»?» Преподаватели избегали встречаться с ним взглядом. Вокруг шептались. Женя Зотов время от времени стал отставать от друзей по пути в столовую и куда-то исчезать, что было вполне объяснимо: у него не было ни мощных бицепсов, ни фамилии Трок. Рома

терпел, только оглядывался по сторонам взглядом волка в окружении красных флажков. Вечером, дома, когда он сел поработать немного в социальной сети, ему попала на глаза картинка, сделанная в том популярном шаблоне, который использовал сам. На ней была его фотография – ее взяли с его страницы, ту, где он строил страшные рожи, – и текст: «Спасибо деду за победу! Роман Лапкович, внук северосумского стрелка». Виртуальные следы вели к группе с названием «Помощь пострадавшим в Северосумске». 835 участников, из них почти 50 – из «единицы».

В пятницу по расписанию урок МХК был у седьмого класса. Даниил, Макс и Женя улучили момент, когда Ромы не было рядом, чтобы поговорить.

– Наши тоже не пойдут, – сказал Женя. – Я точно знаю. Пашка Мерзлых говорил. Что будем делать?

– Я пойду, – мрачно ответил Макс. – Похер. Нельзя его одного бросать, это неправильно.

– Я тоже, – удивился собственной смелости Даниил.

– Не знаю, пацаны, – произнес Женя. – То есть... в общем, ладно, если вы пойдете, то и я.

Вернулся Рома. До урока оставалось минуты три. Паша Мерзлых с группой приятелей подошли к дверям кабинета МХК, покрутились немного и вернулись обратно. Тревожной трелью загремел звонок. Никто не двинулся с места. Рома небрежно забросил на плечо сумку и спокойно направился в класс. Даниил, чувствуя на себя давящие взгляды десятков ненавидящих глаз, двинулся следом. За ним пошел Макс. Женя нервно крутился у стенки, делая вид, что подтягивает лямку у рюкзака.

До двери они не дошли. Рома вдруг остановился и уставился перед собой. В этот момент кабинет открылся. Елена Сергеевна вышла, перехватила взгляд сына, посмотрела туда же, куда глядел он, побледнела, закрыла руками лицо и выбежала на лестницу.

На внешней стороне двери скотчем был приклеен глянцевый лист бумаги. С него смотрел коллаж из тринадцати лиц, перечеркнутый красной надписью: «ОНИ ТЕБЯ ЖДУТ».

Сзади недобро засмеялись. Рома сбросил с плеча сумку, сорвал с двери листок, не спеша намотал его на руку и все так же спокойно подошел к Паше Мерзлых, который стоял повернувшись спиной.

– Эй, – позвал Рома.

И когда тот обернулся, молча и что есть силы врезал ему обернутым бумагой кулаком по зубам. Звук удара звонко разнесся в тишине. Паша

мотнул головой и тут же ударил в ответ. На линолеум брызнула кровь. На Рому бросились двое, схватили за руки, подсекли ноги и повалили на пол. Мерзлых рухнул сверху, уселся на извивающегося противника, занес руку и с силой ударил его по лицу, так, что затылок Ромы со стуком врезался в пол.

Через мгновение вокруг орало, выло, визжало на разные голоса живое кольцо. Паша размахнулся еще раз, но в этот момент к нему подлетел Макс и с ходу ударил ногой. Получилось так хлестко и мощно, что голова Мерзлых резко откинулась назад, а сам он буквально взлетел в воздух и рухнул на спину, раскинув руки и замерев у ног Вики Цай, взвизгнувшей и подпрыгнувшей, как испуганная кошка.

Наверное, в любое другое время после такого убедительного нокаута драка сразу бы кончилась. Но не сейчас. Живой круг сомкнулся, и на Макса с Ромой навалились все разом. Крики стали рычанием. Кулаки со звоном и жутким, глухим стуком бились в лица и тела. Рома вертелся ужом, пытаясь подняться, но ему не давали, пиная со всех сторон, так, что он в конце концов перевернулся на бок, прикрывшись руками. Макс устоял; он с ревом вращался, раскидывая вцепившихся в руки одноклассников и раздавая удары – ногами, локтями, коленями, головой. Свалка сделалась всеобщей.

Даниил видел драки и раньше. В «единице» они хоть и редко, но все же случались. Хотя драками это назвать было сложно: так, толчки да захваты с попыткой свалить противника на пол. То, что происходило сейчас, было какой-то звериной, неистовой схваткой.

Он в отчаянии обернулся. Женя исчез. На втором этаже, кроме кабинета МХК, были только пустующий сейчас класс математики, театральная студия и коридор, ведущий к кабинету директора. Помощь могла прийти слишком поздно. Брызги крови уже были и на стене у окна, и на подоконнике, куда ткнулся носом кто-то, отправленный Максом в нокдаун.

Даниил развернулся и побежал.

У Аркадия Леонидовича только что начался урок, когда дверь с треском распахнулась, ударившись в стену. Он с удивлением повернулся. На пороге стоял Даниил Трок; глаза у него были круглые и донельзя перепуганные, а лицо такое белое, что исчезли даже веснушки.

– Там! – крикнул он, перевел дух и снова выкрикнул: – Драка!

Два пролета лестницы Аркадий Леонидович преодолел в несколько прыжков, оставив Даниила далеко позади. На втором этаже творилось что-то несусветное: куча сплетенных друг с другом детских тел, брыкающихся, визжащих, орущих, беспорядочные взмахи рук, звуки ударов и крики боли.

Те, кто не участвовал в битве, столпились вокруг с раскрасневшимися лицами и блестящими обесмыслившимися глазами, подпрыгивали и кричали:

– Вали его!

– За руки хватай!

– Мочи его, мочи!

Аркадий Леонидович врезался в толпу, как локомотив на полном ходу. Снес плечом возвышающегося над остальными рослого парня, раздававшего направо и налево яростные оплеухи, и ворвался в центр побоища. Через пару секунд бой прекратился: кто-то отлетел в сторону, кто-то отступил сам, только на полу еще лежали двое, один из которых вцепился противнику в горло мертвой хваткой. Аркадий Леонидович схватил верхнего мальчишку за плечи и потянул. Тот закрутил головой, попытался ударить ногой, но свою жертву не выпустил.

– Отпусти его! Все, отпусти!

Парень сжался, как кот, но продолжал душить. Лицо второго уже приобретало багрово-синий оттенок, глаза выпучились и покраснели. Аркадий Леонидович напрягся и с силой встряхнул мальчика, подняв его в воздух. Подросток яростно забился, пытаясь вырваться, но учитель держал его крепко.

– Успокойся! Все кончилось, остановись!

Аркадий Леонидович развернул парня лицом к себе и с трудом узнал в этом бешено дергающемся, залитом кровью, оскаленном существе Рому Лапковича. Он зашипел и лягнул учителя в лодыжку.

– Да успокойся ты!

Рома наконец замер в сильных руках, тяжело дыша и выдувая ноздрями кровавые пузыри. Разбитые губы раздвинулись в жуткой улыбке.

– Никогда, – прошептал он.

– Что?!

– Никогда больше. Нет. Никогда.

Глава 9

Мир стал серым и плоским, как низко нависающий потолок. Желтоватый свет перестал быть уютным, сделался тревожным, как неприятный сон, который не можешь вспомнить наутро. За окном постоянно что-то лилось, то ли дождь, то ли мокрый снег, как будто кто-то открыл кран и моет, моет, трет руки, пытаюсь отскоблить въевшуюся грязь.

Ужинали наскоро и без удовольствия. Телевизор бубнил, теперь включенный всегда на канале новостей, и был похож на окно в искаженный, неправильный мир, где только и дел было, что взрывать, убивать, ненавидеть и спорить до красных пятен на лицах. «Песнь о Нибелунгах» отложили до лучших времен. Теперь чтением их снабжали страницы в Сети. Как это всегда бывает с Интернетом, одним городским порталом Северосумска дело не ограничилось: вроде бы включали они компьютер, чтобы читать про события в городе, а в итоге погружались в концентрат страхов и шумных страстей внешнего мира. Аркадий Леонидович чувствовал себя так, словно после освежающей ванны вынужден был лезть в огромный мусорный бак, разыскивая там что-то среди гнили, сора и острых опасных осколков.

– Смотри, вот еще.

«На улице Энтузиастов из окна восьмого этажа выбросился 12-летний подросток, учащийся школы № 3. В предсмертной записке он объяснил причины своего поступка «голосами, которые приказали ему это сделать», а также отказом родителей купить ему игровую приставку Xbox. Прибывшие на место врачи «Скорой помощи» констатировали смерть вследствие множественных травм, несовместимых с жизнью».

– И вот.

«Массовой дракой закончился конфликт между двумя группами мужчин в рюмочной «Капелька». По словам очевидцев, неизвестный посетитель спровоцировал ссору между рабочими завода «Коммунар» и сотрудниками «Созвездия». В ходе выяснения отношений один из участников столкновения получил ножевые ранения, еще двое были госпитализированы с черепно-мозговыми травмами и ушибами. Зачинщика найти не удалось. Полиция ведет расследование с целью установления обстоятельств происшествия и степени вины каждого из его участников».

– Это тоже сегодня. Все за один день.

«В Инженерном переулке 40-летняя Х., сотрудница диспетчерской службы порта, на почве внезапно возникших неприязненных отношений после совместного распития спиртных напитков нанесла осколком бутылки колото-резаные ранения своему неработающему сожителю Ф. Мужчина скончался на месте. С целью сокрытия преступления Х., находившаяся в состоянии сильного алкогольного опьянения, попыталась вытащить труп на улицу и проволокла его за ноги по ступеням лестницы с четвертого по второй этаж. Там она встретила 78-летнюю У., проживавшую в том же подъезде. Опасаясь разоблачения, Х. набросилась на соседку и причинила ей тяжкие телесные повреждения, однако получила серьезный отпор, бросила тело сожителя и попыталась скрыться. Прибывший по вызову наряд полиции обнаружил Х. спящей на уличной скамейке в тридцати метрах от дома».

Недельной давности бойня открыла какие-то шлюзы, ранее сдерживавшие отчаяние и злобу. Город, все еще переживавший страшные события прошлой субботы, словно бы не замечал этих ежедневных вспышек насилия, как не замечают булавочного укола рядом с зияющей, кровоточащей раной.

Глупо было надеяться, что можно укрыться от жизни. Отсидеться с любимой женщиной в тихой квартире, спокойно ходить на работу, читать старые книги. Мир, как терпеливый и настырный рыбак, выковыривающий острым коротким ножом моллюска из раковины, настиг его снова. Только теперь Аркадий Леонидович был не один, и это все осложняло. Как ни любил он Карину, как ни больно ему было думать об этом, но все стало бы намного проще, попрощайся он тогда с ней на вокзале. Она бы и одна не пропала; может, встретила бы кого-то другого, нормальнее, проще, влюбилась бы и была счастлива. Да, Карина тоже что-то скрывала, но Аркадий Леонидович был уверен, что это сущие пустяки в сравнении с тем, что утаил он: ну какие порочные тайны могут быть у молодой медсестры? Неудавшийся брак? Ревнивый любовник? Долги? Уж точно не шесть жестоких убийств, совершенных на той войне, куда его призвали вопреки собственной воле. И если раньше он скрывал от нее только прошлое, теперь приходилось откровенно врать о настоящем и будущем.

– Как поговорили? – поинтересовалась Карина, когда Аркадий Леонидович вернулся от Трока.

Он пожал плечами.

– Нормально, – ответил Аркадий Леонидович, мысленно подбирая слова. – Поняли друг друга. Он показал мне капище.

– И что?

– Да ничего особенного. У меня есть кое-какие предположения, но их надо проверить. Пожалуй, съезжу в четверг в Михайловск.

Карина только посмотрела пристально своими черными, бездонными глазами, но ничего не спросила больше, отчего ему стало еще горше.

В четверг, свой выходной, он действительно поехал в Михайловск: выехал на автобусе рано утром и вернулся под вечер.

– Как поездка? – спросила Карина.

– Более или менее, – сообщил Аркадий Леонидович. – Не то чтобы все прояснилось, но есть зацепки.

В Михайловске Аркадий Леонидович наведалься в строительный магазин: два мотка крепкого скотча, костюм для малярных работ, большие ножницы, латексные перчатки и молоток – отличный, увесистый, с резиновой ручкой. Очень хороший молоток. Он взвешивал его в руке и ощущал мрачную радость, как солдат, снова прикоснувшийся к прикладу винтовки. Затем посетил местный вещевой рынок: тут, как и в Петербурге, нетрудно было купить подержанный мобильный телефон, а потом приобрел у распространителя рядом с торговым центром сим-карту, как обычно, продиктовав на ходу выдуманные паспортные данные и назвав имя – Евгений Абрамович Баратынский.

Не стоило изменять традициям.

Католической церкви в Михайловске не оказалось. Впрочем, для Аркадия Леонидовича конфессиональные различия в христианских деноминациях были малосущественны. Он купил соли, в аптеке взял сбор засушенных трав на основе крапивы и отправился в Благовещенский храм.

Литургия закончилась, прихожане в основной своей массе уже разошлись, только некоторые толпились у церковной лавки и вокруг двух священников, один из которых совершал панихиду, а другой служил молебен рядом с иконой праздника. Аркадий Леонидович, неуклюже перекрестившись из соображений приличия, подошел ближе. На иконе была изображена Богоматерь, простирающая руку к лежащему на одре человеку, привстающему к ней навстречу. Образ был написан со строгой простотой, и Аркадий Леонидович неожиданно для себя засмотрелся. Священник читал задумчивым, монотонным речитативом. Кто-то негромко подпевал, отвечая на возгласы. Позвякивало кадило. Густой теплый дым ладана обволакивал, успокаивая взбудораженные мысли. Богородица на иконе смотрела с мягкой, скорбной укоризной и протягивала руку, изящную и тонкую, но не к лежащему на постели болящему, а к нему, будто хотела одновременно и удержать, и привлечь к себе, так, как берут за руку ребенка, когда собираются ему что-то сказать. Аркадию Леонидовичу

сделалось отчего-то неловко. Он еле дождался конца молебна, подставил под большое кропило открытую пачку травы, куда загодя всыпал немного соли, быстро, стараясь не глядеть по сторонам, купил в лавке охранительный пояс, ладан, маленький черный мешочек с тесемкой и поспешно вышел.

Тем же вечером он, наскоро перекусив дома, отправился на разведку.

Сомнений в том, с чего, а точнее, с кого нужно начать распутывать историю с капищем, у него не было. «Духовный лидер, эзотерик, ведьма» – с тем же успехом Львова могла повесить себе на шею огромную мишень. Первая была у раскопа, сославшись на некий мистический зов, – Аркадий Леонидович понимал, что не только они с Кариной обладают чутьем к потустороннему. Потом эта попытка прорваться на территорию бывшей строительной площадки; он посмотрел в записи репортаж на Региональном канале и видел, что у ворот Львова и ее адепты устроили нечто вроде моления. Наконец, кукла с разломанной головой, похороненная на дне ямы, – возможно, пока остальные отвлекали полицию у ворот, кто-то все же пробрался к святилищу и положил туда изуродованную игрушку как дар... или что-то иное? Впрочем, гадать не было нужды. Скоро Львова все расскажет сама. А в том, что это произойдет, Аркадий Леонидович не сомневался.

Иначе не будь он Инквизитор.

Штаб-квартира «Северной Веды» располагалась на последнем, четвертом этаже Дома культуры «Корабел». Аркадий Леонидович вошел внутрь, прошелся по рядам уже закрывавшегося на ночь вещевого рынка, поднялся на второй этаж, к магазинам с канцелярией и электроникой, заглянул на третий, который арендовали несколько художественных студий, самодеятельный театр, хор и кружок бальных танцев. Ему опять повезло: четвертый этаж был, по сути, мансардой, куда вела отдельная пожарная лестница, дверь которой выходила на сторону, противоположную главному входу. Единственные закрытые двери на ней вели в коридоры второго и третьего этажа, а наверху лестница заканчивалась коротким проходом и офисом «Северной Веды».

Идеально.

Позади «Корабела» был темный, неухоженный садик, подобие парка, с несколькими сдвинутыми вместе сломанными скамейками и следами кострищ у берегов маленького пруда, затянутого такой густой и толстой тиной, что, казалось, по ней можно пройти от берега к берегу. Ни фонарей рядом, ни прохожих. Проспект шумел за зданием Дома культуры. Единственными свидетелями могут стать случайные пьяницы – сидит же

кто-то на этих скамейках у вечернего костерка, – но Аркадий Леонидович сомневался, что холодная ненастная ночь покажется им удачным временем для пикника.

Теперь нужно было сделать так, чтобы госпожа Львова, неосторожно рекомендуемая ведьмой и эзотериком, осталась у себя в офисе пятничным вечером, и желательно допоздна. Учитывая то, что он понял про Клариссу Львову из многочисленных публикаций о ее деятельности, сделать это было несложно.

Он достал купленный в Михайловске телефон. Свой номер Львова указывала везде: на личной странице, и в группе «Северной Веды» в социальной сети, и под некоторыми своими статьями. Когда ищешь известности, нужно быть открытым для разного рода контактов. Ответила она сразу, приятным, бархатистым контральто.

– Здравствуйте, Кларисса Львова слушает.

– Добрый вечер! – радостно поприветствовал ее Инквизитор. – Я корреспондент Центрального канала, меня зовут Олег Словицкий.

Имя он придумал заранее. Когда врешь, важно, чтобы имя было не совсем обычным. Представишься, например, Сергеем Петровым или Андреем Сидоровым – и у человека могут закрасться сомнения. А вот Олег Словицкий – самое то.

– Очень, очень приятно, Олег!

Не сомневаюсь.

– Кларисса, по заданию редакции я делаю большой репортаж о недавней археологической находке в Северосумске и решил, что без вашего интервью рассказ будет неполным. Мы внимательно изучили материалы о вашей деятельности и будем очень признательны, если вы сможете уделить нам время для беседы, это возможно?

– Конечно, Олег, разумеется! В любое удобное вам время!

Инквизитор улыбнулся. Какая-то девушка, идущая навстречу ему по тротуару, испуганно шарахнулась в сторону.

– Мне и моему оператору было бы удобно подъехать к вам в пятницу вечером, если можно, попозже. Сейчас мы в Михайловске, освободимся только завтра после обеда, так что в Северосумске будем не раньше часов девяти вечера. Может быть, в десять? Не слишком поздно?

Секундное раздумье.

– Да, можно в десять.

– Очень хорошо! Тогда я успею подготовить материал к воскресному эфиру. Значит, в десять вечера мы у вас! До встречи!

Тревожный или просто осторожный человек мог бы перезвонить в

пятницу утром в редакцию Центрального канала и попытаться выяснить, действительно ли некая группа делает репортаж о Северосумском капище. Ну или хотя бы сделать несколько звонков в Михайловск, например, в историко-краеведческий музей, без посещения которого такой репортаж не обошелся бы. Но Львова не была осторожной и причин для тревог не испытывала. Инквизитор был в этом уверен.

К счастью, в пятницу Карины не было дома – она ушла на ночное дежурство. Иначе Аркадий Леонидович не знал бы, как объяснить ей свою вечернюю вылазку, которая к тому же имела все шансы затянуться до утра. Прислали повестку? Позвонили со старой работы? Прозвучал трубный глас, возвещающий общий сбор?

Но он все же позвонил ей, так, подстраховаться на всякий случай.

– Я тут прогуляюсь немного. Нужно собраться с мыслями, да и сплю я что-то неважно последнее время. Пройдусь до проспекта и сразу лягу.

– Хорошо, я поняла. Только оденься потеплее, ночью будут заморозки. Надень толстый свитер, тот, с горлом, ладно?

– Обязательно. – Голос почему-то осип, и Аркадий Леонидович прокашлялся.

– Знаешь, – сообщил он, – сегодня в школе драка была.

– Ох, – в голосе Карины прозвучала тревога. – Кто-нибудь пострадал?

– Ну, у одного мальчика сотрясение, он в больнице. У остальных так, по мелочи: синяки, носы разбиты... Но вот дрались очень страшно. Я такого не видел еще. Не как тринадцатилетние дети, а... я не знаю... как кровные враги. Или звери. Прямо насмерть. Наверное, если бы так дрались взрослые, то жертв бы не миновать.

– Ты считаешь?..

– Да, это связано с тем, о чем мы говорили. Причем напрямую: я так понял, что несколько мальчишек напали на Рому Лапковича и его друзей.

Карина помолчала, а потом заметила:

– Сегодня пятница, кстати.

– Да.

– Это же по пятницам обычно там что-то происходит...

– Ну, если наши догадки верны, то да.

– И ты прогуляться идешь?

Он вздохнул.

– Карина...

– Ладно. Только будь осторожен.

И повесила трубку.

По пятницам или по субботам таинственный культ проводит свои ритуалы, они точно не знали. Но вариантов было всего два, учитывая дни недели, когда на Северосумск обрушивались несчастья и смерти. И Аркадий Леонидович, и Карина склонялись к тому, что все-таки зловещие обряды проводятся накануне. Он – потому что знал предпочтительные дни для ведьминских шабашей. Она – ну, наверное, читала что-то на эту тему.

Так он подумал.

Аркадий Леонидович аккуратно собрался: уложил в старый портфель катушку скотча, заранее сняв упаковку и прилепив к кончику ленты бумажку, чтобы удобнее и быстрее было разматывать; малярный костюм и перчатки, ножницы и молоток. Пожалел об отсутствии шокера – он бы сейчас пригодился. Надел на шею тесемки мешочка с освященной травой, солью, воском и ладаном. Обвязал вокруг груди охранительный пояс с молитвой Кресту и Девяностым псалмом. Одежда и натянул на голову свернутую шапочку, в которой заранее проделал дырки для глаз, чтобы получилась маска: маловероятно, чтобы, ведомый недоброй судьбой, какой-нибудь охранник Дома культуры высунулся на пожарную лестницу, но и такую возможность следовало предусмотреть. Убивать невинного свидетеля он не собирался. Смерть и увечья предназначались сегодня другому человеку. Еще взял налобный фонарик, маленький, но очень мощный, и кухонный нож, которым Карина резала мясо. В дело его пускать он не собирался, но на определенном этапе предстоящего мероприятия нож был необходим.

Аркадий Леонидович понимал, что от многого ему придется отказаться. Никаких канистр с бензином, огня, надписей «ВЕДЬМА» и последующих звонков в полицию. Время манифестаций, попыток что-то сказать и доказать прошло. К тому же такой экзотический образ действий неизбежно вызовет много вопросов, которые приведут рано или поздно к ответам, имеющимся у следственных органов в Петербурге. Закрытое в связи со смертью подозреваемого дело будет мгновенно возобновлено, и арест станет вопросом недолгого времени. Конечно, такого допустить нельзя. Клариссе Львовой предстояло стать жертвой неизвестных преступников, ворвавшихся к ней в офис с целью ограбления, в ходе которого они ее пытали, видимо заставляя выдать деньги и ценности, а потом задушили. Не слишком шокирующее происшествие для того Северосумска, каким он стал в последние дни.

На улице действительно сильно похолодало. Небо расчистилось, в вышине зло мерцали колючие звезды. Под ногами хрустели схваченные заморозком листья и ледяные корки на подсохших лужах. Деревья застыли,

раскорячив черные ветви. Наступило то особенно мрачное время года, между осенью и зимой, когда мир как будто бы умер уже, но еще не похоронен под белым снежным покровом. Угрюмая улица Красных Матросов была пуста. Со стороны ангаров и складов кто-то кричал, то ли жалобно, то ли с угрозой. На часах было ровно десять вечера.

Аркадий Леонидович достал телефон и набрал номер Львовой.

– Кларисса, здравствуйте, это Олег, корреспондент с Центрального...

– Да, Олег, добрый вечер, жду вас! Все в силе?

– Да, просто мы тут задержались немного, будем у вас буквально минут через десять-пятнадцать, хорошо?

– Отлично, не торопитесь, я освободила весь вечер специально для вас!

Иногда людей нужно заставлять ждать. Так притупляется бдительность, а тревога, если она и была, уступает место беспокойству о том, состоится ли запланированная встреча, и легкому раздражению. К тому же в десять вечера из «Корабела» уходили последние люди: вещевого рынок и магазины были закрыты еще час назад, а сейчас Дом культуры покидали любители бальных танцев и живописи. Пожилой усатый охранник – насколько успел заметить Аркадий Леонидович, один на все здание – закрывал двери и мыслями уже был в уютной каморке с телевизором, сканвордами и стаканчиком горячительного.

На четвертом этаже светились три мансардных окна – их хорошо было видно сбоку, с проулка между зданием и костлявыми деревьями сада. Скамейки позади Дома культуры пустовали, костры не горели, тинистая поверхность пруда неподвижно темнела в ночи. Инквизитор подошел к железной двери пожарного выхода, огляделся еще раз по сторонам и потянул ручку. Дверь медленно и бесшумно открылась. Он шагнул внутрь. Узкая лестница была залита неживым белым светом, в гулкой тиши негромко гудели лампы. Одним движением он опустил на лицо шапочку, поправил маску, расстегнул портфель, придерживая его коленом, достал оттуда фонарь, длинный нож и моток клейкой ленты. Нож засунул в рукав пальто, скотч – в карман, а фонарь нацепил на голову. Щелкнул кнопкой – работает. Все готово. Инквизитор натянул перчатки, перехватил портфель в левую руку и, стараясь не греметь башмаками, стал быстро подниматься по лестнице.

На площадке четвертого этажа пришлось постоять немного, чтобы перевести дыхание. К белой двери с вычурной серебристо-черной табличкой «Северная Веда» вел короткий коридор. Инквизитор подошел к входу в офис, затаил дыхание и прислушался. Если Львова вдруг окажется

не одна, придется все отменять. Нет, вроде бы тихо: ни разговоров, ни шагов, ни каких-то других звуков, которые производят обычно несколько человек, собравшиеся в помещении. Он поставил портфель у стены, вытряхнул из рукава нож, ухватив его за пластиковую рукоять, и открыл железные створки электрического щитка рядом с дверью. Над белыми рычажками были приклеены маленькие бумажные бирки: «лест.», «кор.», «офис». Инквизитор вздохнул и опустил все три вниз.

Раздался щелчок, и упала крошечная тьма, будто все разом накрыли толстой черной портьерой. Он быстро включил фонарик, направил яркий голубоватый луч на дверь и стал ждать. Из глубины офиса застучали высокими каблуками шаги, что-то загремело, упало, раздраженный женский голос ахнул и выругался. По стене, совсем рядом, с другой стороны двери, прошелестела ладонь, нащупывая ручку. Потом щелкнул замок, и дверь распахнулась.

Для встречи с журналистами главного телевизионного канала страны Кларисса Львова надела парадное ярко-алое платье с подолом до пола и вырезом до середины бедра. Сейчас, выхваченная из тьмы ярким лучом фонаря, она походила на актрису из готического спектакля или манекен в аттракционе дешевых кошмаров: длинная, худая, темные прямые волосы, бледное лицо и огромные, густо подведенные черным, испуганно мигающие глаза. Она застыла, как животное в свете фар на шоссе, и не успела даже испугаться, когда Инквизитор рванулся вперед, врезался в нее плечом и сшиб с каблуков на пол узкого коридора. О линолеум громко стукнулся костлявый зад. Кларисса инстинктивно открыла рот, чтобы завопить, но сильные пальцы в резиновой перчатке схватили ее за волосы, а к горлу прижалась острая сталь.

– Крикнешь – умрешь, – прозвучал из тьмы низкий мужской голос.

Кларисса завертела головой, но пальцы сильнее стиснули ее волосы, так, что из глаз брызнули слезы, а лезвие ножа больно укололо кожу.

– Я сказал, тихо. Не дергайся и останешься жить. Если поняла, кивни.

Львова судорожно сглотнула и закивала.

Мужчина, огромной широкой тенью возвышавшийся в полумраке, легко подхватил ее с пола, поставил на ноги и, не отпуская накрученных на руку волос, поволок по коридору, к открытой двери кабинета.

Луч фонаря запрыгал в темноте: на стенах в рамках благодарности и дипломы самопровозглашенных оккультных академий, плакаты с анонсами встреч «Северной Веды», изображение мандалы из причудливо переплетающихся линий; большой стол с бумагами, книгами и безделушками; за столом кресло с высокой спинкой; два стула с

подлокотниками, приготовленные для гостей; слева шкаф с открытыми полками, на полках корешки книг, статуэтки индуистских божков, подставки для благовоний; в углу у двери две пачки новых книг в упаковке из серой бумаги; одна упаковка надорвана и видна обложка с крупной фотографией Львовой и часть названия: «Советы... мудрости».

Инквизитор с силой усадил Львову на один из стульев, прижал острие ножа под судорожно вздымающейся тощей грудью и еще раз предупредил:

– Не дергайся.

– Послушайте, просто скажите, что вам нужно, если деньги, то... – затараторила Кларисса.

Пришлось снова кольнуть ее лезвием. Она тихо ойкнула и замолчала.

Он достал скотч и, орудуя катушкой и длинным ножом, принялся приматывать руки и ноги Львовой к ножкам и подлокотникам стула. Старые навыки возвращались стремительно. Дело спорилось. Через пару минут клейкая лента плотно прижала запястья и щиколотки жертвы к блестящему никелированному металлу. Львова шумно дышала, но молчала. Инквизитор поднялся, подергал ее за руки и ноги, удовлетворенно кивнул, одним движением отхватил короткий кусок скотча и залепил вымазанные ярко-красной помадой тонкие губы. Спокойно вернулся к входу в офис, взял портфель, закрыл дверь и защелкнул замок. Прислушался. Тишина.

Он вернулся в кабинет и внимательно посмотрел на Клариссу. Она замигала, прищурилась и отвернулась. Черные волосы растрепались и липли к щедро смазанному тональным кремом лицу. Инквизитор поставил портфель на стол, сдвинул в сторону бумаги и канцелярскую мелочь и не спеша выложил на столешницу инструменты: большие ножницы и молоток.

Кларисса тихонько завывала и дернулась.

– Подожди, – строго произнес Инквизитор. – Еще не время кричать. Я скажу, когда можно.

Он взял ножницы, присел рядом с ней на корточки, присмотрелся, прицелился и двумя щелчками перерезал ремешки на черных туфлях. Львова вздрогнула. Инквизитор стащил туфли и отбросил в сторону. Стопы, обтянутые черными тонкими колготками, были костлявые, длинные, ногти на пальцах вымазаны темным лаком.

Интересно, какой это цвет? Вишневый? Темно-синий? Угольно-черный?

Он помотал головой. Вместе с навыками, похоже, возвращались и привычные мысли.

Заклацали ножницы. Львова вся сжалась на своем стуле и только

дрожала, когда холодный металл касался теплой кожи. Платье стекло вниз потоком красного шелка. Черные обрезки колготок скукожились мелкими лужицами. Он разрезал бюстгальтер, обнажив мелкие, помятые груди с набухшими, как зимние ягоды, сосками, и принялся за трусы. Кларисса судорожно вздохнула. Инквизитор рассек тонкую лямку стрингов, рывком выдернул их из-под Львовой, отбросил в сторону и глубоко втянул носом воздух, тут же мысленно себя отчитав: нельзя, нужно сдерживаться. Концентрироваться на главном. Не давать воли двум главным врагам палача и судьи: гневу и похоти.

Впрочем, никакого запаха не было. Он даже успел ощутить быстрый укол разочарования. Ни горячего, интимного, животного духа, ни даже пота, ну или мочи, на худой конец. Львова вообще ничем не пахла, кроме духов и женского крема для тела, – как будто пластиковый манекен привязали к офисному стулу. Кожа была матовой, белой, сквозь нее выпирали ребра и похожие на две ручки кости таза, в луче фонаря чуть поблескивал наголо бритый лобок, над которым подрагивал плоский живот с тонким слоем мягкого жира.

Ладно, так даже лучше. Ничто не будет отвлекать от главной цели.

Инквизитор отложил ножницы, не спеша влез в шуршащий защитный костюм, взял молоток и снова присел рядом с привязанной женщиной. Задумчиво погладил хрупкие пальцы ног. Посветил фонарем. Лак на ногтях был цвета крови.

– Теперь послушай меня. Сейчас я буду спрашивать, а ты отвечать. Если ты ответишь неправильно или соврешь, то я раздроблю тебе палец.

Он чуть прикоснулся молотком к мизинцу на ее левой ноге. Львова дернулась так, что стул подпрыгнул.

– Да, это будет очень больно. Если ты продолжишь упорствовать, то я переломаю все пальцы один за одним, потом расплющу обе стопы, а после примусь за колени. Ты поняла меня? Готова говорить правду?

Львова громко замычала, замотав головой.

Вот незадача. Об этом он не подумал. Рот у ведьмы был заклеен, так как же она станет с ним говорить? А если отлепить клейкую ленту, то после первого же удара молотка вопли раздадутся такие, что встрепенется даже пенсионер-охранник в своей каморке на первом этаже «Корабела». Там, где он раньше проводил допросы и казни, ведьмы могли орать во весь голос сколько угодно, никто бы их не услышал. Но как быть сейчас? Придется как-то выкручиваться. Сначала он поговорит с ней, а потом, если будет упрячиться, снова заклеит рот. Может быть, еще и затолкает туда обрезки белья.

Инквизитор помедлил и сорвал с губ женщины скотч. Она глухо вскрикнула, задышала ртом и прерывисто заговорила:

– Я... все сделаю... как скажешь... скажете... вы... – перевела дух и быстро добавила: – Деньги в верхнем ящике стола, ключ у меня в сумочке, в боковом кармашке.

– Спасибо, это полезная информация, – серьезно сказал Инквизитор.

Соски у Львовой набухли сильнее. Ему захотелось их ущипнуть. Или укусить. Он зажмурился и сжал рукой висящий на шее мешочек со святынями.

Помогло.

– Это полезная информация, – повторил он, – но я хочу спросить о другом.

– О чем?

Инквизитор встал, нависнув карающей тенью, и громко, отдельно произнес:

– Во имя Господне, аминь. В год от рождества Христова 20..., двадцать восьмого дня месяца сентября, до моего слуха дошло, что ты, Кларисса Львова из города Северосумска, вошла в союз с дьяволом с целью околдования, наведения порчи и прочего, что идет против веры и служит во вред обществу. Понятно ли тебе данное обвинение и признаешь ли ты его?

Львова молча вытаращилась на стоящего перед ней незнакомца. Вначале, когда он сбил ее с ног и приставил к горлу нож, она подумала про ограбление. Потом, когда дело дошло до привязывания к стулу и срезания одежды, кое о чем похуже, хотя, может быть, и получше – как посмотреть: несмотря на дикий, парализующий страх, она даже почувствовала некоторое возбуждение, может быть, вызванное тем самым страхом, а может, мыслями и фантазиями, которые пронеслись в голове, едва мужчина в маске сорвал с нее трусики. Не то чтобы Кларисса была как-то особо сексуально не удовлетворена, но ее постоянный любовник, тренер по карате Гена, был не слишком изобретателен, а еще тороплив и стремителен, как удар ногой в прыжке, так что временами ей хотелось разнообразить свою интимную жизнь чем-нибудь эдаким. Страшно было только от мыслей, что изнасилованием дело может не ограничиться, но вот теперь выясняется, что дело вовсе не в сексуальном насилии... а в чем? Она попыталась сосредоточиться.

– Понятно ли тебе, в чем я тебя обвиняю?

Кларисса замотала головой.

– Извините, я отвлеклась... можно еще раз?

Хитрит, понял Инквизитор.

– Я обвиняю тебя в том, что ты ведьма, – объяснил он. – Признаешь ли ты это?

Львова согласно закивала.

– Да, да, признаю. Обязательно. У меня и сертификат есть.

Он опешил. Некоторое время оба молчали.

– Кларисса, – мягко сказал Инквизитор, – ты понимаешь смысл собственных слов?

Та замотала головой еще сильнее. Длинные черные волосы разметались по плечам и груди.

– Да, я же сказала, у меня есть сертификат истинной ведьмы седьмой ступени посвящения, между прочим выданный Страсбургской академией оккультизма и метафизики. Что вы так смотрите? У меня более десяти дипломов и свидетельств в области эзотерических дисциплин, я практикующий пара-психолог, провожу тренинги и семинары, возглавляю общество «Северная Веда», а еще пишу книги, вот, в углу, видите, это уже третья, из типографии только что...

– Хватит! – рявкнул Инквизитор.

– Ну вы же сами спросили, велели мне отвечать, вот я и отвечаю, на любые вопросы, очень подробно, спрашивайте...

Он с силой ударил молотком в пол, и Львова испуганно замолчала.

Адреналин стремительно исчезал, а вместе с ним и знакомое, мрачное возбуждение, сочетающее в себе муку и наслаждение – такое чувство испытывали, верно, подвижники и аскеты, терзающие себя власяницами и бичами из воловьей кожи. Но сейчас на смену ему приходило ощущение какого-то абсурда, нелепости, будто его разыграли, как мальчика, которому подсунули пустой свернутый фантик вместо конфетки.

Он подумал и решил зайти с другой стороны.

– Откуда тебе стало известно про древнее капище? Ты оказалась на стройплощадке раньше всех прочих, как ты узнала про то, что там обнаружили?

Львова прикусила губу.

– Знаете, у меня есть свои методы, я же не даром занимаюсь духовными практиками. Не уверена, что вы поймете, но был мистический зов...

– То есть тебе сообщил об этом дьявол?

– При чем тут дьявол? – подняла брови Львова. – Я же пытаюсь объяснить, это как откровение...

– Ответ неверный, – с сумрачным удовлетворением сообщил Инквизитор.

Он поднял с пола комок черных обрезков, запихал отчаянно дергающейся Клариссе в рот и заклеил губы скотчем. Лукавая ведьма чуть было не увела его в сторону своими фальшивыми признаниями. На самом деле выяснить нужно только два вопроса: во-первых, убедиться, что именно она со своими присными совершает темные ритуалы, связанные с древним святилищем, а во-вторых, выяснить, как остановить их последствия. То, что Львова заупрямилась именно при упоминании про сатану, было весьма показательным. Впрочем, против такого упрямства есть эффективное и проверенное средство.

Он прицелился и взмахнул молотком. Кларисса дернулась, отшатнулась, стул завалился назад вместе с ней, и она с гулким стуком врезалась головой в белый гипрок стены. Из-под кляпа донесся приглушенный, сдавленный вопль. Привязанные к ножкам босые стопы вздернулись, и одна из них угодила Инквизитору в подбородок. Он выругался и вскочил. Это было ошибкой – забыть прислонить стул плотнее к стене или попытаться как-то его зафиксировать. Он отложил молоток, схватился за стул и с усилием поднял бьющуюся, воющую и дергающуюся Львову. Она продолжала орать. Скотч глушил звуки, но Инквизитору показалось, что ведьма не просто кричит, а пытается что-то сказать.

– А ну, тихо! – прикрикнул он. – Ты хочешь ответить на мой вопрос? Честно ответить?

Та бешено закивала. В слезах, застилавших глаза, приплясывал ужас.

– Хорошо. Я вытащу кляп. Но если начнешь кричать или снова попытаешься меня обмануть – знаешь, что будет. Второй раз я не промахнусь.

Снова затрещала клейкая лента. Обмусоленный, промокший от слюны комок ткани полетел на пол.

– Тамара! – выдохнула Кларисса.

– Что? Кто такая Тамара?

– Тамара сказала. Мне. Позвонила. Тамара.

Львова резко перегнулась вперед, издала хриплый, утробный звук и выпустила из судорожно раскрывшегося рта струйку липкой, тягучей желчи. Слизь закапала на сиденье стула между раздвинутых ног, заблестела на животе и на подбородке. Резко завоняло кислятиной. Инквизитор поморщился.

– Так, теперь говори спокойно и членораздельно. Кто такая Тамара и что она тебе рассказала?

Кларисса сидела свесив голову и икая. Инквизитор осмотрелся по сторонам, увидел на столе бутылку с водой, открыл крышку и поднес к

губам женщины.

– Вот. Попей.

Та сделала несколько жадных глотков. Вода потекла по лицу.

– Все? Можешь теперь разговаривать?

Львова звонко икнула и ответила:

– Да. Могу.

– Слушаю.

Она выпрямилась, откинулась на спинку стула и заговорила. Голос стал тусклым и монотонным. Таким голосом признаются в обмане.

– Тамара – жена губернатора области, Пустовара. Мы с ней в школе вместе учились, в одном классе, здесь, в Северосумске. Я потом в Москву уехала, а она в Михайловск. Ну, общались, созванивались иногда. Потом, когда я вернулась, стали видеться чаще. Она мне помогала книги издавать – их ведь никто печатать не хотел, вот Тамара и выручила. По дружбе. Говорит, что ей нравится то, чем я занимаюсь. Вообще Тамара – она интересная, тоже увлекается эзотерикой, восточной философией...

– Ближе к делу.

– Тамара мне позвонила вечером, как раз накануне находки. Сказала, что ночью на строительной площадке «Лиги» обнаружат кое-что интересное.

– И сообщила, что именно?

– Да, святилище времен неолита. Говорит, это отличный шанс для «Северной Веды»: настоящее сакральное место на территории Северосумска, нужно только грамотно, так сказать, разыграть карты. О нас не очень много говорили в последнее время, а тут можно воспользоваться новостным поводом, создавать события... В общем, я так поняла, что ей и самой надо было зачем-то, чтобы мы пошумели как следует. Не дали замять это дело, то есть находку. Попросила, чтобы я ночью вместе со всеми, кого соберу, приехала на раскоп, сделала фотографии, видео сняла, распространила все это в Сети... Ну, я обрадовалась, что скрывать, это реально хороший повод. И Тамаре помочь, она же подруга, много делала для меня...

Инквизитор задумался.

– Есть доказательства того, что она звонила?

– Да. Телефон мой возьмите.

Он встал и подошел к вешалке в углу, где висело черное длинное пальто и маленькая алая сумка.

– Нет, – сказала Львова. – Другой. У меня второй есть. Он в столе, в нижнем ящике.

Инквизитор достал старомодный мобильник, металлический, с выдвигающейся панелью. Открыл список звонков и пролистал до 5 сентября. Тамара Пустовар. Входящий. 20.44. Потом еще один, в 21.10. Исходящий – 6 сентября в 11.15. Видимо, Львова отчиталась перед подругой о проделанной работе.

– Вторая трубка тебе зачем?

– Ну, есть мой номер, который все знают. Для работы. А этот старый, он для друзей. На бывшего мужа зарегистрирован.

Инквизитор убрал телефон обратно в ящик стола. Медленно обошел вокруг, вздохнув, стащил оставшийся чистым малярный комбинезон, сел, открыл портфель, засунул туда моток скотча, ножницы, нож, молоток. Львова ждала, не сводя с него глаз.

– Вот как мы поступим, Кларисса. Слова твои я проверю. Если ты меня обманула – то увидишь меня еще один раз, последний, понятно?

– Да, – выдавила она.

– Найду где угодно, имей в виду. Далее. Тамаре рассказывать о том, что случилось, не вздумай. Ей ничего не грозит, вреда я не причиню. Если узнаю, что ты ей звонила, – найду и убью. Ясно?

Львова обреченно кивнула.

– Молодец. У тебя может возникнуть идея обратиться к сотрудникам полиции. В этом случае подумай, что ты им скажешь. Я тебя не грабил, не насиловал, телесных повреждений не нанес. Ущерб от порчи вещей минимальный, так что квалифицируют это как хулиганство. Не думаю, что сейчас, учитывая происходящее в городе, это кого-то сильно заинтересует. Выслушают только с любопытством, как ты голая на стуле сидела. Но даже если случится так, что меня будут искать и поймут, учти: я не один. Нас много. И другие найдут тебя...

– ...И убьют, – закончила за него Львова.

– Верно. Быстро схватываешь. И последнее. Ты, Кларисса Львова, наверное, что-то хорошее сделала в жизни, раз осталась сегодня жива и даже здорова. Послушай моего совета, бросай эту чушь. Работу найди себе настоящую. Полезным чем-то займись. Потому что в следующий раз тебе может так не повезти.

Он встал.

– А вы меня не развяжете? – робко поинтересовалась Львова.

– Разумеется, нет. Дверь в офис я оставляю открытой, свет включу. Думаю, тебя скоро найдут: может быть, охранник забеспокоится, что лампы горят среди ночи. Или уборщица утром придет – бывает же тут уборщица? Можешь попробовать добраться до телефона, позвонить кому-нибудь. В

общем, справишься. Переживешь. А я пошел.

Аркадий Леонидович взял портфель и вышел на лестницу. Сухо щелкнули рычажки рубильников в электрощите, и он зажмурился от яркого света. Стащил с головы ставший ненужным фонарик, спустился по лестнице, вышел на улицу, огляделся. Никого, только все те же неподвижные, оцепеневшие от мороза деревья, черный пруд и недобрые звезды. Он стянул маску, свернул ее, надел шапочку на голову и поплелся домой.

Мрачные тайны древнего капища остались пока без ответа: растерзанная кукла, закопанная в песке, зло, гуляющее, словно ветер, по улицам города; зато прояснилось кое-что другое, и от этого другого на душе было гадко. Как будто вышел во всеоружии на бой с трехглавым драконом и уже готов был сразить его мечом наповал, а вместо дракона увидел, к примеру, рекламный щит с объявлением о распродаже или о снижении процентной ставки по потребительскому кредиту.

Реальность порой страшнее любых фантастических чудищ, а иногда она их порождает.

Впрочем, исходя из того, что он сегодня узнал, появился шанс действительно закопать эту чертову яму.

Когда он вошел в подъезд, на часах было начало двенадцатого. Отважная вылазка для совершения акта инквизиции, допроса и казни и правда оказалась недолгой прогулкой. Дурачок из соседней квартиры стоял в приоткрытой двери.

– Привет, – поздоровался по привычке Аркадий Леонидович.

– Получилось? – осклабился тот.

Аркадий Леонидович покачал головой.

– Да как-то не очень, мой друг.

Глава 10

В субботу были похороны.

Все расходы, до последней копейки, взял на себя город. Даниил раньше никогда не бывал на похоронах; ему представлялась вереница блестящих черным лаком вытянутых катафалков, украшенных венками из алых цветов с траурными лентами, как в фильмах про гангстеров. Вместо этого под морозящим дождем по проспекту медленно двигались тринадцать маленьких старых автобусов, выкрашенных казенной сизой краской, кашляющих задыхающимися моторами и выпускающих клубы вонючего сероватого дыма. В этой убогой процессии было что-то по-настоящему жуткое: никакой театральности, только некрасивая правда смерти.

За автобусами с гробами ехали автомобили, за ними – еще два автобуса с близкими родственниками. Те, кто не поместился, отправились своим ходом. Вначале все поехали в храм Бориса и Глеба рядом с центральной площадью. Тринадцать одинаковых закрытых гробов стояли рядом перед иконостасом. Вообще-то погибших было больше, еще двое скончались в больнице от ран, но два человека оказались иногородними, приехавшими в командировку, и их тела отправили к родственникам в Петербург.

В Северосумске остались только свои.

В церкви Даниил тоже раньше ни разу не был; теперь его смущали мрачноватая торжественность, иконы, горячие ароматы воска и ладана, свечи и многолюдство, он не знал, что нужно делать и как вести себя правильно, поэтому смотрел на отца и на маму. Но те были неподвижны и замерли молча, склонив головы. Даниил стал разглядывать людей вокруг. Впереди всех, рядом со священником в золотой ризе, стоял мэр города Борис Глотов. Даниил знал его с детства как веселого толстощекого человека, который, приходя к ним домой в гости, всегда приносил ему что-то в подарок – игрушку или что-нибудь сладкое. Сейчас мэр был бледным, осунувшимся, даже круглые щеки обвисли, от чего лицо сделалось усталым и очень старым. Рядом с ним, сгорбившись и прикрыв лицо черным кружевом, стояла жена и три дочери; старшая прилетела на похороны из Москвы. В толпе вокруг было много и других знакомых лиц: директор и завуч из «единицы», учителя, ученики, папины и мамины друзья, даже мелькнула пару раз среди горящих свечей заплаканная мама

Жени Зотова. Была здесь и Лиля: она стояла на противоположной от Даниила стороне церкви, и он подумал, что нужно обязательно подойти к ней позже и что-то сказать. Что именно, он еще не придумал.

Не было только его приятелей. После драки в пятницу более или менее ровное отношение у одноклассников сохранилось только к Даниилу; Макс, разбивший несколько носов, поставивший с десятков фингалов и отправивший в больницу с сотрясением мозга Пашу Мерзлых, видимо, счел за благо не появляться на похоронах; Женя, изящно исчезнувший во время побоища, все-таки получил свое в тот же день в гардеробе: не очень сильно, но достаточно ощутимо, чтобы сделать определенные выводы. О Роме и говорить было нечего.

Священник распевным басом читал непонятные слова молитв; ему вторил хор; многие крестились и кланялись, и Даниил сам не заметил, как тоже стал повторять эти движения: рукой ко лбу, к животу, а потом направо и налево, на плечи. Отец покосился на него и нахмурился. Даниилу стало неловко, и оставшуюся часть службы он простоял неподвижно.

Потом все поехали на кладбище. Оно располагалось на восточной окраине города, почти точно напротив того места на западе, где в земле притаилось зловещее капище. Местность вокруг тоже была пугающе схожей: плоский широкий пустырь, кромка черного леса и серое пустое море, правда, гораздо дальше от кладбища, чем от заброшенной стройплощадки. Никаких склоненных в меланхоличной задумчивости вековых деревьев, старых склепов и белоглазых мраморных ангелов; только голое поле, утыканное крестами и памятниками. Даниил подумал, как, должно быть, грустно и одиноко здесь тем, кто остается в могилах, когда живые уходят.

Дождь усилился, посыпался вниз крупными тяжелыми каплями. Вокруг зашептали: «Погода плачет». Ветер с моря выворачивал зонтики наизнанку и срывал синие капюшоны дождевиков, надетых поверх пальто и курток. Даниил сразу продрог: на нем было тонкое шерстяное пальто, как у папы, и новый черный костюмчик с белой рубашкой и галстуком. Мама увидела, что он дрожит, и укутала его шею теплым шарфом.

До места захоронения идти пришлось долго. Под ногами расплзался мокрый песок. С двух сторон дорожку окружали могилы; на некоторых из них стояли большие памятники в виде покрытых патиной черных плит, с которых смотрели фотопортреты молодых людей в спортивных костюмах и с ключами от «Мерседесов» в руке.

Тринадцать глубоких могил зияли провалами в песчаной глинистой почве. Смотреть было страшновато. В голове замелькали ассоциации с

Лиля молча кивнула.

– Прими мои соболезнования, – сказал он. Прозвучало серьезно и повзрослому.

Губы у Лили задрожали, скривились, и она отвернулась.

– Я очень сочувствую, правда, – добавил Даниил и прикоснулся к ее перепачканным пальцам.

– Спасибо, – шепнула она.

Лиля порывисто обняла его на мгновение, прижала к себе так, что он уткнулся носом в большое и мягкое, затянутое в ткань плаща, потом отпустила и пошла по дорожке, придерживая под руку толстую женщину в черном, которая едва передвигала ноги.

«Ее мама», – понял Даниил.

Дома родители остались в гостиной, а Даниил отправился наверх в свою комнату.

– Не нужно было его брать с собой, – услышал он слова мамы, когда поднимался по лестнице. – Он такой впечатлительный, ты же знаешь.

– Ничего, это жизнь. Пусть привыкает, – ответил папа.

– Ну не к похоронам же. Если теперь ему будут сниться кошмары, я не удивлюсь.

Мама, что называется, как в воду глядела. Вот только Даниил сомневался, что произошедшее позже имело отношение к его кладбищенским впечатлениям.

Уснул он почти мгновенно. Сказались усталость и переживания последних дней. Сны были беспокойные. Ему снилось, что он едет в поезде дальнего следования. Двери пустых купе были открыты. Вагон трясся и раскачивался на рельсах. Даниил стоял в коридоре и смотрел в окно. Там было море, а еще он увидел строительную площадку, бульдозер, а рядом – черный провал круглой ямы. Во сне синий пластиковый купол над раскопом отсутствовал, а на краю подземного капища возвышалась темная, большая фигура – женщина с огромными грудями, непомерно широкими бедрами и маленькой головой. Ее кожа блестела, как мокрый камень, отполированный морскими волнами. Женщина подняла руку и помахала Даниилу. Поезд покачнулся сильнее, затряслись стекла в окнах вагона, и весь состав, сделав неожиданный поворот, начал приближаться к яме и исполинской женщине на ее краю, которая все махала и махала рукой. Даниил в ужасе отшатнулся от окна, побежал по узкому коридору, выбивая ногами облачка пыли из протертой ковровой дорожки, и внезапно оказался за рулем автомобиля. Во сне он умел водить. Даниил крепко держал большой руль и мчался вперед по проселочной дороге прямо к открытым

железным воротам стройплощадки. С моря надвинулись сумерки, вокруг потемнело. Он вывернул руль, но машина продолжала нестись вперед, в разинутую пасть раскрытых стальных створок. Даниил попытался затормозить, но педаль провалилась в пол, автомобиль вынесся на площадку, промчался мимо неподвижного бульдозера и полетел прямо к яме. Гигантская женщина оказалась вдруг очень близко, так, что Даниил различил двигающиеся изломанные линии на месте лица и похожие на валуны соски на опущенных вниз кончиках громадных грудей. Он закричал, и через мгновение машина сорвалась с края ямы и полетела вниз. Обрушилась тьма, и Даниил почувствовал такой страх, какого не испытывал никогда в жизни. Это был дикий, панический, животный ужас даже не перед смертью, а перед абсолютным кошмарным небытием, что было хуже самой смерти. Он задержался, забился в сковывающем вязком мраке, резко мотнул головой и открыл глаза.

Было темно. Сердце колотилось в груди, как после долгого бега. Страх не ушел, он изменился, стал острее, как игла, застрявшая в сердце, и Даниил почувствовал, что в комнате, кроме него, кто-то есть. Он протянул руку к выключателю лампы над изголовьем кровати. Тело налилось слабостью, словно он разом отлежал себе все конечности, и движение получилось медленным, трудным и вязким; пальцы скребли по выпуклому узору обоев, пока не добрались до пластмассовой кнопки.

Щелчок. Ничего.

Свет не зажегся. Страх усилился тысячекратно. Даниил заскулил, с трудом двигая онемевшим телом, сполз с постели и встал на четвереньки. Спина покрылась мурашками, волосы зашевелились, щекоча затылок – за спиной кто-то стоял. Тогда Даниил сделал то, чего не делал с тех пор, как ему исполнилось семь: он застучал кулаком в пол – там, внизу, ровно под ним находилась спальня родителей. Раньше, когда он был маленьким, ему порой приходилось, испугавшись во сне, звать таким образом маму.

Удары были гулками, как будто под полом притаилась совершенная пустота. Даниил захотел закричать, не смог и, спасаясь от накатывающего сзади ужаса, пополз на коленях к двери. С усилием встал, шатаясь на непослушных ногах, повернул ручку и выбрался в коридор. Кругом было темно, как не бывает даже самой глубокой ночью: ни отсветов фонарей с улицы, ни синеватых полосок ночного света, ничего, только мрак и ватная тишина. Он схватился за перила лестницы и стал спускаться вниз. В воздухе витал смутно знакомый и неприятный запах, похожий на вонь тухлой рыбы. Шаг за шагом, цепляясь за поручень, Даниил слез вниз и побрел к родительской спальне. Огибая угол коридора, случайно бросил

взгляд вверх, и ему показалось, что темнота на верхней площадке сгустилась во что-то черное, толстое, колышущееся во мраке и ужасающе, неправдоподобно живое. Он заплакал.

Дверь в спальню отворилась бесшумно. Тут тоже была тишина, но сквозь щель между штор проникал слабый, серовато-голубой мертвенный свет. На широкой двуспальной кровати под одеялами угадывались очертания тел. Даниил, не помня себя от страха, оперся на пружинящий упругий матрас и пополз, всхлипывая, к спящей маме.

– Мама! Мама! – Он схватил ее за плечо и стал трясти, пытаясь разбудить.

Мама была неподвижна. Даниил схватился за край большого одеяла и сбросил его на пол.

На месте родителей, сплетенные в длинные коконы, лежали тонкие кости с остатками коричневых жил и лохмотьями мяса. Где ноги, где туловище, нельзя было разобрать – только мешанина гнутых и длинных, похожих на рыбы, костей, сцепленных друг с другом. Там, где положено было быть головам, на подушках лежали шарообразные комья свалывшихся лохматых волос, торчащих в разные стороны. Постельное белье пропиталось грязной гнилостной влагой.

Даниил закричал и отпрянул от лежащей перед ним мерзости. Тьма за спиной сгустилась и стала упругой. Гнусная рыбная вонь залилась в ноздри и в рот. Он еще раз отчаянно завопил, понимая, что гибнет, полностью и безвозвратно, – и снова открыл глаза у себя в комнате, дрожа всем телом и обливаясь холодным потом.

Он резко сел в кровати, вскинул руку и нажал на выключатель. Вспыхнула лампа. Комната озарилась спокойным, теплым и желтым. Далеко за окном по проспекту прошелестел покрышками приподнявшийся автомобиль. Даниил сидел, уставившись перед собой и пытаясь осознать реальность: вот его стол, стул, шкаф, полки с книгами на стене, низкий пуфик-мешок, на котором так удобно читать полулежа.

И легкий, едва уловимый запах несвежей рыбы и соленой воды.

* * *

С похорон мама пришла совершенно пьяной. Вообще, она не трезвела уже три дня, со среды, когда вернулась домой из больницы, где практически безвылазно провела почти четверо суток. Вместе с ней пришли еще двое – врачи, коллеги мамы, как понял Женя. Они вошли в

комнату к Инге, которая так и не вставала с дивана, а только спала, просыпалась, глядела остановившимся взглядом в телевизионный экран, иногда что-то жевала, а потом опять засыпала. За все это время сестра не сказала и десяти слов. Врачи провели у нее с полчаса; Женя прислушивался к негромко гудящим голосам за стеной, но смог различить только пару слов: «депрессия» и «клиника».

В четверг, когда он явился из школы, дома уже пахло приторным алкоголем и ментоловым табаком. Глаза у мамы были красные – то ли от выпитого, то ли от слез. Женя пытался поговорить с ней, но она только мотала головой, отворачивалась и бормотала:

– Потом, сынок, давай потом. Я устала.

В субботу занятия отменили из-за похорон, и Женя не знал, радоваться этому или огорчаться. С одной стороны, после событий пятницы в школу идти не хотелось; хоть он и не ввязался в побоище, которое устроили Рома и Макс, но после уроков двое мальчишек из его класса – Егор Свиридов и Мишка Ведяев, которые еще неделю назад списывали у него домашнее задание по математике и спрашивали совета по поводу каких-то игр, – поймали его в раздевалке. У одного покраснел и распух нос, из ноздрей которого торчали комки окровавленной ваты, у другого расплылся здоровый синяк под глазом. Женя успел прикрыться согнутыми руками, но все равно получил несколько болезненных тумачков под ребра, а потом его повалили на пол и вытерли об него ноги. После такого возвращаться в «единицу» не хотелось вовсе. С другой стороны, он, возможно, даже и при таких обстоятельствах предпочел бы рискнуть и снова увидеть своих одноклассников, чем сидеть весь день дома, где уже с утра воняло спиртным и застоявшимся дымом, а в полумраке гостиной неподвижно лежала сестра, похожая на запеленутую в простыни едва живую мумию.

Мама пришла, когда за окном уже стало смеркаться, и Женя сразу понял, что она сильно пьяна; когда перебравший лишнего человек входит в дом, это сразу же слышно, даже если вошедший изо всех сил старается контролировать свое тело и вести себя тихо. Слишком сильно раскрытая дверь грохнула в стенку шкафа; что-то упало с вешалки; взвизгнула застежка-«молния» на сапоге, а потом раздалась приглушенная ругань, долгий шорох падения и мягкий удар об пол, за которым последовало пьяное хихиканье, быстро перешедшее в плач. Женя сидел, напряженно выпрямив спину, смотрел в книжку и слушал. Вот мама поднялась, закрыла входную дверь, прошла по коридору и направилась в комнату Инги.

– Где моя доченька? Где моя деточка? – послышался слезливый голос.

«Ничего, зато останется дома», – подумал Женя. И теперь всегда будет

дома по вечерам. До возвращения отца оставалось еще две недели или чуть больше: насколько он знал, папин корабль был сейчас далеко на севере, где-то в районе мыса Нордкап; ему сообщили о происшествии в городе, и, наверное, если бы кто-то из семьи был ранен или убит, командование нашло бы способ переправить его поскорее домой, а так приходилось ждать окончания боевого похода. Две недели вполне можно продержаться.

Но он ошибался.

Сначала часов в десять вечера Женя услышал, как мама отправилась в душ, а потом стала ходить по квартире, открывая шкафы, и шуршать одеждой. Минут через пятнадцать у нее зазвонил телефон. Разговор подслушать не удалось, но явственно был различим неестественно оживленный, возбужденный тон, которым говорила мама, и ее натянутый смех. Он не верил своим ушам. Но поверить пришлось.

– Сынок, я пошла в гости. Не волнуйся, приду утром. Присмотри за сестрой, хорошо?

Глаза у мамы блестели. Глубокий вырез на красном платье провис едва ли не до живота. Светлые волосы, уложенные нетвердой рукой, растрепались. Она улыбалась нехорошей, глупой, влажной улыбкой, а взгляд был мечтательным и отсутствующим, как будто мыслями мама была уже далеко.

Это не могло быть правдой. Женя точно знал, что тот, другой, к которому она бегала на свидания несколько месяцев кряду, был убит неделю назад. Рыдания, выпивка, посещение похорон – все говорило об этом. Мамочка сработала четко. Так какого же черта?..

Женя повернулся на стуле, посмотрел на маму и неожиданно для самого себя сказал:

– Ты никуда не пойдешь.

– Это еще почему? – делано удивилась мама, надув губы. Одной рукой она держалась за ручку двери – слишком крепко для человека, собирающегося куда-то идти, – а другой опиралась о притолоку.

– Потому что тебе не нужно никуда ходить.

Голос его задрожал.

– Вот еще, – ответила мама. – Ты ведь знаешь, какой трудной была эта неделя. Мне нужно развеяться. Не волнуйся, я ненадолго, к подружке.

Наверное, он должен был что-нибудь сделать. Например, закрыть дверь и спрятать ключи. Наорать на нее, сказать, что ему за нее стыдно, что она позорит себя; что она не должна так поступать ни с собой, ни с ним, ее сыном; что он ее любит, в конце концов. Но он только молча отвернулся к экрану компьютера.

Мама постояла немного, закрыла дверь и ушла.

Инга спала. В комнатах было тихо. Женя не находил себе места. Сосредоточиться на чтении не удавалось. Играть не хотелось; для порядка он аккуратно зашел и в «Линию огня», и в Heaven&Hell, и в Warriors World, но никакого удовольствия не испытал. Виртуальные приключения, казавшиеся раньше такими увлекательными и настоящими, сейчас выглядели мультяшным обманом. Его боевых друзей из Nordic Forces не было видно: Женя знал, что у Трампуса в «Селедке» погиб двоюродный брат, так что ему наверняка было сегодня не до игры. Да и всем остальным тоже. Женя тупо смотрел в экран, кликая «мышкой» и вписываясь в одну за другой дуэли на городской арене, когда в игру зашла Андомиэль, его местная виртуальная супруга. Наверное, уложила детей спать, а ее реальный муж тоже отправился к кому-нибудь в гости.

«Привет! – написала она приватное сообщение. – С кем это ты мне изменяешь?!»

Он поморщился. Андомиэль любила устраивать истеричные сцены ревности.

«Ну что ты, дорогая, я тебе верен!» – машинально ответил он.

«Да?! А кто такая Мамочка?!»

Женя почувствовал, как мгновенно пересохло во рту.

«Понятия не имею, – напечатал он враз одеревеневшими пальцами. – А что?»

Жене казалось, что он слышит сквозь расстояние в две тысячи километров, как Галина – Андомиэль яростно колотит по клавишам, прислушиваясь одновременно, не проснулись ли дети и не явился ли домой муж.

«В пятницу вечером, то есть вчера, уже поздно, заходила какая-то троллиха с ником Мамочка, спрашивала про тебя у всех. И у меня тоже. Я ей задала вопрос, кто она такая вообще, а эта Мамочка не ответила, только сказала, что ты вроде должен был с ней вчера встретиться, что она тебя ждала, а ты не пришел! Добавила, что обязательно сама тебя найдет, и просила передать, что человека не переделаешь! Это как понимать, а?»

«Не знаю, – ответил Женя. – Просто дура какая-то, не обращай внимания. Прости, мне пора».

И поспешно нажал на кнопку выхода.

Ждала, а он не пришел. Они все четверо не пришли. А теперь Мамочка найдет их сама.

Ему стало так жутко, что даже захотелось разбудить сестру, чтобы не оставаться наедине с тишиной и ожиданием недоброго. Женя вошел в

комнату к Инге, но она спала так спокойно и крепко, что он не решился нарушать ее сон. Мама говорила, что для сестры в ее состоянии главное – отдых, чем больше, тем лучше. Женя закрыл дверь и вернулся к себе. Время тянулось мучительно медленно. Минуты вязли в зловещем безмолвии. Чтобы унять нервную дрожь, от которой неприятно сводило внутренности, он открыл страницу порносайта и лихорадочно стал открывать в новых вкладках ролик за роликом. Потом надел наушники, запустил один из них, минут пять смотрел, как великовозрастный сын грубо трахает в задницу связанную вопящую мать на глазах у яростно мастурбирующей при этом сестры, и закрыл сайт. Коитальный ор почему-то пугал. Мастурбировать было страшно. Женя промаялся так еще часа два, то бесцельно сидя перед компьютером, то расхаживая из комнаты в кухню, то хватаясь за книжку, пока наконец, не раздеваясь, не улегся в кровать и не забылся тревожным поверхностным сном.

Проснулся он оттого, что хлопнула входная дверь.

– Проходи, проходи, – послышался громкий шепот. – Только тихо, все спят.

Из темноты коридора послышалась приглушенная возня. Женя замер, до боли стиснув зубы.

«Она привела кого-то. Привела в дом».

За прикрытой дверью в комнату двигалось что-то большое и грузное, с шорохом задевая туловищем стены. Лязгнув ручкой, дернулась дверь. Забубнил незнакомый и низкий голос.

– Тише, тише, – захихикала в ответ мама. – Нам не сюда, это комната сына. Спальня дальше, вот здесь.

Женя почти физически ощущал, как громадное толстое тело тащится вслед маминым легким шагам, словно гигантский инфернальный моллюск или осьминог пробирается по тесному коридору. В щель под дверью вполз отвратительный, густой смрад рыбной тухлятины. Скрипнула дверь в спальню. Снова зашептались, переплетаясь, голоса, хихикнула мама, а через мгновение громко застонала кровать, принимая непомерную тяжесть. Скрип усилился, несчастное супружеское ложе протестующе вопило на разные голоса, проминаясь, проседая, дрожа, а потом Женя ощутил мощный толчок, вибрацией пронизавший пол, как если бы кто-то врубил на полную громкость низкую басовую ноту. Из спальни донесся протяжный, жалобный стон. Пол снова дрогнул, потом стал дрожать во все учащающемся ритме в такт громким стонам, которые через минуту стали криками, визгливыми и бесстыдными.

«Она же разбудит Ингу», – с отчаянием подумал Женя.

Он накрылся с головой одеялом, зажал уши ладонями, но мощный, гудящий ритм звучал будто из-под земли, заставляя вибрировать кости, сжиматься сердце и напоминая другие, жуткие и такие знакомые звуки, похожие на сердцебиение огромной лягушки: *уммм-уммм-умм-умм, уммм-уммм-умм-умм...*

Толчки и удары нарастали с бешеной силой, пока не прервались высоким, животным, срывающимся женским воплем и торжествующим, удовлетворенным утробным урчанием, с каким, верно, гигантский кальмар заживо заглатывает свою жертву.

Больше всего Женя боялся, что ночной визитер задержится до утра и ему придется его увидеть. Но, видимо, в мире есть нечто, не выносящее света солнца, даже такого тусклого и унылого, как осенним утром в Северосумске. Когда через три часа снова хлопнула входная дверь, он осторожно выбрался в коридор. Пол был покрыт блестящей отвратительной слизью. Воздух пропитался резкой вонью, от которой слезились глаза, словно вместо квартиры Женя очутился на покинутом складе рыболовецкой артели, где разом протух недельный улов. Он прислушался: из спальни доносился размеренный тихий храп. Зашел к Инге: сестра спала, даже не изменив положения тела – лежала, выпрямившись, как в гробу, плотно закрыв глаза, и еле заметно дышала. Он вернулся к себе, разделся и забился в постель, замотавшись в одеяло и уткнувшись носом в угол между стеной и кроватью.

Она обязательно сама тебя найдет.

А человека не переделаешь.

* * *

Дед вернулся домой. Мама принесла его в четверг вечером и поставила в угол, под окном, у батареи. Сергея Сергеевича Лапковича кремировали тихо, без лишней огласки и уж тем более безо всяких торжественных проводов. Отпевать тоже не стали: вряд ли кто-то из священнослужителей Северосумска взялся бы совершить обряд над останками массового убийцы, который к тому же покончил с собой. Кроме того, на отпевание все равно не было денег, как и на захоронение – даже в невзрачном, облицованном простой белой плиткой местном колумбарии, похожем на стену общественного туалета. Так что мама просто вернула деда в квартиру: два с половиной литра измельченного в центрифуге серого праха в простой белой пластиковой капсуле.

– Пусть пока побудет здесь, – сказала она.

Сейчас урна стояла в пыльном углу бывшей дедовой комнаты, среди беспорядочно разбросанных вещей, которые так никто и не прибрал, белея в темноте, как привидение. Кошка Татка подкралась к тому, что стало последним пристанищем ее хозяина, понюхала, вытянув чуткий нос, а потом отвернулась и пошла прочь, брезгливо потряхивая лапами и с выражением какого-то мрачного удовлетворения на морде. Роме казалось, что вместе с превращенными в пыль останками в квартиру вернулась и тяжелая злоба, будто дед притаился в своем погребальном куколе до поры до времени, только и ожидая момента, чтобы выбраться. Что ж, зато, по крайней мере, теперь он вел себя тихо.

Странно, но с мамой они не стали общаться больше. Рома думал, что, когда деда не станет, они только и будут что разговаривать обо всем, улыбаться, шутить и строить планы на будущее. Даже когда оказалось, что страшный уход из жизни Сергея Сергеевича, прихватившего с собой на тот свет полтора десятка человек, превратил их в изгоев, Рома все равно был уверен, что их с мамой жизнь, та ее часть, что проходила в стенах дома, изменится к лучшему. Как там обычно пишут в книгах? «Общая беда сблизила их, они почувствовали, что нужны друг другу, что роднее и ближе нет никого в целом свете...» – ну и прочее в этом роде. Однако ничуть не бывало. Мама по-прежнему так и сидела на старом диване в гостиной и читала, с той лишь разницей, что телевизор теперь постоянно был выключен. Иногда Рома слышал, как мама плачет; но она не подходила к сыну, не пыталась заговорить, а он лишь однажды подсел к ней, неловко погладил по голове и попытался обнять. Мама не обняла его в ответ, даже не подалась навстречу, а только закрыла глаза и молча глотала слезы. Так проходили их вечера: она в комнате с книгой, он на кухне с компьютером, в квартире неуютная тишина и неприятное ощущение присутствия праха в темноте за стеной.

В субботу мама куда-то отправилась днем. Рома пытался работать; собирал из шаблонов картинки одна мрачнее другой с такими же подписями, периодически поглядывая на страницы в социальной сети, где в режиме реального времени обновлялись фотографии с городских похорон: многочисленные смазанные общие планы и автопортреты со скорбными физиономиями на фоне гробов, иконостаса и кладбища. Комментарии появлялись мгновенно и исчислялись десятками: «Держитесь!», «Скорбим вместе с вами!», «Ужас!!!», ну и, разумеется, «Будь проклят тот, кто это сделал!».

Всеобщая истерия скорби и ненависти раздражала.

Мама пришла, когда на фотографиях появились изображения опускаемых в землю гробов. Разделась, приоткрыла дверь в кухню, посмотрела на сына припухлыми, слезящимися красными глазками и сказала:

– Ромчик, нам нужно поговорить.

Он угрюмо насупился. Наверняка речь пойдет о драке в пятницу. Концовка вчерашнего дня помнилась смутно; последнее, что Рома помнил отчетливо, – это удар в зубы, который он нанес этому подонку Мерзлых, а все остальное смешалось в шумную неразбериху: сама драка, прибежавший историк, а потом и охранник, которые растащили всех в стороны; кровь, боль, заплывший глаз и разбитый нос, медпункт, кабинет директора, где испуганная Екатерина Борисовна что-то лепетала, краснея, выпучивая глаза и заикаясь, а Крупская вещала о недопустимости насилия и грубости нравов; дорога домой вместе с заплаканной мамой и вечер, оборвавшийся тяжелым сном. Значит, сегодня разговор все-таки состоится.

– Мама, ты же знаешь, почему так вышло? Что иначе было нельзя?

Она посмотрела на Рому, будто не понимая, покачала головой и сказала:

– Нет, сынок, я о другом.

Вздохнула, уронив на колени руки с некрасивыми, коротко стриженными ногтями, и продолжила:

– Нам придется уехать отсюда. И очень скоро. Я не говорила тебе, думала, что смогу что-то сделать, но... Во вторник позвонили из управления «Коммунара», где дедушка работал. Сказали, что квартира эта принадлежит заводу, что предоставляют они ее только своим сотрудникам, а теперь вот забирают обратно. Предупредили, что через две недели нас выселят.

Рома серьезно слушал. Краем глаза увидел, как обновляются фотографии и комментарии в социальной сети. Под изображением тринадцати свеженасыпанных холмиков было написано: «Вечный покой погибшим! Вечные муки убийце и всему его роду!»

– Я их просила, говорила, что могу даже к ним пойти работать, хоть бы и уборщицей, объясняла, что нам жить негде, но они ни в какую. Говорят, съезжайте, и все. А сегодня ходила в мэрию, там в социальном отделе прием по субботам, до обеда. Сказали, что квартир у города свободных нет. Могут дать комнату в общежитии, в Заселье. Двенадцатиметровую. Шесть метров на человека, по нормам.

Она не стала рассказывать, как пыталась спорить, говорить, что по закону никто не может выселить ее из квартиры с несовершеннолетним

ребенком; не стала передавать в точности слова молодой девицы из отдела социального обеспечения: «Если хотите по закону – попробуйте подать в суд. Но для вас у города квартиры нет. И не будет. Можем дать комнату в общежитии. А вообще, на вашем месте я бы уехала. Так будет лучше для всех». Примерно в том же ключе состоялась и беседа в пятницу с Крупской, после того, как Рома вышел из кабинета директора: «Знаете, Елена Сергеевна, я все понимаю, но думаю, что вам будет чрезвычайно трудно продолжать здесь работу. И я имею в виду не нашу школу, а город вообще».

Мама смотрела на Рому и молчала.

– Ну что ж, значит, уедем, – рассудительно произнес он. – Так даже лучше, мама. Переберемся в Михайловск, а потом, может быть, в Петербург. Отличная новость.

Елена Сергеевна посмотрела на сына с печальной улыбкой, как обычно смотрят родители на детей, не понимающих всех сложностей взрослой жизни.

– Ромчик, у нас же денег совсем нет. Дедушка ничего не оставил, у меня никаких сбережений, а переезд – это ведь какие затраты. Одна только машина грузовая до Михайловска знаешь во сколько обойдется? А там ведь еще устраиваться надо, квартиру снимать...

– У нас есть деньги, мама! – воскликнул Рома. – Я же зарабатываю, помнишь, я говорил тебе? У меня уже сорок тысяч накоплено! Ну, тебе же еще при увольнении что-то дадут, правда? А в Михайловске ты быстро сможешь устроиться, учителя всегда нужны, а я буду еще больше работать, у нас все получится!

Он вскочил, присел рядом с ней на корточки, взял за руки, заглянул в глаза. Там были только слезы и тупая, обреченная грусть.

– Сынок, ну что ты говоришь такое. Я вот считала: даже если снять простую однокомнатную квартиру в Михайловске, то уйдет вся моя зарплата. Это если залог не платить и агентству не переплачивать, а тогда сразу три цены. А жить на что будем? Есть, одеваться? Тебе учиться надо...

Рома затряс головой. Ему хотелось схватить маму за плечи, встряхнуть, даже ударить, только бы она услышала его, поверила, поняла, что он может, он хочет помочь, он справится! Почему она сдается? Почему не готова бороться вместе с ним за их будущее?! Господи, да кто из них взрослый, в конце концов?!

– Мама, я...

Она прижала к его губам палец. Кожа была шершавой и теплой.

– Сыночек, я уже все решила. Переедем пока в комнату в общежитии.

Как-нибудь проживем, пока все не уляжется, а там посмотрим. Просто хотела тебе сказать об этом, вот и все.

Рома встал и посмотрел на мать сверху вниз.

– Не уляжется, мама, – ответил он. – Ничего уже не будет, как раньше.

Засыпая, он думал про деньги. И про время, которое нужно, чтобы скопить на однокомнатную квартиру в Северосумске: при нынешних темпах заработка выходило почти шесть лет. Даже если предположить, что ему удастся удвоить количество заказов, все равно получается слишком долго. Да и в Северосумске им спокойно жить не дадут. Потом, уже проваливаясь в мягкое и мечтательное забытие, Рома взялся за другие подсчеты: сколько им с мамой нужно для счастья? Например, миллионов двадцать, а лучше – сразу сто. К черту Михайловск – он купит квартиру в Санкт-Петербурге, хорошую, светлую, в самом центре, с лепниной на потолке и видом на реку. Мама не будет работать: в этом чудесном и новом доме он сделает для нее студию, чтобы она могла рисовать, а все дела по хозяйству станет исполнять нанятая прислуга. Сам он будет ездить на автомобиле, учиться на дизайнера или, может быть, журналиста в университете, откроет свой бизнес – пока неизвестно какой, но важно, что собственный, чтобы ни от кого не зависеть. Рома представил, как стоит на пороге и с гордостью открывает перед мамой дверь, за которой тянется анфилада огромных комнат с высокими потолками, а она, как водится, снова плачет, только теперь от радости. «Входи, мамочка, это все наше!..» Наверное, к тому времени он уже спал, потому что в этом счастливом видении его мама, вместо того чтобы переступить порог, повернулась к нему, сморщила маленькое круглое лицо в плаксивой гримасе и проныла: «Сыночек, ну что ты говоришь, разве мы можем тут жить, ведь у нас нет денег, мы нищие...»

Где-то во тьме коридора испуганно зашипела Татка. Рома вздрогнул, проснувшись. Дернувшаяся нога уперлась во что-то тяжелое и упругое.

Он открыл глаза. На краю его кресла-кровати смутно виднелся во тьме расплывчатый силуэт – кто-то сидел, повернувшись спиной.

– Мама? – позвал он, и тут же понял, кто это, понял за мгновение до того, как очертания черной фигуры оформились в нечто огромное, грузное, до того, как сидящая на кровати женщина повернула к нему безликую голову, а внутри его прозвучал голос, который он уже слышал однажды:

«Угадал. Это я».

От нее несло гнилыми водорослями, древним морем и затхлой рыбой. Громадные груди и бедра медленно колыхались, как будто скользкую и блестящую шкуру морского животного наполнили водой пополам с рыбьим

жиром, и вся она была похожа на распухший, отвратительный труп, выброшенный волнами на берег.

Странно, но страха он не почувствовал, даже когда ощутил, что ни руки, ни ноги, ни язык не слушались и как бы онемели: он сам был сейчас мертвецом, зависшим в толще ледяной и черной океанской воды.

«Я знал, что ты придешь, – сказал он. – Что тебе нужно?»

Мамочка покачала маленькой круглой головой и издала булькающий звук, словно всколыхнулась болотная жижа.

«Как что? Вот проведать тебя пришла. Что ж ты, волчонок, вчера не явился? Нехорошо заставляя Мамочку ждать».

«Уходи. Ты больше нам не нужна, и мы тебе ничего не должны».

«Разве? – удивленно пробулькал голос. – Что ж, неужели и пожелать больше нечего?»

«Но становится только хуже!»

«А я тут при чем? Себя вините. Что загадывали, то и сбылось».

Рома не отвечал.

«Считай, что поступаешь ко мне на службу. Ты же хотел работу хорошую, получать много денег, разве нет? Ну так вот работа тебе, лучше и не придумаешь. Ты свое дело делать будешь, а я свое. Любое желание исполню, ты знаешь. Неплохая зарплата, не так ли?»

«Люди гибнут. Это неправильно».

Даже произнесенные мысленно слова звучали неубедительно, и прежде всего для него самого. Мамочка заколыхалась, черная поверхность огромного тела пошла мелкой рябью.

«Охо-хо-хо, а тебе какое дело до других? Не обманывай Мамочку, да и себя тоже. Смотрите на него, исстрадался весь от чужих-то несчастий. Я ведь с тобой сейчас по-хорошему говорю, волчонок, а могла и так потолковать...»

В мозгу как будто взвился и завизжал диск циркулярной пилы. Голос, в котором не осталось почти ничего человеческого, надсаживался в яростном, диком крике, как если бы его обладателю всаживали раскаленные иглы под ногти: «Гаденьш мелкий! Сучонок! Ты что со мной сделал?! Засранец! Подожди, доберусь до тебя, в лоскуты разорву!»

Из глаз брызнули слезы. На лбу выступил пот, побежал по вискам холодными струйками.

«Дедушка твой у меня, – сообщила Мамочка. – И он очень сердится. Я его придержу до времени, если ты будешь хорошим мальчиком. Ну так как, мы договорились?»

Рома хотел кивнуть, но не смог. Впрочем, Мамочка его поняла.

«Вот и славно. Друзья твои, трое зверят, тоже против не будут. У меня для каждого доброе слово найдется. Через неделю жду всех на прежнем месте. Что делать, знаете. Только пластмассу больше не приносите, у меня от нее изжога. Мне нужна кровь. Живая кровь».

Она начала клониться вперед, надвигаясь огромной черной тучей. Рома почувствовал, как страшная тяжесть наваливается ему на ноги, сдавливает живот, потом грудь, так, что невозможно стало дышать, – и от этого ужасного груза, и от чудовищной, гнилостной вони. Он зажмурился.

«Никто тебя не любит, волчонок, – раздался шепот. – Никто тебе не поможет. Никому ты не нужен, кроме меня».

Мамочка продолжала наваливаться на него, накатываясь зловонной волной, исполинские груди растеклись по бокам его тела, кресло-кровать закрипело, прогибаясь на стыках, затрещали деревянные сочленения, а потом Рома почувствовал, как к его голове прикоснулось что-то омерзительно липкое, влажное и холодное, будто на лоб прилепили моллюска.

Кровать не выдержала чудовищного груза и с грохотом рухнула. От шума проснулась мама; она села у себя на диване, сонно щурясь во тьму, и встревоженно позвала:

– Рома? Ромочка? Ты в порядке? Что случилось?

– Все хорошо, мам. Просто кровать сломалась почему-то. Не волнуйся.

Мама тяжело вздохнула и снова легла. Рома выбрался из спутавшихся простыней и мешанины деревянных реек и подлокотников, сел на пол и провел ладонью по лбу. На пальцах чуть поблескивала в отблесках ночного света густая вязкая слизь.

* * *

Макс не пошел на похороны вовсе не из-за пятничной драки. Одноклассников он не боялся, к случившейся потасовке отнесся спокойно, а убитых людей ему было действительно по-человечески жаль. История-то жуткая, если разобраться: вот так идешь в клуб, отдыхаешь там, выпиваешь, знакомишься с девчонками, и вдруг – раз, два, и все, в тебе пуля или осколок гранаты, и вместо того, чтобы наслаждаться жизнью, ты валяешься с простреленной головой или ползаешь по полу, волоча за собой собственные кишки и ничего не видя от боли. Реально, Макс сочувствовал и тем, кто погиб, и их родным, так что, если бы мог, то на кладбище явился бы обязательно. Проводить, так сказать, в последний путь, отдать дань

памяти, выразить соболезнования. Даже цветов бы купил, ну а что?

Но пойти он не смог.

Пока похоронная процессия тянулась от морга к храму, а от храма к песчаным могилам, Макс сидел в районном отделе полиции, мрачно глядя перед собой на грязно-зеленую стену и прилепленный к ней блеклый плакат о вреде употребления наркотиков. Рядом с плакатом располагалась обшарпанная деревянная дверь с табличкой «Инспектор по делам несовершеннолетних Пучко Л. С.». За этой дверью вот уже полчаса находился дядя Вадим, отчим Макса, и, чем дольше длилось ожидание, тем мрачнее становились предчувствия.

Основания для беспокойства имелись. Он, конечно, сильно приложил ногой в голову Пашку Мерзлых, даже, наверное, слишком сильно. Немного не рассчитал. Но что было делать? Смотреть, как тот уродует Ромыча? Промедли Макс, и неизвестно, кто бы сейчас оказался в больнице, так уж лучше пусть это будет не его друг. Пашку он все равно недолго любил. Плохо то, что родители его подали заявление в полицию, а это грозило серьезными неприятностями. Мерзлых-старший владел парой торговых точек в «Корабеле», был «барыгой», по выражению дяди Вадима, и уж точно не собирался спускать на тормозах сотрясение мозга, которое получил в драке его отпрыск. Дядя Вадим опасался, что отец Паши Мерзлых уже «занес» кому надо, чтобы последствия для обидчика сына были как можно более неприятными, и, судя по тому, как разговаривала с Максом инспектор Пучко, коренастая женщина с короткими красными волосами и с внимательными злыми глазками, опасения отчима были не беспочвенны.

– Итак, ты первый ударил Павла ногой, верно? – спрашивала Пучко. Нацеленный в упор взгляд был твердым и острым, как пара гвоздей.

– Он бил моего друга, – нехотя отвечал Макс, глядя в сторону.

Пучко раздраженно махнула рукой.

– Это сейчас неважно. Про твоего Лапковича мы позже поговорим. Именно тебя Павел бил?

– Нет.

– Значит, ты подошел к нему и ударил ногой в голову, так?

– Ну выходит, что так.

Пучко удовлетворенно записала что-то на разграфленном листе сероватой бумаги.

– Теперь о драке. Павел первым напал на Лапковича?

– Не совсем.

– Что значит, не совсем? Кто и кого ударил первым?

– Ну, Ромыч ударил. То есть Лапкович.

– Понятно. Итак, твой друг нанес удар первым и затеял драку. Павел был вынужден защищаться, и тогда ты подошел к нему и целенаправленно ударил ногой в голову. Все верно?

– Мерзлых оскорбил маму Лапковича. – Макс вскинул взгляд на инспектора. – Вот Ромыч ему и врезал. Если бы вашу маму обидели, вы бы что сделали? Обошлись добрым словом?

После этого его выгнали из кабинета. Макс понимал, что не лучшим образом разыграл свою партию, но, сколько ни размышлял, не мог придумать, как можно было ответить лучше. Оставалось надеяться, что отчим сумеет как-то сгладить ситуацию.

Открылась дверь кабинета, и в коридор вышел дядя Вадим. Провел ладонью по волосам, поправил пиджак серо-стального цвета с отливом – ради визита в полицию он надел лучший костюм, ткань которого блестела, как никелированный металл, – посмотрел на Макса, протянул руку и произнес:

– Пойдем домой, сынок.

По дороге у них состоялся разговор.

– С инспекторшей этой я договорился, – поведал дядя Вадим. – Спустит дело на тормозах. Да не дело и было: подумаешь, драка. В наше время еще не так дрались. Если бы этот мешочник Мерзлых волну не погнал, и в полицию идти бы не пришлось. Стукач, мать его. Лучше бы сына своего научил драться и не быть гнидой.

Отчим с презрением сплюнул.

– А ты молодец, хорошо держался, – похвалил он Макса и хлопнул его по спине широкой жесткой ладонью. – То, что за друга заступился, хвалю: дед у него той еще тварью оказался, но парень-то не виноват, я так считаю. А вот разговаривать с инспекторшей мог бы и похитрее.

– В смысле? – не понял Макс.

– Ну, зря ты ей правду рассказывал. С ментами так нельзя. Соврал бы, что Мерзлых тебя тоже ударил, первым. Кто там вспомнит сейчас, что было в драке? Когда происходит такая свалка, у многих память вообще отключается. Сказал бы, что он тебя стукнул, ты поскользнулся, пытался сохранить равновесие, случайно махнул ногой и попал ему в голову. Тогда умысла бы не было, понимаешь? Ну да ладно, это придет с опытом.

Про умысел и остальное Макс и правда немного не понял, но зато точно знал, что с отчимом ему повезло. Дома дядя Вадим осадил мать, которая принялась было опять отчитывать сына за драку, причитать, охать и ахать, назвал Макса «мужиком» и «бойцом», а вечером даже угостил

пивом. Тренировки тренировками, а иногда можно себе позволить.

Жизнь налаживалась.

Позже, когда родители устроились на диване перед мерцающим экраном телевизора и стали смотреть какое-то субботнее шоу, Макс решил немного пройтись по району. Надел куртку, натянул кроссовки, по привычке сунул в карман складной нож и вышел в промозглую ночь. На детской площадке никого не было; накатывались холода, воздух становился колючим, ветер – злым, и все в основном перебрались на лестницы подъездов или в квартиры. Макс побродил немного, обошел квартал, миновал магазин и пошел вдоль каменного забора, ограждающего территорию «Созвездия». Место тут было глухое: с одной стороны высокая стена, вся в пятнах облупившейся штукатурки, темных, влажных разводах и спутанной ржавой колючей проволокой наверху; с другой – задний двор гаражей, поросший тощими деревцами и длинной сорной травой, которая торчала вверх острыми, сухими стеблями. Единственный на весь проулок фонарь светил слабым оранжевым светом. Тут лучше было особо не разгуливать, и Макс шел быстро, глядя под ноги и думая о своем: разговор с инспектором, вчерашняя драка и сегодняшние похороны, друзья, яма в земле... Все-таки хорошо, что они решили не ходить туда больше. Если так разобраться, то вообще это было дурацкой затеей, все эти маски, обряды, молитвы. Ну, сходили однажды, поприкалывались – и хватит. Второй раз уже был явно лишним, только проблем себе нажили. Исполнение желаний – это круто, но лучше уж пусть они не исполняются вовсе. К тому же у него лично никаких особых желаний и не было: вот про планшет и то на ходу придумать пришлось, так потом еще и отдавать его обратно Петровичу. Нет, ну на хрен такие игры.

– Эй, пехота! Тормозни-ка!

Макс резко обернулся. Из сгустившейся за гаражами тьмы в сероватую мглу выступили три фигуры. Висящая в воздухе сырость и тени от фонаря искажали очертания и силуэты, отчего трое приближающихся незнакомцев казались выше, чем были на самом деле, и походили на каких-то гротескно вытянутых вверх инопланетных пришельцев или выходцев с того света. Впрочем, ясно было, что и без всяких оптических иллюзий они на голову выше Макса и гораздо шире в плечах.

Оклик, который заставил его обернуться, хорошего не предвещал. По уму, надо было бежать: между ним и парнями, вынырнувшими из темноты, оставалось еще шагов десять, бегал он хорошо и имел все шансы стремительно оторваться, выскочить на освещенную улицу, а там и до дома недалеко.

Но Макс не побежал. Мало ли кто и как крикнул: это могли быть знакомые, которые просто не узнали его в сумерках, и если он убежит, то разговоров и смеха будет потом на целый месяц. «Мы такие выходим из-за гаражей, зовем его, а он как драпанет! Каратист, епта! Ха-ха-ха!» И вообще, это его район, а он сам – боец и мужик. Дядя Вадим так сказал. Так что Макс только расставил ноги пошире, встал в круге света от фонаря и стал ждать.

Трое приблизились. Макс взглянул на одного из них и сразу же пожалел, что не побежал. Перед ним стоял, ухмыляясь, Комбаров-старший, Марат, брат Тимура, того самого, которому Макс так неудачно сломал ногу на тренировке. Рядом с ним возвышались приятели, имен которых Макс не мог вспомнить: один горбоносый, смуглый, со злым, хищным лицом, другой толстый и кругломордый – он засунул руки в карманы, сдвинул кепку на бритый затылок и глядел на Макса с веселым предвкушением.

– Ну что, Максюта, вот мы и встретились, – сказал Марат.

Горбоносый, двигаясь бесшумно и плавно, зашел Максу за спину, отрезая путь к бегству.

– Привет, – ответил Макс, стараясь, чтобы голос звучал естественно и небрежно. – Ну да, встретились.

– Тебе говорили, уродец, что я тебя ищу? Чтобы ты не прятался, а то хуже будет?

Стало ясно, что его будут бить, и бить сильно. Когда знаешь, что избиения не избежать, остается только постараться сохранить хоть какое-то достоинство.

– Я и не прятался. Тебе чего надо-то? – спокойно произнес он.

– Мне чего надо? – Комбаров подался вперед, заводясь. – Ты знаешь, что натворил, утырок бесполезный? Ты моего брата покалечил! В больнице сказали, он теперь всю жизнь хромать будет, ясно тебе? Говорят, протез нужно ставить, а ты в курсе, сколько он стоит? Ну сколько?

– Не знаю.

– От двухсот тысяч рублей! – Марат склонился почти к самому лицу Макса. Изо рта у него несло табаком и гнилыми зубами. – Двести тысяч! Твоя жизнь поганая столько не стоит!

– Только если на органы его продать, – хохотнул толстяк.

– Да у него органов столько нет! Ты теперь мне должен по жизни, понял? Двести тысяч, и еще столько же за моральный ущерб, итого четыреста! Есть у тебя четыреста тысяч, обоссанец малолетний?

Макс покачал головой.

– Так я и думал, – сказал Комбаров и выпрямился. Отступил на шаг,

смерил Макса взглядом и слегка встряхнул руки. – Ну что, если денег нет, будешь за моего брата иначе расплачиваться.

– Жопой! – радостно предложил кругломордый.

– Да на хер кому нужна его жопа, – процедил Марат, не сводя взгляда с Макса. – Он у меня всю жизнь на лекарства работать будет, каратист хренов. Давай покажи, как ты Тимуру ногу ломал. Чего стоишь? Ссышь?

Комбаров был на семь лет старше, на голову выше и вдвое тяжелее. Насчет своих шансов в схватке Макс не обольщался – но не стоять же и ждать, когда тебя просто начнут бить, как мешок? Хватит и того, что тогда, в больнице, он позволил поставить себе синяк под глазом и не ввязался в драку. Макс прищурился, сжал зубы, подвигал плечами и встал в стойку.

– Ух ты, Чак Норрис, – насмешливо протянул Комбаров. – Пацаны, мне страшно уже.

Макс резко шагнул вперед и быстро ударил ногой, целясь в колено. Кроссовок рассек пустоту: старший Комбат не уступал младшему в скорости. Макс рванулся, нагнув голову, и стремительно пробил «тройку»: прямой, боковой, снова прямой. Кулаки замелькали в воздухе, и только левый чуть задел серую куртку Марата.

– А теперь я, – сказал тот.

Здоровенный кулак врезался в скулу с такой силой, что зазвенело в ушах и перехватило дыхание. Макс отшатнулся, попытался закрыться, но получил мощный удар с левой в лоб и упал так стремительно, что даже не успел понять, что случилось: просто асфальт почему-то резко поднялся вверх и ударил его по щеке.

– Что лежим, Ван Дамм, мать твою? Поднимайся, я еще с тобой не закончил.

В голове запульсировала, разрастаясь, красная ярость. Скорчившись на боку, Макс сунул руку в карман, нащупал рукоятку ножа, перевел дыхание и быстро вскочил. Лезвие выпрыгнуло со щелчком, блеснуло в отсвете фонаря.

– Э, Марат, у него нож, осторожно! – гортанно прокаркал откуда-то сзади горбоносый.

– Вижу, – спокойно ответил Комбаров. – Брось перо, чудила, пока я тебе его в задницу не засунул!

Макс, у которого перед глазами расплывались пятна света и тени и тошнотворно кружилась голова, выбросил вперед лезвие и сделал выпад, целясь Марату в живот. Тот чуть отшатнулся, лениво перехватил левой рукой запястье Макса, а правой несильно, но точно хлестнул его в нос. Что-то хрустнуло, и Макс почувствовал, как острая боль впиалась в переносицу

и теплая кровь наполнила ноздри. Сильные пальцы вывернули ему руку и вынули нож из вспотевшей ладони.

– Я говорил, брось перо, – прозвучал голос Марата, а потом кисть вывернулась еще сильнее, так, что Макс не выдержал и заорал от боли. Комбаров одной рукой сложил нож, сунул его в карман, а потом с силой врезал ногой под дых. Макс подавился криком, согнулся и упал.

Удары посыпались с трех сторон. Макс поджал ноги, прижимая колени к груди, прикрыл голову, но обутые в остроносые ботинки ноги били его по спине, по почкам, по заднице, в голень. Он кряхтел, сжав зубы, и катался по разбитому асфальту, неосознанно пытаясь куда-то ползти. Один удар жесткой подошвой пришелся по сцепленным на затылке пальцам, и Макс почувствовал, как треснул сустав.

– Эй, в голову ему не стучите, чтобы не сдох раньше времени!

Комбаров нагнулся, схватил Макса за волосы и развернул лицом к себе.

– Я тебя буду бить каждый день, ты понял меня? Если один раз не поймаю, то в следующий получишь двойную дозу. Каждый день, пока ты мне четыреста тысяч не принесешь, ясно тебе? А если не отдашь через месяц, переломаю ноги и руки к херам, чтобы ты только на брюхе ползать мог!

Он с силой вдавил лицо Макса в стылую лужу. Кровь смешалась с грязно-серой водой.

– Все, пойдем, пацаны. До завтра, Максютя! Увидимся!

Макс уже еле слышал из-за шума в ушах и пронзительной боли, которая окутала все его тело, как стальной раскаленный компресс. Поэтому, услышав следующие слова, решил, что это ему показалось:

– Привет от Мамочки!

Он не понял, чей это был голос. Может быть, кого-то из этих троих. А может, и нет. Но слова эти эхом отозвались внутри гудящего черепа, и Макс теперь отчетливо разобрал в их отзвуке:

«Привет от Мамочки».

Глава 11

День учителя в этом году пришелся на понедельник, но настроение у Светланы Николаевны Крупской было вовсе не праздничным, и десяток пышных букетов – хризантемы, лилии, гладиолусы и, конечно же, розы, куда без них, – превратившие маленький кабинет в подобие душистой оранжереи, мрачное состояние духа не скрашивали.

Весь день она решала многочисленные проблемы, накотившие на «единицу» мутной волной. Вздыхала, громко во всеулышание сетовала, что все приходится делать самой и что никому нет ни до чего дела, завидев рядом Аркадия Леонидовича, томно жаловалась, как ей, слабой женщине, тяжело без мужской поддержки, – но к концу дня более или менее структурировала хаос, в который погрузилась ее школа. Расписание пришлось перекраивать: учительница математики так и не вернулась на работу; Крупской удалось найти двух замещающих преподавателей из «двойки» и «семерки», и, как следствие, изменить распорядок уроков в зависимости от возможностей и пожеланий новых педагогов. Уроки физкультуры временно были отменены вовсе: седовласый физрук еще не пришел в себя после похорон скончавшегося от ран внука и его нагрузку Крупская перераспределила между другими учителями. Еще одной трудностью были занятия по МХК. Правильнее всего было бы просто уволить эту вечно зареванную Лапкович, но отмена еще и ее уроков привела бы к совершенному коллапсу, поэтому с самого утра Светлана Николаевна наведлась в одиннадцатый класс: именно они были инициаторами бойкотирования несчастной Елены Сергеевны, их класс понес личные потери в лице Иры Готовой и на них, как на старших, вольно или невольно равнялись учащиеся других классов. Крупская выгнала из кабинета преподавательницу химии, чтобы никто не мешал доверительному разговору, и минут пятнадцать увещевала насупленных старшеклассников прекратить бойкот мировой художественной культуры. В ход пошло все: проникновенный тон, многозначительные взгляды, рассуждения о «милости к падшим», апелляции к русской культуре, явные уговоры и скрытые, но отчетливые угрозы. Результат оказался удовлетворительным: чуть больше половины учеников явились на урок МХК, и, хотя остальные, образовавшие непримиримую оппозицию, слонялись по школе, лед, как говорится, тронулся – восьмиклассники пришли на занятия к опальной Лапкович уже в полном составе. Светлана

Николаевна вздохнула с облегчением, запомнила имена тех, кто посмел не внять ее просьбам, и решила заняться более приятными хлопотами.

Трагедия трагедией, похороны похоронами, а жизнь продолжалась. Ко Дню учителя в «единице» готовиться начали еще месяц назад, едва успел отзвучать первый звонок. Все классы репетировали номера для праздничного концерта: за режиссуру отвечала актриса местного драматического театра Карельская, оформленная в «единице» на полставки, а общим художественным и идейным руководством занималась лично Крупская. Почти двухчасовое сценическое действие по мотивам произведений русской классической литературы, объединенное единым замыслом, должно было не только быть познавательным, но и иметь большое воспитательное значение. В последнюю неделю по понятным причинам всем было не до репетиций, но спектакль уже отработали до мелочей, включая даже такие детали, как явление публике истинного творца этого шедевра: специально подготовленные девочки из десятого класса должны были подойти к Крупской, скромно сидящей в уголке, и вывести ее на сцену под всеобщие аплодисменты. Сегодня оставалось согласовать с директрисой только один чисто формальный вопрос: начинать ли праздник после окончания всех уроков или можно сократить ради такого случая учебный день на час-полтора. Но Екатерина Борисовна, проторчавшая весь день у себя в кабинете, пока Крупская решала проблемы и снимала вопросы, неожиданно сказала:

– Нет.

– Что – нет? – даже как-то растерялась Светлана Николаевна. – В смысле, начнем, когда у всех занятия закончатся? Я просто подумала, что тогда младшим придется ждать часа два, потому что у одиннадцатого класса сегодня седьмым уроком физика, и...

– Нет, – снова повторила Екатерина Борисовна и устало посмотрела на Крупскую. – Света, я считаю, что сейчас не лучшее время для праздников.

Лицо у директрисы было покрыто красными апоплексическими пятнами, руки чуть заметно дрожали, в кабинете резко пахло сердечными каплями, но взгляд маленьких глазок был тверд.

– Катя, послушай, – мягко начала Светлана Николаевна, едва сдерживаясь, чтобы не запустить чем-нибудь канцелярским в эту красную физиономию. – Мне кажется, ты не права. Как раз сейчас самое время показать всем, что жизнь не остановилась, продемонстрировать сплоченность перед лицом скорби, научить и научиться твердости духа...

– Света, – перебила Екатерина Борисовна. – Ты не на уроке. Не нужно меня агитировать. Люди еще не пережили горе. Это не то, что легко

забывается, понимаешь? Я всю неделю общаюсь и с детьми, и с родителями. Им страшно, они растеряны. Звонят и разговаривают минут по пятнадцать или приходят вот сюда, в кабинет, и сидят, пока не выговорятся.

– Очень странно, – заметила Светлана Николаевна. – Почему-то ко мне никто не приходит.

– Может быть, считают себя недостойными, – предположила директриса.

– Или я просто очень занята школьными делами, и мне не до разговоров, – парировала Крупская.

– Может быть. Но за две недели в городе два десятка трагически погибших, из них двое – ученики нашей школы. Двое педагогов потеряли детей и внуков, у Лили Скворцовой погиб отец, Елена Сергеевна стала изгоем, в пятницу случилась массовая драка, и одного из мальчиков увезли в больницу, а другой явился сегодня таким избитым, что я удивляюсь, как он вообще пришел в школу. Уже чудо, что нас вообще не забыли поздравить, – Екатерина Борисовна слегка повела рукой, показывая на цветы в вазах и стеклянных банках, расставленных на полу, – но требовать от детей, чтобы они в такое время играли на сцене, я считаю неправильным.

– Так тем более, именно сейчас...

– Нет!

Екатерина Борисовна даже шлепнула по столу пухлой ладонью. И добавила:

– Я запрещаю.

Крупская захлопала густо подведенными веками. За восемь лет работы в «единице» она никогда не слышала от директрисы ничего подобного. Светлана Николаевна встала, оправила юбку и сухо осведомилась:

– Это твое окончательное решение?

– Да.

– Что ж, хорошо. Учительский банкет тоже отменим?

Екатерина Борисовна пожала плечами.

– Нет, зачем же. Соберемся, как и планировали, в столовой после уроков. Кто хочет – придет. Отметим День учителя. Просто я вижу разницу между нашим междусобойчиком и тем, чтобы заставлять детей два часа прыгать на сцене или смотреть на посвященное нам представление.

Крупская молча развернулась и вышла.

Внутри медленно, как закипающая смола, клокотала злость. Надо было раньше разобраться с этим вечно болеющим недоразумением, пустым местом в директорском кресле. Ну да ничего: она найдет, что и куда

написать, соберет подписи – и тогда посмотрим, как долго почтенная Екатерина Борисовна удержится на своем месте. Она бы сделала так уже давно, если бы не удовлетворенность своей позицией неформального лидера и неприязнь к хозяйственной работе, которая составляла значительную часть обязанностей руководителя школы. Но об этом можно подумать завтра, а сейчас еще оставался шанс спасти этот день, потому что в праздничные планы Светланы Николаевны входил не только литературный спектакль. Были дела поважнее: например, решительный натиск на неприступного историка. Пора уже победоносно закончить эту затянувшуюся кампанию, и сегодняшнее застолье давало отличные шансы.

Уроки закончились в половине четвертого, а в четыре из школы ушли последние ученики. Коридоры сделались пустыми и звонкими, двери классов закрылись, а немного позже из столовой потянулись запахи огурцов и колбасной нарезки – классические ароматы небогатой корпоративной вечеринки. Общий сбор назначили на пять часов вечера; к этому времени столы были сдвинуты, шаткие банкетки на гнутых алюминиевых ножках расставлены, расстелены скатерти и разложены по пластмассовым тарелкам закуски. Аркадия Леонидовича, как единственного мужчину, призвали на помощь в открывании бутылок, и он орудовал штопором, вытаскивая тугие винные пробки, и с треском скручивал пластиковые колпачки коньяка. Светлана Николаевна улучила момент и усадила его рядом с собой на заранее выбранное, стратегически верное место – поближе к выходу и подальше от восседающей во главе стола директрисы.

Аркадий Леонидович был задумчив, сдержан и почти не пил: просидел час, изредка делая небольшой глоток вина из пластикового стаканчика. Крупская, напротив, налегла на коньяк: сначала для снятия стресса, а потом просто для куража и, как говорится, для блеска глаз. Глаза у нее заблестели и в самом деле очень быстро. Она то и дело наклонялась к историку, шептала ему на ухо – как правило, ехидные замечания по поводу присутствующих коллег, шутила, сама смеялась собственным шуткам и то и дело клала на его руку свою горячую сухую ладонь или стискивала, как бы невзначай, его бедро под столом.

На столе рядом с Аркадием Леонидовичем лежал деревянный меч: короткий, с широким лезвием и рукоятью, обмотанной бумажной веревкой.

– А это что такое? – полюбопытствовала Крупская.

Историк чуть улыбнулся.

– Дети подарили, – ответил он. – Шестиклассники. Вот, тут и надпись есть, смотри.

Крупская сфокусировала взгляд. На одной из сторон клинка красовались выжженные буквы: «Настоящему рыцарю!»

– Как мило! – игриво восхитилась Светлана Николаевна, подняла свой стаканчик и провозгласила: – Ну, тогда за рыцаря!

И выпила залпом.

Через час половина преподавательского состава засобиравалась домой. Те, кто еще оставался, явно намеревались задержаться надолго: учительница географии вместе с преподавательницей физики завели тонкими голосами «Ой, да не вечер», остальные, склоняясь головами, громко обсуждали что-то на разные голоса, кто-то бродил вдоль стола, подливая себе из еще не опустевших бутылок. В уголке примостилась Лапкович: одинокая, молчаливая, озирающаяся по сторонам, словно ожидая неприятных подвохов. Ее не замечали.

– Оооооой, мне малым-малооооо спалоооооось... – разносилось эхом в полутемной столовой.

Крупская мотнула светлой гривой волос и поморщилась.

– Слушай, – зашептала она Аркадию Леонидовичу, крепко стиснув ему колено. – Давай поднимемся ко мне? У меня тоже коньяк есть, посидим, пообщаемся, а то тут уже вертеп какой-то. А?

Аркадий Леонидович поколебался немного и кивнул.

– Давай. Только ненадолго, мне уже идти пора.

– Да мы на полчаса буквально! – заверила Крупская, подхватила его под руку и поволокла за собой.

Воздух в небольшом кабинете был густым и сладким. Сизые сумерки рассеивал свет фонаря по дворе. За окном беззвучно раскачивались деревья, размахивая голыми ветками с остатками листьев, похожими на лохмотья одежд, грубо сорванных осенним насильником-ветром. Светлана Николаевна не стала зажигать свет, чтобы не нарушать интимную ауру из полумрака и аромата цветов. Она ловко заперла дверь на ключ, быстро достала из шкафа открытую бутылку коньяка, два стеклянных бокала, поставила их на низкий столик и раскинулась в кресле так, чтобы юбка приподнялась чуть выше круглых колен, а воротник блузки распахнулся пошире.

– Ну, наливай!

Аркадий Леонидович молча наполнил бокалы. С тихим звоном коснулось стекло о стекло. Крупская сделала длинный глоток. Наступило молчание.

Историк явно не собирался упрощать ей задачу.

– Света, ты о чем-то поговорить хотела?

В сумраке его лицо было похоже на строгую римскую маску: прямой нос, высокий лоб, резко очерченный рот, большие глаза темнеют под выразительными бровями. Широкие плечи сейчас казались еще мощнее; сильные пальцы слегка вертели ножку бокала. Крупская почувствовала, как в животе стало жарко, а кровь прилила к набухшим соскам. Она вздохнула. Больше всего ей хотелось просто броситься на него, как бросаются в теплую воду бассейна – с головой, нырнуть, раствориться, а там пусть будет как будет. Коньяк шумел и накатывал волнами, как далекий прибой. Она подвинула свое кресло поближе, так, что их колени соприкоснулись, и сказала:

– Знаешь, мне очень трудно сейчас... Все эти события, смерти... Я так переживаю...

Крупская сделала страдальческое лицо и чуть отвернулась, крутя на пальце длинный светлый локон. Полные губы дрогнули и приоткрылись.

– Понимаю, – серьезно ответил Аркадий Леонидович.

– Нет, не понимаешь, – добавила слез в голос Крупская. – Ты не представляешь, как мне не хватает мужика рядом, вот чтобы просто был, сильный, нормальный мужик, чтобы я могла чувствовать себя обыкновенной бабой...

Она усмехнулась, быстро привстала и вдруг уселась к нему на колени, навалившись мягкой, трепещущей тяжестью. Руки осторожно легли на плечи Аркадия Леонидовича, пальцы коснулись шеи.

– Обыкновенной бабой... – прошептала Крупская.

Ее губы ткнулись вперед.

Он быстро отдернул голову и развел в стороны руки.

– Света.

Она отстранилась и посмотрела. Взгляд его был строгим и темным. Крупская толкнула его ладонями в грудь, уперлась, откинулась чуть назад и перекинула одну ногу ему через колени, усаживаясь удобнее и сильнее вдавливая его в кресло. Жалобно скрипнуло старое дерево.

– Ну что – Света? – яростно зашептала она. – Что? Поехали сейчас ко мне, хочешь? Твоя сегодня дома?

– Карина на дежурстве, – сказал Аркадий Леонидович. – Но это...

– Ну вот, отлично! – перебила Крупская. – Даже врать не нужно будет, поехали! Утром вернешься, если захочешь, а не захочешь – останешься у меня, ну, давай?

Он молчал.

– Не хочешь ехать? Тогда здесь, да? Да, хорошо, хорошо, давай прямо здесь, как хочешь, как скажешь...

На Аркадия Леонидовича накати́лся сладковатый дурманящий аромат коньяка. Губы Крупской шевелились совсем рядом. Она была большой, теплой и мягкой, и чувствовалось, как внутри у нее бьется и рвется наружу головокружительный жар. В расстегнутом вороте скользили глубокие тени между тяжелыми грудями. Покрытая тонкой сеточкой усталых морщин кожа была похожа на кожицу ягоды, схваченной первыми заморозками, и он ощутил ее запах: так пахнет воздух теплого осеннего дня, когда лето уже прошло безвозвратно и впереди нет надежды, а только холод и темнота неминуемых зимних ночей, но солнце еще светит ярко и припекает, словно бы из последних сил, и может еще подарить несколько жарких дней короткого бабьего лета.

Аркадий Леонидович колебался всего секунду, но уже в следующий миг возненавидел себя за эту мгновенную слабость. Он спокойно взял Крупскую за плечи, решительно отодвинул ее от себя и начал вставать, пока она наконец не соскользнула с его колен, врезавшись задницей в кресло напротив.

– Осторожнее. – Он поймал ее за локоть. – Не упади.

Светлана Николаевна вырвала руку, отскочила на шаг и, опустив голову, стала поправлять одежду и волосы резкими, злыми движениями. Он почувствовал себя неловко. Потоптался несколько секунд, не зная, что сказать и нужно ли вообще говорить сейчас что-то, взял со столика свой деревянный меч, шагнул к двери и дернул ручку.

– Ключ поверни.

Голос прозвучал так, что Аркадий Леонидович даже поежился. Торопливо щелкнул замок. В раскрывшийся дверной проем хлынул яркий свет из коридора и свежий воздух.

Он оглянулся. Крупская сидела в углу за рабочим столом и смотрела в окно.

– До свидания, Света.

– Ага. Пока.

Он плотно прикрыл за собой дверь, перевел дух, быстро прошел коридор и вышел на лестницу. На один пролет впереди него спускались вниз трое мальчишек из седьмого класса: Даниил, Женя Зотов и третий, Макс, которого Аркадий Леонидович едва узнал – лицо паренька было в раздувшихся синяках, нос распух, а один глаз заплыл и налился нехорошей багровой чернотой.

– Добрый вечер! А что это вы делаете в школе так поздно?

– Здравствуйте, Аркадий Леонидович! – вразной поздоровались мальчишки. Макс и Женя продолжали спускаться, чуть ускорив шаги, а

Даниил неуверенно остановился, глядя на преподавателя.

– А мы тут сидели, разговаривали... мы иногда здесь, на четвертом этаже, собираемся, просто так...

– Понятно, – сказал Аркадий Леонидович. – Как работа над рефератом для олимпиады? Ты сегодня пропустил дополнительное занятие.

– Хорошо, – закивал Даниил. – Отлично. Работа движется.

Повернулся и заспешил вслед за товарищами.

Крупская еще минут десять сидела у себя в кабинете, тупо глядя в окно и стараясь справиться с чувствами, которые раздирали ее изнутри и название которым она затруднилась бы подобрать. Она с трудом сдерживалась, чтобы не расколотить вдребезги бокалы с остатками коньяка, да и саму бутылку впридачу, не вышвырнуть в окошко прямо через стекло вазы с цветами, не разодрать в клочки самодельные поздравительные открытки, в конце концов, просто не заорать, колотя кулаками по столу, по стенам и креслам. «Сука, – думала она, глядя на деревья, судорожно размахивающие ветвями, как будто незримый inferнальный кукловод прицепил к ним невидимые нити и дергал что было силы. – Вот сука. Тварь. Все твари».

Она встала, выдохнула, еще раз поправила волосы, вышла из кабинета и вздрогнула. Рядом с дверью, вытянувшись у стенки и понурившись, стояла Лапкович. Она посмотрела на Крупскую, робко, просяще ей улыбнулась, и произнесла:

– Светлана Николаевна, а я вас жду.

– Чего тебе, Лена?

Менее всего Крупская сейчас была расположена к разговорам, а тем более с этой склонной к нытью, преждевременно состарившейся теткой.

– Я хотела сказать вам спасибо, – проблеяла та. – За то, что вы поговорили с ребятами, чтобы они снова ходили ко мне на уроки.

Крупская почувствовала, что хочет ее убить.

– Знаешь, Лена, – медленно начала она, – если бы ты не была такой размазней, то справилась со всем бы сама.

Лапкович открыла рот. Глаза ее немедленно стали наполняться слезами. Крупская брезгливо сморщилась.

– Вот что ты рыдать опять собралась? Ты всю жизнь рыдаешь. Вместо этого лучше бы свои проблемы семейные решала, а не сидела годами с этим твоим так называемым папашей в одной квартире.

Светлана Николаевна почувствовала, что ее начало нести, но сдерживаться не собиралась.

– Всю жизнь только и делала, что терпела и плакала. Думаешь, что

тебя вот такую кто-то будет уважать? Никто не будет, а уж дети тем более. Я еще удивляюсь, как они и раньше вообще к тебе на уроки ходили, а еще с сыном твоим общались, которого его мамаша от собственного отца родила!

Елена Сергеевна отшатнулась так резко, что ударилась спиной о стену. Лицо ее, уже начавшее краснеть от подступающего к горлу плача, резко побледнело. Она вытянула вперед руку – то ли защищаясь, то ли в немой просьбе замолчать, прекратить, но Крупскую было уже не остановить:

– Ты считала, что никто не знает, что ли? Да все знают прекрасно, вся школа, что ты сына родила от своего папочки, которого тот дедом звал! И после такого ты еще продолжала с ним в одной квартире жить, на его шее сидеть и ребенка заставляя на все это смотреть! Могу себе представить, что у вас там творилось в доме! Неудивительно, что теперь твой мальчишка устраивает разборки на перемене! Наследственность-то сказывается! И еще смеешь страдальицу из себя изображать: ах, ко мне никто на уроки не ходит! Да чему ты можешь детей научить, Лена?!

Та резко шагнула вперед и взмахнула рукой. Крупская не шелохнулась.

– Ну давай, – сказала она. – Попробуй.

Несколько секунд они молча стояли друг против друга. Потом Елена Сергеевна повернулась, сорвалась с места и побежала прочь. По лестнице, удаляясь, эхом застучали шаги.

– Дура, – негромко сказала Крупская. – Конченная. Ничтожество.

Ей нужно было в уборную: освежиться и привести себя в порядок. Она прошла до конца коридора, открыла ключом дверь учительского туалета и вошла внутрь. Из-за двери зашумела вода.

Если бы Светлана Николаевна была чуть внимательнее, если бы сейчас ее не рвали на части эмоции, не будь она так погружена в мысли, грозowymi тучами клубящиеся в голове, то она бы заметила мелькнувшую в коридоре тень, юркнувшую при ее приближении в мальчишеский туалет. Но даже если бы она заметила и смогла разглядеть, то вряд ли в тот миг узнала бы в задержавшемся в школе в ожидании мамы мальчишке Рому Лапковича. Последние несколько минут он стоял, дрожа всем телом, за углом коридора, прислушиваясь к каждому слову, которое выкрикивал злой, раздраженный женский голос, и лицо его, сведенное жуткой гримасой, мало было похоже на человеческое.

Больше всего он был похож сейчас на оскалившегося от страха и злости волчонка.

Глава 12

За окном автобуса проплывало, меняя форму и очертания, серое, черное, грязно-белое – как на унылой монохромной гравюре: море, лес, проплешины первого снега, дома, низкие здания заброшенных фабрик и блестящая черная лента широкой реки. Над всем этим висело безмолвное белесое небо. Несколько десятков веков назад тут было море, еще раньше – многокилометровая толща льда с вмерзшим мусором и гигантскими валунами, похожими на скалы, а миллионы лет ранее, в эпохи, которые представить себе так же сложно, как бесконечность космоса, здешние земли путешествовали на исполинской геологической плите, неспешно дрейфуя по поверхности неузнаваемо юной планеты, смыкаясь и вновь расходясь с тем, что было сейчас Антарктидой, Австралией или Америкой.

Теперь здесь были черные леса, серые реки и узкая лента шоссе, по которой пасмурным утром осеннего четверга чумазый усталый автобус ехал из Северосумска в Михайловск. Все места были заняты: многие совершали такую поездку практически ежедневно, утром и вечером, на работу и обратно домой. Аркадий Леонидович примостился на заднем сиденье у окна и размышлял.

В последние дни наступило тревожное затишье, будто кто-то взял передышку и задремал, видя недобрые сны. После бурных событий прошлой недели в школе настало спокойствие: ни драк, ни скандалов, ни криков; ученики посещали занятия, преподаватели монотонно произносили вытверженные годами слова уроков; на переменах одни сбивались, перешептываясь и озираясь, в небольшие группы, другие молча сидели в учительской, уткнувшись в тетрадки, журналы и книги, лишь перебрасываясь иногда парой слов. В городе с наступлением сумерек прохожие ускоряли шаг, машины торопливо проносились по проспектам и улицам, и, хотя не было слышно больше о каждодневных бессмысленных актах насилия, все чувствовали, что мнимое спокойствие может в любую секунду взорваться новым ударом зловещей незримой стихии.

Говорят, такое затишье бывает в самом центре тайфуна.

– Снова в Михайловск? – спросила Карина.

– Да, узнал кое-что новое про капище, – объяснил Аркадий Леонидович. – Хочу съездить в музей, пообщаться с коллегами, задать пару вопросов.

Хотя бы тут обошлось без вранья, пусть даже он не мог рассказать, что

именно, от кого и при каких обстоятельствах стало ему известно. Вряд ли Карина могла бы связать его очередную поездку в областной центр с тем мимолетно мелькнувшим в новостях фактом, что духовный наставник «Северной Веды» Кларисса Львова неожиданно покинула город, в спешке оставив тут офис, партию новых книг, сертификаты потомственной ведьмы, тренера Гену и своих подопечных, пребывавших в растерянности, как овцы, пастырь которых сбежал, побросав посох и пастуший рожок. Аркадий Леонидович, как и прежде, берег Карину от разрушительной правды: да, она многое понимала, еще больше чувствовала, он ощущал их тесную связь, как часто бывает у любящих друг друга людей, но, как тоже часто бывает с теми, кто любит, всеми силами старался оградить ее от того, что могло смутить ее, напугать или расстроить.

– Постараюсь вернуться вечером.

– Хорошо, я буду ждать. Будь осторожен.

И поцеловала, задержав губы у его щеки чуть дольше обычного.

По сравнению с Северосумском Михайловск выглядел мегаполисом: перекрестки проспектов, потоки машин, торговые центры, витрины, гостиницы и рестораны. Аркадий Леонидович уже успел привыкнуть к тому, что в любую точку города из его центра можно при желании дойти пешком максимум за час с небольшим, и даже растерялся немного, добираясь с пересадками на двух троллейбусах до областного историко-краеведческого музея, к которому прибыл изрядно помятым, с оттоптанными ботинками и чужими соплями на рукаве пальто, – был утренний час пик.

Аркадий Леонидович ожидал увидеть огромный старинный особняк, похожий на дворец, или монументальное здание середины прошлого века с треугольным фронтоном и колоннами вдоль фасада, но с удивлением обнаружил, что главный исторический музей области располагается на первых двух этажах жилого многоэтажного дома, вытянутого вдоль проспекта и серого, как поздняя осень.

Внутри, за дверью служебного входа, в полумраке виднелась неширокая лестница и коридор, уходивший влево и вправо. На обшарпанных стенах висели расписания выставок, какие-то приказы и цветная афиша: «15 июня концерт музыки народов саами. Вход свободный».

– Мы еще закрыты, мужчина!

Рядом с лестницей за старой школьной партой сидела полная женщина в синем халате, неприязненно глядевшая на Аркадия Леонидовича через толстые очки.

– Здравствуйте! – сказал он, стягивая с головы черную шапочку.
– Я говорю, мы закрыты, мужчина! Музей работает с одиннадцати, вход с другой стороны!
– Доброе утро!
– Мужчина, мы закрыты, я вам говорю! – Голос постепенно срывался на визг.

Аркадий Леонидович вздохнул, подошел ближе и произнес:

– Я не в музей. У меня назначена встреча с одним из научных сотрудников, Сизых Гавриилом Ивановичем. Не подскажете, где я могу его найти?

Очки свирепо блеснули.

– Направо по коридору. – Женщина махнула рукой перед носом у Аркадия Леонидовича и уткнулась в раскрытый на парте журнал с телевизионной программой.

– Направо, а там?..

– Найдете!

– Большое спасибо! – сердечно поблагодарил Аркадий Леонидович и отправился искать.

Гавриил Иванович Сизых не то чтобы полностью соответствовал своей фамилии, но и здоровым румянцем не отличался. У него были седоватые поредевшие кудри, пепельного оттенка щеки и большие печальные голубые глаза. Рабочий кабинет его был просторным, довольно опрятным, с четырьмя столами, за которыми, сгорбившись, сидели двое мужчин в свитерах и девушка с короткими волосами, покрашенными в ядовито-зеленый цвет. На подоконниках стояли горшки с фикусами, фиалками и алоэ. Негромко играло радио.

– Гавриил, – представился он.

– Аркадий, – ответил на рукопожатие Аркадий Леонидович.

– Ну, – развел руками Сизых, – можем прямо здесь поговорить...

– Было бы лучше пройтись немного, если не возражаете. Покажете мне экспозицию?

Они поднялись по служебной лестнице на второй этаж и вошли в анфиладу широких и гулких залов с низкими потолками и сплошными рядами тускло мерцающих в полумраке темных витрин. Зал, посвященный культуре каменного века, находился в дальнем конце музея, и Аркадий Леонидович с Сизых успели немного разговориться: несколько профессиональных реплик, немного об университете, о научных работах, пара-тройка имен, общие знакомые – хотя на последнюю тему Аркадий Леонидович особо не распространялся, не забывая о том, что теперь носит

другую фамилию.

– Аркадий, так что конкретно вас интересует? Признаюсь, я был несколько заинтригован: ученый из Петербурга, который почему-то учителствует в Северосумске, проявил интерес...

– А я вот как раз по поводу Северосумска. Точнее, насчет культовой постройки эпохи неолита. Это же сотрудники вашего музея проводили раскопки?

Сизых посмотрел на Аркадия Леонидовича странным взглядом и почему-то напрягся.

– Да, – ответил он. – А что?

– Ну, это большое событие, насколько я понимаю. Такая находка, возможно, являющаяся частью древнего поселения, – это огромный потенциал для исследовательской работы. Просто захотел узнать, так сказать, мнение коллеги – специалиста по этому вопросу.

– А какое тут может быть мнение? – занервничал Сизых. – Тут и мнений никаких быть не может. Сами сказали: событие, потенциал. На место выезжала комиссия из наших сотрудников под руководством самого директора, Трипольский его фамилия, не слыхали?

– Нет, не доводилось.

– Ну как же! – Сизых как-то уж слишком картинно закатил глаза. – Светило! Величина! Доктор наук, специалист по верхнему неолиту. Ученый, так сказать, муж, каких поискать.

– Понятно, – чуть улыбнулся Аркадий Леонидович. – А про находки в раскопе что-то можете рассказать поподробнее?

– О, находки что надо! Образцовые. Классика ямочно-гребенчатой культурной общности: фрагменты посуды с орнаментом, наконечник копья или гарпуна, несколько негеометрических микролитов, нуклеусы. Бесспорные исторические артефакты. Сейчас они в запасниках, но я уверен, что непременно будут экспонироваться.

Сизых отвернулся и замолчал.

– Знаете, – задумчиво начал Аркадий Леонидович, – я подумываю написать небольшую работу по поводу этой находки. Конечно, это совершенно не моя специализация, но уж коль скоро волей судьбы я оказался в Северосумске, странно было бы пройти мимо такого открытия. Может быть, вы сможете поработать со мной в качестве консультанта?

Сизых закусил губу, потоптался, помолчал немного и спросил:

– Аркадий, а вы курите?

– Нет, не имею привычки.

– А я вот все не брошу никак. Постоите со мной на холодке, пока я

выкурю сигаретку-другую?

Аркадий Леонидович улыбнулся самой дружелюбной и понимающей улыбкой.

– С удовольствием.

Гавриил вышел из кабинета, наматывая на ходу мохнатый шарф на тощую шею и застегивая серую куртку. Они прошли мимо тетки в синем халате, мрачно штудировавшей телевизионную программу, и вышли на улицу. Моросило. С проспекта неслись завывания троллейбусов и шум машин. Сизых закурил, выпустил дым в пропитанный влагой воздух, посмотрел на огонек сигареты и спросил:

– Знаете, почему я не поехал в Северосумск на раскопки?

– Даже не догадываюсь.

– Потому что Трипольский меня терпеть не может. А я его, соответственно. На мой взгляд, он трепло, пустое место и бюрократ, в котором от ученого не больше, чем во мне, простите, от стриптизера. Знаете, кого он с собой взял? Двух своих аспирантов, трех лаборанток и только одного археолога, младшего научного сотрудника из нашего отдела. Всем потом премию выписали, кстати.

Аркадий Леонидович покивал понимающе.

– Вы вот сказали, что хотите писать про это так называемое капище. Поздно, батенька! Трипольский уже две статьи сочинил и монографию готовит. А знаете, почему монографию? Потому что открытие сделано экстраординарное, просто небывалое, если внимательно разобраться. Может перевернуть некоторые базовые представления, причем не в археологии или истории, а даже в палеонтологии.

– Удивительно, – заметил Аркадий Леонидович. – Такая находка – дело важное, но я не предполагал, что настолько. Ведь в Михайловской области довольно часто находили нечто подобное?

– Вот именно, в области. Все объекты, относящиеся к культуре неолита, обнаруживались южнее Михайловска, и никогда, ни единого раза ничего в этом роде не выкапывали на севере, в дельте Суми или на побережье. Сами сообразите почему или подсказать?

– Теряюсь в предположениях.

Сизых усмехнулся и блеснул глазами.

– Потому что шесть тысяч лет назад там было море. Собственно, на месте Северосумска море было еще в начале первого тысячелетия, а уж в эпоху неолита там и вовсе находилось морское дно и глубина водного покрова составляла не менее пятнадцати метров. Как по-вашему, мог кто-то устроить себе святилище под водой, да еще и разбросать там свои пожитки

в виде керамики и орудий охоты?

– Маловероятно.

– А вот согласно выводам комиссии под руководством господина Трипольского так и было. Водолазы каменного века, не иначе.

Сизых фыркнул, извергнув из легких облако серого дыма, и закашлялся.

– На фоне этого тот факт, что объект обнаружен на глубине всего около трех метров, в то время как обычная глубина залегания неолитических построек не менее пяти метров, кажется сущим пустяком.

– А что насчет находок в раскопе?

– О, они подлинные, в этом нет сомнений. А почему нет, спросите вы? А я отвечу.

Вторая сигарета разгорелась с тихим потрескиванием.

– Потому что они из нашего музея. Когда девочки-лаборантки готовили помещение находок в хранилище и присваивали им инвентаризационные номера, я поинтересовался, что они заносят в реестр, ну, просто так, из чистого любопытства. Описание показалось мне очень знакомым. Я поднял архив, и выяснилось, что точно такие артефакты уже хранятся в наших запасниках, но под другими номерами. Идентичные, понимаете? Я проверил, на месте ли они.

Сизых сделал паузу и посмотрел на Аркадия Леонидовича, как сыщик из старого детектива, собравший всех действующих лиц в каминном зале и готовящийся объявить убийцу.

– И?.. – помог Аркадий Леонидович.

– И, как и следовало ожидать, их не было. Кто-то просто извлек несколько единиц хранения, а потом благополучно нашел их в пресловутом раскопе. Кто-то, кто не боится проверок и контролирующих органов. И сотрудников своих ни в грош не ставит.

– Я слышал, что к вам приезжали мои коллеги из Петербурга, независимые эксперты. Даже радиоуглеродный анализ камней проводили...

– Ой, не будьте наивным, – скривился Сизых. – По этим местам проходил ледник. Знаете, сколько таких валунов лежит в окрестных лесах? Нехитрое дело собрать пару десятков штук, засунуть в яму – и любой анализ покажет, что этим камням несколько тысяч лет. А комиссия – да, приезжала. Только они ничего не исследовали. Их Трипольский увел к себе в кабинет, они там посидели с ним час или полтора, а потом вместе уехали. Вот и все. И еще: музей у нас не так чтобы очень большой, места для экспозиции не хватает, так что давно уже назрело открытие филиала. Город этот вопрос рассматривал уже лет пять, и никто особо ни на что не

рассчитывал. А на прошлой неделе – раз! – и в попечительский совет вступает жена нашего губернатора, музей получает прекрасное помещение, недалеко отсюда, на юге, и средства из бюджета на организацию филиала. Так-то вот.

Повисло молчание. По улице проехала, воя сиреной, карета «Скорой помощи».

– Знаете, у меня сын есть, – сказал Сизых. – Ему сейчас пятнадцать. Хороший парень, умный. И вот он в последнее время взялся со мной все время спорить, причем на тему истории, представляете? Пятнадцатилетний пацан с кандидатом наук. Конечно, нельзя быть экспертом во всем, историческая наука многообразна, но есть какие-то вещи... ну, общеизвестные, очевидные. А он спорит, особенно на тему новейшей истории: русская революция, Великая Отечественная война, история СССР – и так убедительно, сыплет цифрами, фактами, я даже сомневаться начал в некоторых вопросах, как бывает, когда сто раз подряд видишь неправильно написанное слово и уже думаешь, что, может, оно так и верно. Я спрашиваю его: сын, а откуда ты берешь такие сведения? А он так, высокомерно: из социальной сети, разумеется. Мол, ты, папа, от жизни совсем отстал. Я подумал, может быть, и правда отстал. Покажи, говорю, свои источники. Думал, он мне ссылки даст на какие-то новые исследования, статьи, а он, представляете, показывает мне картинки. Вот просто картинки с подписями: типа, столько и столько погибло, а столько казнено, а столько разрушено... И везде цифры, причем с претензией на точность, и даже указания на исходные данные, как правило, материалы каких-то несуществующих архивов или исследовательских институтов. Чушь дикая, даже не чушь – какая-то злобная, неприятная ахиня. Именно злобная, понимаете? Но для подростка выглядит убедительно. Вот так и с этим раскопом: выглядит убедительно только для тех, кто по каким-то причинам позволяет себя убедить. Ну и для детей, быть может. А так – просто яма в земле, большая песочница, не более того.

«И в песочнице этой кто-то играет», – подумал Аркадий Леонидович, а вслух сказал:

– Ну а вы-то что, Гавриил? Вы же понимаете это все. Не пытались кому-то сказать, написать, просигнализировать?

Сизых посмотрел неприязненно.

– Я, конечно, не знаю, почему ученый из петербургского университета переезжает в Северосумск, чтобы работать учителем. Может, у вас там в больших городах мода такая. А я в музее уже двадцать лет. Старший научный сотрудник. Занимаюсь исследованиями, публикуюсь. И оказаться

перед необходимостью трудоустроиваться в школу не хочу.

Он выбросил окурок, взялся за ручку двери и произнес:

– Если что, этого разговора вообще не было. Это я вам как коллега коллеге, понимаете? Накипело просто.

– Понимаю, – заверил Аркадий Леонидович. – Не беспокойтесь.

– Прощайте.

И Сизых ушел, не заметив протянутой руки.

Аркадий Леонидович поднял воротник пальто и отправился на поиски места, где можно выпить кофе и поразмыслить.

Кофе был горячим и горьким, столик липким, за грязным окном, покрытым испариной дождя, шумел унылый проспект. В тонкостях бизнес-стратегий и финансовой деятельности Аркадий Леонидович не разбирался, интересы всех участников дела ему были не вполне ясны, но цепочка событий выстраивалась во вполне внятную логическую линию. На стройплощадке «Лиги» роют фальшивое капище – вероятно, силами той самой бригады, что работала там в ту ночь. Для правдоподобия кидают на дно несколько заблаговременно позаимствованных из музея археологических артефактов. Жена губернатора, по каким-то причинам заинтересованная в создании этой подделки, сообщает о предстоящей находке своей подруге Львовой, которая обеспечивает первичную огласку и таким образом не дает сразу закопать яму, как, несомненно, поступил бы Трок. В итоге археологическая группа получает премии, директор музея Трипольский – финансирование филиала и, в качестве бонуса, громкое археологическое открытие в копилку своих научных достижений. Команда независимых экспертов после разговора с тем же Трипольским очень быстро перестает быть независимой, пишет нужное заключение и в прекрасном расположении духа возвращается в Петербург. В проигрыше только Трок, у которого остановился многомиллиардный проект, и город Северосумск, сотрясаемый невиданными доселе трагическими событиями.

Но если капище – фальшивка, то в чем причина смертей, катастроф, насилия, страха и ощущения присутствия зла? Кто принес в жертву куклу, размозжив ей голову на жертвенном камне?..

Две истории явно не пересекались друг с другом. Впрочем, об этом еще будет время подумать. Сейчас нужно доделать другое дело.

Сначала Аркадий Леонидович хотел сразу позвонить Троку и рассказать то, о чем узнал от обиженного судьбой старшего научного сотрудника Сизых. Но потом решил сделать иначе. Последний удар он нанесет сам, а там уже пусть в дело вступает Петр Маркович.

На звонок в приемную Комитета по охране памятников истории и

культуры ответил приятный женский голос.

– Добрый день, – поздоровался Аркадий Леонидович. – Я бы хотел записаться на прием к председателю комитета. Если можно, сегодня.

– К сожалению, сегодня Виталий Александрович не принимает, – ответила девушка. – Я могу записать на завтра, с трех до пяти часов. По какому вопросу вы хотите переговорить?

– По поводу взятого под охрану археологического объекта в Северосумске. Вы, наверное, слышали – культовая постройка эпохи неолита. У меня есть чрезвычайно важная информация: дело в том, что произошла ошибка, и я склонен полагать...

– Как вас представить? – перебила его секретарша.

– Майзель Аркадий Леонидович. Кандидат исторических наук.

– Хорошо, я записала вас на прием в пятнадцать сорок пять, на завтра, в пятницу, девятого октября.

Теперь оставалось найти, где переночевать. Не самая простая задача, если учесть, что города он не знал, а денег было в обрез.

К вечеру Аркадий Леонидович отыскал на северной окраине города пристанище под названием «Гранд-отель «Элит». Располагался гранд-отель в цокольном этаже хмурого девятиэтажного дома, затерянного среди хаотично застроенного плоского пустыря, а ко входу пришлось спуститься по лестнице, над которой трепетал на ветру небольшой баннер с надписью красным по синему: «Элит. Отель. Сауна».

В номере пахло застоявшимся табачным дымом и водопроводными трубами. Окон как таковых не было, если не считать узкой, похожей на бойницу, застекленной щели под потолком, мимо которой изредка мелькали ботинки случайных прохожих. Зато была довольно сносная кровать, тумбочка, древний телевизор кубической формы и душ – правда, вода шла только холодная и неприятного желтого цвета. Еще имелся стул с протертым и прожженным сигаретами сиденьем, достаточно прочный, чтобы выдержать вес Аркадия Леонидовича, когда тот взобрался на него, придерживаясь рукой за скос бойницы-окна – иначе сигнал мобильной связи было не поймать.

Сначала он позвонил Крупской.

– Слушаю, – сухо ответила она.

С памятного вечера понедельника они больше не разговаривали. При встрече Крупская только кивала и сразу отворачивалась, в беседы не вступала, а информацию о замещениях, если таковая была, предпочитала доводить до него через других преподавателей. Сперва это нервировало, он даже испытывал неловкость, как бывает, если невольно обидишь кого-то, а

потом успокоился. В конце концов, так было лучше, чем когда Светлана Николаевна при каждой встрече подхватывала его под руку и норовила прижаться грудью.

– Света, это я. У меня возникли непредвиденные обстоятельства, и я, к огромному сожалению, не смогу выйти завтра на работу. Получится заменить меня кем-нибудь?

– Ну а что мне еще остается делать, – сказала Крупская. – Ты же меня перед фактом поставил. Попробую. Знаешь ведь, какая у нас ситуация.

Аркадию Леонидовичу немедленно стало стыдно.

– Да, я знаю, извини, так получается...

– Я поняла уже. Но часы эти у тебя из табеля вычеркну.

Потом он набрал номер Карины. Ее голос донесся издалека, откуда-то, где было мирно, тепло, тихо, спокойно и очень уютно. Он почувствовал, что очень соскучился – странно, как влияет расстояние на чувства: они не виделись всего один день, а ведь иногда могли не видеться и сутками, но почему-то сейчас, находясь в семидесяти километрах от дома, Аркадий Леонидович ощутил особую, щемящую нежность. Он коротко рассказал о визите в музей, опуская подробности, и предупредил, что вернется лишь завтра вечером.

– А где ты будешь ночевать? – спросила Карина.

– Ты не поверишь, – усмехнулся Аркадий Леонидович, обзревая с высоты стула убогую обстановку крошечного подвального номера, – в «Гранд-отеле «Элит».

– Наверное, шикарное место? – И он услышал, как Карина тихо смеется.

– Роскошное. – Он тоже улыбнулся. – Сейчас приму ванну в джакузи, а потом буду ждать, пока в номер принесут фламбе, трюфеля и шампанское.

– Тогда не стану отвлекать, – отозвалась Карина и добавила неожиданно: – Я люблю тебя.

Аркадий Леонидович оступился и зашатался на стуле, с трудом удержав равновесие.

Слова прозвучали впервые. Они были звонкими, как золото, и сладкими, как леденцы в детстве.

– Я тоже тебя люблю, – выговорил он, пробуя фразу на вкус. Ему показалось, что Карина совсем рядом, и он даже как будто почувствовал тепло дыхания и легкое прикосновение к лицу ее длинных, легких волос. Потом забеспокоился и все же спросил:

– У тебя все в порядке?

– Да, – голос звучал радостно и как-то светло. – У меня все просто

прекрасно.

Глава 13

Когда Карина размышляла о чем-то – событиях, людях, явлениях, – она иногда представляла себе, какого они цвета. Впечатления прошедшего дня могли быть, например, цвета пожухлой травы, или грозовых облаков на закате, или глубокого ультрамарина, как океанские волны в хорошую погоду. Страшная трагедия в клубе «Селедка» вспыхивала тревожным синим и голубым, как проблесковые маячки полицейских машин или огни стробоскопов; рабочие смены в интернате, неважно, дневные или ночные, – как правило, цвета топленого молока, в который иногда подмешивались чуть более темные оттенки. Петербург был желтоватого цвета обшарпанных, пропитанных сыростью стен во дворах центра города, Северосумск – усыпляюще серый, как небо над пасмурным морем; их квартира светилась уютно-янтарным, хотя в последнее время цвет этот и потускнел, словно внутри янтаря притаился окаменевший тысячелетия назад доисторический паразит. Люди тоже имели цвета: Леокадия Адольфовна, например, была розовой, с белыми прожилками, как пастила. А. Л. почему-то виделся темно-зеленым, хотя ничего в его облике ассоциации с таким цветом не вызывало: это был цвет густого елового леса в солнечный полдень, когда воздух дрожит от зноя, а из темных глубин под ветками бора тянет холодком и загадками, манящими и немного пугающими одновременно.

Иногда Карина думала о том, какого цвета ее жизнь.

Лет до тринадцати она была цвета тревожных ночных сумерек. Может быть, в самом начале в ее жизни присутствовали и другие цвета, но она их не помнила. Мама Карины начала выпивать сразу после ухода отца из семьи, когда дочери только исполнилось три, а уже через год стала настоящей алкоголичкой с приступами паники, бредом и устрашающими галлюцинациями. Первые воспоминания: Карина сидит на диване в большой комнате, за окном темно, в квартире включен весь свет, в ванной почему-то льется вода – шумит, как небольшой водопад. В руках зажаты игрушки – куколка и пирамидка. Из коридора доносится мамин смех, звонкий, залиvistый, неестественный и такой страшный, что Карина плачет. Мама вбегает в комнату: черные волосы растрепались, глаза вытаращены, в руках большой таз с водой. Она разом выплескивает всю воду на пол и отскакивает, глядя на только ей видимое пламя. Карина плачет сильнее. Мать стоит, опустив голову, с пустым тазом в руке, а потом

переводит взгляд на дочь, улыбается так, что от ужаса бегут по коже мурашки, и спрашивает: «Ребенок, ты чей?»

Примерно тогда же, в четыре года, Карине начали сниться страшные сны. Это были не те кошмары, в которых убегаешь от чудища, тонешь в болоте или падаешь с высоты; нет, в этих снах она всегда оставалась в своей комнате, но к ней приходили «гости» – так она их называла, – описать которых она бы не смогла, да и никто бы не смог. Казалось, что сущности эти были сотканы из ужаса, тьмы и угрозы. Карина просыпалась, задыхаясь от крика и слез, но сон утягивал ее вновь, как воронка на месте кораблекрушения увлекает не успевших отплыть моряков, глаза закрывались, чтобы снова открыться во сне и увидеть «гостей», набившихся в комнату, как осьминоги в слишком тесный аквариум. Звать маму было бессмысленно; жаловаться некому; и у Карины не было другого выхода, кроме как привыкнуть к «гостям», не причинявшим ей зла, а потом даже как будто бы подружиться. Так ночные кошмары стали ее первыми и единственными друзьями.

Мать лишили родительских прав, когда Карине исполнилось пять лет. Она отправилась в детский дом, и в этом ей, можно сказать, повезло: в те времена, двадцать один год назад, многие дети, оказавшиеся в ее положении, до детских учреждений не добирались. Кто постарше превращались в беспризорников с пустыми глазами, шныряющих по дворам разрушающихся домов и возле вокзалов и прячущих пакет с клеем под грязной курткой с чужого плеча; кто помладше и вовсе исчезали бесследно.

Детский дом располагался за городом; Карина помнила высокие потолки, холодные коридоры, всегда влажные простыни и вонь тушеной моркови. Друзьями и подругами она не обзавелась: другие дети ее недолюбливали и побаивались, да и она не стремилась к общению; ей вполне хватало своих игр, фантазий и «гостей» по ночам. Жизнь была размеренной и монотонной – до тех самых пор, пока в десять лет Карину не изнасиловали мальчишки.

Их было четверо, самому старшему четырнадцать лет, а младшему двенадцать. Это случилось летом, во время прогулки в примыкающем к детскому дому огромном, похожем на дикий лес парке. Они натолкнулись на Карину случайно: обычно она забиралась в самую глушь, разговаривала сама с собой, рассказывая придуманные на ходу сказки, рассматривала листья, жучков, траву, деревья и небо или играла. С игрушками в детском доме дела обстояли не очень, и Карина играла палочками и камешками – для ее воображения их было достаточно. Наверное, сначала мальчишки и

не собирались ничего такого с ней делать, просто хотели помучить, как поступили бы, попадись им в руки беспомощный зверек или лягушка. Вот и Карину они сперва просто стегали прутьями, потом били – несильно, шлепками, а потом, раззадорившись все больше и больше от того, что она не плакала, не кричала, а только скалилась молча и пыталась сопротивляться, сорвали одежду... в общем, так получилось. Карина ничего не рассказала тогда воспитателям – взрослым бессмысленно жаловаться на свои беды, она это знала, – и мальчики поняли, что им все сойдет с рук. Насилие продолжалось три года, и Карина не смогла бы сказать точно, сколько раз они ловили ее в темных пустых закоулках холодного дома.

Закончилось все, когда Карине исполнилось тринадцать. К тому времени из четырех малолетних насильников в детдоме осталось трое: самый старший уже покинул приют. Был день ее первых месячных; из наблюдений за старшими девочками она знала, что делать: неуклюже набила истерзанное влагилице кусками ваты и уснула, чувствуя себя нафаршированной непропеченной уткой, из внутренностей которой сочится кровь. В ту ночь к ней опять пришли «гости», но что-то теперь изменилось. Карина тогда поняла, отчетливо, ясно и четко, что может не только разговаривать со своими жуткими визитерами, но и управлять ими. Тени склонились над ней, будто ожидая приказов, шептали неслышными голосами, учили, что нужно делать и как поступать. На следующий день она набрала камешков, дала им имена, перед сном положила себе под подушку и дождалась «гостей». Утром одного из малолетних насильников нашли мертвым – он лежал под кроватью, обернув голову в одеяло, как будто пытался спрятаться от кого-то. Другой нечленораздельно мычал, выкатывая глаза, и ворочался в простынях, пропитанных мочой и калом. Третий сумел убежать, выбив табуреткой окно, – Карина тогда еще не вполне овладела навыком посылать «гостей» к нужной цели и формулировать им задачу. Только потом, через несколько лет, «гости» перестали приходить к ней, когда им вздумается: она сама звала их и говорила, что нужно сделать.

С того дня к грязно-синему унылому фону добавился аспидно-черный – цвет жажды мести. Двое сумели уйти от возмездия, и это было неправильно. Если бы на протяжении последующих десяти лет кто-то вздумал спросить Карину о смысле жизни – и если бы она решила сказать правду, что вряд ли, – то ответом, вне всяких сомнений, была бы месть. Это желание, черное, как пустота, сидело в ней, будто обломок клинка, застрявшего в ране, или осколок от разорвавшейся бомбы: человек живет,

ходит, работает, говорит – но ни на секунду не забывает о том, что носит у самого сердца. Возможно, так бы прошла и вся жизнь, а может быть, что черное, острое, злое и вовсе исчезло бы, растворилось со временем, если бы не встреча с Валерией, которая привела ее в ведьминский ковен, хотя иногда Карина думала, что привела ее туда не эта женщина, ставшая лучшей подругой, а как раз жажда мщения – так магнитная стрелка всегда поворачивается в сторону полюса, указывая направление. Стремление к возмездию было удовлетворено, последний из пропавших, казалось, бесследно злодеев оказался в ее власти, привязанный ремнями к койке в психиатрической больнице, мучимый самыми жуткими, невыносимыми видениями и кошмарами, какие только могли предложить Карине «гости», – и если ради этого необходимо было получить метку в виде трезубца, смотреть, как перерезают горло младенцу, целовать в задницу Хозяйку Шабаша и мазаться вываренным из детского трупика жиром, то Карине тогда это не казалось слишком высокой ценой.

Ведь с достижением главной цели жизни сама она теряет смысл и ценность.

Последующие два года были цвета непроницаемой ночи, цвета смерти, которая порой наступает еще до того, как умерло тело. А потом вдруг все изменилось: зловещий и неуловимый Инквизитор, одну за одной неумолимо истребляющий сестер ковена, пожар и взрыв в подвале Виллы Боргезе, гибель Валерии, спасение от неминуемой смерти – и вот она уже сидит, прижимая сумку к груди, в купе выбранного наугад поезда дальнего следования, отправляющегося куда-то на край земли, в город на берегах холодного северного моря. Карина тогда не успела еще осознать свое возвращение к жизни, как часто бывает, когда очнешься от долгого тяжелого сна, она едва открыла глаза – и первым, кого она увидела перед собой, был Аркадий.

Какими цветами раскрасить свою жизнь последних нескольких месяцев, Карина затруднялась представить: их было так много, они так тесно переплетались друг с другом, что выделить какой-то один казалось решительно невозможно. Ясно только, что все они были живыми, теплыми, яркими: так случается, когда сходит снежный покров и земля расцветает весенними красками – только что все было монотонно белесым и серым, а потом в одночасье становится зеленым и красным, и желтым, оранжевым, фиолетовым, розовым, голубым, сиреневым и бог знает каким еще. Это радовало и немного пугало одновременно, так же, как и ее чувство к Аркадию: нежность и опасение, притяжение и настороженность, доверие – и понимание того, что он что-то скрывает, совсем как тот самый еловый

бор в яркий полдень.

Карина говорила себе, что никаких особенно страшных и порочных тайн у А. Л. быть не может. Да, странно, что университетский преподаватель меняет жизнь и карьеру в Санкт-Петербурге на прозябание в Северосумске, но поводы к тому могли быть вполне понятные: тяжелый развод с женой, неприятности на работе, плохие долги – но ведь это дело житейское. Хуже было с другими секретами, которые появились в последние дни и были связаны с событиями в Северосумске, их общим чувством приближения зла и попытками разобраться в происходящем: недомолвки, странные поездки в Михайловск, туманные отговорки в ответ на прямые вопросы – причины этого Карина понять не могла. Она только гнала, как умела, неприятное чувство растущего недоверия, которое мешало сделать последний шаг навстречу друг другу, но также и понимала, что шаг этот необходим и совершить его надо как можно скорее, потому что к весеннему разноцветью снова стала примешиваться черная пустота и противостоять ей можно было лишь вместе.

За четыре дня этой недели Карина отработала четыре полные смены. Отчасти это было вызвано тем, что она и сама охотно выходила вне графика – лишних денег у них с А. Л. не водилось, а за переработки платили по двойному тарифу; отчасти тем, что последствия жуткой стрельбы коснулись и их интерната: у одной из медсестер погиб в «Селедке» племянник, и она была вынуждена меняться сменами, чтобы поддерживать родную сестру, совсем потерявшуюся от горя. Как и во всем городе, в интернате наступил странный, цепенящий покой; смены были тихими, сонными, размеренный распорядок не нарушался внезапными происшествиями, критическими ухудшениями состояния пациентов или пусть и вполне ожидаемой, но всегда горькой смертью. Между отбоем и временем, когда ночь останавливает время и мир замирает, Карина подолгу беседовала с Леокадией Адольфовной. Старушка ложилась спать поздно, а поднималась чуть свет: некоторые старики стараются прожить сознательно каждый час из немногих оставшихся дней и экономят на сне, понимая, что скоро уснут навсегда.

Карина думала, что их ночные беседы цвета ветхих страниц и потертых кожаных переплетов старых книг из забытой библиотеки. Все слова в них, когда-то значительные и глубокомысленные, давно перестали быть важными; чувства выцвели; знания обесценились; все, что составляло когда-то суть и смысл человеческой жизни, придавало ей силы и красоты, сегодня стало не более чем бумажной пылью – и вот уже наследник, обнаружив собрание древних бумажных сокровищ в квартире почившего

прадеда, продает их скопом и по дешевке, сетуя, что вырученных денег не хватит на новый смартфон.

– Знаешь, моя милая девочка, ведь я прожила в этом городе всю свою жизнь, – говорила Леокадия Адольфовна, глядя в окно на редкие огни заводов и доков. – Мой отец был из тех Успенских, которые его основали. Помню, как мы с мамой шли по улицам, а все встречные снимали шапки и кланялись! Я видела, как ставили первые, еще деревянные, дома, настилали вдоль улиц узкие тротуары в две-три доски, а пристани были еще из толстых сосновых бревен, и рыбаки ходили в море на веслах и под парусами.

Карина вспоминала про другие рассказы старушки и про поход в местный краеведческий музей, где ни о каких Успенских вовсе не упоминалось, снова прикидывала, сколько той может быть лет, но не перебивала, только прислушивалась через открытую дверь к тишине коридора на случай, если кому-то понадобится за чем-то прийти среди ночи на пост медсестры или заголотит, застонет кто-нибудь из пациентов. Но было тихо; даже крысы, устраивавшие порой шумную возню в старых стенах, не издавали ни звука.

– Ах, какой это был прекрасный город! – И на глазах пожилой приятельницы Карины наворачивались слезы. – Какие сильные люди тут жили! Знаешь, моя девочка, нужно быть очень сильным и смелым человеком, чтобы жить у моря на самом краю земли, а еще надо обязательно быть очень добрым, потому что иначе можно легко оступить. Один неправильный шаг – и вот ты уже не на краю, а за краем, откуда если и возвращается кто, то очень редко... Вот как ты, например.

И посмотрела на Карину удивительно острым взглядом прищуренных глаз. Та вздрогнула и заерзала на табурете, а Леокадия Адольфовна как ни в чем не бывало снова повернулась к окну и, покачивая седыми кудряшками, добавила:

– А еще иногда из-за края может что-то прийти, но только если его позовут. Раньше такое редко случалось, а сейчас постоянно.

На следующую ночь, когда Леокадия Адольфовна рассказывала что-то о бале по случаю коронации последнего русского государя, Карина решила поговорить с ней о яме. Начала она осторожно:

– Леокадия Адольфовна, вы сказали, что этот город был раньше лучше. Что-то ведь изменилось в нем, да? В последнее время все стало хуже?

– Хуже стало уже давно, и не только здесь, – печально сказала старушка. – Весь мир стал другим, потому что в нем почти не осталось

любви. Знаешь, что такое любовь?

И, когда Карина промолчала, сама ответила:

– Когда в жизни у человека есть что-то более важное, чем он сам, – это и есть любовь. А любви не осталось, потому что не стало того, что можно любить. Все какое-то ненастоящее, как в спектакле, где у актеров фальшивые чувства, чужие мысли, а вместо крови, фруктов, вина – крашенный реквизит.

Зашуршали и тут же смолкли в пустотах за стенками крысы. Через тонкие перекрытия с первого этажа донесся протяжный стон и тут же затопали шаги дежурной сестры. Карина снова спросила:

– Помните, вы говорили про волка, лиса, филина и медведя? Которых мне нужно остерегаться?

– А, эти. – Леокадия Адольфовна махнула рукой и посмотрела в окно, куда-то во тьму. – Маленькие зверята заигрались в опасные игры... Глупые, бедные дети...

– А где они играют? В яме?

Леокадия Адольфовна пожала плечами.

– Ну да, в земле. Но это неважно. Могли бы этим заняться и где придется: в заброшенном доме, там, где раньше стоял рыбацкий поселок, в подвале, на чердаке, да хоть и у себя в детской комнате. Плохо то, что они призвали Ее из-за края, случайно, наверное, а этого нельзя было делать, ни в коем случае нельзя. Думали, что могут с Ней справиться, что будут кормить Ее понарошку, а Она – выполнять их желания. А теперь уже поздно, теперь им с Нею не совладать. Да я говорила уже тебе об этом однажды.

– Кого призвали, Леокадия Адольфовна?

– То, что стоит у двери и ждет. То, что всегда голодно и никогда не насытится. То, что откликается на любой зов, приходит и остается, пока не вывернет всю жизнь наизнанку. Оно входит дверями страстей и действует через порок и изъяны. Оно там, где двое или трое подкармливают ее своими душами, а значит – везде...

«Почему с такой готовностью откликается на зов только зло? Почему ничего доброго и светлого не дозовешься на помощь, даже когда она так нужна?» – подумала Карина, и, к ее огромному удивлению, Леокадия Адольфовна ответила:

– Не думай, что то, что называют добром, глухо к человеческому зову. На самом деле оно откликается каждый миг, всегда старается быть рядом с нами: когда мы просыпаемся утром, когда благополучно приходим домой после трудного дня, когда счастливо избегаем бед – и тех немногих, о

которых знаем, и неисчислимых, других, о которых нам неизвестно, но которые могли бы случиться... Просто люди куда чаще зовут Ее, чем Его, вот Она и приходит – ничего не поделаешь...

Леокадия Адольфовна озабоченно покачала головой и погрозила пальцем во тьму.

– Ходит там, ждет, ищет... Будь внимательна, моя милая девочка, не открывай Ей дверей, не впускай... Сама не заметишь, как Она и тебя начнет есть. Тем более что ты Ей знакома.

Леокадия Адольфовна повернулась к Карине, медленно протянула руку и чуть коснулась пальцем ее бедра.

Карине стало холодно и неуютно, как будто кто-то уставился ей между лопаток тяжелым, немигающим взглядом, плечи невольно передернулись, и по всему телу пробежали такие мурашки, что даже соски напряглись под плотной тканью бюстгалтера.

– Ее можно отправить обратно? Можно справиться? Что нужно делать?

Но взор Леокадии Адольфовны потускнел, голубые глаза подернулись той пеленой, которой, как полупрозрачной шторой, прикрывает взгляд уставший рассудок, и она принялась рассказывать что-то о террариуме, который видела в Петербурге, о крокодилах, которые не знают привязанности и от голода могут съесть своего хозяина, потом почему-то о сказке про Емелю и щуку, а позже и вовсе задремала, неразборчиво бормоча и склоняясь головою на грудь. Карина помогла ей раздеться, бережно уложила в постель, погасила свет и вышла.

В четверг, под конец смены, уже утром, Карина по обыкновению зашла к Леокадии Адольфовне попрощаться. Та сидела на краешке кровати, бодрая, свежая, освещенная блеклым утренним солнцем.

– Подожди-ка, не убегай, присядь. Я тебе что-то скажу.

После всех полуночных разговоров, пугающих и тревожных, этим утром старушка казалась удивительно благостной и словно омытой солнечным светом. Она взяла Карину за руку и неожиданно спросила:

– Ты замужем?

Карина смутилась.

– Нет... то есть у меня есть мужчина... но мы не муж и жена...

– Ты его любишь? – продолжала допытываться Леокадия Адольфовна.

– Да. – Этот ответ прозвучал твердо.

– Так за чем же дело стало?

– Я не знаю, – ответила Карина и удивилась.

И в самом деле, за чем? Ведь речь шла не о каких-то формальностях, а

именно о том последнем, решающем шаге, который она давно должна была, но не решалась сделать. Почему-то сейчас Карине все показалось очень простым, понятным, естественным, как будто она не получила ответ на вопрос, а сам вопрос пропал, растворившись в легкой дымке раннего утра.

Леокадия Адольфовна снова улыбнулась и похлопала ее по руке. Повинуясь радостному чувству, Карина поцеловала старушку в мягкую щеку, обняла порывисто, но осторожно и выскочила из комнаты.

Она так много рассуждала о взаимном доверии – но кому доверяют обычно? Самым близким: родителям, братьям и сестрам, а еще мужу или жене. Как могла она сама сомневаться, переживать, что А. Л. недоговаривает или скрывает что-то, если не давала ему повода воспринимать себя не как подопечную, приемную дочь, ученицу, а как жену? Да, они оба испытывали взаимное притяжение, нежность, духовную близость, которая особенно ярко проявилась в дни последних событий, но нужно было еще и другое: то, что проявлялось таким напряженным томлением – до дрожи, до раздражения, что пугало, манило, о чем не хотелось думать и к чему то и дело возвращались их мысли.

Одним словом, перестать переживать и трепаться и заняться уже наконец сексом. Потрахаться, ясно? И уж коль скоро она, видимо, первая решилась на этот столь простой и такой сложный шаг, инициативу следовало взять в свои руки.

Конечно же, она волновалась. Требовалась серьезная подготовка. Когда твой сексуальный опыт ограничен насилием в далеком детстве и торопливыми лесбийскими утехами на сборищах ковена, поневоле занервничаешь. С технической стороны дела Карину ничего не волновало – она прекрасно представляла себе физиологию мужчины и женщины. А вот эстетический аспект вызывал много вопросов.

Дома Карина разделась, приняла душ и встала перед узким, мутным, треснувшим зеркалом в дверце платяного шкафа. Еще никогда она не смотрела на себя, оценивая собственную привлекательность, и теперь разглядывала придирчиво, тщательно, переступая босыми ногами по скрипучим половицам старого паркетного пола и поворачиваясь то боком, то попой к выдавшему и не такие виды зеркальному стеклу. С той стороны на нее смотрела, чуть сдвинув брови, серьезная молодая женщина, невысокая, с острым, прямым носом, большими темными глазами, длинными черными волосами, маленькой аккуратной грудью и широкими бедрами. Карина провела ладонями по белой коже, чуть стискивая, сжимая, приподнимая: да, наверное, попа могла бы быть и поменьше, грудь

повыше, небольшой мягкий животик и вовсе неплохо было бы убрать, но в целом осмотром она осталась удовлетворена: никаких лишних складок на талии, никакой «апельсиновой корки» на ягодицах, на руках не болтаются тряпками безвольные мышцы, ноги сильные и упругие. В конце концов, А. Л. первым обратил на нее внимание в поезде, первый заговорил, не оставил одну на вокзале, живет с ней полгода, и Карина, разумеется, чувствовала, как напрягалось его тело и какими горячими становились ладони, когда он обнимал ее перед сном. Значит, в общем и целом его все устраивает.

Но подготовиться все-таки следует. В первый раз за свои двадцать шесть лет Карина собиралась заняться сексом с любимым мужчиной, и это должно было стать настоящим событием, праздником для них обоих.

Несмотря на бессонную ночь на дежурстве, спать не хотелось. Карина попробовала было прилечь, но в голове носилось такое количество мыслей, переживаний и планов, что через полчаса она собралась, оделась и поехала в центр города.

Салон красоты на Рогатке назывался «Марина» – по обыкновению подобных ему заведений, именуемых «Иринами», «Светланами» и иногда, для разнообразия, «Жасмин». Две большие, светящиеся неонами вывески – горизонтальная над входом и вертикальная на углу дома – свидетельствовали то ли о большой любви, то ли об умении выбивать хорошие условия при разводе. Три витринных окна пестрели объявлениями, напечатанными на розовой и желтой бумаге. Многие из написанного было понятно лишь посвященным: «Биоламинирование + стрижка + укладка», «Кератиновое выпрямление Brazilian Blowout», «Перманентный прикорневой объем Boost Up» и многое другое. Расположение в самом центре города обязывало «Марину» быть в тренде.

Карина решила, что пришла в нужное место. Она стянула с головы платок, блестящий бисером дождевых капель и подтаявшего снега, нахмурилась по привычке, как всегда делала, когда ей предстояло что-то серьезное, и решительно толкнула дверь.

Прозвенел колокольчик. Сидящая за короткой стойкой справа от входа молоденькая девушка с белыми, идеально прямыми волосами, пугающей длины ресницами и в леопардовом платье бросила взгляд на Карину, на секунду замешкалась, но все-таки встала, улыбнулась и произнесла:

– Здравствуйте! Чем я могу вам помочь?

– Добрый день! – вежливо поздоровалась Карина и огляделась. Большой светлый зал салона был пуст. Негромко играло радио. Из-за приоткрытой двери в дальней стене доносились приглушенные голоса.

– Я хотела бы записаться на несколько процедур... на самом деле мне нужно сделать довольно много.

– Я вас слушаю, – отозвалась девушка и извлекла из-под стойки объемный журнал.

– Стрижка, укладка, маникюр, педикюр...

– Стрижка с окраской?

– Нет. Нет, спасибо. Мне вообще-то только концы подровнять.

– Маникюр с шеллаком?

– Нет, простой.

Блондинка кивала кукольной головкой и прилежно записывала.

– Хорошо, что-то еще?

– Да, еще... эпиляция.

– Какой зоны?

Карина слегка покраснела.

– Я не уверена, как сказать правильно...

– Зоны бикини? – участливо помогла девушка.

– Да, – с облегчением сказала Карина. – Вот именно там.

Блондинка улыбнулась, махнула пальчиками с длинными разноцветными ногтями, усыпанными стразами, и предложила:

– Пожалуйста, раздевайтесь и присаживайтесь. Я позову мастера.

Карине со времен учебы в медицинском колледже не приходилось так много говорить, еще больше слушать и так часто теряться в ответах на задаваемые вопросы – и вовсе никогда не доводилось получать такое количество комплиментов, как в этот день в салоне «Марина».

– Какие у вас шикарные волосы, такие густые! Может быть, пострижем чуть короче, до плеч? Не хотите сделать цвет понасыщеннее? Или добавить оттенок? А можно колорирование сделать, легкое, не желаете? Вам очень пойдет!

– У вас такие изящные руки! А какая красивая форма ногтевого ложа, это такая редкость! Какие цвета выберем? Вот, можем что-то светлое и темное, например, на этот пальчик и на эти, маникюр «Фэн-шуй» называется. Нет? А оригинальный дизайн?

На эпиляции, к счастью, обошлось без комплиментов, зато вопросы вгоняли в краску. Карина не отличалась стеснительностью, жизнь не оставила ей шансов приобрести это качество, но попробуй ответь на что-то вроде:

– Будем делать глубокое бикини или по линии трусиков? Волос у вас довольно густой, если хотите оставить растительность, то можно рисуночек выстричь: стрелочку, например, или бабочку. А еще у нас значок

«Мерседес» часто делают или playboy. Нет?

– Мне просто аккуратно сделать, – неуверенно сообщила Карина. – И так, чтобы... ну, не торчало, в общем.

– Ложитесь «лягушечкой»... Я так понимаю, вы в первый раз? Будет больно.

– Ничего, я не боюсь боли, – сказала Карина, хотя все же поморщилась, когда пропитанная горячим воском ткань с треском вырвала волосы на самых нежных местах.

Напоследок она, снова немного смущаясь, попросила помочь с макияжем – что-то не очень яркое, так, просто немного подчеркнуть глаза и губы, еще зачем-то позволила уговорить себя на покупку пары упаковок средства по уходу за волосами, набрала полные руки пробников в миниатюрных коробочках и флакончиках и целую пачку рекламных листовок и купонов на скидку при следующем посещении. Провожали Карину всем салоном. Беловолосая девушка в леопардовом платье улыбалась и приглашала зайти еще.

Карина вернулась домой, когда с меркнувшего неба на город уже опускались сумерки; в голове был веселый сумбур, в паху жгло, в теле разливалась усталость, как будто она не просидела весь день в удобных креслах, а отработала непростую смену в больнице, но при этом странным образом хотелось идти пританцовывая. Что-то напевая под нос, Карина ворвалась в квартиру, бросила на пол сумку с торчащими из нее рекламными буклетами, быстро разделась, кружа по комнате, и снова встала во весь рост перед зеркалом.

Дело стоило потраченных денег и времени. Волосы ниспадали пышными волнами, сияя оттенками темного дерева. Подведенные глаза удлиннились, как у египетской кошки, и сверкали из-под густых длинных ресниц. Красный лак блестел на кончиках пальцев рук и на стопах, как капли пурпурной крови. Губы стали пухлее и изгибались в хищной, манящей улыбке. Внизу живота чернел идеально ровный, небольшой треугольник – Карина провела по нему подушечками пальцев, ощущая приятную колкость, и почувствовала, что сама возбуждается от этого прикосновения. Впечатление портил только назойливый темный трезубец на внутренней стороне бедра, но Карина нашла в аптечке пластырь телесного цвета и решительно залепила отметину крест-накрест. Еще раз осмотрела себя с головы до ног, крутанулась, подпрыгнула и захлопала в ладоши.

Настроение было цвета шампанского и спелой малины.

Звонок А. Л., который предупредил о том, что вернется домой только

завтра, ничего не испортил, а только еще больше обрадовал: отлично, значит, у нее есть еще сутки, чтобы сделать их завтрашний вечер по-настоящему праздничным – требовалось еще поработать над некоторыми немаловажными деталями.

От предвкушения Карине хотелось жмуриться и мурлыкать, как кошке.

Выходной в пятницу был очень кстати. Для начала Карина отправилась в «В двух шагах» и вернулась оттуда с двумя большими увесистыми пакетами: овощи, специи, фрукты, мороженое, а главное – большая маринованная свиная лопатка и бутылка вина, самого дорогого, которое нашлось на полках. Разгрузила покупки, едва уместив все в старенький холодильник, и снова вышла из дома – на этот раз в «Корабел», на вещевой рынок. К ее новому образу требовалось достойное обрамление.

Вывеска одной из торговых секций сообщала: «СОБЛАЗН». Магазин элитного белья». На стеклянной двери были прилеплены рукописные объявления: «Скидки до 50 %» и «Распродажа прошлогодней коллекции – все по 100 рублей». С учетом того, сколько уже было потрачено в «Марине» и супермаркете, предложение выглядело очень заманчивым, можно сказать, соблазнительным.

Магазинчик был тесным, сплошь уставленным вешалками с таким количеством разноцветного кружева, что запестрило в глазах.

– Пожалуйста, скидочки у нас сегодня, на комплектики, на бюстье, на пеньюарчики, выбирайте, спрашивайте, – заговорила полная пожилая продавщица с волосами цвета лежалой соломы.

Карина набрала охапку вещей на тоненьких пластиковых вешалках и спряталась в примерочной – тесном закутке, прикрытом желтенькой занавеской. В итоге она решила остановиться на ярко-красных узких кружевных трусиках, таком же бюстгальтере – в цвет алого лака, и черном, полупрозрачном то ли халатике, то ли ночной рубашке – под цвет волос.

– Чулочки не желаете? Они тоже идут со скидочкой.

Карина взяла и чулочки.

На этот раз, возвращаясь, она заглянула в почтовый ящик. Кроме обычной бесплатной газеты и пары рекламных листовок там еще оказался конверт: большой, белый, плотный, свернутый пополам, который сразу распрямился в руках, когда Карина вытащила его из ящика. Странно: клапан плотно заклеен, ни адреса, ни имени не подписано. Карина повертела конверт в руках и оставила его на полочке в коридоре – посмотрит потом, сейчас не до этого.

В квартире было тепло и витали ароматы семейного счастья: обновок, косметики и маринада со специями. Вечерний автобус из Михайловска в

Северосумск отъезжал в семь часов вечера; с учетом неспешной езды, остановок и дороги от автовокзала до Слободки прибытие А. Л. ожидалось никак не раньше девяти, но уже в половине седьмого все было готово: мясо ждало отправки в духовку, стол накрыт относительно белой чистой скатертью, найденной среди хозяйских пожитков, посуда расставлена, приборы разложены, бутылка вина почетным гостем возвышалась над парой тонких стеклянных стаканов, притворяющихся бокалами. В отчищенном от зеленых пятен медном подсвечнике торчала толстая белая свеча. Карина накрасилась, расчесалась и переделалась: красное кружевное белье кололось и неприятно саднило все еще чуть воспаленную после эпиляции кожу, черная полупрозрачная ткань пеньюара липла к попе. Она немного походила по квартире, стараясь привыкнуть к неудобству и дискомфорту, подумала, что неплохо подошли бы к ее наряду туфли на шпильках, за неимением оных попробовала надеть сапоги, посмотрела в зеркало, тут же сняла и решила, что останется босиком. Так даже лучше.

В начале восьмого зазвонил телефон.

– Я в автобусе, только что выехал, – раздался голос А. Л.

– Отлично! – обрадовалась Карина, искоса глянула в зеркало и улыбнулась своему отражению. – Как все прошло, удачно?

– Более чем! Есть очень интересные новости, приеду – обязательно все расскажу!

Карина снова заулыбалась. Стоило только пойти в верном направлении – и вот, уже результат. Слово «новости» вызвало какие-то быстрые ассоциации, и Карина вспомнила про конверт:

– Кстати, ты никакого письма не ждешь? Я в почтовом ящике нашла конверт, очень странный, без подписи. Подумала: может, тебе?

– Нет, вроде бы мне никаких писем не должно приходиться, – ответил А. Л. – Посмотри, если хочешь: наверняка реклама какая-то.

– Ладно, – сказала Карина. – Приезжай скорее. Я тебя очень жду.

Она прикрыла глаза и слегка поцеловала телефонную трубку.

– Ну, тут все зависит от водителя, – заметил А. Л. – А он, судя по виду, к спешке не склонен.

– Так поторопи его, – и добавила, не удержавшись: – Тебя дома ожидает сюрприз.

– Да? Какой?

– Не скажу.

Она засмеялась и положила трубку. Времени до приезда А. Л. оставалось достаточно. Карина поставила мясо запекаться, прошла в коридор, взяла притаившийся на полке конверт, повертела его в руках,

вернулась в комнату и открыла.

Глава 14

К кампании по уничтожению наглого историка Крупская приступила во вторник. В понедельник она была для этого слишком зла и пьяна: выпустив часть горького яда на подвернувшуюся под руку плаксу Лапкович, Светлана Николаевна вернулась в кабинет, посидела немного, переводя дух и допивая коньяк, потом добралась до своей одинокой, пустой квартиры в Заселье и легла спать. Для ведения боевых действия нужна свежая голова.

Зато на следующий день она с самого утра занялась Аркадием Леонидовичем вплотную. Сначала Крупская хотела пустить слух о том, что он гей. А подружка его – трансвестит. Черт побери, это было очень похоже на правду: кто еще, кроме типа с сомнительной сексуальной ориентацией, мог отвергнуть такую женщину, как она? Но потом решила, что это как-то дешево, да и не адекватно нанесенному ей оскорблению. Тут требовалось полное, совершенное и окончательное уничтожение, поэтому, согласно законам военной стратегии, Крупская села за компьютер и начала со сбора разведывательной информации. Давно пора было всерьез задаться вопросом, от которого она, как очарованная малолетняя дура – конечно, такой мужик, из Питера, кандидат, ученый, башка бритая! – отмахнулась и которому не придавала значения. Что человек с таким послужным списком забыл в средней школе города Северосумска?

Тщательное изучение информации из открытых источников заняло у Крупской весь вечер и часть ночи вторника, но принесло только разочарование. Все было настолько четко и гладко, что даже не верилось. Наличие ученой степени – пожалуйста: ссылки на диссертацию, данные о дате защиты, составе комиссии, оппонентах и даже фрагмент рукописи, причем все это подтверждалось информацией с нескольких ресурсов. Опыт работы в университете – и тут без сучка без задоринки: в списках действующего преподавательского состава никакого Аркадия Леонидовича Майзеля уже не было, но Крупская открыла архив записей за прошлый год, и вот он, собственной персоной, поблескивает черепом с фотографии, под которой значится: «А. Л. Майзель, преподаватель кафедры истории Средних веков, доцент, к.и.н.». Светлана Николаевна не сдавалась: зашла в социальную сеть и принялась рыться там. Нашла несколько университетских групп и, хоть интересующей ее информации было мало, нашла-таки в разделе «Наши преподаватели» один похвальный отзыв об

Аркадии Леонидовиче, написанный какой-то студенткой. Правда, датирован он был апрелем этого года, то есть в то время, когда историк уже почти распрощался со своим прежним местом работы, но все же служил подтверждением – работал, преподавал, вот, даже удостоился восторгов и благодарностей.

Под конец Крупская просто забила его фамилию, имя и отчество в строку поискового сайта и принялась методически просматривать все страницы: ни скандалов, ни домогательств к студенткам или студентам, ни служебных расследований, ни обвинений во взятках – ничего. Она проверила даже сайт Федеральной службы судебных приставов, но и там Аркадий Леонидович не значился среди должников или злостных алиментщиков. В довершение всего, словно в издевку, предупредительный до бестактности поисковик начал выдавать ей объявления контекстной рекламы с предложениями приобрести книгу: «А. Л. Майзель. Идеологические и политические противоречия восьмого крестового похода», купить за 348 рублей».

– Писатель, мать твою, – прошипела Крупская и, злобно щелкая мышкой, захлопнула все страницы.

Видимо, придется все-таки ограничиться слухами о гомосексуализме. Это мелко, но все же лучше, чем ничего. Впрочем, Светлана Николаевна не была бы самой собой, если бы легко мирилась с поражениями. В среду она нашла свободное время и притащила к себе в кабинет одиннадцатиклассника Сева. Парень он был, по мнению Крупской, никчемный, но зато превосходно разбирался в компьютерах и Интернете. Она усадила его перед собой и строго сказала:

– Сева, у меня к тебе серьезный вопрос.

Тот с тоской посмотрел в сторону, сжавшись в кресле так, что стал похож на мешок из бесформенного свитера и широких штанов, под которыми угадывались хилые мощи, и сообщил:

– Светлана Николаевна, это не я...

Этот ответ Крупская взяла на заметку, но сейчас было не время для развития посторонних тем, и она продолжала:

– Предположим, тебе нужно найти в Интернете информацию о человеке. Я бы сказала, неформальную информацию. Что бы ты сделал?

– Ну, погуглил бы...

– Усложняю задачу: поисковые сайты и социальная сеть ничего не дали. Что еще можно сделать?

Сева оживился немного, подумал и поинтересовался:

– А что у вас есть про этого человека?

– Все есть: паспортные данные, номер диплома, информация по ученой степени, адрес, телефон, место работы.

– Так что вам тогда нужно? – удивился парень.

– Сева, я тебе сказала уже: мне нужны неформальные сведения, – раздельно повторила Крупская.

– А, компромат!

– Молодец, умный мальчик.

Сева подумал и спросил:

– А фотография есть?

– Есть.

– Ну, тогда можно попробовать по изображению поискать, – сказал Сева.

– Это как? Нормально только скажи мне, без компьютерной зауми.

Сева приосанился, встал и предложил:

– Давайте я покажу.

Не то чтобы поиск по фотографии внушал большие надежды, но Крупская решила, что стоит попробовать. Она отправилась в канцелярию, взяла личное дело Аркадия Леонидовича, в котором была фотография, сделанная ею же самой полгода назад, с пятой попытки кое-как отсканировала, вернулась к себе в кабинет и ввела имя файла в поисковую строку.

От результата у нее даже под мышками похолодело, а волосы на затылке будто стянуло тугой резинкой. Крупская откинулась в кресле и уставилась на экран монитора.

Среди нескольких рядов разноцветных прямоугольников попадались и уже виденные Крупской фотографии с сайта университета, но первой была другая – сканированная копия полицейской листовки, с которой в упор смотрело лицо Аркадия Леонидовича. Сопроводительный текст гласил:

«За совершение серии особо тяжких преступлений на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области разыскивается КАЛЬ АРКАДИЙ РОМАНОВИЧ, 19... года рождения. Рост 180 см., плотного телосложения. Особые приметы: голова побрита наголо, может прихрамывать на правую ногу. Преступник вооружен, при задержании возможно оказание сопротивления. Всем, кто располагает сведениями о местонахождении Каль А. Р., просьба обращаться...» – и дальше шли номера телефонов.

Гулкие удары сердца отдавались эхом в ушах. Крупская пробежала глазами ряды фотографий и стала нажимать их одну за другой, переходя по

ссылкам на статьи петербургского информационного портала «Геникеевка.ру». Читала и не верила своим глазам:

«Инквизитор: кровавые хроники. Как ловили и не поймали самого жестокого серийного убийцу в истории города».

«Ранним утром 12 апреля, в воскресенье, сотрудниками полиции УВД по Ленинградской области в лесу, примерно в трех километрах от поселка «Дружба», было обнаружено тело женщины. По информации от источника в полиции области, труп сильно обгорел. Причина смерти в данный момент устанавливается, однако по предварительной информации гибель потерпевшей связана с действиями насильственного характера, имевшими место незадолго до трагедии...»

«В одном из дачных поселков Ленинградской области обнаружен труп женщины. На теле – следы изуверских пыток: раздроблены кости стоп, колени, изуродовано лицо. Кроме того, неизвестный преступник облил свою жертву бензином и сжег, как потом установят эксперты – заживо...»

«Еще один труп в пустом дачном поселке. Молодая женщина, модельер. Мать-одиночка. Картина та же: тело чудовищно изуродовано то ли молотком, то ли ломом. Перебиты кости. На этот раз убийца почему-то решил задушить жертву перед тем, как облить бензином и сжечь...»

«Пока рано делать выводы, но лично я убежден, что мы имеем дело не с обычным преступником. Возможно, это человек, прошедший специальную подготовку в силовых структурах. Он хорошо знаком с методами ведения оперативно-розыскных мероприятий, владеет навыками применения маскировки и изменения внешности, прекрасно ориентируется на местности, компетентен в стратегии и тактике разработки определенных операций...»

«При попытке задержания преступник оказал вооруженное сопротивление и предпринял попытку уйти от преследования сотрудников полиции...»

Все публикации ссылались одна на другую, и в последних уже появился портрет – тот самый, который смотрел с полицейской листовки, и

как две капли воды похожий на фотографию из личного дела школьного учителя истории Аркадия Леонидовича Майзеля. Последняя статья сообщала:

«По информации, которая оказалась в распоряжении «Геникеевки», Аркадий Каль, преподаватель Санкт-Петербургского университета, подозреваемый в совершении ряда резонансных убийств и получивший у оперативников уголовного розыска прозвище «Инквизитор», погиб при пожаре в заброшенном доме на Каменноостровском проспекте. Об этом происшествии «Геникеевка» сообщила 1 мая. Согласно выводам экспертизы, проводившей исследование неопознанного трупа мужчины, сильно пострадавшего от воздействия огня и обрушения конструкций здания, погибшим является именно А. Р. Каль. Дальнейшие следственные действия по делу «Инквизитора» прекращены в связи со смертью подозреваемого».

Это было так чудовищно, что не хотелось верить. Крупская рассчитывала найти что-то гадкое, из разряда сексуальных скандалов с участием несовершеннолетних, домашнего насилия, мошенничества, на худой конец – но то, что она читала сейчас, пугало по-настоящему. Крупская вспомнила вечер понедельника, полумрак в кабинете, она наедине с неподвижно сидящим историком, снова бросила взгляд на открытые страницы статей – и похолодела. *«Раздроблены кости стоп, колени... изуродовано лицо... облил бензином и сжег...»* Потом взглянула на это с другой стороны, усмехнулась и пробормотала:

– Да, Света, даже маньяк тебя не хочет. Дожилась, мать...

Первой мыслью, естественно, стало обращение в полицию. Желательно во время уроков, чтобы этого Майзеля-Каля вывели прямо с занятий в наручниках, на глазах у учеников. Месть высшего класса, это тебе не слухи про педерастические наклонности. Но чем больше Крупская об этом думала, тем больше склонялась к тому, что в полицию обращаться не нужно. Во-первых, ей тоже придется давать показания, в том числе объясняя, каким образом маньяк-убийца оказался допущен к работе с детьми – и это в образцово-показательной «единице»! – и как она, Светлана Николаевна Крупская, ухитрилась сделать подобную кадровую ошибку, не догадавшись проверить более тщательно личность питерского ученого, пожаловавшего на учительство в Северосумск. Да взять даже его фамилию: ну какой из него Майзель! Не похож нисколько, уж это Светлана Николаевна, с присутшим ей бытовым антисемитизмом, должна была

заметить сразу, если бы не вела себя, как влюбленная идиотка! Громкий скандал, разбирательство, тонны грязи брызгами летят в разные стороны, покрывая и ее, и вверенную ей школу.

Во-вторых, кто-то ведь сделал так, что Инквизитора сочли мертвым, а потом еще и снабдил новыми документами, и не просто сварганил липовый паспорт, а снабдил целой историей, которая выдерживала любую проверку: данные о работе, диссертации, публикациях, даже книга имелась в продаже! За всем этим чувствовалась неприятная и пугающая мощь. Кто знает, может ведь случиться и так, что полиция вначале арестует историка, а потом вдруг отпустит: скажут, вышла ошибка, обознались, простите. А он ночью наведается к Крупской с молотком и канистрой бензина.

Нет уж, спасибо.

Но и оставлять все как есть было нельзя. Светлана Николаевна думала об этом всю ночь и весь день четверга, пока вечером ей не позвонил Аркадий Леонидович собственной персоной.

– Света, это я. У меня возникли непредвиденные обстоятельства, и я, к огромному сожалению, не смогу выйти завтра на работу. Получится заменить меня кем-нибудь?

Крупская задержала дыхание, чтобы унять нервную дрожь, и ответила как можно суше:

– Ну а что мне еще остается делать. Ты же меня перед фактом поставил. Попробую. Хотя ты знаешь, какая у нас ситуация.

Он что-то промямлил в ответ, но Крупская уже положила трубку. У нее появилась идея, причем совершенно блестящая. Даже жаром обдало. Но следовало поторопиться.

Утром в пятницу Светлана Николаевна распечатала на принтере все, что нашла днем ранее: полицейскую ориентировку, статьи – и аккуратно сложила все в большой белый конверт. Запечатала, но подписывать не стала. Она не будет сама обращаться в полицию, нет – за нее все сделает эта девица, Карина, кажется, которая живет с Инквизитором. Вот будет ей сюрприз. Впрочем, существовала возможность, что его сожительница является к тому же и сообщницей, но Крупская считала это маловероятным. Скорее всего, он просто подцепил эту дуру где-нибудь по дороге из Петербурга, чтобы удобнее было скрываться: Светлана Николаевна читала или видела в каком-то фильме, что преступники-одиночки часто находят себе пару, чтобы вызывать меньше подозрений. План сочетал решительность гарантированного устранения и привлекательный моральный аспект: пусть его драгоценная Карина сама сдаст его полицейским, пусть он получит смертельный удар от той, ради

которой вздумал разыгрывать целомудрие и неприступность; да и самой Карине, хоть и косвенно, но виновной в том, что Аркадий Леонидович оскорбил Крупскую своей холодностью, не лишним будет немножко отравить жизнь горькой правдой. Момент идеальный: историк сейчас в отъезде, и нужно только успеть положить конверт в почтовый ящик, а дальше все сделает женское любопытство. Крупская не могла себе представить женщину, которая, увидев запечатанное письмо без указания адресата, не вскрыет его сразу же, а будет ждать мужа. Только бы она была дома, а не на дежурстве в своей больничке для выживших из ума стариков.

Файлы со своего компьютера Крупская удалила еще вечером: наверняка начнутся расспросы, проверки, и не нужно, чтобы стало известно, что это именно она подкинула роковое письмо. Заодно, как могла, стерла и всю историю поиска. Едва дождавшись окончания последнего урока, Светлана Николаевна положила конверт в сумочку, заматалась поплотнее платком и двинулась в путь. Адрес она, разумеется, знала – он был указан в личном деле. Кодовый замок на деревянной двери подъезда был давно выбит, и Крупская крадучись вошла в удушливый полумрак, пропитанный гнилым паром, сочащимся из подвала. Вот и почтовые ящики на стене. Светлана Николаевна нашла нужный и принялась засовывать пухлый конверт в узкую щель.

– Получилось? – раздался позади заикающийся голос.

Крупская вздрогнула всем телом и резко обернулась. В приоткрытой двери квартиры напротив стоял долговязый и тощий парень с вытянутым бледным лицом. Пустые глаза бессмысленно пялились куда-то в сторону.

– Пошел ты, – зло и испуганно пробормотала Светлана Николаевна, с силой протиснула письмо в ящик и поспешно выбежала из подъезда.

* * *

Из Михайловска Аркадий Леонидович возвращался в смешанных чувствах. С одной стороны, все прошло хорошо: он не только выяснил, что так называемое капище не более чем не слишком удачная подделка, но и донес эту информацию до самого начальника Комитета по охране памятников истории и культуры. Тот слушал серьезно, внимательно, даже записывал что-то, задавал вопросы, а в конце беседы долго жал руку и благодарил за важный сигнал. Со встречи Аркадий Леонидович вышел окрыленный, с чувством хорошо сделанной работы; он хотел было сразу позвонить Троку, но потом решил, что лучше будет все рассказать тому при

личной встрече. Новости были из разряда, что называется, не по телефону.

С другой стороны, появились новые вопросы, ответы на которые он не представлял себе даже приблизительно. Две логические цепочки никак не желали соединяться. В части мошеннической схемы все было ясно – во всяком случае, в той степени, которая устраивала Аркадия Леонидовича, и он был уверен, что Троку будет еще более понятна суть заговора с участием жены губернатора Михайловска, директора краеведческого музея, злосчастной Львовой и бригады строительных рабочих. Оставалась мистическая составляющая, и вот она никак не укладывалась ни в какие схемы. Откуда взялась кукла под камнем в мнимом древнем святилище? Проводил ли кто-то там некие ритуалы, и если да – то какие, если же нет – то в чем причина доселе невиданного всплеска насилия и трагических катастроф, потрясших Северосумск, и чувство надвигающегося inferнального зла? Ладно, мир вообще не меняется к лучшему, и все можно было бы объяснить совпадениями и случайностями, и даже собственные кошмарные сны и ощущения списать на мнительность и негативный жизненный опыт – но ведь то же самое чувствовала и Карина...

«Надо же позвонить», – спохватился Аркадий Леонидович.

Он вытянул из кармана мобильник и набрал номер.

– Я в автобусе, только что выехал.

– Отлично! – Он услышал по голосу, что Карина улыбается, и в полумраке салона стало будто немного светлее. – Как все прошло, удачно?

– Более чем! Есть очень интересные новости, приеду – обязательно все расскажу!

На этот раз Аркадий Леонидович действительно собирался все рассказать: и о подробностях разговора с Троком, и про куклу в яме, даже про Львову, пусть и опустив некоторые детали их встречи, и о том, что зловещее капище оказалось всего лишь фальшивкой. Хватит уже скрытности и недомолвок.

– Тебя дома ожидает сюрприз, – на прощание сказала Карина.

Он улыбнулся, убрал телефон и поежился, плотнее закутываясь в пальто. В темном мокром окне смутно виднелось его отражение, подсвеченное тускло мерцающими каплями влаги. Дождь превратился в густой снегопад, и ночь за окном была похожа на черную классную доску, исчерканную меловыми штрихами. Хотелось домой, а еще спать. Прошлая ночь в отеле «Элит» выдалась беспокойной: из сауны в конце коридора доносилась громкая разноголосица, визгливый смех, а когда он, немного привыкнув к этим звукам, все-таки задремал, где-то с грохотом

распахнулась дверь, в коридор вырвались мужские басы, женские, истеричные вопли, торопливый топот шагов, что-то падало и поднималось, дребезжало, звенело, звуки то удалялись, то приближались, снова и снова хлопали двери, так что уснуть удалось только под самое утро. Сейчас, в особом теплом уюте салона автобуса, пропитанного запахами мокрой одежды, усталых людей и бензина, Аркадия Леонидовича разморило, и он, привалившись лбом к прохладному стеклу, медленно погрузился в легкий сон.

До возвращения домой оставалось не больше пары часов.

* * *

Карина присела за стол, вскрыла конверт и достала оттуда пачку листов с фотографиями и текстом.

Сначала она подумала, что это какая-то ошибка: кто-то положил не в тот ящик полицейские объявления и распечатки статей. К ней, Карине, все это не могло иметь никакого отношения.

Потом она пригляделась внимательнее, и дыхание остановилось.

Время тоже.

Сколько она глядела на листок с объявлением о розыске? Наверное, несколько минут. Очнулась от ступора, мотнула головой, быстро просмотрела распечатанные статьи. В глаза бросилось «раздроблены кости стоп, колени...» и «облил свою жертву бензином и сжег... заживо...». Все это она уже слышала раньше. Обсуждала с теми, кого у нее получилось забыть почти полностью, – и боялась.

Снова взяла в руки полицейскую ориентировку и уставилась на фотографию. Потом быстро, едва ли не комкая, сложила все листки вместе, запихала обратно в конверт, отнесла в коридор и стала ходить по квартире.

Все стало другим. Ароматы мяса в духовке отдавали паленой плотью. Бутылка вина выглядела зловеще. В телевизоре кто-то угрюмо хохотал.

Карина ходила, не думая ни о чем, – из комнаты в кухню, из кухни в комнату. Выключила телевизор и тут же снова включила, испугавшись тишины. Хотелось проснуться или повернуть время вспять. Если вот так походить еще немного, то все получится. Вернется назад. Снова станет как было. А конверт на полочке в коридоре просто исчезнет.

Она поймала себя на том, что уже почти бежит по квартире. Это становилось похоже на истерику. Вот еще чего не хватало. Не дождетесь. Карина присела на край дивана, перевела дыхание, взяла себя в руки,

встала и выглянула в коридор.

Конверт, разумеется, не исчез: белел в темноте широким пятном, согнувшись пополам, будто кобра. Карина снова взяла его, принесла в комнату, разложила содержимое рядом с собой на диване и стала читать – на этот раз тщательно, вдумчиво, чтобы свыкнуться хоть немного с новой реальностью.

«Подделка!» – мысль была внезапной и яркой, как зимняя молния.

Ну конечно же, как она сразу не догадалась: это просто чья-то злобная провокация, клевета! Сейчас делают и не такое. Карина чуть не рассмеялась от облегчения, в то же время отчетливо понимая, что фотографии и статьи – не фальшивка, а самая настоящая правда, такая, которую невозможно принять. Но именно потому, что Карина это осознавала, она встала, подошла к шкафу, в котором хранились их немногочисленные пожитки, и стала искать – что-нибудь. Ибо если все это – и фотографии, и статьи – правда, то что-нибудь обязательно отыщется.

Отыскалось в небольшой дорожной сумке, стоявшей на самом дне шкафа, под вешалками с его рубашками и ее блузками. На потертый паркет легли аккуратным рядом черная маска с прорезями для глаз, налобный фонарь, моток клейкой ленты, резиновые перчатки, скомканный комбинезон из тонкого пластика, большие ножницы, отвратительного вида мешочек с веревкой, от которого несло сушеной ядовитой травой, и молоток.

Интересно, когда он все это собирался пустить в дело? Или, может быть, уже успел использовать здесь, в Северосумске? Нет, о таком происшествии сообщили бы во всех новостях. Да и молоток выглядит новым, блестящим, на тусклом железе ни пятнышка... Значит, все это куплено совсем недавно.

Может быть, даже специально для нее.

Карина вскочила и снова зашагала по комнате. Внутри ее несколько минут назад будто взорвалась чудовищная бомба, разом опустошив, уничтожив, испепелив все, что созидалось в любви и покое последних нескольких месяцев, и сейчас в черную пустоту втягивались страх и злость. К своим бывшим так называемым сестрам, ведьмам ковена, она теплых чувств не испытывала, даже напротив; потому с такой готовностью согласилась в свое время помочь единственной подруге, Альтере, подготовить последний, огненный шабаш, который должен был положить конец всем, до кого не успел добраться неуловимый безжалостный Инквизитор. Тогда, полгода назад, она была даже почти ему благодарна: кто

знает, сколько бы еще продолжалось ее участие в темных мистериях и сколько бы она смогла просуществовать в состоянии внутренней смерти. Но Карина знала, и знала наверняка, что если бы Инквизитор успел найти ее, как до этого нашел одну за одной шесть женщин, отмеченных знаком перевернутого трезубца, то на жалость и снисхождение можно было бы не рассчитывать. Раздробленные пальцы ног, обмотанное скотчем и проволокой обнаженное и обгорелое тело, надпись «ВЕДЬМА» на листе фанеры, пристроенном поблизости с трупом... Просто тогда ей повезло.

А сейчас – нет.

Он все же ее нашел.

Интересно, он знает, кто она? И если да, то почему медлил? Возможно, просто ждал удобного случая? Или в самом деле ей вновь сопутствует удача, дающая возможность нанести удар первой? Как бы то ни было, ясно одно: то, что она до сих пор жива, чудо не меньшее, чем спасение из горящих руин Виллы Боргезе. И если она хочет оставаться в живых и дальше, то выход есть только один.

Карина побросала найденное обратно в сумку, с омерзением, как если бы прикоснулась к мертвой змее, швырнула сверху мешочек с травами, оставив лишь молоток. Убрала сумку в шкаф и взялась за резиновую рукоятку, ощущая в руке опасную, смертоносную тяжесть. Подошла к столу, открыла бутылку вина, налила в стакан и выпила залпом, не чувствуя вкуса. Потом подвинула к окну стул, села, положив молоток на колени, и стала ждать.

* * *

От автобусной станции до Слободки было полчаса пешего хода, но непогода усиливалась: ветер хлестал по глазам, ледяные снежинки больно впивались в лицо – и Аркадий Леонидович решил добираться домой на маршрутке. Ждать пришлось недолго. Через десять минут маленький микроавтобус остановился на углу улицы Красных Матросов. Аркадий Леонидович с усилием отодвинул тяжелую дверь, выпрыгнул в темную слякоть и пошел по узкому тротуару, нагнув голову и придерживая одной рукой воротник, а другой сжимая портфель. В снежной тьме с трудом угадывались силуэты деревьев, маячили какие-то тени, то проступая сквозь белые вихри, то вновь исчезая. Он ускорил шаг. Вот впереди показался дом; он отыскал привычным взглядом светящееся желтым окно на первом этаже, слева от входа в подъезд; за стеклом угадывался смутно различимый

силуэт.

«Ждет», – подумал Аркадий Леонидович и улыбнулся.

Он помахал портфелем, оскальзываясь, подошел к входной двери, а мысленно уже был в квартире, обнимал Карину, что-то рассказывал ей...

– Аркадий Леонидович?

Он обернулся.

Три рослые тени вынырнули из темноты, будто шагнули через порог другого измерения: только что улица была совершенно пуста, и вот трое высоких парней уже стоят в двух шагах, обступив полукругом.

– Да, а в чем дело?

Среагировал он инстинктивно: взмах битой был мощным, стремительным, но Аркадий Леонидович успел неловко присесть, и удар скользнул по касательной, смахнув с головы шапочку. Он покачнулся, встал на колено, широко размахнулся и бросил портфель в лицо нападавшему. Тот отшатнулся. Аркадий Леонидович попытался встать на ноги, но в этот момент второй быстро хлестнул его по черепу телескопической дубинкой – один раз и тут же второй. Боли не было, но голова налилась гудящей тяжестью, а лицо мгновенно залило липкой и теплой волной. Он с размаху уселся на мокрую землю, завозился, пытаясь совладать с внезапным тошнотворным головокружением, и в следующий миг третий громила, стоявший спиной к подъезду, с силой врезал ему ногой по лицу. Ощущение было такое, словно голова оторвалась от тела, как футбольный мячик, и улетела куда-то в сторону. Аркадий Леонидович повалился на бок.

Сознание ускользало во тьму, и последнее, что он услышал, был гром и звериный вопль. Потом на него рухнуло что-то мягкое и тяжелое, и он провалился в пустое небытие.

* * *

Карина не успела ни о чем подумать. Она только увидела, как подошедшего к подъезду А. Л. сбили с ног трое мужчин, словно выросших из снега и тьмы, а через секунду уже выскочила из квартиры – босая, с распущенными волосами, в белье и полупрозрачном пеньюаре, – пролетела по лестнице и ударом ноги распахнула дверь так, что та с грохотом врезалась в кирпичную стену.

В этот самый момент А. Л. повалился на землю от удара в лицо. Парень, который его ударил, еще не успел поставить на землю ногу после замаха. Карину он не увидел. Двое других начали поворачиваться на

подобный выстрелу звук распахнувшейся двери, а Карина, яростно закричав, обрушила молоток на коротко стриженный светловолосый затылок. Человек беззвучно рухнул навзничь, упав на лежащего на снегу А. Л.

Двое других развернулись к Карине, дико вытаращившись на представшее их взору видение: полуголая женщина с разметавшимися черными волосами, в красном кружевном белье, просвечивающим через ткань распахнувшейся черной сорочки, и с окровавленным молотком в руке.

Бандиты переглянулись.

– Э, не дури, – сказал тот, что был с дубинкой, и замахнулся, будто прогоняя собаку.

Карина качнулась вперед. Удар молотка пришелся точно в запястье руки, держащей оружие. Раздался треск. Нападавший завопил, выронил дубинку и согнулся, рефлекторно сжимая другой рукой переломанную, искалеченную кисть. Карина взвизгнула, крутанулась, и молоток снова ударил – на этот раз по виску. Крик прекратился. Тело тяжело упало на присыпанный снегом газон, перевернулось и замерло. Карина проводила его взглядом и уставилась на третьего человека, с бейсбольной битой в руках.

Тот неуверенно перебирал пальцами по перетянутой изолянтной рукояти оружия, с опаской глядя на сумасшедшую перед собой. Глаза у нее были совершенно черные, как у зверя, даже белки не блестели меж век. Босые ступни с красными ногтями оставляли следы на тонком слое снега.

Парень поднял биту, шагнул вперед – и едва успел отвернуться от пущенного ему в лицо молотка, который просвистел рядом, как томагавк. Он отвлекся, на мгновение потеряв концентрацию, а сумасшедшая баба, завизжав, прыгнула на него, как кошка, крепко обвила ногами туловище и впилась ногтями в лицо, подбираясь к глазам. Он заорал, бросил биту и схватился своими большими руками за тонкие запястья, но руки у женщины оказались крепкие, как стальные прутья. Ее тело висело на нем, все сильнее сжимая коленями ребра, ногти терзали и рвали кожу, а сама она, утробно и хищно рыча, впилась острыми зубами в кончик уха. Боль была страшной. Бандит завыл, завертелся на месте, изо всех сил пытаясь сохранить равновесие, уперся руками в горячее, яростно напряженное женское тело и с огромным усилием оторвал от себя взбесившееся, царапающее и кусающееся существо. Острые ногти оставили на лице кровавые борозды. Он с силой отшвырнул ее, но женщина успела перевернуться в воздухе, мягко спружинив, приземлилась на ладони и

ступни, а потом подняла голову, оскалилась и зашипела.

Он развернулся и побежал.

Карина проводила взглядом ретировавшегося противника и села прямо на землю, обняв колени и тяжело дыша. Снег сыпался на растрепанные черные волосы и голую кожу. Ее начала бить дрожь. Она повернулась, на четвереньках подползла к лежащему под навалившимся сверху здоровенным громилой Аркадию Леонидовичу. На его приоткрытых губах таяли льдистые снежинки. Из двух длинных шрамов на черепе толчками вытекала кровь, под головой растекалась густая багровая лужа. На левой скуле расплывался кровоподтек, быстро наливавшийся чернотой. Карина прижала пальцы к теплой коже шеи: пульс был тяжелым и редким. Проверила лежащего сверху человека, потом другого, с квадратной красно-синей вмятиной на виске, раскинувшегося в стороне на газоне. Оба дышали, но поверхностно, хрипло, неровно.

– Получилось? – прозвучало у нее за спиной.

В распахнутой двери подъезда стоял высокий паренек из соседней квартиры. Длинный свитер из свалявшейся шерсти свисал почти до колен трикотажных штанов. Взгляд выпуклых глаз со странным выражением восторга и страха блуждал по полю боя.

Карина кивнула, закашлялась и подняла большой палец.

Глава 15

Больше всего Даниила пугало то, как легко они все согласились на очередной ритуал. В этом чувствовалась какая-то мощная, не признающая сопротивления, бесконечно злая, чужая и непостижимая воля. Если свой собственный пятничный жуткий сон еще можно было, пусть и с некоторой натяжкой, счесть обыкновенным кошмаром, навеянным последними переживаниями, то сейчас Даниил понимал: она приходила ко всем. Мамочка так или иначе поговорила с каждым из них и была очень убедительной.

Они попались. Выхода не было. Древние боги злы и ревнивы и никогда не прощают. Им не нравится, когда их предают. Аполлон наслал чуму на войско ахейцев под Троей; Посейдон удавил Лаокоона и сыновей, отправив на свидание с ними чудовищных змей; Сизиф, умудрившийся дважды провести мрачных владык подземелий, где-то за гранью этого мира по сей день вкатывает вверх на гору свой камень; Тантал, усомнившийся во всеведении богов, мучается вечным голодом, жаждой и страхом. А то, что вызвали к жизни они, за одну ночь вернуло обратно своих злосчастных служителей, совсем как мать вновь собирает подле себя вздумавших разбежаться по сторонам малых детей – кого уговорами, а кого и шлепками.

Следы последних явственно были заметны на лице Макса: его всего перекосило от громадных кровоподтеков, на которые Даниилу было страшно смотреть, потому что он представлял себе, как они могли появиться. Ходил Макс медленно, то и дело кряхтя и морщась, и как-то боком. В неуклюжих движениях чувствовались боль и угроза, и Макс был похож на раненого, но от того еще более свирепого медведя. Он мрачно озирался по сторонам, и, когда взгляд его падал на Даниила, тот невольно сжимался: почему-то казалось, что друг сейчас ударит его, просто так, без всякой причины.

С двумя другими Мамочка обошлась без побоев, но выглядели они не менее жутко. Женя будто бы похудел, как сдувшийся шар: толстые щеки втянулись и побледнели, свитер висел как мешок там, где еще на прошлой неделе туго натягивался поверх грузного тела; россыпь прыщей на физиономии из багровой стала лихорадочно-красной, высохла и напоминала теперь торчащие обрывки пурпурных перьев или иголки. Он все время криво ухмылялся, посмеивался неприятными, ухающими смешками, а когда сидел, то чуть раскачивался вперед и назад,

бессмысленно таращась перед собой. Рома, напротив, не улыбался вовсе; он был серьезен, сосредоточен, а иногда наклонял голову набок, прислушиваясь к чему-то, и даже кивал в ответ или бормотал что-то невнятное.

«Он же шаман, – понимал Даниил, и по коже бежали мурашки. – Разговаривает с ней».

Впрочем, сам он, видимо, тоже выглядел не очень-то празднично: это стало понятно, когда товарищи, бросив на него быстрые и внимательные взгляды, понимающе отвернулись. Даниил полагал, что справляется, но на перемене зашел в туалет и осторожно заглянул в зеркало; из сумрачного зазеркалья на него уставилась физиономия с взъерошенными рыжими волосами, похожими на шерсть перепуганного зверька, и круглыми затравленными глазами. Веснушки сливались на бледной коже в одно большое бесформенное пятно.

Вот такой компанией они и сошлись в понедельник вечером, после уроков, на четвертом этаже, дождавшись, когда из школы уйдут последние ученики, а преподаватели соберутся в столовой на банкете по случаю Дня учителя. Никто никого ни о чем не спрашивал и ничего не обсуждал. Они просто помолчали немного, а потом Рома сказал:

– В пятницу идем в яму.

Все кивнули. Даниил помедлил, может быть, долю секунды, но потом вспомнил чудовищную рыбную вонь, тьму, сплетенье кошмарных костей на кровати родителей, комки грязных волос, и тоже мотнул головой.

– Делаем все как всегда?

Он подумал, что, если что-то вдруг изменилось, Рома в курсе. Так и оказалось.

– Есть одно новое условие. Кукла больше не прокатит. Мамочке нужна кровь.

Все промолчали, только блестели глаза в тяжелых темно-сиреневых сумерках. За окном, объятые паникой, деревья махали безлистными ветками. За углом в конце коридора прозвучали и смолкли два голоса и хлопнула дверь.

– В смысле, кровь? – решил уточнить Даниил. – Чья?

– Не волнуйся, – успокоил Рома. – Этот вопрос я решу.

Но стало не спокойнее, а только тревожнее.

– Значит, договорились. Собираемся в пятницу у Макса и идем...

– Нет, пацаны, – откликнулся Макс. Голос был хриплый и чужой. – У меня нельзя сейчас. Просто вам в Слободку лучше пока не соваться, а особенно ходить там вместе со мной.

– Ладно, – согласился Рома и не стал ничего уточнять. – Тогда на остановке автобуса, на Передовиков, там, где обычно садимся.

На том и договорились. Даниил, Женя и Макс ушли, Рома остался ждать маму.

До пятницы оставалось четыре дня.

Ночные кошмары больше не повторялись, но Даниилу все равно было страшно. Вообще, вся жизнь превратилась в сплошное переживание страха. Хуже всего было дома: в квартире оказалось неожиданно много укромных углов, косых отражений, случайных звуков и скрипов; темнота в комнатах кого-то скрывала, тишина походила на маскировочное покрывало, под которым неслышно подбиралась все ближе хищные беды. Даниил просыпался теперь каждую ночь: лежал в черном, непроницаемом сумраке и прислушивался к пустому безмолвию; свет не включал – боялся, что лампочка не зажжется, и этого он просто не выдержит. Дважды, осторожно ступая, спускался к родительской спальне и заглядывал в дверь. Из темноты доносилось дыхание, на подушках темнели длинные волосы мамы и едва различимо белел папин профиль. Даниил успокаивался, убеждаясь хотя бы на время, что все обошлось, и возвращался к себе. Наступало утро, и все начиналось сначала: вздрагивать от отражений в зеркалах, от шума воды в трубах, в школе сидеть, уткнувшись носом в тетрадь и учебник, возвращаться домой и со страхом ждать ночи.

Во вторник Рома не пришел в школу. В классе сразу стало легче дышать, причем не только тем, кто его боялся и ненавидел, но не знал, как вести себя с ним и что делать после страшной пятничной драки, но и трем друзьям. Никто ничего не сказал, ни о чем не спрашивал, а Даниил даже не стал писать или звонить другу, чтобы узнать, не случилось ли с ним чего. Елене Сергеевне задавать такой вопрос тоже не хотелось. Может быть, он просто боялся услышать ответ, узнать нечто такое, что сделает совершенно невыносимым груз безысходного страха, повисший у него на плечах.

Но когда в среду на уроки не явился Женя, задавать вопросы все же пришлось: Даниил представил себе, что завтра точно так же исчезнет он сам. Они с Максом, не сговариваясь, отошли на перемене в угол, и Даниил послал два одинаковых сообщения: «Привет! Ты в порядке?» Ответы пришли довольно быстро:

«Да».

«Норм».

– Спроси, планы не меняются? – посоветовал Макс.

«На пятницу все в силе?» – написал Даниил Роме.

«Да, как договаривались».

Оставалось ждать.

Трудности на работе у отца не только не миновали, а, похоже, стали еще тяжелее. Родители возвращались с работы домой еще позже, подолгу засиживались в гостиной, разложив перед собой мобильные телефоны, бумаги, раскрыв ноутбуки, и переговаривались напряженными голосами. До Даниила долетали непонятные слова и обрывки фраз: «вывести активы», «сделаем свою кредиторку», «попробовать обанкротить», то и дело перемежаемые такими выражениями, что за их фантастической грубостью терялся смысл. Отец даже один раз пропустил рабочую встречу с сыном в девять вечера, извинившись, впрочем, и пообещав, что на следующий день посвятит ему не час, как обычно, а два.

Радости от этого Даниил не испытал.

Он понимал, что родителям сейчас не до него, и старался не мешать и не отвлекать их от дел, но страх и тяжесть в груди не давали покоя, и он слонялся неподалеку, стараясь попасться кому-то из них на глаза и услышать вопрос: «С тобой все в порядке, сынок?»

Это сработало. В среду мама действительно заметила подавленное состояние сына, посмотрела внимательно и спросила:

– Ты не заболел? Как себя чувствуешь?

И быстро прижалась губами ко лбу.

– Нет, вроде бы температуры нет. Точно не заболел?

– Все в порядке. – Чтобы ответить, пришлось проглотить ком в горле размером с большое яйцо.

– Ну хорошо. А то я подумала, что ты простыл. Завтра шерстяную жилетку надень под пиджак.

И вернулась в гостиную – к отцу и работе.

В четверг Даниил всерьез взялся за обдумывание новых желаний. Если уж от проведения проклятого ритуала не отвертеться, можно попробовать как-то переиграть Мамочку. Волшебные сказки народов мира оценивали такую возможность как довольно высокую: справились ведь с Румпельштильцхеном, например, или с Тителитури; от злокозненных джиннов тоже случалось успешно избавиться. Впрочем, хватало и обратных примеров, так что к обдумыванию верной стратегии стоило отнестись всерьез. Первое, что приходило в голову, – пожелать, чтобы Мамочка оставила их в покое, раз и навсегда. Но от этой идеи пришлось отказаться: во-первых, такое желание необходимо согласовать со всеми, а Даниил не без оснований подозревал, что ни один из его друзей эту инициативу не поддержит. Он представил себе мрачного Макса, Женю, то и дело хихикающего и косящегося куда-то вбок, серьезного Рому,

разговаривающего с невидимым собеседником, и содрогнулся. Даже подходить к ним с таким предложением было боязно. К тому же Мамочка ведь ничего им не обещала: они не выпускали ее из векового заточения в бутылке, не ловили сетью, вымогая исполнение просьб в обмен на свободу; «желаний любых исполнения ждем» – это оставляло ей свободу маневра. Ждали, да не дождались. А в-третьих, просить о таком – значит серьезно рискнуть вызвать ее гнев, а об этом не хотелось и думать.

А если попросить все исправить? Интересно, есть ли у Мамочки пределы возможностей? Вернуть к жизни утонувшего мальчика, тех, кто погиб в «Селедке», Лилиного папу... Воображение нарисовало могильные холмики,двигающиеся, осыпающиеся и разрывающиеся изнутри скрюченными пальцами, марш живых мертвецов по улицам Северосумска, полуразложившиеся тела, среди ночи стучащиеся в двери домов, – это было бы в ее стиле. Нет, так тоже не выйдет.

Время шло, и Даниил чувствовал, как подступает отчаяние. Не оставалось ничего другого, как действительно пожелать что-нибудь для себя, но постараться устроить все так, чтобы обошлось без жертв. Очень важно продумать формулировку. Нет никаких гарантий, что все решится без очередного кровавого ужаса – вполне невинные просьбы о том, чтобы не ходить больше в бассейн или обратить на себя внимание Лили, обернулись совершенным кошмаром, – но попробовать стоило. Все равно другого выхода нет.

Он решил, что попросит о том, чтобы у папы кончились неприятности на работе. Подумал и добавил: «...и никто при этом не пострадал». С Мамочкой нужно держать ухо востро: она может просто убить отца – вот и кончатся все проблемы разом. Даниил подумал еще, представил последствия, постаравшись, как в шахматах, думать на два хода вперед, и в итоге сформулировал так: «Хочу, чтобы у папы кончились неприятности на работе, никто при этом физически не пострадал, а наша семья не стала нищей».

Звучало довольно сносно. Во всяком случае, он сделал что мог. Неизвестно, чем для города обернется новая кровавая жертва – а о том, как именно «решит вопрос» Рома, он предпочитал не думать вообще, – но хотя бы его родные будут в безопасности.

Оставалось отпроситься из дома в пятницу вечером.

Даниил был уверен, что родители его не отпустят. После всего, что случилось в Северосумске за последние три недели, и при том, что теперь творилось на его улицах по вечерам, никакие рассказы о подготовке к олимпиаде по истории не послужили бы основанием к тому, чтобы

отправиться куда-то на ночь глядя, пусть даже и в сопровождении водителя Андрея. Будь он на месте родителей, то своего сына нипочем бы не отпустил. В этом случае Даниил решил просто сбежать: не приходит из школы домой в пятницу вовсе, предупредить, что вернется поздно, выключить телефон – а потом будь что будет. Любое наказание не станет страшнее возможных последствий от еще одного пропущенного ритуала. Вряд ли Мамочка примет от родителей извинительную записку за прогул.

Но получилось иначе.

Даниил был мальчиком дисциплинированным и последовательным – этому родители его научили. Поэтому, прежде чем решаться на побег, следовало полностью исключить вариант получения, так сказать, официального разрешения. В четверг, в девять вечера, он спустился в гостиную, неся под мышкой пару тетрадей и дневник на проверку. Отец, как всегда, ждал его, сидя за большим круглым столом; мама устроилась с ноутбуком в кресле у журнального столика. Начали с обсуждения последних успехов в школе; их встречи проходили в формате, который папа называл ДТП: достижения, трудности, предложения. Очень эффективно и позволяет структурировать беседу.

– Неплохо, неплохо, – негромко говорил отец, рассеянно листая дневник. – Русский язык – «пять», география – «пять»... А геометрия – «четыре». Что помешало?

И посмотрел на сына поверх небольших очков без оправы, которые иногда надевал для чтения.

– По невнимательности, – ответил Даниил. – Потерял концентрацию. Думал о другом, в общем.

Он хотел, чтобы папа спросил: «О чем?», и тогда нужно будет отнекиваться, мычать что-то невразумительное, делать вид, что не хочешь отвечать на вопрос, на самом деле желая только того, чтобы тебя спросили еще раз, чтобы дали возможность все рассказать...

Но папа только поинтересовался:

– Значит, причины тебе понятны и ты можешь с ними работать для улучшения результата?

– Да, – сказал Даниил. – Я обязательно все исправлю.

В разделе «Предложения» отец обсудил перспективу спортивных занятий сына: бассейн был закрыт, и Даниилу предлагалось выбрать между секциями легкой атлетики и волейбола. Родители были за легкую атлетику, так как там меньше вероятности получить травму, и Даниил согласился. Ходить туда предполагалось три раза в неделю, по понедельникам, средам и пятницам, и папа неожиданно вспомнил:

– Кстати, у тебя ведь по понедельникам дополнительные занятия по истории, подготовка к олимпиаде, так? Что-то давно я об этом не слышал. Как дела, продвигаются?

– Ну да. Вот завтра как раз опять собираемся вместе. Поздно вечером. Мама оторвала взгляд от компьютера.

– Петя, – сказала она. – Мне Соловьев ответил, только что письмо пришло.

– Да, мы уже заканчиваем, – отозвался отец и произнес: – Ну что ж, я не против, надо так надо. Разумеется, в сопровождении Андрея. Только постарайся не опоздать: возможно, что причина невнимательности, о которой мы говорили сегодня, в недостатке сна.

Даниил подумал, что в последнем своем утверждении отец совершенно прав.

– Как обычно, в Слободку? – уточнил водитель Андрей, когда в пятницу вечером они выехали со двора.

– Нет, сегодня чуть ближе, – отозвался с заднего сиденья Даниил. – Можешь меня высадить на Передовиков, там, где автобусная остановка, у магазина?

Андрей притормозил и взглянул на Даниила в зеркало.

– Что, просто на улице?

– Ну да. А потом забрать оттуда же.

Теперь машина и вовсе остановилась, прижавшись к поребрику. На черном, блестящем от влаги асфальте замигали сполохи оранжевых стоп-сигналов.

– Даниил Петрович, так не пойдет. Мне Петр Маркович сказал отвезти вас туда, куда и раньше, подождать...

– Да папа в курсе, – перебил Даниил, лихорадочно пытающийся придумать запасной план на случай, если не выйдет быть достаточно убедительным. – Я просто ему сказал об этом в последний момент, вот он и забыл тебя предупредить. Ну позвони ему, если хочешь.

Андрей потянулся к нагрудному карману за телефоном и снова посмотрел на Даниила. Тот сидел, вцепившись белыми конопатыми пальцами в сумку, отвернувшись к окну и кусая губы. В тишине салона отчетливо пощелкивал аварийный сигнал.

– Хорошо, – проговорил Андрей. – Обойдемся без звонка папе. Вы с друзьями будете?

– Да, ну, не один же, – заторопился Даниил. – Просто к Максиму сегодня нельзя, вот мы и собираемся на остановке, а потом поедем... в общем, поедем к Роме Лапковичу, тому самому, понимаешь?

Импровизация получалась удачной.

– Если бы я папе сказал, к кому еду, он бы не отпустил, а Рома мой друг все-таки, вот мы к нему и собрались, позаниматься вместе, ну и поддержать...

– Понимаю, – серьезно ответил Андрей. – Так, может быть, я вас прямо до дома Лапковича доведу?

– Нет, мы уже договорились, чтобы вместе ехать... Да все хорошо будет, не переживай!

Андрей на минуту задумался. С одной стороны, если что-то случится с парнишкой, ему лучше даже не показываться на глаза Петру Марковичу, а сразу бежать прочь из города – подальше и побыстрее. К тому же он и сам бы себе этого не простил: мальчишка ему нравился – забавный, умный, всегда вежливый, и вот так оставлять его одного на улице поздним вечером Андрей не хотел. С другой стороны, он ведь уже нарушил один раз прямое распоряжение шефа, когда не стал ждать Даниила у дома друга, а, воспользовавшись случаем, уехал по своим личным делам. Ясно было, что паренек куда-то мотался в тот вечер с приятелями: вернулся в машину чумазый, возбужденный и вроде как немного испуганный, но ведь все обошлось? Сегодня, кстати, у Андрея опять намечалось личное дело, и он все равно бы снова уехал, так почему нет?..

– Хорошо, – сказал он. – Только телефон не выключайте и держите при себе. Если что, сразу звоните, и я тут же приеду, договорились?

– Ага, – выдохнул Даниил с облегчением. – Договорились.

Андрей отвернулся и снова тронул машину с места. До улицы Передовиков они доехали молча.

– Через полтора часа здесь же, да? – Андрей перегнулся через спинку сиденья и посмотрел на паренька, выбирающегося из салона.

– Да. Если что... – и Даниил показал Андрею свой телефон.

Тот улыбнулся, заговорщицки подмигнул, дождался, пока Даниил захлопнет дверцу, и рванул с места.

Если поторопиться, то можно успеть за час с небольшим сделать личное дело два раза. И еще немного времени хватит на разговоры.

Даниил остался один. На темной улице тревога камнем навалилась на сердце. За спиной тускло светилась вывеска закрытого магазина. Все выглядело зловещим: непарная обувь в витрине, будто снятая с мертвецов, машины с затененными окнами, в морозящем тумане проносившиеся по дороге, дома, клочковатые тучи, пешеходы, косившиеся на одиноко стоящего мальчика, – в их глазах вспыхивали желтоватые отблески вывески и мутно светящихся окон, и Даниил нервно шархался каждый раз в

сторону, опуская взгляд и думая, что прохожие похожи на людей, захваченных злобными пришельцами из других миров, которые смотрят на него, пытаясь понять, остался ли он человеком или уже превратился в одного из них.

Может, и превратился. А может быть, превратится сегодня ночью.

– Здорово, – угрюмо пробасил кто-то над ухом.

Даниил подпрыгнул, обернулся и выдохнул с облегчением. Рядом стоял Макс; на исковерканном побоями лице лежали рваные тени, сливаясь с чернеющей синевой кровоподтеков; из-под низко надвинутого козырька кепки сумрачно поблескивали глаза. На ссутулившихся, опущенных плечах висел рюкзак с кувалдой, руки засунуты в карманы, и Даниил заметил, что куртку над поясом справа оттопыривает что-то большое и угловатое.

– Привет, – ответил он и попытался изобразить улыбку. Не получилось. – А что это у тебя?

– Что надо, – нервно отозвался Макс, отступил на шаг и принялся одергивать куртку, поправляя какой-то тяжелый предмет, который никак не хотел скрываться под одеждой.

– Неудобная, зараза, – пробормотал он.

Засунуть «Осу» за ремень джинсов было не лучшей идеей, но из скошенных боковых карманов куртки пистолет мог запросто вывалиться, да и рукоять торчала наружу, а единственный внутренний был слишком мал, чтобы вместить конструкцию из четырех массивных стволов.

Неделю назад он еле добрался домой и буквально ввалился в квартиру, рухнув на истоптанный коврик у двери под слезные причитания матери. В травмпункт его отвез дядя Вадим на своем серебристом китайском внедорожнике; отчим был строг, собран, немногословен, как и подобает настоящему мужчине в трудной и даже опасной ситуации. Он лишь спросил один раз:

– Кто это сделал?

А когда Макс не ответил, то не стал переспрашивать, а только кивнул с суровым пониманием и легонько похлопал по плечу – мол, крепись, боец. Война еще не проиграна.

Удивительно, но обошлось без серьезных травм и переломов, даже нос каким-то чудом уцелел. Правда, обнаружили трещины в двух ребрах, да и сотрясение мозга было очевидным, но от госпитализации Макс, при поддержке дяди Вадима, мужественно отказался. Заявление в полицию они тоже не стали писать.

– Сами разберемся, сынок.

Дома отчим повел Макса в спальню («Мать, а ну-ка выйди на пять

минут!»), выдвинул нижний ящик тумбочки со своей стороны кровати и вытащил оттуда что-то увесистое; в пыльном полумраке тускло блеснул вороненый металл.

– Видал? – спросил дядя Вадим. – Это «Оса». Мощная штука.

Макс заворуженно смотрел на черные глазницы четырех толстых стволов, которые откинулись со щелчком, демонстрируя капсули крупных патронов, похожих на ружейные. В широкой мясистой ладони отчима пистолет сидел как влитой и делал и без того могучую руку еще более грозной на вид.

– Всего четыре заряда, но дурь вышибет и с одного. А теперь давай-ка, сынок, покатаемся по району.

Голова у Макса тошнотворно кружилась, в боку будто застрял давящий болью острый осколок железа, все тело ныло, но отказаться от вылазки было бы не по-мужски. Они снова сели в автомобиль, и дядя Вадим, кроме «Осы» прихвативший еще и длинный, тяжелый фонарь в стальном корпусе, принялся нарезать круги по извилистым улицам и переулкам, поглядывая по сторонам сквозь влажно поблескивающую, мокрую темень.

– Если этих отмороzków увидишь, которые тебя избili, сразу скажи, – проинструктировал отчим. – А я дальше сам.

Макс стал смотреть в окно. На стекле расплывалось и снова таяло легкое облачко – испарина от дыхания: травмированный нос распух так, что ноздри почти закрылись и дышать он мог только ртом. Тени домов, машин и прохожих расплывались в белесом тумане, рыжие фонари превращались в большие пятна, похожие на огромные луны, зависшие низко над горизонтом. На втором круге, как раз когда они проехали мимо глухой стены гаражей, где несколько часов назад Комбат-старший с приятелями пинали скорчившегося на грязном асфальте мальчишку, и свернули на боковую улицу, Макс действительно заметил обидчиков: все трое стояли у ярко освещенного входа в круглосуточный магазин «Ромашка». В темноте ярко вспыхивали огненные точки сигарет. Сквозь закрытые окна донесся раскатистый гогот. Макс почувствовал, как по спине пробежала нехорошая дрожь; наверное, это было очень заметно, потому что отчим чуть притормозил и спросил:

– Это они?

– Нет. Показалось.

«Привет от Мамочки». К этой минуте Макс уже знал, у кого он будет просить помощи в решении своих затруднений, даже не так – кто вынудил его просить о такой помощи, и это уж точно был не дядя Вадим.

Хотя тот очень старался помочь.

– Вот, держи, – сказал он и вложил в руку Макса тяжелый пистолет. – Носи с собой, пока... в общем, пока не решим вопрос. Если снова полезут – бей прямо в голову, без предупреждений. Помни правило: вынул ствол – должен стрелять, понял?

– Понял. Спасибо.

Макс действительно был благодарен: до следующей пятницы еще нужно дожить, а быть ежевечерне битым совсем не хотелось. Да и «Оса» штука реально крутая. Максу даже захотелось, чтобы Комбаров с приятелями сунулись к нему, когда он будет возвращаться из школы домой в понедельник: «Ты кого назвал обоссанцем? Меня?! Но тут больше никого нет, значит, это ты мне?!» И – раз! два! три! – прямо в испуганные морды, а потом еще раз – четыре! – в голову Комбату, уже лежащему, для верности. Ну и кто теперь обоссанец? Что? Не слышу!

От мыслей сладко сжималось внутри и по коже приятно семенили мурашки.

Однако – вот странно! – своих недругов он больше не видел. Нельзя сказать, что Макс, даже вооруженный грозной «Осой», искал встречи с Комбаровым и компанией, но и особо не прятался: ходил, как обычно, из дома в школу, из школы – домой, таская пистолет то в рюкзаке, то за поясом брюк, а через пару дней даже вышел вечером прогуляться, то и дело оглядываясь и с опаской выходя из парадной и возвращаясь обратно, но злодеи как будто пропали, растворились в том самом сумраке за гаражами, откуда вынырнули так неожиданно. Такой поворот событий не мог не радовать, но чем дальше, тем больше беспокоило Макса это затишье. В нем было что-то ненормальное, какое-то нарушение привычного хода вещей. Если в Слободке тебя обещали избить, то это редко оставалось просто словами, особенно когда такое слово сказано было взрослым отморозком, брата которого ты покалечил. Макс был готов убежать, прятаться, драться, стрелять, убивать, если нужно, но сейчас чувствовал себя затерянным в странном, сером потусторонье, куда никому не было хода без особого приглашения Мамочки.

Даниил покосился на мрачного Макса, возвышающегося рядом и одергивающего куртку над красноречиво оттопыривавшейся жесткой выпуклостью у пояса.

«Оружие, – подумал Даниил. – Кастет какой-нибудь или что-то в этом роде. Или даже ствол».

От этой мысли он поежился, но быстро успокоился, решив, что стоять рядом с вооруженным и решительным другом на темной улице уж точно приятнее, чем торчать здесь в одиночку.

– Кажется, Ромыч идет, – сказал Макс.

Даниил пригляделся, щуря глаза за стеклами очков, покрытых мелкими каплями мороси. В сумраке замаячил долговязый, угловатый и чуть перекошенный силуэт с большой плоской сумкой, свисающей с одного плеча, и с каким-то странным шевелящимся мешком в правой руке. Лицо белело, как криво надетая маска. Он подошел ближе, окинул друзей невидящим взглядом и сказал:

– Всем привет.

Мешок в руке резко дернулся и закачался.

– Привет. А что в мешке?

Рома странно взглянул в ответ и ответил:

– Кровь.

Даниил уже раскрыл рот, чтобы спросить еще раз, уточнить, что за кровь такая может быть в матерчатой самодельной сумке с затянутой веревками горловиной, и тут из мешка послышался долгий, утробный, тоскливый кошачий вой...

...Рома не думал, что это будет так просто. Хотя, если честно, в прошедшие дни он не думал вообще. Все мысли и чувства закончились для него вечером в понедельник, в темном углу школьного коридора, рядом с замусоренным фонтанчиком для питья и дверью в сортир, из которого на разные голоса журчала вода и несло хлоркой и детским дерьмом.

«Ты считала, что никто не знает, что ли? Да все знают прекрасно, вся школа, что ты сына родила от своего папочки, которого тот дедом звал!»

В один момент все переменялось, как будто кто-то с силой ударил по зеркалу молотком, а когда снова собрал осколки, то в угловатых, изломанных гранях отразился совсем другой, непохожий на прежний, мир. Случайно подслушанные, выкрикнутые с беспощадной злобой слова оказались последним, роковым грузом, со звоном оборвавшим какие-то струны в душе, и без того до предела натянутые в последнее время.

«Орленка» спой! Гранату продай! Спасибо деду за победу!»

«Гореть в аду тому, кто это сделал, и всем его родственникам!»

«Сынок, мы поедem жить в общежитие».

«Никто тебя не любит, волчонок. Никому ты не нужен, кроме Мамочки».

«Неудивительно, что теперь твой мальчишка устраивает разборки на перемене! Наследственность-то сказывается!»

А потом тонкий звон в ушах – и мгновенная, полная пустота, тишина, и удивительное облегчение, какое бывает, если выключить слишком долго

и назойливо гудевший прибор. Все исчезло. Все изменилось. И все встало на свои места. Вместо сутолоки мыслей, эмоций и переживаний наступил холодный и кристально прозрачный покой.

Впервые за долгое, очень долгое время Рома точно знал, что должен делать и как жить.

Он не стал ни о чем спрашивать мать, как и не стал ее утешать, когда ночью она заперлась в ванной, пустила воду из обоих кранов, чтобы заглушить неприятные, kloкочущие звуки рыданий. На уроки во вторник он не пошел – в этом не было никакого смысла. Когда мать, с опухшими веками над покрасневшими, маленькими глазами, стала его будить, Рома просто сказал:

– Я больше не пойду в школу, мама.

И посмотрел на нее.

Мать поморгала, открыла рот, снова закрыла, повернулась и вышла из комнаты, оставив его лежать на расстеленной на полу постели, там, где раньше стояло кресло-кровать, ныне сваленная грудой обломков в углу.

Вместо уроков Рома отправился к морю – туда, куда ходил во время обыска в их квартире, на берег Гремячего мыса. Он стоял на самом краю у невысокого обрыва, где тяжелые волны, набегая на застрявшие в мокром песке древние камни, разбивались ленивыми брызгами, подставлял лицо холодному, тихому ветру, вдыхал растворенную в волглom воздухе соленую водяную пыль и смотрел в туманную мглу, стирающую границу между морем и серым небом. Вокруг не было ничего, кроме завораживающего покоя, и очень скоро Рома стал слышать в шорохе ветра и шуме волн подобие голоса: нет, не злобный шепот, не торжествующий рев, даже слов не было в этом обращенном к нему монотонном и тусклом зове – это был голос самой пустоты, отрицательного бытия; это был голос Мамочки. Он слушал ее и понимал.

На самом деле нет никаких правил. Нет условностей и обрядов. Соблюдение ритуала нужно им, а не ей: это дисциплинирует, помогает собраться, но очень скоро наступит момент, когда он, избранный, Волк, Шаман, сможет обходиться и без строгой последовательности в отправлении культа – нужно лишь делать, что Мамочка скажет, давать ей что просит, отказаться от себя и раствориться в ней без остатка. Можно будет служить в одиночестве или, напротив, собрать вокруг себя не трех, а тридцать, триста, три тысячи новых покорных последователей; можно уехать из Северосумска или остаться тут навсегда; можно по-прежнему приходить в яму на дальней окраине или выстроить в честь Мамочки храм – высокий, теряющийся в пустоте неба, украшенный костями

исполинских китов и черепами чудовищ, – все это не имело значения, важна была только его свободная воля, отданная ей без остатка взамен совершенной, ничем не ограниченной свободы и силы.

Рома думал о том, как использовать эту постепенно растущую власть, и решения приходили сами собой, взвешенные, холодные, как камни, волны и ветер. Сначала многие должны умереть: этого требует справедливость, а еще ненависть, но не та, которая заставляла его, не помня себя, бросаться с кулаками в драку, но другая – равнодушная и неотвратимая, как ураган, сносящий к чертям человеческие жилища и топящий корабли. Начнет он, пожалуй, с Крупской – просто потому, что про нее вспомнил первой. Можно было не торопиться: весь мир и все время принадлежали теперь ему. Рома вспомнил свои прежние, глупые желания – деньги, двухкомнатная квартира для них с матерью, работа, – и ему стало смешно и немного стыдно. Деньги не были больше нужны; он может жить в любом доме этого города, получить любую машину, женщину, вещь, звание, статус, награду – если будет верен и честен с Мамочкой. А он будет. И коль скоро Мамочке понадобится живая кровь, она ее получит.

Но все же он немного тревожился, что в последний момент может дрогнуть: нет, не отказаться от приношения кровавого дара, но проявить слабость, почувствовать жалость – эти рудименты прежней, несовершенной личности еще могли жить в его ныне преображенной душе.

Но все действительно оказалось совсем легко. Ну, то есть переживаний никаких не было, а вот повозиться пришлось.

В кладовке среди пахнущих дедом старых вещей, чемоданов и узлов с разным тряпьем Рома нашел старый мешок для сменной обуви – мама сшила его сама, когда он пошел в первый класс. Ткань была очень плотной, толстой, а сам мешок туго затягивался прочными скользящими шнурами. То, что надо. Он растянул горловину пошире, прикинул размер, закрыл дверь кладовой и заглянул в комнату: там тускло светился торшер под бледно-розовым абажуром, еле слышно бормотал телевизор, подмигивая голубоватым экраном, а мать, как обычно, сидела уткнувшись в книжку с мягкой пестрой обложкой.

– Я иду прогуляться. Буду поздно, – сообщил он.

Мама испуганно посмотрела на него маленькими круглыми глазками.

«Не знает, что сказать», – понял Рома.

Ответа он дожидаться не стал. Закрыл поплотнее дверь, надел куртку, зашнуровал ботинки и с мешком в руках прошел в кухню. Татка дремала на табурете с тряпичной подстилкой. Рома подошел ближе и присел рядом,

примериваясь. Было важно сделать все быстро. Мамочка не указывала, чья именно кровь ей нужна, и он рассматривал разные варианты. Рома бы с куда большим удовольствием убил человека, чем свою кошку, но технически это было сложнее, да и последствия могли оказаться непредсказуемыми, пришлось бы тратить желание на то, чтобы выйти сухим из воды, а это нерационально. Оставалась возможность попробовать поймать какое-нибудь бродячее животное, но коты сейчас все попрятались по подвалам, бездомные псы редко бегали поодиночке и были, как правило, довольно крупными, да и риск заразиться от неизбежных в таком деле укусов или царапин тоже нельзя было игнорировать. С Таткой все было безопаснее.

Он вздохнул, одной рукой взялся за край горловины, а другой резко подхватил дремлющую теплую кошку под передние лапы и быстро сунул в мешок головой вниз. Татка проснулась мгновенно; она издала резкое протестующее мяуканье и, хоть голова ее уже оказалась в мешке, резко дернулась, выгнулась и полоснула в воздухе растопыренными лапами. Раздался треск: острые длинные когти разодрали правый рукав пуховика и оставили кровоточащие царапины на левой ладони. В воздух легко взметнулась длинная шерсть и белые перья. Рома зашипел от боли, вскочил и резко встряхнул мешок за края. Извивающаяся, орущая Татка провалилась внутрь, тут же мгновенно извернулась, вцепилась когтями в ткань и стремительно рванулась вверх, но Рома успел затянуть шнуры, и кошка повисла в воздухе, издавая отчаянные, рычащие вопли, впиваясь когтями в мягкие стены своей тесной темницы и извиваясь так, что мешок раскачивался, как под порывами ветра.

Рома быстро набросил на плечо веревки мешка, подхватил заранее выставленную в прихожую сумку с масками и выскочил из квартиры.

Татка орала не умолкая: то протяжно выла, то издавала резкое, отрывистое мяуканье, то принималась утробно рычать, так что, когда он добрался до остановки на Передовиков, она уже почти выбилась из сил и только хрипло стонала, и стоны эти походили не на голос животного, а на человеческий плач.

– Кровь, – повторил Рома.

Из мешка раздалось тоскливое, сиплое завывание: голос живого существа, чувствующего приближение смерти. Даниилу захотелось оказаться где-нибудь подальше отсюда, там, где тепло, тихо, светло, безопасно, – но знал, что такого места для него больше нет. Он с ужасом взглянул в глаза друга: они были серыми, как оловянные ложки, пустыми и мертвыми.

Тяжело загудел, зашуршал шинами, подъезжая, автобус; протяжно вздохнул, останавливаясь, и со скрежетом распахнул двери.

– Пацаны, Жека подъехал, заходим!

За окном автобуса в желтоватом свете полупустого салона Женя яростно махал им рукой; глаза у него были выпученными и круглыми, и он походил то ли на глубоководную рыбу в стеклянном, грязноватом аквариуме, то ли на филина, таращащегося из-за прозрачной стенки вольера. Толкаясь плечами, забрались в автобус. Мешок на плече Ромы болтался и дергался, и Даниил инстинктивно придержал его, отводя от жесткого поручня.

Там же кошка. Живая. Чтобы не ударилась.

Глаза защипало.

Ехали молча. Разговаривать не хотелось. Немногочисленные пассажиры были похожи на серые манекены: неподвижно сидели с прямыми спинами и слегка покачивались, когда автобус потряхивало на неровной дороге; казалось, что, случись на пути крутой поворот, они со стуком попадают на заплеванный пол в проходе между сиденьями. На кошачьи вопли никто не обернулся.

Даниил посмотрел на друзей. Макс сидел отвернувшись к окну; Женя взглянул на мешок, чуть прищурился и улыбнулся, ощерив крупные желтоватые зубы.

Снова заплакала кошка. Даниил захотел было протянуть руку и погладить ее сквозь намокшую ткань, но поймал на себе взгляд Ромы и поспешил отвернуться. Вместо мыслей в голове была какая-то пестрая мешанина, как будто кто-то порвал в клочья десяток цветных детских книжек и разбросал обрывки; из этого хаоса, откуда-то из глубокого детства вдруг всплыло:

«– Кисонька-мурысенька, ты где была?»

– На мельнице!»

Сколько ему было, когда мама читала перед сном эти потешки из детской книжки? Три, может, четыре года? И вот сейчас память вытасщила это откуда-то из потаенных своих закровов, как бывает, говорят, перед смертью, словно не кошке, а ему, Даниилу, предстояло сегодня окончательно умереть на дне темной, глубокой ямы.

«– Кисонька-мурысенька, что там делала?»

– Муку молола!»

Сквозь толстое черное сукно торчали едва заметно светлые кончики острых когтей. Мешок вновь задергался с хриплым мяуканьем.

Стылая морось превратилась в крупный ледяной дождь. Вместе с

тяжелыми каплями с невидимого во мраке неба летели острые градины и слипшиеся от влаги снежные хлопья. Лаз под железным забором окаменел: ночные заморозки закалили песок, и жесткие комья больно впивались в бока, ладони и спину. Даниил прополз первым; за ним протиснулся Рома и резким рывком выдернул за собой черный мешок. Раздался отчаянный вопль страха и боли.

– Осторожнее! – не выдержал Даниил.

– Ей уже все равно недолго осталось, – спокойно ответил Волк.

Это было похоже на страшный сон, вроде того, где Даниил ехал на поезде, автомобиле, а потом падал и падал в чудовищную тьму древнего капища: нельзя ничего сделать, невозможно проснуться, и остается только ждать, когда все закончится. Он подумал о времени: всего полчаса, даже меньше, и он отсюда уйдет. Нужно перетерпеть. Потому что альтернатива все равно страшнее.

Лютый ветер с моря хозяйничал под одеждой, как холодные жадные пальцы насильника. Странно, но в яме было теплее; может быть, оттого, что каменные стены и купол защищали от крепнущего урагана, но затхлый воздух казался согретым испарениями большого смрадного тела.

Лампа светила голубоватым, будто гнилушка. На каменной полке под серебряным надкушенным яблоком мерцал портал в другой мир, из которого им навстречу выдвинулась Она, Мамочка, во всем своем пышном, каменном, мертвом величии.

Маски сели на них как влитые.

– Я, Волк!

– Я, Лис!

– Я, Филин!

– Я, Медведь!

Мешок на жертвенном камне завыл, задвигался и начал сползать. Волк чуть шагнул вперед и прижал ткань ногой.

«– Кисонька-мурысенька, что из муки пекла?

– Прянички!»

Гулко заухал Филин. Медведь ударил большими сильными лапами, выбивая подземные ритмы.

– Слава тебе, о Великая Мать!

Над головой под яростным порывом ветра захлопал пластик, как гигантские крылья. Металлические штыри, удерживающие низкий купол, согнулись и загудели.

– Дай нам тебя за жопу обнять!

Лис уставился хищными блестящими глазками на извивающуюся,

подвывающую от ужаса жертву, а Даниил почувствовал, как стекла очков, упирающиеся в прорези маски, прижимаются к глазам и намокают соленым и мутным.

– К сиськам твоим дружно мы припадем!

– Желаний любых исполнения ждем!

Медведь встал, нагнулся и расстегнул рюкзак. Из-за пояса на утоптаный песок пола тяжело вывалился короткий четырехствольный пистолет. Он быстро подобрал его и положил на каменное сиденье, но никто не обратил внимания на оружие: все смотрели на увесистую кувалду на длинной и толстой деревянной ручке, которую он протянул Волку.

– Щедрую жертву от нас ты прими!

– Будем тебе мы вечно верны!

– Гимн тебе этот сейчас допоем...

– Голову жертве тотчас разобьем!

Даниил почувствовал, что у него закружилась голова. Прилипшая к лицу маска душила.

Все замерли, вопросительно глядя на Волка.

– Так, – сказал он, – я сейчас слегка развяжу веревки, чтобы она голову высунула, а потом снова завяжу. Филин, Медведь, а вы держите ее, чтобы не выскочила.

– А может, не развязывать? – предложил Филин. – Просто сверху ударим каждый по разу, и все.

Волк вопросительно посмотрел на Даниила.

– Лис? Что скажешь?

Тот представил себе, как удары кувалды обрушиваются один за одним на мешок, попадая куда угодно, только не в голову, как ломаются лапы, ребра, хребет, и выдавил:

– Нет. Нужно бить точно по голове.

Медведь и Филин вцепились скрюченными, похожими на когти пальцами в тельце под черным сукном. Волк осторожно ослабил завязки, и кошка мгновенно рванулась наружу: в узкое отверстие просунулась отчаянно вытянутая усатая морда, дико вытаращенные желтые глаза и прижатые уши.

– Держите! Крепче!

Кошка билась отчаянно, но звери были сильнее; Волк быстро и туго затянул веревки, пережав кошке шею; она засипела, задохнувшись воющим воплем, и забилась в последнем отчаянном усилии.

Волк стиснул рукоять кувалды, расставил ноги, неловко размахнулся, задев камни у себя за спиной, ударил и промахнулся. Молот скользнул по

кошачьей голове, содрав с черепа шерсть, обнажив кроваво-красную кость и расплющив левое ухо. Страшный визг, нисколько уже не похожий на голос живого существа, резанул по ушам. Волк растерянно отшатнулся.

«– Кисонька-мурысенька, с кем прянички ела?»

– Одна!»

– Дай сюда! – заорал Даниил.

Он выхватил тяжелый молот из рук Волка с такой легкостью, как будто тот был детской игрушкой. От чудовищных визгливых воплей темнело в глазах. Медведь и Филин навалились, из последних сил удерживая яростно бьющийся черный мешок, ткань которого расплзлась под рвущими его изнутри когтями, по ставшему черным плоскому камню бешено металось что-то кровавое, излохмаченное, с обезумевшими глазами и судорожно раскрытой пастью. Даниил уперся ногами крепче, перехватил кувалду, прицелился и врезал изо всех сил.

Раздался громкий удар и резкий, отвратительный хруст. Он почувствовал, как на брюки плеснулось что-то тяжелое и как стало мокро и горячо ногам пониже коленей. Все стихло.

– Ни хрена себе, ударчик! – восхищенно протянул Филин. – Смотри, головы у нее вообще не осталось! Вот так Лис!

С его клюва и с медвежьих клыков стекали по крашеному картону темные струйки. Даниил пошатнулся, стараясь не смотреть вниз, протянул в сторону окровавленный молот и опустил на каменное сиденье.

Еще дважды стукнуло железо о камень – приглушенно, как сквозь толстый слой ваты. Лисья маска сползла, закрывая глаза. В голове звенело.

– Лис! Лис!

Он помотал головой.

– Ты желание будешь загадывать?

Точно. Желание. Нужно сосредоточиться. Он напряг память, но в голове почему-то звучал мамин голос, который повторял: «Кисонька-мурысенька...»

– Да. Буду.

Он встал, старательно глядя только перед собой, поправил маску и наморщился, вспоминая.

– Хочу, чтобы у папы кончились неприятности на работе, никто при этом физически не пострадал, а наша семья не стала нищей.

И снова сел – нет, почти упал на холодный и жесткий камень.

Кто-то гулко и коротко хохотнул – наверное, Филин. Кто-то строго сказал, наверное, Волк:

– Тихо! Серьезнее!

Голоса забубнили неразборчиво, словно бы в отдалении. Он слушал, но почти не понимал слов. «Крупская... отец... Комбат...»

«Хилый ты, Лисенок, – насмешливо прозвучало в ушах, да так близко и четко, что Даниил вздрогнул. – Не нравишься мне».

«Я все сделал! – мысленно завопил он. – Все как надо!»

«Да не бойся ты так, – ответ пришел с воем ветра, с шумом невидимых волн, с шорохом купола над головой. – Я свое дело знаю. Выполню, что ты загадал. И не трону тебя... пока».

Даниил поспешно сорвал планшет с каменной полки и выключил.

– Торопишься? – спросил его Волк.

Он промолчал.

– Мужики, я сегодня тоже спешу, – заговорил Филин. – Давайте быстрее закругляться. Мы куда трупик денем? Опять под камень?

– Ну да. Оставим для Мамочки. Надо только яму вырыть поглубже. Лис, что стоишь? Давай помогай.

Вниз посмотреть все же пришлось.

* * *

Сегодня он действительно очень спешил вернуться домой. Автобус останавливался в двух кварталах от дома, и последние метров сто Женя уже почти бежал, пыхтя, отдуваясь и на ходу отыскивая глазами окна квартиры на последнем, пятом этаже. Со стороны улицы они были темны; он протрусил по двору, поднял голову – в двух других окнах, его комнаты и гостиной, тоже не было света – и облегченно вздохнул. Впрочем, это еще не значило, что все обошлось.

Со среды он почти не выходил из дома, а если и отлучался, то не больше чем на полчаса, в ближайший магазин, за продуктами и очередной бутылкой приторно сладкого, маслянистого вермута для мамы. Расход алкоголя оказался больше, чем он рассчитывал. Это могло бы стать проблемой, живи он не в Городке, но тут все было проще.

– Тетя Галя, меня опять мама прислала, – говорил он, опуская глаза и стараясь придать голосу немного плаксивой жалобности.

Продавщица местного магазина, который называли «циркульным» за круглую форму, смотрела с сочувствием и вздыхала. В Городке все знали друг друга и уж, конечно, были осведомлены о том, что случилось у Зотовых: вот ведь беда так беда, старшая девочка совсем слегла после стрельбы в «Селедке», когда у нее на глазах убили подругу, а мать теперь

пьет, не выходит из дома, бедный мальчишка, как навалилось-то все на ребенка, скорее бы уже отец из похода вернулся, а то жалко так, так жалко...

– Ты хоть кушаешь что-нибудь? – спрашивала тетя Галя, тихонько засовывая в шуршащий пакет бутылку «Мартини». – Похудел как, смотри, бледный весь.

– Кушаю, тетя Галя, – заверял Женя, принимая пакет и бросая туда упаковки с чипсами, кукурузными палочками, пельменями и замороженной пиццей. – Спасибо вам огромное!

Продавщица скорбно качала головой ему вслед. Долго так не могло продолжаться: рано или поздно кто-нибудь сообщит участковому, или коллеги мамы из городской больницы, не удовлетворившись разговором по телефону и словами сына о том, что мама болеет, явятся с незапланированным визитом, или кто-то начнет деятельно интересоваться, что происходит за темными окнами и запертой дверью их молчаливой квартиры, но Женя надеялся продержаться.

Он открыл дверь парадной и стал подниматься по лестнице. Звук шагов отдавался приглушенным эхом, шершавым, как стены подъезда. Отдышался немного, постоял у обитой черным блестящим пластиком двери квартиры, потом достал ключи – замки глухо залязгали, как стальные челюсти. Отпер оба, верхний и нижний, спрятал ключи и прислушался: за дверью была тишина, только чуть слышно работал телевизор. Никаких посторонних и подозрительных звуков. Можно входить.

Вязкая темнота коридора пропиталась густой смесью запахов: затхлый дух давно не проветриваемого помещения, пыли, несвежей одежды, спиртного, неубранной в холодильник еды, а еще резким, приторным ароматом маминых духов, которые Женя перед уходом обильно разбрызгал в воздухе. Двери в комнаты были закрыты; из спальни пробивалась светящаяся голубоватым, мерцающая полоска и бубнили голоса дикторов ночного выпуска новостей.

Женя включил в коридоре свет, снял куртку с темно-красными брызгами на рукавах, стянул с головы шапку – жирные, черные, давно не мытые волосы сразу поднялись вверх и в стороны, будто пародируя ужас, – разулся и вошел в спальню.

– Привет, мам. Привет, систер. Я дома.

В комнате было жарко и душно. Смерд алкоголя ощущался сильнее, и к нему примешивалась ощутимая вонь испражнений. Женя поморщился, но окинул взглядом едва освещенную синеватыми сполохами темную спальню и улыбнулся.

Они были там, где он их оставил. Зря волновался, все обошлось.

Большое окно закрывали плотные длинные шторы; с учетом того, что ручки на запертых рамах тщательно свинчены, а за самим окном находилась широкая лоджия, предосторожность казалась излишней, но Женя решил, что лучше перестраховаться. Батарея под подоконником обмотана в два слоя толстым пуховым одеялом, чтобы приглушить звуки, вздумай кто-то стучать по ней, привлекая внимание соседей. Из-под одеяла высовывались несколько тонких полосатых шнуров; с одной стороны они были прочно привязаны к трубам, а с другой обвивали стянутые вместе щиколотки и запястья мамы и Инги, лежавших, прижавшись друг к другу, на грязно-белом мохнатом коврик у кровати. Когда Женя вошел, их бледные лица, подсвеченные призрачной синевой, повернулись к дверям; распахнутые глаза были похожи на пустые провалы; на месте ртов темнели широкие прямоугольники клейкой ленты.

– Ай-ай-ай, – покачал головой Женя. – Кто-то все-таки не дотерпел, да?

Он втянул носом воздух, картинно сморщился и засмеялся.

– Ну ничего, я не сержусь. Сейчасходим в ванну, вымоемся как следует и будем ужинать, да?

Сестра смотрела на него безучастно. Светлые волосы разметались по полу слипшимися сосульками. Белая кофточка с короткими рукавами перекрутилась на тоненьком теле, задралась и скомкалась. Длинные ноги в белых гольфах были поджаты к животу; короткая красная юбка вздернулась, приоткрывая аккуратную круглую задницу. Женя протиснулся мимо телевизора, стоящего на табурете рядом с кроватью, подошел ближе, заглянул Инге под юбку и с удивленной укоризной воззрился на мать.

– Мама, вот кто, оказывается, обделался тут без меня! Ну, от тебя я не ожидал!

Он нагнулся и резким рывком содрал скотч с покрасневших, опухших губ. Мама хрипло вскрикнула, замотала головой, рассыпая белые кудри, умоляюще взглянула на сына и просипела:

– Сыночек, прости...

Он нежно погладил ее по щеке и успокаивающе улыбнулся.

– Ладно, ладно, я же сказал, что не буду злиться. Не следовало вас оставлять так надолго, но было важное дело. Не мог же я бросить тебя, не позаботившись о твоей же собственной безопасности, правда?

– Сынок, Женечка... я же не убегу, я пообещала...

От ее дыхания разило кислотной и перегаром. Шелковый желтый халат распахнулся, и Женя невольно задержал взгляд на небольшой

торчащей груди с розовыми мягкими сосками.

– Пока я еще не могу доверять тебе полностью, – строго сказал он и принялся развязывать тугие морские узлы на такелажных шнурах.

Так крепко и прочно он связал их впервые. Обычно во время своих кратких вылазок за едой он ограничивался тем, что заклеивал рты и связывал руки в запястьях, оставляя свободными ноги, чтобы они могли подойти, например, к кровати, если захотят полежать не на жестком полу, или воспользоваться, в случае, если приспичит естественная нужда, пластиковым ведром, которое Женя предусмотрительно приносил в комнату, а потом долго разбрызгивал духи, используя их в качестве освежителя воздуха. Но сегодня предстояло отсутствовать не один час, вот он и перестарался немного: мало ли, вдруг мама ухитрится распутать веревки пальцами ног? Не стоило рисковать. В этом доме теперь все решал и за все отвечал только он. Жаль только, что понимание этого так запоздало, – но лучше ведь поздно, чем никогда, правда?

Все произошло как-то само собой. Поздним вечером вторника у мамы вновь зазвонил телефон; возбужденный, звенящий смех, шум воды в душе, торопливый стук босых ног, шорох одежды – Женя сидел в своей комнате, стиснув зубы, зажмурившись, и думал о том, кто появится в их квартире на этот раз. Снова воняющее тухлой рыбой громоздкое пугало, грузно протискивающееся по коридору? Пьяный завсегдатай рюмочной из Слободки? Угрюмый работяга с далекого юга, из тех, что селятся вдесятером в тесных вагончиках вокруг карьеров в Заселье? А может, футбольная команда Северосумска в полном составе, вместе с тренером и массажистом?

Он встал и пошел в кухню. Мама сидела, забросив одна на другую длинные, блестящие ноги, и курила ментоловую сигарету, выпуская дым в холодный, промозглый воздух за приоткрытым окном.

– Ты останешься дома, – сообщил Женя.

Мама удивленно прищурилась, выпустила дым через вытянутые трубочкой яркие губы и произнесла:

– С чего это?

– С того, – ответил он, не утруждая себя аргументами. – Потому что я так сказал.

Мама раздраженно раздавила в пепельнице недокуренную сигарету, встала, одернула красное платье, вскинула голову и пошла прямо на сына.

– Ну-ка пусти!

– Нет.

Женя посмотрел на нее и впервые заметил, что она чуть ниже его

ростом. Как и все дети, он привык смотреть на мать снизу вверх, даже когда вырос, окреп, превратившись в довольно крупного для своих лет подростка, а сейчас понял, что он выше, чем мама, и уж наверняка тяжелее.

И сильнее. Точно сильнее.

Мама толкнула его в грудь растопыренными ладошками. Он покачнулся и внезапно, будто перейдя какой-то порог внутри собственного существа, резко схватил ее за волосы на затылке. Она вскрикнула, больше от удивления, чем от боли, голубые глаза широко распахнулись, а Женя другой рукой стиснул ей горло и поволок в спальню.

– Ты никуда не пойдешь! Никуда! Никогда! Больше! Не пойдешь!

Мама пыталась бороться, вцепилась ему в руки, ноги скребли по полу, роняя тапки. Женя, рыча, проволок ее по коридору, не чувствуя веса, не ощущая сопротивления, пинком распахнул дверь комнаты и швырнул на кровать. Она шлепнулась на живот с коротким, придушенным воплем, а он навалился сверху, продолжая сжимать руки на шее и вдавливая в мягкий матрас. Если бы мама продолжала бороться, пыталась драться, вырываться, кричать, может быть, все сложилось бы тогда по-другому. Возможно, он бы убил ее, задушил прямо там, на кровати, которую она должна была беречь для отца и на которую всего несколько дней назад улеглась вместе с каким-то пыхтящим чудовищем из ночного кошмара. А может, сдался бы, отпустил ее, ушел к себе в комнату, снова уткнувшись в экран монитора, – кто знает. Но мама перестала сопротивляться, затихла и только скулила тихонько, вздрагивая всем телом и упираясь ему в пах упругими ягодицами. Женя вырвал из лампы у изголовья кровати электрический провод и с остервенением обвязал его вокруг хрупких запястий, затянув двойные узлы. Проводом второй лампы стянул щиколотки. Потом сорвал с подушки наволочку и затолкал ее, размазывая кровавого цвета помаду, так глубоко в мамин рот, что едва не вывернул челюсти. Встал, тяжело дыша, и посмотрел: мама, подвывая чуть слышно, лежала лицом вниз, почему-то согнув ноги в коленях и задрал их кверху.

– Ты никуда не пойдешь, – повторил Женя; по виску скатилась капля жирного пота. – Лежи тут смиренно, ясно тебе?!

Теперь пути назад не было, и действовать следовало быстро, а соображать еще быстрее. В чулане нашлись прочные черно-желтого цвета веревки и широкая изолента; на кухне – пугающего вида широкий и острый тесак для рубки костей и больших кусков мяса.

– Видела? – сунул он маме под нос блестящее лезвие, в котором отразились ее вытаращенные, обесмыслившиеся от ужаса глаза. – Только дернись, зарежу!

Она поверила. Не могла не поверить, потому что это было правдой.

Через несколько минут он уже привязал ее к батарее, вытащил изо рта обмусоленную, пропитанную слюной тряпку и налепил поверх губ клейкую ленту. Намотал себе на локоть остатки веревки, прихватил тесак и отправился в комнату к Инге.

Сестра как ни в чем не бывало лежала, укрытая пледом, и смотрела в экран телевизора. Когда в дверях появился брат, всклокоченный, запыхавшийся, с веревкой в одной руке и мясницким ножом в другой, она только скользнула по нему равнодушным, потерянным взглядом и снова устала в телевизор.

За время, прошедшее после жуткой бойни в «Селедке», Инга так и не пришла в себя полностью. Женя боялся, что сестра станет «овоцем», начнет мочиться в постель и ее придется возить на коляске и кормить с ложки, вытирая капающую слюну и стекающую струйкой из уголка рта жидкую кашу, но случилось другое. Инга жила будто в трансе или под гипнозом – ну, во всяком случае, Женя именно так представлял себе тех, кого загипнотизировали или погрузили в трансное состояние: она ела, спала, самостоятельно умывалась и ходила в уборную, но была где-то не здесь. Может быть, в недалеком прошлом, где оставалась веселой, язвительной и сексуальной девчонкой, на глазах у которой еще не разлетелась пробитая пулей голова лучшей подруги. На вопросы она не отвечала, но слушала и всегда выполняла что скажут; иногда заговаривала сама с собой, порой что-то спрашивала невпопад, но чаще молчала и лежала вот так, глядя в экран. Женя пробовал в качестве эксперимента переключать каналы, но Инге было совершенно все равно, что смотреть: турнир ли по боксу, крикливое шоу или концерт ансамбля народных инструментов. Можно сказать, она стала идеальным ребенком, таким, о котором мечтает каждый родитель: хорошо кушает, спит, слушается и не докучает.

– Систер, – попросил ее Женя, – вытяни руки.

Инга, не отрывая взгляд от передачи про морских котиков, откинула плед и протянула ему свои тонкие кисти. Женя скрепя сердце связал их, стараясь не слишком туго затягивать узел, потом поднял сестру с дивана и повел за собой в спальню.

Теперь ему предстояло решить, что со всем этим делать. Он оставил сестру и мать сидеть связанными у батареи, а сам ушел к себе в комнату, оставив открытыми двери.

Сначала он сказал себе, что надо просто дождаться отца; что он вынужденно обезопасил себя, сестру, даже мать от ее ночных походов,

что нужно перетерпеть, подождать, объяснить ситуацию, рассказать, почему единственным выходом стало то, что он сделал. Но это было неправильно. Все эти мысли принадлежали тому испуганному мальчишке, который в слезах слушает, как его мать идет трахаться с посторонними мужиками, как приводит в дом незнакомцев, мальчишке, который может только сжиматься от страха у себя в комнате и ждать, когда придет большой сильный папа и все решит, защитит и исправит. Вот только теперь этот мальчик исчез. Глупо было рассчитывать, что после возвращения отца из долгого плавания что-то изменится: никогда ничего не менялось, все останется как прежде и на этот раз. Эта семья нуждалась в новом главе. И он появился.

Впервые в жизни он почувствовал себя свободным и сильным. В квартире нашлись деньги – зарплата отца за прошлый полугодовой дальний поход, – и их оказалось больше, чем Женя рассчитывал. Окна были зашторены, двери закрыты, на кухне – полно припасов, которые при случае можно было пополнить. Квартира превратилась в настоящий заколдованный, сумрачный замок, в котором в полном его распоряжении томились пленницы, две самые прекрасные и любимые женщины в мире. Он проходил по коридору из комнаты в комнату, как по рыцарским залам; сидел у светящегося телевизора, как перед камином; он нес ответственность, принимал решения, мог проявить и строгость, и милосердие. Правда, строгость приходилось пока демонстрировать немного чаще: мама нуждалась в воспитании, и он преподал ей, как мог, краткий и убедительный курс послушания. На исходе первых суток, в ночь со среды на четверг, задыхающаяся, охрипшая от задавленных кляпом криков, с красным, вспотевшим лицом, которое облепили длинные мокрые светлые пряди, она сдалась; «никогда... навсегда... никуда не уйду... буду слушаться... обещаю... обещаю...», но Женя не очень-то доверял этому полузадушенному, горячему шепоту и веревки не снял. «Люди не меняются» – так, кажется, сказала Мамочка, и он был с нею согласен. Женя и не ожидал, что мама изменится; он только надеялся доходчиво объяснить, кто теперь в доме хозяин, заставить ему подчиняться, сломать, если это потребуется, а в качестве поощрения дать то, ради чего она убегала из дома. И дать с избытком. Еще хорошо помогал алкоголь; Женя быстро заметил, что если трезвой мама еще иногда пыталась слабо протестовать, уговаривать его или даже грозиться, то после стакана сладковатого вермута становилась сговорчивее, а после трех и вовсе уже забывала, что сидит на привязи у батареи рядом с полубессознательной дочерью, а сын раздевает их догола, а потом снова наряжает, словно двух кукол, по своему вкусу,

иногда расчесывает щеткой волосы или даже подводит губы помадой и пытается накрасить глаза.

Он наконец распутал шнуры и помог маме встать. Она поморщилась и покачнулась на затекших ногах; смрад накатила волной; на полу темнело неприятного вида пятно.

– Пойдем умываться, мама.

Наверное, она успела чуть-чуть протрезветь, потому что смущенно отвернулась, стоя голой в белой ванне под ярким электрическим светом. Женя настроил душ, попробовал воду рукой, плеснул на округлую мамину попу.

– Не горячо?

Она помотала головой и взяла рукоятку душа связанными руками.

– Нет, все хорошо, сыночек.

Он отдал ей душ, намотал на кулак длинный конец шнура, сел на пол и стал смотреть, как мыльная пена стекает по гладкой, блестящей коже, унося в сливное отверстие коричневатые, дурно пахнущие потеки. Мама стояла спиной, неуклюже оглаживая себя руками и путаясь в провисшей, мокрой привязи.

– Давай помогу.

Женя намылил ладони, нежно провел рукой между упругих ягодичек и старательно принялся намыливать промежность, ощущая пальцами отрастающие волосы и тугие, плотные складки. Мама судорожно всхлипнула, чуть расставила ноги и немного нагнулась, опираясь руками о кофейного цвета кафель с узорами в античном стиле. Журчала вода, легкий пар покрывал дымкой большое зеркало, становилось очень тепло, и Женя почувствовал приятное умиротворение, как будто сейчас во всем мире были только они с мамой в этой дышащей жарким уютом и покоем ванной, и минуты длились как вечность.

Пол в спальне он помыл сам: роль главы семьи предполагает не одни только удовольствия, иногда нужно делать все самое трудное или неприятное. Потом передел маму в другой халат, не такой короткий и яркий, но тоже красивый. Усадил ее рядом с Ингой, подумал, что, может быть, нужно искупать и сестру, но решил отложить это дело на завтра. Пошел в кухню, разогрел пиццу в микроволновке, поставил тарелку на большой красный поднос, добавил пачку чипсов, бутылку колы, «Мартини» и вернулся в спальню, удобно устроившись между матерью и сестрой. Поднос пристроил рядом на пол; пощелкал немного пультом от телевизора, нашел канал с фильмами, обнял женщин за плечи и откинулся спиной на теплое одеяло, окутывавшее батарею.

Он был дома.

Инга положила голову ему на плечо, глядя широко распахнутыми глазами в экран. Мама мягко привалилась с другой стороны. На экране отважные рыбаки боролись с бурей, отчаянно атакуя исполинские волны, вздымаемые идеальным штормом. Женя подумал, что точно так же, где-то за тысячи километров отсюда, борется с ветром небольшой белый корвет отца, пересекая уже границу двух морей и направляясь к порту приписки. Пенные брызги летят в окна рубки, потоки воды перекачиваются через палубу, бьются в задраенные на кремальер люки, нос корабля то вздымается вверх, то исчезает среди черно-белого бурного моря, а экипаж считает последние дни, оставшиеся до возвращения домой.

Но они не вернутся. Когда судно исчезнет с радаров, возможно даже не успев подать сигнал бедствия, все будут гадать о причинах случившегося, выдвигать версии, обсуждать технические неполадки или ошибки злосчастного экипажа, но никто не сможет предположить, что все дело в старшем помощнике командира, капитане второго ранга Зотове, который не справился с обязанностями отца и мужа, допустил, чтобы его жена пошла по рукам, а дом превратился в постоянный двор для похотливых бродяг.

«Мамочка, сделай так, чтобы мой отец не вернулся из моря».

Глава 16

10 октября 20... года.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info).

«Группа мужчин пострадала при нападении со стороны неизвестных в ночь на субботу 10 октября у дома номер 15 по улице Красных Матросов. Трое потерпевших госпитализированы в Первую городскую больницу с черепно-мозговыми травмами различной степени тяжести. По словам свидетельницы нападения, гражданской жены одного из пострадавших, медсестры психоневрологического интерната, ее муж, учитель средней школы № 1 Майзель А. Л., и еще два человека были атакованы неопознанными лицами, которые скрылись до прибытия наряда полиции. Сам Майзель А. Л. получил рваные раны головы, ушибы мягких тканей лица и сотрясение головного мозга. Травмы других жертв нападения оказались более серьезны: так, неработающий В., житель Михайловска, получил тяжелое ранение черепа и в настоящее время прооперирован. Сотрудник охранного предприятия «Барс» С., также проживающий в Михайловске, пребывает в коматозном состоянии вследствие открытой черепно-мозговой травмы височной области. Двое находящихся в сознании потерпевших не смогли дать удовлетворительного объяснения произошедшему, сославшись на потерю памяти».

«По информации Северосумской метеостанции, сегодня, 10 октября, в период с 16.00 до 23.00 ожидается усиление северо-западного ветра с порывами до 25 м/с. Отдел гражданской защиты Администрации Северосумска обращается к горожанам с просьбой проявлять осторожность: в указанное время по возможности не выходить на улицу, тщательно проверить, закрыты ли окна, форточки, балконные двери, входные окна и подъезды многоквартирных домов.

Метеослужба сообщает, что вследствие движения холодных воздушных масс со стороны Северного Ледовитого океана опасность шторма сохранится в течение всей следующей недели. Сильный ветер от 13 до 20 м/с будет сопровождаться обильными осадками в виде дождя и мокрого снега».

Буря вторглась в город вместе с надвинувшейся из-за пределов мира

ночью. Передовые отряды порывистого колючего ветра влетели на улицы, кружась, завывая, визжа, обламывая на лету ветки деревьев, скалясь в окна и срывая рухлядь с балконов. Поползли вдоль проспектов и переулков длинные шелестящие ленты из морозной пыли, мусора и опавших листьев, как торопливые змеи, шуршащие сухой кожей. Рекламные щиты задрожали, как бубны, в которые кто-то бил невидимым кулаком, призывая древних богов. На темном небе еще различались редкие яркие звезды, но потом они стали гаснуть одна за другой, когда со стороны моря надвинулась непроницаемо темная масса громадных туч, похожих на исполинский город; но если это и был небесный град, то уж точно не Иерусалим: тяжелые темные клубы устрашающе громоздились один на другой, образуя стены, ротонды, арки и еще что-то, чему не было названия в человеческом языке, а с громоздких башен готовы были сорваться вниз каменные горгульи.

Лихие порывы ветра сменились мощным, непрерывным напором. Провода загудели, как струны. Город наполнился гулом. Кое-где замигали окна и вывески, словно сам свет, захлебываясь темным вихрем, сдавался в битве с явившейся тьмой. Редкие запоздавшие пешеходы, скорчившись, спешили укрыться в домах. Исчезли машины. Забившиеся на чердаки птицы замерзали, сбившись в тесные дрожащие кучки и тщетно пытаясь согреться. Пропитанный морской солью свирепеющий ураган прогнал все живое с улиц, заставил спрятаться в щели и норы тесных квартир, и тогда с низко нависших косматых туч обрушились вниз и наискось потоки ледяного дождя и тяжелого мокрого снега, укрывших своей завесой то, что вторглось в город вместе со штормом.

У него были свои планы и правила.

В дальнем море за горизонтом с навалившейся яростной бурей боролся белый корабль, возвращающийся домой из похода. Через два дня одышливый дизельный двигатель остановится, как усталое сердце, и корвет, потеряв возможность разрезать вспенившиеся валы, развернется лагом к волне и опрокинется, увлекая без малого сто человек в холод бездонной водной могилы.

У истертых временем причалов «Коммунара» раскачивались и скрежетали старые корабли, бились бортами, угрюмо стонали, будто сетуя, словно бывалые воины, что стоят в стороне и не могут вступить в битву с волнами. Черные длани ветра врывались в ремонтные доки, заставляли дрожать стиснутые высокими стенами суда; в задраенном наглухо трюме выдавшего вида сторожевика с отсеченной кормой, обреченного быть разобраным и разрезанным на иглы и канцелярские скрепки, качнулись

оставленные ремонтниками газовые баллоны; ударились, прозвенели во мраке железного чрева и повалились один за одним, как компания выпивох, в которой один, не устояв на ногах, увлек за собой остальных. Из повредившихся клапанов стала бесшумно сочиться ядовитая горючая смесь. К утру понедельника, когда сюда вернутся рабочие, среди которых будет молодой парень, недавно вернувшийся в город из армии, парень, младший брат которого со сломанным коленом лежит в городской больнице, – тогда трюм превратится в гигантскую бомбу, и хватит незаметной искры, чтобы объемный взрыв разметал обуглившиеся тела, разорвал швы на корпусе корабля, пробил переборки и через отсутствующую кормовую часть плюнул пламенем и шрапнелью раскаленных стальных обломков в сторону утилизационных цистерн со слитой соляркой.

За черной узкой лентой Шукры, в Заселье, ветер налег на поставленные в два ряда друг на друга контейнеры, приспособленные под жилье для людей. Холод вползал в бесчисленные щели и дыры, заставляя жарче растапливать самодельные печи; в ночь на понедельник, не выдержав напора бури, несколько похожих на консервные банки хибар рухнут, из распавшихся печек вырвется пламя, пожирая убогий скарб, спрятанные среди грязной одежды небогатые накопления и не успевших вырваться из западни обитателей, и десятки чумазных рабочих из чужих, дальних стран вырвутся в город, сбившись в стаи, как оголодавшие волки.

Ураган раскачивал вышки сотовой связи; проворными ледяными пальцами облеплял провода мокрым снегом, готовясь замкнуть напряжение в яркие электрические дуги, рассыпать искры, поджечь дерево и труху стен обитатели брошенных стариков; эмиссары надвигавшейся с моря тьмы стучались в окна, завывали в вентиляционных колодцах, напоминали о старых обидах, наводили тоску, сеяли страх, и люди гасили свет в окнах, чтобы кто-то не увидел его снаружи, прислушивались к ночным голосам и шагам у входных дверей, шептали во сне слова незнакомых наречий или вовсе не спали, вытаращившись в темноту и внимая мраку в собственном сердце.

Еще до наступления хмурого утра город был полностью завоеван.

* * *

Большие окна больничного холла на втором этаже из непроницаемо темных постепенно превратились в тускло-серые, как будто черная краска

ночи размылась, разбавленная холодной влагой дождя.

Карина сидела на металлической скамейке под стендом с пестрыми комиксами об оказании первой помощи при переломах и смотрела на бледные полосы света из окон, что крались по линолеуму цвета морской волны, как унылые тучи над океанской водой. Рядом стояла дорожная сумка, совсем как давным-давно, в другой жизни, когда она так же сидела на жесткой полке купе, поезд уносил ее в неизвестность, а приятный, интеллигентный мужчина напротив спросил: «Наверное, вы не часто ездите в поездах?», и она зачем-то ответила, вместо того чтобы промолчать.

Голову словно набили сухим песком: сказывалась беспокойная ночь, события которой представлялись обрывками дурного сна; может быть, оттого, что она действовала бессознательно, не вполне отдавая отчет в реальности происходящего, но в то же время уверенно и на удивление четко: подобрать окровавленный молоток, телескопическую дубинку, брошенную бейсбольную биту, унести все это в квартиру и спрятать в кладовке; вызвать полицию и врачей; накинуть поверх разметавшегося пеньюара пальто, застегнуть его наглухо, сунуть ноги в зимние сапоги – и снова выйти на улицу. Отвечать на вопросы, дрожа от холода и нервного возбуждения, забраться в машину «Скорой помощи», куда на носилках вкатили все еще бесчувственного А. Л. (или А. Р.? Инквизитора?), и держать его за руку, раскачиваясь на поворотах, когда он приходил в себя, порывался встать, о чем-то спросить, но она лишь молчала, помогая медбрату стирать кровь с лица и прижимать к ранам на голове быстро намокающее горячим и алым домашнее кухонное полотенце. Долго ждать в приемном покое, больше похожем на морг, среди покалеченных, стонущих, пьяных и полуголых, ковыляющих самостоятельно или распростершихся на носилках, воняющих перегаром, гноем, калом и потом, и только под утро, убедившись, что два длинных шрама защиты, что томография не выявила гематом, а рентгеновский снимок не показал переломов, уехать домой. Таксист, косившийся на ее распущенные черные волосы и красный рот, пытался было завести разговор, но Карина взглянула так, что он мгновенно замолк – может быть, что и не на один день.

Квартира показалась совершенно чужой, покинутой жившими тут людьми так же внезапно, как исчезает команда корабля-призрака, оставляя тем, кто найдет его, дрейфующего по волнам, строить предположения о случившемся: оплавленная свеча, растекшаяся по металлу подсвечника, недопитая бутылка вина, запеченное мясо, так и не покинувшее остывшей духовки, тарелки на белой скатерти, а теперь еще и разбросанные в беспорядке поспешных сборов вещи. Перед зеркалом в ванной Карина

стерла краску с глаз и губ – резкими, порывистыми движениями, словно ненавидела тот новый образ, который вдруг вздумала зачем-то примерить. Быстро переделалась – черный свитер, длинная темная юбка, платок, собрала вещи в дорожную сумку – только то, с чем пришла в этот дом почти полгода назад. Не прибираясь, забыв погасить свет на кухне, торопливо выскочила за дверь, будто бы совершая побег и опасаясь, что помедли она с бегством пару лишних минут, и что-то, оставленное в этой квартире, сможет ее задержать.

В больнице уже ждал хмурый, невыспавшийся оперативник: она рассказала историю о страшной драке, которую видела из окна, о неизвестных злодеях, напавших на ее мужа, и двух отважных мужчинах, кинувшихся ему на выручку и тяжело пострадавших в жестоком побоище. Полицейский нацарапал несколько каракуль в блокноте, спросил, сможет ли Карина подъехать потом в отделение для составления протокола, пообещал сообщить, если появятся новости, и исчез.

– А что у вас в сумке? – полюбопытствовал он перед уходом.

– Вещи для мужа, – спокойно соврала Карина.

Насчет своих показаний она не тревожилась. А. Л. – пора уже привыкать называть его по-другому, надо себя приучать! – так вот, Инквизитор вряд ли мог видеть, как она набросилась на этих бандитов, а если и сообразил что-то, уж точно не выдаст ее, хотя бы из благодарности. Что же до самих налетчиков, то они тем более будут молчать: один из них, получивший удар молотком в висок, находился в глубокой коме и имел все шансы остаться там в ожидании переселения в лучший мир; второй же только сейчас приходил в себя после операции по удалению субдуральной гематомы. Впрочем, существуй даже реальная опасность отправиться за решетку, Карину это тревожило мало. У нее имелись более серьезные поводы для переживаний.

Палата оказалась большой, светлой, с двумя окнами, выходившими во двор, маленьким телевизором, отдельным душем, туалетом и четырьмя койками: одна из них была заправлена и пустовала; поверх смятого одеяла другой лежала горбом какая-то книжка в мягкой обложке, на тумбочке у изголовья валялись апельсиновые корки. На кровати справа, ближе к окну, кто-то спал, отвернувшись лицом к стенке и завернувшись в серое одеяло. Карина подошла к изножию четвертой койки, слева у двери, остановилась и посмотрела.

Инквизитор, похоже, дремал. Прикрытые веки беспокойно подрагивали. На голове громоздилась неуклюжая, толстая, похожая на шлем повязка с проступившими желтоватыми пятнами. Громадный

кроваподтек был смазан чем-то блестящим и налился багровой синевой, оттеняющей бледность осунувшегося лица. От висящей на металлической стойке капельницы к залепленной пластырем вене на левой руке вела гибкая трубка.

– Аркадий, – негромко позвала Карина.

Он открыл глаза, увидел ее и вздрогнул, испугавшись одетой во все черное женской фигуры, возникшей рядом с ним в больничной палате.

– Это я, – сообщила она.

Инквизитор зашевелился, улыбнулся и тут же скривился от боли в скуле.

– Привет! – сказал он. – Рад тебя видеть! С тобой все хорошо?

Карина внимательно наблюдала.

«Он действительно рад. Искренне. Впрочем, какое это имеет значение».

– Я в порядке, – сказала она. – Мне нужно сказать тебе кое-что.

Она подвинула край одеяла и присела на койку. Инквизитор тревожно взглянул на нее и переспросил:

– Точно все в порядке?

– Это неважно. То есть со мной все нормально. Наверное. Или нет. – Карина почувствовала, что запуталась, и разозлилась на себя за это. – В общем, я о другом хотела сказать.

– Слушаю, – настороженно произнес он.

Карина вздохнула.

– Полиции я рассказала, что на тебя напали какие-то хулиганы. Двое случайных прохожих бросились тебя защищать и тоже пострадали. Сейчас они, кстати, тоже в этой больнице, с разбитыми головами. Один вряд ли оправится, другому повезло больше. Будет неплохо, если ты тоже станешь придерживаться этой версии. А еще лучше сказать, что ничего не помнишь.

– Понял. – Он задумался на секунду и произнес: – Значит, это все-таки ты... да?

– Да.

– Я не помню всего отчетливо, только то, что упал, а потом крики... Знаешь, я догадывался, но поверить не мог, чтобы ты... Но как?!

Карина хотела улыбнуться, но, видимо, это умение осталось где-то в той самой квартире, которую она так поспешно покинула. Вместо этого губы растянулись в кривоватый оскал. Она нагнулась пониже, почти касаясь груди Инквизитора своей затянутой в черный свитер грудью, приблизила губы к его уху и прошептала:

– Я сделала это твоим молотком. Нашла его вместе с клейкой лентой,

маской и мешочком с какой-то сушеной дрянью. Аркадий Романович.

Он дернулся и попытался повернуть голову.

– Тише, тише, – сказала она. – Это еще не все, подожди. Помнишь, я обещала тебе сюрприз? Не могу сказать, что планировала именно это, но слово нужно держать.

Карина встала, поставила правую ногу на край прикроватной тумбочки и подняла юбку.

– Смотри.

Он и так смотрел во все глаза, с недоумением, недоверием, смотрел, как она поднимает юбку все выше, успел удивиться тому, что на ней надеты чулки, которых он раньше не видел, как чуть приспускает широкую резинку на белом бедре, как подцепляет ярко-красным ногтем телесного цвета пластырь, снимает его и обнажает маленький иссиня-черный рисунок, похожий на татуировку.

Перевернутый книзу трезубец.

Удивление в его широко распахнувшихся глазах сменил ужас, будто бы на его глазах она из человека превратилась в какое-то жуткое, inferнальное существо. Карина отступила на шаг, отпустила край юбки, позволив ей свободно упасть вниз, и сказала:

– Теперь ты знаешь.

Инквизитор молчал. Лицо его, и без того бледное, побелело настолько, что выделялось даже на фоне накрахмаленной белой подушки. Она подняла с пола сумку.

– Ты жив только потому, что я люблю тебя. Так уж вышло. Но сейчас я ухожу. И очень прошу, не ищи меня, даже не пытайся найти, потому что иначе... я просто не знаю, что тогда будет.

Он не сказал ни слова. Карина отвернулась и быстро вышла за дверь.

В коридоре она постояла немного, привалившись к стене, и ждала, пока пройдет противное жжение в глазах, когда перестанут расплываться предметы и снова можно будет дышать и жить. Санитарка в зеленом халате, катя перед собой дребезжащую железом каталку, покосилась и решила спросить:

– Девушка, вы как себя чувствуете?

Карина выпрямилась, поморгала, попробовала улыбнуться, вовремя передумала, чтобы не пугать никого той гримасой, которая теперь получалась вместо улыбки, и ответила:

– Я в норме. Спасибо.

Решительно вытерла ладонью подступившие слезы и зашагала по коридору.

У нее было еще много важных дел.

* * *

Ранним утром субботы по влажно блестящей ленте шоссе, пересекавшей припорошенные снегом белесые равнины и перелески, со стороны Михайловска в Северосумск мчалась колонна автомобилей. Они шли ровно, мощно и неумолимо, как атакующая бронетанковая бригада: впереди черный микроавтобус, за ним два Mercedes GL с номерами областной администрации, последним – еще один микроавтобус с наглухо тонированными стеклами. Висящая в воздухе морось взвихрялась при их приближении и кружилась вокруг, окутывая туманным, прозрачным шлейфом. Над Северосумском нависала клубящаяся чернотой неправдоподобно огромная туча, простирающаяся от лесов на южных окраинах до морского горизонта на севере. По лобовым стеклам застучали ледяные капли, а потом полетел мокрый снег, крупный и частый.

– Денис, не гони, не хватало еще убится на такой дороге, – сказал Вениамин и поморщился, глядя в окно. – Ну и погода тут. Никогда не любил это место.

Водитель послушно сбросил скорость; Transporter впереди и два автомобиля сзади мгновенно подстроились под изменившийся темп движения, ни на сантиметр не нарушив дистанцию.

Фары свирепо вперились во влажную мглу, проникая туман ксеноновыми лучами. Сверкая серебряным хромом и черным гляncем, автомобили пронзали город насквозь: по тихим улицам Тройки, мимо здания администрации и большой площади с угловатым памятником героям войны, мимо большого белого храма с тремя золотыми главами, по главной улице через Рогатку, мимо сонного театра, черных окон мертвой «Селедки», мимо Дома культуры, облепленного полощущимися на ветру обрывками рекламных баннеров, оставляя по правую руку Слободку и возвышающиеся за ней едва различимые громады «Созвездия» и «Коммунара» – к западной оконечности Северосумска, товарной железнодорожной станции и к закрытым по случаю дня субботнего воротам транспортной компании «Лига».

Пожилой седоусый охранник на вахте у главных ворот расположился перед захватанным жирными пальцами маленьким телевизором, удобно развалившись на продавленном старом диване и вольготно раскинув ноги в сизых кальсонах; табачный дым медленно закручивался в спирали,

смешиваясь с жарким густым воздухом, пропитанным крепким духом нескольких поколений дворников и сторожей. Смена в субботу считалась спокойной: загрузок немного, да и те в основном в железнодорожные составы, машин тоже мало, а если и въезжал кто, так через западные ворота, а не через главный вход, который использовался в основном сотрудниками «Лиги» да редкими большегрузами, едущими через Михайловск. Поэтому, когда за окном неожиданно возникли из снежной мглы четыре устрашающе дорогих и черных автомобиля, сердце мигом почуяло что-то недоброе. Охранник подхватился с дивана, срывая со спинки кресла форменные штаны и одновременно глядя в окошко на то, как из машин выбираются люди: больше дюжины крепких парней в темной форме, перепоясанной ремнями, с оттопыренными кобурами и резиновыми дубинками, и несколько мужчин в легких, не по погоде, пальто и кожаных куртках.

– Ну что, Арсений, – сказал Вениамин, застегивая «молнию» и поеживаясь под порывами ветра. – Вперед, твой выход.

Арсений, высокий, худой, с редкими светлыми волосами, протер очки, мгновенно снова залепленные снегом, и решительным шагом направился к проходной. Вениамин махнул рукой и пошел следом; за ним, держась рядом, зашагали крепкий седоватый мужчина в длинном пальто, двое невзрачных, офисного вида молодых людей в светлых рубашках и галстуках и трое плечистых ребят в черных куртках с красными эмблемами «БАРС» и вязаных шапочках. Остальные бойцы рассредоточились у ворот и вокруг машин. Седоусый охранник как раз застегивал, вполголоса матерясь, последнюю тугую пуговицу на ширинке, когда хлопнула дверь, впустив глоток холодного свежего воздуха, и перед турникетом воздвиглась долговязая фигура в пальто и мокрых очках.

– Добрый день, – громко то ли поздоровался, то ли констатировал тот, кого называли Арсением. – Мне необходимо пройти на свое рабочее место.

– А вы кто, извиняюсь, у нас будете? – осторожно осведомился охранник, с тревогой следивший за тем, как на проходной становится тесно от широких плеч, твердых взглядов и сложной смеси ароматов парфюма.

Арсений брезгливо скривился.

– Я у вас буду новый генеральный директор. Требую пропустить меня на территорию предприятия. Вот документы.

Он развернул и шлепнул на потертую крашеную стойку какие-то сложенные листы с подписями и печатями. Охранник уставился в непонятные строчки и буквы, лихорадочно пытаясь сообразить, что теперь делать. Задача была не из легких.

– Так это, – начал он. – У нас Петр Маркович генеральный. Без его разрешения не могу.

Арсений воззрился на охранника через очки. Сквозь дрожащие капли воды глаза казались фасетчатыми, будто у насекомого.

– Как вас зовут, уважаемый?

– Федором, – ответил охранник.

– Так вот, Федор, если вы немедленно не пропустите меня в мой кабинет, я вас уволю, причем одним днем и по статье. Понятно излагаю?

Плечистые парни надвинулись ближе. Люди в костюмах у них за спиной смотрели на охранника с укоризной. Седой крепкий мужик с внешностью отставного полковника сверлил Федора угрожающим взглядом. Ощутимое и явное превосходство противника вдруг заставило зазвучать в сердце героические струны. Федор решил стоять до конца.

– Не пуцу, – уперся он. – Пусть Петр Маркович распорядится, тогда дело другое.

Арсений обернулся на Вениамина. Тот пожал плечами и энергично закивал:

– Без проблем, звоните Петру Марковичу, я не против. Мы же не бандиты какие-нибудь.

Федор снял трубку городского телефона, одновременно отыскивая среди хлама на грязном столе листок с номером телефона хозяина «Лиги». Звонить ему приходилось впервые.

Телефонный звонок прозвучал, когда Петр Маркович Трок преодолевал третий километр на беговой дорожке в домашнем спортзале. На большом проекционном экране петляла среди изумрудных лугов песчаная ухоженная тропинка. В миниатюрных наушниках веский мужской голос, грамотно модулируя и расставляя акценты, читал главу из книги Дэна Кеннеди. Петр Маркович недовольно покосился на вибрирующий смартфон, переключил наушник в режим разговора и, не сбиваясь с пружинящего уверенного шага, ответил:

– Я слушаю!

– Петр Маркович, – задребезжал незнакомый голос, – это Федор, вахтер с проходной.

– Говорите, Федор, – разрешил Трок.

– Тут такое дело... люди приехали... вроде к вам.

Петр Маркович нахмурился.

– Я никому не назначал встречу. А что за люди?

Охранник уставился на незваных гостей. Один из них, невысокий, носатый, в полосатой рубашке под тонкой курткой, придвинулся ближе и

произнес:

– Скажи, что приехал Вениамин Ривкин.

– Вениамин Ривкин, – повторил в телефон Федор и перевел вопросительный взгляд на человека в очках.

– И Арсений Удод, – представился тот. – Новый генеральный директор.

– И Удод какой-то, – сообщил охранник. – Говорит, что генеральный директор.

Трок резко остановил дорожку. Зеленеющие предместья в окрестностях Глостершира исчезли. Взгляд уперся в серую стену.

– Еду, – коротко сказал Петр Маркович и добавил: – Никуда не пускай их там без меня, понял?

Он спрыгнул с тренажера, распахнул дверь спортзала и крикнул:

– Роза! Я в офис, сейчас же! Звони Михальчуку, пусть собирает людей, сколько сможет, и приезжает!

У водителя Андрея сегодня был выходной, так что за руль он сел сам – в спортивных штанах, кроссовках, только накинув сверху старую кожаную куртку. Range Rover взревел, как боевой носорог, и ринулся сквозь ветер и снег. Через пять минут Трок уже выпрыгнул из машины на подъездной площадке у ворот «Лиги», огляделся, оценивая обстановку: десяток вооруженных, решительного вида людей, четыре машины, открытая дверь проходной, из которой на улицу дышало паром, плотная группа теней за широким окном. Петр Маркович, свирепо зыркнув на провожающих его взглядом бойцов, быстрым шагом подошел к дверям проходной и вошел внутрь.

– Что тут происходит?!

Все обернулись разом. На покрасневшем, с воинственно топорщащимися усами лице охранника Федора появилось торжествующее выражение, как у пехотинца, увидевшего несущуюся на подмогу кавалерию. Во дворе, по ту сторону второй двери, мялись в томительном ожидании неприятного несколько немолодых вахтеров с других постов, прибывших для подкрепления по зову бесстрашного Федора; у некоторых были в руках дубинки, один держал длинный прут стальной арматуры, и все они старались не встречаться глазами с парнями по внешнюю сторону турникета, смотревшими на ополчение «Лиги» с хищной насмешливостью.

– Я спрашиваю, что происходит?!

Откуда-то из-за спин протолкался Вениамин, широко улыбнулся, округляя глаза, и шагнул к Троку.

– О, Петя, привет! Хорошо, что ты приехал, у нас тут какое-то недоразумение...

Петр Маркович проигнорировал протянутую руку и рывкнул в ответ:

– Я вижу, что недоразумение! Ты какого черта явился?

Вениамин изобразил обиженное удивление.

– Петя, ну ты чего, мы же писали тебе, предупреждали. Вот, познакомься, новый генеральный директор «Лиги», Арсений... ты разве не в курсе?

Трок почувствовал, как задрожали мышцы.

– Веня, ты идиота из меня делаешь? Какой, к дьяволу, генеральный директор?

Вениамин протянул руку в сторону, и долговязый Арсений, опасливо жавшийся ближе к охране, подал ему бумаги.

– Ну вот, сам посмотри. – Вениамин протянул документы Троку. – Генеральный директор, назначенный на общем собрании акционеров, видишь? Есть протокол, подписи, я не понимаю, в чем проблема?

Петр Маркович бросил взгляд на листы бумаги и скрипнул зубами.

– Я тебе объясню, в чем проблема. В том, что, во-первых, я про это собрание не знал и на нем не присутствовал, а во-вторых, что тут нет моей подписи. Так что забирай своих бойцов и вали откуда приехал. Захочешь поговорить о чем-то – запишись на прием.

Черные глаза Вениамина недобро блеснули. Крепкий мужчина с коротким ежиком седых волос шагнул вперед и негромко спросил:

– Вениамин Михайлович, дать команду?

– Ты еще тут покомандуй! – заорал Трок, теряя самообладание и краем глаза заметив, как к воротам подъехала Toyota Михальчука и два патрульных автомобиля, из которых не торопясь стали выбираться распухшие от надетой поверх формы брони автоматчики.

Седой мужик прищурился и двинулся на Петра Марковича; тот выпятил грудь и расставил пошире ноги. Вениамин, размахивая руками, бросился между ними.

– Ну все, все, давайте успокоимся! Витя, не заводись! Петя, ты чего так разгорячился? Давай я тебе еще раз объясню...

– Им объясни, – огрызнулся Трок, резким кивком указывая на дверь, куда уже втискивался, сопя и потев лицом, Михальчук.

Через минуту людей на проходной стало меньше; приехавшие с Вениамином бойцы во главе с седым мужиком, Арсений и два человека в костюмах вышли к машинам; Петр Маркович, Вениамин и Михальчук отошли в угол, где стояла пара продавленных стульев и старый, раскаленный от жара калорифер.

– Это бланк уведомления о получении заказного письма с сообщением

о проведении собрания акционеров, – рассказывал Вениамин, раскладывая бумаги на стойке. – Вот подпись, видишь? Твоя секретарша письмо приняла, значит, можно считать, что ты был уведомлен, верно?

– Мне никто ничего не передавал, – сказал Петр Маркович, уже понимая, как было дело. Все ходы в этой классической партии были известны: курьер притащил неподписанный пустой конверт, когда самого Трока не было в офисе, получил на уведомлении подпись секретарши, которая просто положила конверт в пачку входящей корреспонденции, а он даже внимания не обратил на то, что среди писем случайно затесалась пустышка. Это была стандартная комбинация, как в шахматах, но линию возможной атаки прикрывала надежная, десятилетиями проверенная ладья, и Петр Маркович не понимал, как ушлый Вениамин собирался обойти ключевой элемент защиты. Тот тем временем развел руками и продолжал:

– Петя, ну это несерьезно: я-то откуда знаю, что тебе никто ничего не передавал? Мы письмо отправили, передали должностному лицу, вы с Розой на собрание не явились – мало ли, может, какие-то дела у вас были важные...

Михальчук закричал и посмотрел на Трока. Ему эти комбинации тоже были знакомы.

– Кто присутствовал на собрании? – спросил Петр Маркович. – Ты один, что ли?

– Нет, ну почему же один, – скосил глаза Вениамин. – У «Лиги» ведь четыре акционера, верно? Сорок пять процентов у тебя и у Розы, сорок процентов у меня, и еще пятнадцать процентов...

– У Глотова, – сказал Петр Маркович и почувствовал, как пол чуть качнулся у него под ногами.

Этого не могло быть.

– Ну, формально у его родственника, но не суть важно, – согласился Вениамин. – На собрании они были вместе. Ты что, подписи на протоколе невнимательно посмотрел?

Теперь он посмотрел внимательно. Рядом с именем двоюродного брата жены Бориса Саввича Глотова, мэра и старого верного друга, стояла кособокая закорючка и расшифровка подписи.

– Половина акционеров присутствовала, голосовали пакетами, для принятия решения этого достаточно... – звучал откуда-то издали занудный голос.

Петр Маркович медленно полез в карман и вытянул телефон.

– Ты Боре собрался звонить? – осведомился Вениамин. – Так его нет в городе, он уехал вместе с семьей – ну, знаешь, у них ведь горе, куда-то

отправились подлечиться вроде... Ты разве не в курсе?

Трок молча покачал головой, но номер все же набрал.

«Аппарат абонента выключен...»

Ладья на шахматном поле поменяла цвет и ударила исподтишка, объявив шах и мат.

«Ах, Боря, Боря. Вот крыса».

Михальчук снова закряхтел и с сожалением посмотрел на друга.

– Как я вижу, все документы в порядке, – произнес он. – Петр Маркович, думаю, инцидент исчерпан?

– Это мы еще посмотрим, – сказал Трок, хотя понимал, что смотреть поздно. Он мотнул головой в сторону подъездной площадки и мрачно спросил: – Толпу с собой обязательно было приводить?

Вениамин ослабил плечи и пожал плечами:

– Да это просто так, охрана, на всякий случай. Мой начальник службы безопасности настоял, Витя, ты видел его, седой такой. Времена сейчас тревожные, сам понимаешь, всякое может произойти: и со мной, да и с тобой тоже. Ну так что, мы с Арсением можем пройти?

Трок молчал. Вениамин рассмеялся и миролюбиво хлопнул его по плечу:

– Петя, ты чего так расстраиваешься? Тебе же лучше будет: не надо ничем управлять, головных болей никаких. Мы же не твою долю отбираем, верно? Будешь сидеть себе спокойно, получать дивиденды на акции, проводить время с семьей. Считаю, что у тебя все проблемы закончились: и с банком, и с землей под строительство. Мы теперь все сами решим. Круто, правда?

Повисла пауза. В наступившей густой тишине негромко гундосил телевизор, за которым укрылся охранник Федор.

– В общем, я поехал, – нарушил молчание Михальчук. – Вы тут во всем разобрались, если есть хозяйственный спор, то это уже не ко мне. Надеюсь, дальше все обойдется без, так сказать, нарушений. Ведь обойдется, Петр Маркович?

Трок с трудом, через силу кивнул.

– Да.

– Вот и отлично, – обрадовался Вениамин. – Слушай, Петя, если уж так удачно сложилось, что ты здесь, сможешь Арсению принять дела? Он парень вообще-то толковый, работал у меня на морских перевозках, но мало ли, не разберется в чем-то... Ладно?

Зазвонил телефон. Петр Маркович достал аппарат, посмотрел на экран и ответил:

– Да, Роза. Да, здесь. И он тоже. Что случилось? – Он посмотрел на нетерпеливо притоптывавшего Вениамина, на отводящего в сторону взгляд Михальчука, на черных бойцов и присыпанного снегом, неподвижно застывшего Арсения, на Федора, опасно выглядывающего из-за деревянного края так и не сданного им рубежа, и сказал: – Только что у нас закончились все неприятности.

* * *

Школа была пустынной и словно вымершей, как будто смерть, коснувшаяся ее ледяными губами две недели назад, отравила здесь все своим тлетворным дыханием. Налетевшая на город буря оставила дома школьников младших классов; весь четвертый этаж опустел, не слышно было ни детских криков, ни смеха, ни топота, ни голосов, и только душераздирающе громкие звонки отдавались эхом в безжизненных коридорах. Учителей по-прежнему не хватало; впрочем, поубавилось и учеников: кто-то остался дома из-за погоды, кто-то просто перестал в последнее время ходить на занятия, и неприятная тишина наваливалась гулким грузом и во время уроков, и на переменах. В классах и вестибюлях повисло уныние, тусклое, как мертвенно-серый свет дня за окном. Директриса, посчитав, видимо, что отдала достаточное количество сил своей школе во время последнего кризиса, снова ушла на больничный; дело это было привычное, и в иное время Светлана Николаевна Крупская бывала даже довольна ее отсутствием, когда никто не мешал управлять, судить и рядить по своему усмотрению, но сейчас ей не хотелось ни воспитывать, ни учить. Она сидела нахохлившись в своем маленьком кабинете у входа на четвертый этаж и напоминала сама себе забытую всеми сову, угнездившуюся в темном углу под потолком заброшенного и холодного склепа.

Новости о зловредном историке тоже не принесли ей отрады. Конечно, она прочитала репортаж о таинственном ночном нападении, знала, что он лежит сейчас в госпитале с разбитой головой и сотрясением мозга, но логически объяснить себе это событие не могла. Что-то явно не состыковывалось: если по черепу приблудившемуся в ее школу маньяку надавала его сожительница, то при чем тут другие два пострадавших? Если это дело рук не Карины, то неясно, как она отреагировала на письмо и прочла ли его вовсе, а если прочла, то когда ожидать результата? От этих мыслей и без того тяжелая голова болела и пухла, а настроение портилось.

Чего теперь ждать? И что делать? Обратиться все же в полицию или еще немного повременить?

Все запуталось, как дурацкий ребус, составленный с грамматическими ошибками, а потому не имеющий никакого решения.

Светлана Николаевна постаралась сосредоточиться на подготовке к уроку в десятом классе. Тема была одной из любимых: роман Гончарова «Обломов», говорить о котором она могла долго и вдохновенно, порицая коммерческую, рациональную бездуховность Штольца и мягкими, деликатными штрихами обрисовывая бережно сохраненное «золото души» Ильи Ильича.

Но сегодня любимое произведение ее необъяснимо раздражало, будто пришедший с моря штормовой ветер вместе с рекламными вывесками, мелким хламом с балконов и последними листьями циничным и холодным своим дуновением сорвал покровы очарования с великого романа русского классика. Ну что за «золото души» такое, скажите на милость? Взрослый, половозрелый мужик, который только лежит и разглагольствует о прекрасном, не в силах даже обновить себе домашний халат, ничего не делает, позволяет перевозить себя из квартиры в квартиру, как старый матрас, обманывать, обворовывать, от безделья потрахивает толстую домохозяйку с поэтичным именем Агафья, а потом бесславно околевает от инсульта. А остальные? Тоже как на подбор: содержанка, вор, дура, пьяница, нищий. Крупской внезапно стала противна сама мысль рассказывать про «Обломова» так, как делала это раньше, и она поняла, что ей опротивел не только роман Гончарова, а и русская литература вообще с ее рефлексией, нытьем и вечной тоской от неумения занять себя чем-то хоть в малой степени важным.

Она с силой захлопнула книгу, выбив пыль из старых страниц, закрыла тетрадь, отложила в сторону ручку и откинулась на спинку кресла. Делать решительно ничего не хотелось. Крупская мрачно посмотрела в окно: деревья в тесном дворегнулись от ветра, и ветки их были черными с белым от налипшего с одной стороны снега. С низкого неба летело вниз все подряд, как будто кто-то там, наверху, опорожнил помойный бак с протухшим дождем, испорченным снегом и остатками прошлогоднего града.

Нет, так не пойдет. Нужно как-то встряхнуться. Светлана Николаевна мотнула гривой светлых волос, заколола их «крабиком», встала, одернула блузку и вышла из кабинета. До конца четвертого урока оставалось еще минут двадцать, а значит, есть время спокойно выпить чашку кофе в столовой, без необходимости созерцать, как десятки неаккуратных

подростков пережевывают комплексные обеды.

Она прошла по безлюдному коридору и стала медленно спускаться по широкой лестнице. На стене площадки между первым и вторым этажом все еще висел портрет Иры Гловой в траурной рамке; свечи, цветы и нелепого игрушечного медведя убрали по ее настоянию, чтобы не разводить грязь, но фотографию решили оставить до исхода сорока дней. Крупская приостановилась и посмотрела на мертвую девочку, улыбающуюся ей с портрета. «Какие все-таки пустые глаза у нее, – подумала Светлана Николаевна. – Дурой была покойница, прости господи».

– Добрый день, – прозвучал рядом девичий голос.

Крупская обернулась. У нее за спиной стояла Лиля Скворцова: вся в черном, со скорбным крепом на кармане узкого пиджачка, рыжие волосы забраны в короткий хвостик, темные глазки в отсутствие всякой косметики казались маленькими, как у поросенка, а бледная физиономия выглядела оплывшей и рыхлой, будто непропеченное тесто.

– Здравствуй, – ответила Крупская, посмотрела на Лилю и сморщилась. Верх черной кофточки под пиджаком был полупрозрачным, и сквозь легкую ткань выпирали наружу большие белые груди.

Еще одна неисправимая идиотка, не понимающая, как нужно себя вести.

– Ты почему не на уроке? – спросила Светлана Николаевна, косясь на бесстыжие сиськи.

Рыжая девка остановилась рядом и ответила как ни в чем не бывало:

– Я прогуливаю. У нас МХК.

– Мы, кажется, уже договорились со всеми насчет этого предмета, разве не так?

– Со мной вы не договаривались. Я не хочу туда ходить и не буду. А куда это вы заглядываете все время, Светлана Николаевна?

Крупская отдернула взгляд от гипнотизирующего декольте.

– Скворцова, ты даже в трауре умудряешься выглядеть так, как будто на панель собралась. Противно смотреть. Видел бы тебя твой папаша.

Она смерила Лилю пренебрежительным взором и повернулась, чтобы уйти, как вдруг услышала:

– Вы дрянь, Светлана Николаевна.

Крупская подумала, что ослышалась. Она медленно развернулась и уставилась на Скворцову. Та стояла совсем близко и смотрела на Крупскую с холодным презрением.

– Что ты сказала? – с расстановкой спросила Светлана Николаевна.

– Я сказала, что вы дрянь, – спокойно ответила Лиля. –

Отвратительная и никчемная. Вы всем рассказываете о духовности и еще о чем-то таком, чтобы скрыть, какая вы гнилая внутри. А еще у вас нет ничего святого. Мой папа погиб, как герой, защищая людей, а вы смеее говорить... говорить о нем вот так, когда даже имя его произносить недостойны.

Крупская почувствовала, как глаза застилает багровая пелена.

– Слушай ты, проשמандовка, – зашипела она, не помня себя от злости. – Я не знаю, каким уж был твой папочка, но воспитатель из него точно получился неважный, если вырастил дочь-проститутку. Хотя возможно, что ты просто пошла в свою мамашу, которая...

Светлана Николаевна успела с удовлетворением отметить, как исказилась гримасой бледная физиономия наглой девицы, как мгновенно наполнились слезами глаза, но в этот момент Лиля резко подалась вперед и изо всех сил обеими руками толкнула Крупскую в плечи. Та пошатнулась, отступила на шаг, низкий каблук промахнулся мимо края верхней ступени, и Светлана Николаевна начала падать спиной вперед. Она взмахнула руками, попытавшись вцепиться в одежду, руки, волосы, во что угодно, но Лилия успела отскочить, и пальцы схватились за воздух. Она увидела, как на лице Светланы Николаевны возникло выражение потрясенного удивления, секундного страха, большие глаза распахнулись, и она полетела вниз, с силой врезавшись спиной и затылком в каменные ступени. Лестница вздрогнула; Крупская успела коротко вскрикнуть, но в следующий миг ноги ее неуклюже задрались вверх, и она тяжело перевернулась через голову. Раздался тихий, но отчетливый хруст. Туфли со стуком разлетелись по сторонам. Тело Крупской снова грузно ударилось о ступени, чуть сползло вниз и замерло. Длинные волосы разметались из-под заколки, закрывая лицо, ноги широко раскинулись, длинная юбка задралась, обнажая толстые икры, покрытые синеватыми штрихами вен. Лилия стояла не шелохнувшись и смотрела на неподвижное тело, похожее на сломанную куклу, обернутую в размотавшиеся цветные тряпки. Было тихо. Ниоткуда не слышались тревожные голоса, поспешный топот шагов не приближался ни снизу, ни сверху, только на втором этаже продолжал что-то монотонно бубнить женский голос, да за углом коридора, на посту охраны, негромко играла музыка из радиоприемника. По спине бежала холодная тонкая струйка.

Лилия постояла еще немного и стала тихонько подниматься по лестнице, стараясь ступать совершенно бесшумно и даже не касаться перил; дошла до третьего этажа, пристроилась на скамеечке у окна в коридоре и только тогда услышала первый заполошный крик с первого

этажа, а потом и прочие, приличествующие случаю звуки нарастающей паники.

Глава 17

– Я только зайду, чтобы поблагодарить, – сказала Карина, просительно глядя на дежурную медсестру. – Кто знает, чем бы закончилось дело, не появившись он так вовремя. Может, и мужа моего не было бы уже в живых.

В этом присутствовала доля истины. Если бы не трое громил, возможно, удар молотком по голове достался бы Инквизитору.

– Ну я не знаю, – с сомнением отозвалась немолодая медсестра. – Разве что только на минутку. Он в сознании, и операция прошла хорошо, но вы ведь тоже медик, знаете, что после такой операции всякое может быть. Не нужно, чтобы больной волновался.

– Никаких волнений, ну что вы, – заверила Карина. – Только позитив. На этот раз в ее словах не было ни толики правды.

– Я поставлю тут сумочку у вас, хорошо? – попросила она. – И напомните мне еще раз его имя?

– Василий, – ответила медсестра, посмотрела в какие-то бумаги у себя на столе и добавила: – Василий Васильев.

Карина поблагодарила, удержав себя от улыбки, поставила сумку у стойки дежурной, поправила белый халат и вошла в палату интенсивной терапии.

Василий Васильев был тут один. Он полусидел на приподнятой широкой кровати, мрачно глядя в темный экран выключенного телевизора; из перебинтованного круглого черепа торчала гибкая дренажная трубка, по которой желтовато-красная жидкость медленно стекала в пластиковый мешочек, лежащий поверх простыни. Широкие плечи вздымались из-под одеяла, ноги почти упирались в изножье койки. Ран на лице не было, разве что пара некрупных ссадин, но вокруг глаз расплылись огромные, чернильного цвета отеки, из-за чего раненый злоумышленник походил на угрюмого енота.

– Добрый день, Василий, – вежливо поздоровалась Карина.

Он покосился в ответ, ничего не сказал и снова уставился перед собой.

– Наверное, ты меня не помнишь, – продолжала она. – Это я ударила тебя молотком по голове.

Больной вновь повернулся, но на этот раз не отвел взгляд, а злобно уставился на Карину.

– Ну и чего тебе надо?

– Во-первых, мне надо, чтобы ты и думать забыл приближаться когда

бы то ни было к моему мужу, – объяснила Карина. – Впрочем, с учетом твоего состояния в скором времени тебе это вряд ли удастся. А во-вторых, я хочу, чтобы ты мне сказал, кто именно послал тебя и твоих приятелей. Я далека от мысли, что нападение с дубинами на учителя средней школы было вашей собственной инициативой.

Василий некоторое время молча смотрел на Карину, потом скривил губы, фыркнул и произнес:

– Да пошла ты на хер. Овца.

Карина оскалилась и удовлетворенно кивнула.

– Очень хорошо. Я снова вернусь сюда завтра, а ты пока хорошенько подумай над моим вопросом. До встречи, Василий!

– Отсоси! – донесся слабый крик вслед, но Карина уже вышла за дверь.

Медсестра на посту подняла глаза и улыбнулась.

– Ну как, поговорили?

– Да, все в порядке, – сказала Карина. – Мне кажется, он был очень тронут. Наверное, я загляну завтра снова, с гостинцами.

Она взяла сумку и пошла к выходу из отделения. Разумеется, на другой ответ от раненого бандита Карина не рассчитывала. Ей просто нужно было на него посмотреть.

Главный врач интерната отнесся к просьбе пожить какое-то время в одной из пустующих комнат с пониманием и даже без особого удивления, только поинтересовался:

– Как долго?

– Несколько дней, – ответила она. – Может быть, неделю, не больше.

Этого времени должно было хватить, чтобы завершить намеченные дела. Что будет после, Карина представляла себе весьма смутно в деталях, но абсолютно отчетливо в общих чертах: опять поезд или автобус, который увезет ее из Северосумска в неизвестность, другой город, новое место работы – больница, а может быть, хоспис – комната в общежитии, в коммуналке или чужая квартира, и одиночество. Обязательно – одиночество. Всего дважды за двадцать шесть лет она позволила себе близкие отношения: с Валерией, которая три года была для нее лучшей подругой, и с А. Л., чуть не ставшим ее мужем. И чем все закончилось? Клеймом на бедре, жуткими сборищами в подвале заброшенной туберкулезной больницы, опустошенностью, страхом, смертью, которая чудом миновала ее саму – в первый раз; пустыми надеждами на женское счастье, чудовищной ложью, снова страхом, разочарованием, крушением всех иллюзий – во второй. Нет уж, больше таких ошибок она не допустит.

Глупо было и думать, что ей может достаться в этой жизни хоть толика радости, предназначенной для нормальных, обычных людей. Ей даже стыдно стало за то, что она могла впасть в подобное вздорное самообольщение; любовь, дружба, семья, солнечная сторона горизонта, смех и улыбки, тепло, чистое небо, домашний уют – для кого угодно, но точно не для нее. Потому что она не такая, как все. И никогда не станет другой.

Свободная комната нашлась на втором этаже, прямо напротив ее поста медсестры. Карина получила у сестры-хозяйки застиранное до прозрачности, пахнущее мертвой медицинской чистотой постельное белье, бросила его вместе с неразобранной сумкой на скрипучую железную койку и снова вышла. Подумала, что хорошо бы зайти к Леокадии Адольфовне; она даже подошла к ее двери и уже подняла руку, чтобы постучать, но остановилась. Ей очень хотелось после всех потрясений минувшей ночи увидеть свою пожилую приятельницу, посидеть рядом с ней, глядя, как та покачивает легкими седыми кудряшками, глядя в окно, или теребит розовый шейный платочек, рассказывая похожие на сказки истории о тех временах, когда вера, любовь, надежда и смысл жизни еще не покинули мир; но Карина знала, что старушка может сказать и нечто такое, что поколеблет ее волю и уверенность в том, что предстояло сделать.

Она вышла на улицу. Небесная влага оседала на город и, лишь прикоснувшись к нему, превращалась в слякоть и грязь, будто бы осквернившись. Ветер немного стих, но носился кругами, готовый в любой момент вновь взорваться бешеными порывами, как пьяный буян, бродящий по бару в поисках ссоры. Карина сошла с промокшей грунтовой дорожки, ведущей от деревянного, покрытого мокрыми пятнами фасада к железной калитке ограды, и медленно пошла по небольшому садику, переступая через сломанные ураганом толстые ветви деревьев и внимательно глядя под ноги. Каблуки вязли в прибитой долу гнилой мертвой траве. Карина прошла меж высоких деревьев, пошевелила носком ботинка, разгребая опавшие листья, и присела на корточки. Присмотрелась, нагнулась и подобрала с земли несколько коротких, не длинней спички, темных веточек. Положила их себе на ладонь, вернулась к дорожке и добавила к веточкам немного округлых, похожих на покрытые серой глазурью конфеты, камней.

Теперь оставалось дожидаться ночи.

Поздним вечером она принесла в свою комнату настольную лампу с сестринского поста и в желтоватом тусклом кругу света разложила перед собой камешки и палочки. Чуть подвигала, то выстраивая в линии, то

выкладывая в неровный круг, пока не почувствовала, что получилось как надо. Из темноты по оконному стеклу застучали крупные капли, и старые рамы дрогнули и задребезжали, когда ветер нажал на них невидимыми ладонями. Карина еще раз взглянула на мозаику из веточек и камней на столе, погасила свет, легла на кровать лицом вверх и закрыла глаза.

Когда в распоряжении Карины был огарок черной свечи, врученный при вступлении в ведьминский ковен, все было проще: не требовались ни камешки с палочками, ни погружение в транс. Единственным условием оставалась необходимость обязательно лично увидеть того человека, которого требовалось навестить. Но черная свечка, скатанная в бесформенный ком, уже давно покоилась в придонном иле холодной реки в далеком Санкт-Петербурге, так что сейчас предстояло действовать по старинке, так, как Карина всегда делала начиная с тринадцати лет.

Сон – это всегда путешествие в неизвестность, прыжок в темную кроличью нору, которая ведет на ту сторону жизни. Никогда человек не бывает более уязвим, более не властен над собственным «я», как во сне. Казалось бы, никто в здравом уме и при памяти не станет сознательно рисковать самой сутью своего разумного существа, однако каждую ночь люди легкомысленно засыпают, не зная, что ждет их: может быть, пребывание в коконе воспоминаний и переживаний о дневных трудах и заботах, не дающих покоя даже во сне; или неожиданный взлет за пределы реальности, в мир, который является в настолько причудливых образах, что память не в силах их удержать и при пробуждении они тают, как дым, оставляя только смутные ощущения и обрывки тех слов, которые тщетно стараются отразить суть увиденного. Но порой таинственные тропы снов могут привести в места, наполненные кошмаром, превышающим хрупкие возможности психики его выдержать, и тогда счастьем можно считать исход, если человек просыпается среди ночи с душераздирающим воплем, пугая своих домочадцев или оглашая криками стены одинокого дома; может случиться так, что захваченная в плен страхом душа не сможет вернуться, и тогда остановится сердце, разорвется питающий мозг кровеносный сосуд и врачам поутру останется только констатировать скоропостижную смерть во сне, инфаркт или инсульт, хотя на самом деле человек умирает от ужаса.

В отличие от абсолютного большинства людей Карина давно научилась контролировать свой сон. Если ей требовалось восстановить силы, она погружалась в него, будто ныряя с вышки в черную воду, разом и с головой, и никакие видения не беспокоили ее отдыхающий разум. Сейчас же она входила в состояние сна постепенно.

Дыхание стало редким и неглубоким. Сердцебиение замедлилось. Тело налилось неподвижностью и оцепенело, постепенно разрывая связь с уходящим сознанием. Карина почувствовала, как медленно уплывает вниз и в сторону, покачиваясь на зыбких легких волнах. Звуки смолкли; их заменила плотная тишина. Окружающий мир исчезал, растворяясь в мягком и непроницаемо сером. Сейчас, вздумай Карина выйти из тонкого сна, для этого потребовалось бы уже небольшое усилие, как пловцу, выныривающему с глубины на поверхность, но просыпаться не было нужды, и она, расслабившись, позволяла увлечь себя глубже, и глубже, и глубже, в хтонические катакомбы потустороннего призрачного бытия.

Карина открыла глаза и села.

В комнате, где она оказалась, висел серовато-зеленый сумрак. Света здесь не было, но не было и темноты. С высокого, едва различимого в полумраке белесого потолка свисали на проводах две длинные мертвые лампы, на их железных погнутых ребрах чуть подрагивала от несуществующего сквозняка пыльная паутина. Стены, окрашенные снизу казенной голубоватой краской, а выше покрытые слоем иссохшей побелки, образовывали правильный широкий квадрат. Два высоких и узких окна были занавешены толстыми грязно-зелеными шторами. Деревянный пол из почерневших от времени тонких дощечек паркета покрывал большой, выцветший, истертый до тканевой основы ковер. Напротив окон, слева от Карины, в стене располагалась двустворчатая белая дверь с решетчатыми застекленными переплетами, которые закрывали занавески из простыней. В дальнем углу стоял небольшой шкаф с приоткрытыми от старости дверцами; на его полках пылились настольные игры в рваных картонных коробках и истрепанные тонкие книжки. Под правым окном стоял большой ящик с игрушками: кубики с буквами, безглазые куклы с жесткими желтыми кудрями, пластмассовый самосвал, тряпочная кукольная перчатка с облупленной головой арлекина, линиялый кот, грустный медведь, весь в колтунах свалывшейся белой шерсти, и другие печальные атрибуты детства. Рядом с ящиком лежал резиновый темно-красный мяч с двумя синими полосами.

Она снова была здесь – в заброшенной игровой комнате старого детского дома.

Карина опустила глаза. На ковре перед ней лежали камешки с палочками, разложенные в том же порядке, в каком она оставила их по другую сторону сна, на столе у кровати. К началу игры все готово.

Карина еще раз обвела взглядом знакомую обстановку и нахмурилась. Что-то было не так. Большой металлический обруч – раньше он был

спрятан за шкафом, а теперь стоял прислоненный к стене. Один уголок ковра загнут. Складки на шторах поменяли свои очертания. Карина встала, подошла к коробке с игрушками, немного порылась, а потом аккуратно опрокинула на бок, рассыпая содержимое на пол. Да, так и есть: среди знакомых ей кубиков, машинок и кукол появилось кое-что новое. Голый пупс с раскрытым в беззвучном крике ртом, покрытый холодной густой слизью; пренеприятный жестяной клоун с карикатурным, расширенным на конце дула ружьем; длинноногая куколка в коротком платье и с дырой в голове, перепачканная красным и липким; другая кукла, толстая, неуклюжая, с длинными светлыми волосами и перекрученной, свернутой шеей. А еще в неподвижном воздухе чувствовалась странная, едва уловимая вонь: к привычным запахам пыли и запустения примешивались миазмы протухшей рыбы и водорослей. Определенно, в игровой комнате побывал посторонний, хотя кто мог явиться сюда, в ее тайное убежище?

Карина еще раздумывала над этим, не находя ответа, когда за дверью послышался легкий шорох шагов, словно кто-то осторожно крался на цыпочках по невидимому коридору. Но за дверью ничего не было, Карина знала это наверняка: когда-то давно, едва перешагнув порог юности, она попыталась открыть эту дверь и еле успела отпрянуть перед абсолютной, зияющей чернотой; это было больше, чем просто ничто, отличающееся от пустоты так же, как отрицательное число отличается от нуля. И вот теперь там, в бессветном небытии, кто-то тихонько топтался с другой стороны двери. Ей показалось или чуть колыхнулась простыня, закрывающая стекло? Она прислушалась: до нее донесся едва различимый шелест почти неслышного шепота – вот кто-то спросил, а вот другой так же тихо ответил. Карина шагнула к дверям, не зная еще, что собирается делать, и бесплотные голоса тут же стихли. Она постояла так некоторое время – хотя время отсутствовало в этой игровой комнате за пределами зримого мира, – но ничего не произошло, не прозвучало и не обнаружило своего присутствия. Карина перевела дух и села на место. Хоть время тут было не более чем сломанными часами в закрытом ящичке старого комода, но там, наверху, оно продолжало идти, отсчитывая ночные минуты, а значит, следовало приступить к делу. Она притронулась к камешкам, палочкам, чуть сдвинула их, сосредоточилась и позвала тех, кто всегда откликался на зов.

Присутствие старых друзей своего детства она сперва ощутила: сгустившаяся в углах комнаты тьма колыхнулась и качнулась вперед, обретая странную форму. Прямо смотреть на них было опасно; Карина опустила взгляд вниз и лишь краем глаза видела колючие длинные тени,

похожие на безглазых червей, провалы раззявленных ртов, подвижные острые зубы – все мнимое, переменчивое, колышущееся зыбким обликом в зависимости от легчайшего движения ее мысли, как гладь лесного пруда покрывается рябью от дуновения ветра. Тени обступили со всех сторон, извиваясь и ластясь, и Карина почувствовала, что ей рады – впрочем, как и всегда.

Они соскучились и хотели играть.

Карина вздохнула, нарисовала мысленный образ – здоровяк на больничной кровати в смешной шапочке из бинтов и, силиконовой трубкой, торчащей из дырки в черепе, – потом встала с ним рядом, фокусируясь на его дыхании, биении сердца, токах мозга, начавших дрожать в тревожном предчувствии, – придвинулась к изголовью кровати, усмехнулась, вложила в рот пальцы и пронзительно свистнула.

Тени рванулись на зов, как стая азартных гончих...

...На следующее утро старшая медсестра отделения интенсивной терапии встретила Карину с тревогой и каким-то странным облегчением.

– Состояние ухудшилось, – озабоченно поведала она. – Всю ночь плохо спал, просыпался, плакал, кричал так страшно, что даже ночную дежурную напугал чуть не до колик, а она у нас дама бывалая. Думали, что привязывать придется, успокоительное два раза кололи, не помогало. А с утра все время про вас спрашивает, каждую минуту: не приходила ли еще, не говорила ли, когда ждать. Видимо, проникся к вам вчера, бедняга. Вы уж постарайтесь, может быть, как-то его успокоить...

– Непременно, – пообещала Карина. – Сделаю что смогу.

Василий Васильев, увидев Карину, исторг из охрипшего за ночь горла глухой придушенный вопль, вытаращился на нее огромными слезящимися красными глазами и попытался сползти под кровать.

– Тише, тише, Василий! – урезонила его Карина. – У тебя так дренаж из головы выскочит и мозги потекут наружу. Успокойся, сейчас не надо бояться.

Василий, скуля, закивал часто-часто и притих, судорожно подтягивая одеяло под горло.

– Итак, ты подумал? Хочешь мне что-то сказать?

– Это Виктор!

– Пока не понимаю.

– Виктор Николаевич Швец, мой шеф, начальник службы безопасности «Севмороблспецтранс», – торопливо отбарабанил Василий.

– Ну вот видишь, – сказала она. – И не стоило грубить и упрямиться. Где его можно найти?

– Не знаю, – ответил Василий и немедленно испугался собственного неведения.

– Вася, Вася. – Карина нахмурилась и укоризненно покачала головой.

– Правда не знаю! Может, в конторе сидит, в Михайловске, может быть, сюда приехал.

Опыта общения с руководителями службы безопасности крупных компаний у Карины не было вовсе, и она не представляла себе, что за повод можно придумать, чтобы увидеть Виктора Николаевича Швеца воочию, – а посмотреть на него следовало непременно. Судя по всему, он исповедовал принцип, что лучший способ защиты – это нападение, поэтому Карина не собиралась встречаться с ним лично в реальной жизни: кто знает, чем могло для нее обернуться такое неосторожное randevu. Так что оставалось только снова прибегнуть к услугам Василия.

– Сделаем так, – решила она. – Ты позвонишь своему шефу и попросишь срочно приехать сюда. Подключи воображение, придумай что-нибудь убедительное, но он должен здесь появиться. Справишься?

Василий справился на «отлично». Правда, кроме его стараний, помогла и удача: Швец оказался в Северосумске. Не прошло и двух часов, как Карина, устроившаяся на скамеечке в коридоре, увидела крепкого немолодого мужчину с короткими седоватыми волосами, который в сопровождении высокого плечистого парня стремительно шагал по коридору. Кустистые брови озабоченно сошлись, собрав складку над острым носом с горбинкой. Он взялся за ручку двери палаты, и в этот момент Карина, которая уже успела подняться и подойти чуть поближе, окликнула:

– Мужчина!

Швец и его спутник обернулись одновременно: один с настороженным выражением на лице, другой с недовольной гримасой.

– Это вы мне?

Карина внимательно посмотрела, запоминая.

– Ой, простите. Я обозналась.

Двое молча развернулись и скрылись за дверью. Через минуту из палаты донеслись громкие голоса – кто-то разговаривал на повышенных тонах. Карина подумала, что Василию придется теперь несладко, попыталась представить, что такое он мог сказать своему начальнику, чтобы тот в спешном порядке явился в больницу, но отмахнулась от этих мыслей.

Грядущей ночью задача была потрудней. Предстояло не просто послать «друзей» на ночное свидание с намеченной жертвой, но и самой

войти в его сон, больше того – задать правильные вопросы и получить ответ. Все это требовало большого количества сил и энергии, да и две ночи подряд уходить в игровую тоже было непросто, поэтому перед сном Карина выпила большую кружку горячего крепкого чая с огромным количеством меда, изменила рисунок из палочек и камней – теперь он напоминал зазубренную стрелу, – а потом легла, погасила свет и позволила мягким волнам унести ее в потаенную темную глубь.

На этот раз в игровой комнате ее уже ждали.

На ковре перед Кариной сидели две девочки: одна белобрысая, в косынке поверх тонких светлых косиц и в голубом сарафанчике; другая была одета в белое летнее платье, темные волосы свободно ниспадали на плечи, а большие карие глаза смотрели печально. Комната потускнела; краски тут и без того никогда не были яркими, а теперь и вовсе погасли, как если бы Карина оказалась внутри черно-белой фотокарточки. Зато сами девочки как будто немного светились голубоватым мертвенным светом, и Карина заметила на лице той, что была в сарафане, грязноватые разводы, как от болотной воды или тины, а белое платье другой покрывали черные пятна подпалин.

– Привет, – сказала блондинка и улыбнулась. – Рады тебя видеть.

Зубы у нее были острые и черно-зеленые; полусгнивший язык высовывался изо рта, как мертвый моллюск из треснувшей раковины. В детском личике угадывались черты будущей Госпожи Примы, Хозяйки Шабаша и Княгини Ковена ведьм из Виллы Боргезе.

– Привет, Вика, – ответила Карина и перевела взгляд на темноволосую девочку. – Привет, Лера.

Та только грустно кивнула.

– Что вы тут делаете? – спросила Карина.

– Мы пришли поиграть, – сообщила Вика с улыбкой. – Хочешь с нами?

По комнате пробежала едва заметная рябь. Карина увидела, что на пустом прежде ковре перед девочками появились игрушки. Рядом с Викторией на широкой деревянной доске возвышался игрушечный замок, оказавшийся при более внимательном рассмотрении точной копией какого-то завода: там были приземистые цеха с решетчатыми висячими переходами, широкие прямоугольники складов, в узких проходах стояли маленькие машинки и совсем крошечные человеческие фигурки. Рядом с одним из ангаров, зажатый высокими прямыми стенами, находился полуразобранный корабельный корпус. Из него торчала тонкая красная петарда с коротеньким фитилем, и Карина заметила, что точно такие петарды высовываются и из заводских корпусов. У Леры в руках был игрушечный

пароходик; палуба блестела от влаги, а команда в черных плащах, как казалось, металась, сражаясь со штормом.

– Вам тут не место, – сказала Карина. – Уходите и больше не возвращайтесь.

Вика обиженно надула пухлые губки.

– Почему?

– Это моя комната.

– А вот и не твоя, она общая! – капризно ответила Вика. – И мы тоже хотим здесь играть, ясно тебе! Лерка, скажи ей, что ты молчишь!

Лера посмотрела на Карину, и та увидела слезы в глазах бывшей подруги.

– Нас тут наказывают, – тихо сказала она. – А если ты поиграешь с нами, то, может, и не накажут сегодня.

Горло стиснул комок. В сознании ослепительно вспыхнули образы: пылающая драпировка на стенах, Валерия, раненная в живот, скорчилась на бетонном полу, дым заволакивает подвал... Комната покачнулась, и Карина ощутила, что какая-то сила выталкивает ее вверх, к потолку, как поплавок. Она с трудом взяла себя в руки, едва не проснувшись, постаралась почувствовать окружающее: вытертый ворс ковра, твердость пола, запахи пыли и застывшего времени.

– Прости, Лера, – выдавила она с трудом. – Но я не буду с вами играть.

– Квака-задавака, вот ты кто! – выкрикнула Вика. – Раньше играла, и ничего! Или забыла?!

Она вытянула чумазый палец и ткнула в Карину. Правое бедро укусила резкая боль, как от ожога. Карина посмотрела вниз. Знак перевернутого трезубца светился и переливался, как дымное пламя. Подол короткой ночной рубашки на глазах стал темнеть и закурился сероватыми струйками. Карина вскрикнула и хлопнула по бедру ладонью. Пламя исчезло.

Вика широко раскрыла ощерившийся мелкими черноватыми зубками рот и захихикала.

– Так тебе и надо, курица-помада! Подумаешь! Мы и спрашивать не будем, да, Лерка?

В руках у нее появился спичечный коробок с самолетиком на этикетке. Вика достала спичку и посмотрела на сидящую рядом подругу.

– Ну, чего ждешь? Давай!

Лера послушно стиснула побелевшими пальчиками корпус игрушечного корабля так, что тот затрещал. Фигурки матросов в плащах покатались по палубе. Вика чиркнула спичкой и поднесла ее к фитилю одной из петард.

Карина нахмурилась и шевельнула плечами. Спичка тут же погасла, выдохнув ядовитый дымок. Лера ойкнула и уронила корабль, который упал на ковер, сразу выровнялся на киле и закачался, будто идя по волнам. В углах шевельнулись длинные тени.

– Я сказала, это моя комната. И вы сюда больше никогда не придете.

Стены качнулись. Макет завода пропал. Корабль, коротко загудев, развернулся и уплыл в темноту под шкаф. Вика вскочила и топнула ножкой.

– Я все Мамочке расскажу, понятно?! Она тебе так даст, вот увидишь!

Она схватила подругу за руку, рывком подняла ее на ноги и направилась к выходу, волоча Леру за собой. Взялась за ручку, распахнула дверь, открыв зияющую черноту, обернулась, смерила Карину ненавидящим взглядом и прошипела:

– Ну и сиди тут одна! Дура!

Вика скорчила рожу, высунув на прощание противный осклизлый язык, шагнула в пустоту и исчезла. Лера задержалась на миг и обернулась; грустные карие глаза встретились со взглядом Карины, и той показалось, что Лера улыбнулась сквозь слезы. Сердце стиснуло болью. Карина хотела что-то сказать, может, окликнуть, спросить, удержать, но Лера перешагнула порог и тоже пропала. Дверь с силой захлопнулась, так, что зазвенели тонкие стекла. Карина осталась одна, а у нее за спиной уже сгущались, извиваясь в медленном танце, ее жадные до игр друзья...

В отличие от своего подчиненного, храбрости у которого хватало только на то, чтобы в составе вооруженной дубинами троицы нападать на одного безоружного, Швец оказался крепким орешком. Пойманный в ловушку кошмара внутри номера гостиницы «Турист», он метался, орал так, что заглушал завывания бури снаружи, но только под утро Карина смогла уловить едва заметный ответ на заданный ею вопрос – словно буквы тайнописи проступили через шершавый лист серой бумаги.

«Вениамин Ривкин. «Севмороблспецтранс». «Лига». Хозяин».

Проснулась Карина совершенно измученной и разбитой.

По комнате со свистом носились холодные сквозняки. Ветер с марафонским упорством нес с моря в город соленый дождь с мокрым снегом. Солнце растворилось в тяжелом небе, как подтаявший кусок масла в густой серой каше, и не светило, а тускло, устало мерцало, как будто пережидая день, чтобы дотерпеть до ночи и скрыться за горизонтом. В коридорах сильнее, чем всегда, пахло старостью, болезнью и разложением. Дверь в комнату Леокадии Адольфовны была плотно закрыта, и Карина не решилась даже подходить к ней, а только спросила у своей сменщицы, дежурной по этажу:

– Маша, а как там моя подружка? Все с ней в порядке?

– Леокадия Адольфовна-то? Ну да, нормально вроде. Грустная только. Про тебя спрашивала, мол, почему не заходишь. А я ответила, что у тебя смена сегодня, так что пусть ждет.

– Маша, ты сможешь сегодня за меня подежурить? Я потом отработаю две смены подряд, когда захочешь, ладно? Мне очень нужно. Спасибо тебе, большое спасибо!

Мысли путались. Планировать получалось с трудом. Карина попробовала связать воедино то, что узнала на настоящий момент: итак, распоряжение напасть на А. Л. отдал некий Вениамин, безопасность которого обеспечивал Швец, ныне безуспешно пытающийся прийти в себя от чудовищных сонных видений; Вениамин является хозяином уже упомянутой ранее фирмы с корявым и непроизносимым названием, а еще каким-то образом связан с «Лигой» – и вот этого Карина понять уже не могла. Она знала, что хозяином «Лиги» был Петр Трок, с которым А. Л. договаривался о сотрудничестве; очевидно, что во время поездки в Михайловск Инквизитор узнал что-то, затронувшее интересы Вениамина, – но при чем тут тогда «Лига»?

Какой-то хаос из неясных связей, названий, имен и мотивов. Разбираться в этом не было сил. Ясно одно: если она не остановит этого Вениамина, А. Л. будет грозить опасность, чего нельзя допустить.

Если бы кто-то спросил у нее почему, Карина бы вряд ли ответила – даже самой себе.

Она не решала, не предугадывала, не раздумывала; просто взяла телефон и позвонила в приемную «Лиги».

– Здравствуйте, могу ли я поговорить с Вениамином Ривкиным?

– Как вас представить? – Женский голос был вежливым до полной бездушности.

В голове пронесся мгновенный вихрь обрывочных мыслей.

– Карина Максимовна. – Никакой идеи, кроме как говорить по возможности правду, чтобы не запутаться окончательно, вихрь не принес.

– По какому вопросу?

– Я из городского психоневрологического интерната. – Карина говорила первое, что приходило на ум. – В смысле, я там работаю. Видите ли, раньше мы общались с Петром Марковичем Троком по поводу спонсорской помощи нашему учреждению, и он нам никогда не отказывал...

– Одну минуточку.

В трубке зазвучал бодрый марш.

– Спасибо за ожидание, – вернулся голос через минуту. – К сожалению, Вениамин Семенович сейчас занят.

Карина оценила, что перезвонить ей не предложили, но не сдалась:

– Скажите, пожалуйста, могу ли я записаться к нему на прием? Ну, скажем, сегодня вечером или в любое удобное время? Понимаете, у нас сейчас довольно затруднительное положение, не хотелось бы откладывать решение некоторых вопросов... Я займу не больше пяти минут.

В трубке помолчали немного, пощелкали клавишами.

– Я вижу окно в расписании около шести вечера. Попробуйте подъехать к этому времени.

В городе дуло со всех сторон, холодный дождь насквозь промочил платок, снег летел прямо в глаза, куда ни сверни, как ни прикрывайся рукой. До ворот «Лиги» Карина добралась вымокшей и продрогшей – настоящая просительница милостыни для богадельни. В другое время она бы испытывала неловкость, явившись на встречу в заляпанных грязью ботинках, с мокрыми волосами, повисшими неряшливыми прядями, но сейчас все это не имело значения. Единственное, что было важно, – увидеть нового хозяина «Лиги» хотя бы мельком.

Вениамин был невысоким полноватым молодым человеком с резкими, дергаными движениями и черными глазами навывкате, которые бегали по сторонам так быстро, что как будто вибрировали от постоянной внутренней дрожи. «Невроз, – отметила про себя Карина. – Да какой еще. Надо полегче с ним ночью».

Впрочем, несмотря на тревожную мимику и жестикуляцию, Вениамин принял ее довольно любезно: провел в комнату переговоров с большим проекционным экраном для презентаций и совещаний по видеосвязи, усадил за длинный стол, на котором располагался ультрасовременного вида селектор, предложил чай и уселся напротив, постоянно поглядывая то на часы, то в экран телефона. Собственно, можно было уже уходить, но Карина не хотела вызывать ненужных подозрений и попыталась собраться с мыслями.

– Я работаю в городском интернате для пожилых пациентов, страдающих различными формами деменции, – начала она. – И в общем... у нас сложились хорошие отношения с Петром Марковичем, и он...

Голова закружилась. Карина почувствовала, как отлила от лица кровь. В ушах тошнотворно шумело. Вениамин оторвал взгляд от экрана смартфона, быстро взглянул на нее и торопливо заговорил:

– Да, да, мне сказали, что «Лига» вас поддерживала, я в курсе, но у нас тут небольшие перестановки в руководстве, так что вот прямо сейчас,

условно говоря, мы вряд ли сможем возобновить помощь.

– Я понимаю, – сказала Карина. Собственный голос звучал откуда-то издалека. – Извините, если побеспокоила, я просто хотела... решила...

– Вы хорошо себя чувствуете?

– Да. Просто устала немного. Бессонная ночь.

– Давайте поступим так: мы не отказываемся помогать, поэтому подготовьте какой-нибудь список, перечень необходимых затрат, условно говоря, бюджет, а мы рассмотрим и ответим. Хорошо?

Карина с облегчением кивнула. Вениамин торопливо вскочил – тоже, кажется, с облегчением, от того, что можно вернуться к более важным делам.

– Ну, тогда всего доброго, спасибо, что зашли, будем на связи!

– Будем, – пообещала Карина. – Обязательно.

На выходе из проходной она поскользнулась, и коварный ветер, уловив удобный момент, выскочил из-за угла и толкнул ее в спину. В последний момент ей удалось схватиться за ручку железной двери и повиснуть на ней, неловко завалившись набок. Охранник тревожно выглянул из-за своей стойки.

Карина с трудом поднялась, молча махнула вахтеру рукой и осторожно пошла к остановке автобуса, передвигая ослабевшие ноги. Сказывались две тяжелые ночи, большой расход сил, тревога – а еще она вспомнила, что за сегодняшней день ничего не ела.

Аппетита не было вовсе, но Карина за ужином в интернате насильно запихала в себя большую тарелку чуть теплых толстых слипшихся макарон, посыпанных сахаром. Доковыляла до своей комнаты, включила чайник и рухнула на кровать.

Правильно было бы отложить ночной визит к Вениамину на завтра, а еще лучше дня на два, дать себе настоящим образом выспаться, восстановить силы в блаженстве черного забытья. Два погружения подряд в потустороннюю игровую комнату уже были личным рекордом, а третье могло стать смертельно опасным: «друзья», сотканые из черных теней, вьющихся, как хищные побеги плюща, чувствовали силу и слабость и запросто могли выйти из-под контроля, как змеи, раздраженные неверным движением факира. Но Карина сказала себе, что медлить нельзя: кто знает, может быть, сейчас нервный Вениамин уже распекает кого-то за провал своего поручения и посылает новых головорезов прямо к больничной палате, где лежит Инквизитор.

Рисунок из палочек с камешками снова был изменен; на случай, если вновь придется столкнуться с кем-то незванным, Карина придала ему

больше разрушительных сил, сложив в итоге подобие короткого трезубца, похожего на тот, что отпечатался у нее на бедре. Она напилась горячего чая, доскребла ложкой из банки засахарившийся крупитчатый мед и вытянулась на кровати.

На этот раз не было тихих волн, постепенного, убаюкивающего погружения, плавного пересечения границ реальности. Карину резко вырвало из физического тела, и она стремительно полетела вниз, в черный провал, с такой скоростью, что перехватило дыхание. Пол игровой, покрытый старым ковром, встретил ее так жестко, что лязгнули зубы. В нос ударила тяжелая вонь, как будто в комнату втиснулся облепленный водорослями осьминог, несло разложением и гнилой рыбой, кожу словно облепил мокрый холодный компресс, и еще до того как Карина открыла глаза, она поняла, кого увидит перед собой.

– Так вот, значит, кто не разрешил моим девочкам здесь играть?

Она была просто огромной: исполинская задница растеклась по ковру, как наполненные тухлым жиром широкие бурдюки, синий вылинявший халат, какие носили в детском доме нянечки и технички, чуть не лопался на гигантской, свисающей на круглый живот груди; кисти рук, распухшие, как у утопленника, были сложены на коленях размером с футбольные мячи; круглые мутные глаза уснувшей рыбы уставились на Карину, толстые губы слиплись и не размыкались, когда она говорила, и голос ее, похожий на хриплое кваканье, раздавался внутри головы.

– Кто ты? – спросила Карина, хотя уже знала ответ.

– Можешь называть меня Мамочкой, – проквакала та в ответ.

Карина взглянула вниз. Камешков и палочек на ковре не было.

– Ищешь свои игрушки? – спросила Мамочка. – А они тебе ни к чему. Вот смотри-ка, у меня есть другие, хорошие!

Она протянула пухлую руку и пошевелила лежащую перед ней небольшую кучку мокрых, испачканных кукол. Тут были голые пупсы с оторванными руками, солдатики, проткнутые несколькими длинными, толстыми иглами, уродливые марионетки на подставках с большой круглой клавишей, корчащиеся в ответ на нажатие и сжимающие в руках топоры, ножи, пилы и молотки.

– Хочешь со мной поиграть?

Карина пошевелилась. Впервые она чувствовала себя здесь чужой; не на что было опереться, не за что уцепиться мыслью, очертания ускользали, будто смазанные рыбьим жиром, и только огромные выпученные глаза напротив гипнотически светились гнилой желтизной.

– Нет. Не хочу.

Мамочка издала сердитое бульканье, всколыхнувшись всей своей необъятной тушей.

– Какая упрямец! Испортила мне вчера всю забаву и сейчас спорит! На, играй, я сказала!

Она швырнула в Карину безголовую куклу в разорванном окровавленном платье. Та взлетела и тут же упала на середину ковра, наткнувшись на невидимую стену.

– Я не буду.

Пол поплыл под ногами. Ковер стал стремительно пропитываться черной влагой. С занавесок сбегали струйки воды. Рыбная вонь сделалась невыносимой.

– Ты же наша, – увещавательно произнесла Мамочка. – И сюда приходишь не в доктора поиграть и не в дочки-матери. Паренек тот, Василий, чуть не помер, ты знаешь? Давление в голове подскочило. А мужичок, которого ты вчера навестила, на работу не вышел, уехал куда подальше и запил. Про других напомнить тебе, тех, которые были раньше?

Комната покачнулась. Карина почувствовала под собой уже не пол, а вязкий, мокрый песок. По стенам пробежала крупная рябь, они стали скругляться, и сквозь голубоватый и белый цвета на глазах проступал грубый рисунок каменной крупной кладки. Лампы исчезли. Вместо высокого потолка над головой сгущалась непроницаемая чернота. Карина собрала весь остаток сил, пытаясь удержаться на месте, вернуться к себе в игровую, но что-то темное тянуло ее на дно каменной ямы.

– Не надо, не надо сопротивляться, – шептала Мамочка. – Признайся, тебе нравится с нами играть и всегда нравилось. Мне об этом твои подружки рассказывали, а знаешь, кто еще? Трое мертвых и шестеро спятивших: кто-то из них у меня, кого-то я навещаю, и все они вспоминают, как ты со своими «друзьями» являлась к ним среди ночи.

Песчаное дно уходило все глубже; окна и двери исчезли, и каменные круглые стены колодца тянулись вверх и вверх, уходя в холодные бездны, лишённые жизни и звезд. Карина отчаянно старалась схватиться за что-то, чтобы замедлить стремительное падение в эту чудовищную нору, но ничего не находила, все было холодно, пусто и мертво: детство, страх, жуткий смех, одиночество, слезы, приют, издевательства, затравленный взгляд, насилие – снова и снова, ярость, месть, темнота, снова одна, дьявольские ритуалы, младенец орет под ножом, горит синим пламенем клеймо на бедре, дым и копоть забили легкие, бегство и вновь одиночество, извилистые черные тени...

Яма стремительно наполнялась сломанными игрушками, покрытыми

черным илом: растерзанные куклы, обгоревшие солдатики, выпотрошенные тряпичные звери, превратившиеся в грязные мокрые тряпки, гвозди забиты в пластиковые черепа, глаза выпали, одежда растерзана – они поднимались валом, дойдя до пояса, до груди, до самого горла, а стены капища уже не уползали – уносились во тьму.

– Ты наша, ты наша... поиграй с нами, ну, поиграй...

Она ударила руками, схватилась за изуродованные пластмассовые тела и уже чуть не крикнула: «Хватит! Согласна, согласна!», как в этот миг что-то мелькнуло на периферии мысленного взгляда белым и розовым, теплым: седые кудряшки, шейный платочек, мягкий свет желтоватой лампы – Леокадия Адольфовна посмотрела ей прямо в глаза строгим взглядом и спросила:

– Ты любишь его?

– Да, – прошептала Карина.

– Так за чем же дело стало?

Мир перевернулся, исчез и через мгновение появился снова. Карина качнулась вперед, чуть не врезавшись лбом в лежащие на ковре палочки и камешки, и с трудом выпрямилась. С одежды стекали густые комья холодной слизи и скатывались черные черви – они падали на пол и исчезали, корчась и испуская легкий дымок. Мамочка задрожала всем своим исполинским телом, а потом разлепила толстые губы. Меж острых клыков круглого рта полетели зловонные брызги.

– Я не буду с тобой играть, – сказала Карина. – И я не твоя. Убирайся отсюда, да поживее.

Синий халат на Мамочке лопнул, выстрелив разлетевшимися по углам пуговицами и обнажив бугристую бурую кожу. Лицо сморщилось, растеклось и превратилось в узор из извилистых линий.

– Мы еще встретимся, мелкая дрянь! – заревел в голове у Карины голос, похожий на вопль раненого кашалота. – Я найду кого прислать за тобой! Никуда от меня не денешься!

– Пошла вон. – Карина прикоснулась к выложенному из веточек и круглой гальки узору, и в тот же миг чудовищная тучная плоть Мамочки окаменела, покрылась трещинами, а потом рассыпалась множеством мелких осколков, превратившихся в брызги тины и черной воды.

Из углов игровой потихоньку полезли длинные колючие тени, как испуганные щенки после миновавшей угрозы. Карина, не глядя на них, с трудом поднялась и пошла на подкашивающихся ногах к шкафу. Остановилась, вызвала мысленный образ ключа – большого, железного, с извилистой «бородкой», открыла дверцу и тут же нашла ключ на полке

между картонных коробок с настольными играми. Все так же стараясь не смотреть на осмелевших «друзей», как ни в чем не бывало готовящихся к игре, прошла по чавкающему гнилой влагой ковру к двери комнаты, вставила ключ в скважину и повернула два раза. Прислушалась: в притаившейся снаружи пустоте было тихо. Она убрала ключ обратно в шкаф и, чуть не падая, побрела к своему месту, с тревогой отметив, как тени мечутся, примеряя на себя хищные образы.

Энергии почти не осталось. Карина взялась руками за один камешек и передвинула его в низ мозаики, одновременно представив Вениамина: бегающие глаза, руки теребят рукава, часы, телефон, губы пухлые и капризные, как у ребенка.

«Невроз, с ним надо полегче», – успела вспомнить она. Сейчас следовало нащупать сознание Вениамина, найти его в городе, войти к нему вместе с «друзьями», но в этот момент силы покинули ее окончательно, а голодные, жадные тени, увидевшие новую жертву, рванулись вперед раньше, чем Карина могла остановить их или отправиться следом.

* * *

Дела Трок передал из рук вон плохо. Собственно, с учетом всех обстоятельств, иного не приходилось ожидать, так что Вениамин был морально готов к тому, что во всем станет разбираться самостоятельно. Хорошо еще, что обошлось без уничтожения данных: именно чтобы подстраховаться от такого исхода, он выбрал для захвата «Лиги» субботу, когда офис был практически пуст, не считая пары-тройки дежурных диспетчеров и логистов. В компании самого Вениамина системный администратор мог несколькими нажатиями клавиш стереть все данные с серверов и жестких дисков рабочих компьютеров, так что предосторожность не была лишней – кто знает, может, и в «Лиге» имелась такая возможность.

В субботу они оформили необходимые документы, поверженный Трок, держась со всем возможным достоинством, передал ключи от сейфа, пароли доступа от счетов и печати компаний, а Вениамин посвятил день скачиванию на внешний носитель ключевой информации с сервера «Лиги» и налаживанию удаленного доступа. Арсений Удод, был, конечно, парнем сообразительным, хорошим и грамотным исполнителем, но Вениамин не приветствовал делегирование полномочий и никогда не доверял никому полностью: он считал, что надежных сотрудников не существует вовсе, а

есть те, кого уже поймали на воровстве, и те, чьи злоупотребления пока остались невыявленными, несмотря на усилия службы собственной безопасности. Удод относился к последним; это значило, что он либо ворует по мелочи, либо еще просто не нашел способ залезть к Вениамину в карман, и тот не собирался предоставлять ему такую возможность. Пусть занимается административной работой, а вот все, что связано с деньгами, большими и малыми, Вениамин возьмет на себя. Работать предстояло как рабу на галерах, но если в чем-то и можно было его упрекнуть, то уж точно не в отсутствии трудолюбия: много лет он приходил в офис первым, уходил последним, вкалывая по четырнадцать часов кряду и зарабатывая вместе с деньгами нарастающую тревожность, тремор глазных яблок, синдром постоянного нервного напряжения, а еще ослабление памяти, что в последнее время тревожило Вениамина особенно сильно и заставляло бесконечно записывать, копировать и постоянно включать диктофон на совещаниях и переговорах.

В Северосумске Вениамин планировал пробыть недели две или три: смотря как пойдут тут дела и не потребуются ли его безотлагательное присутствие в Михайловске. В быту он отличался неприхотливостью и даже некоторой аскетичностью: нанял себе самую простую двухкомнатную квартиру в Заселье, где и расположился с минимальным запасом белья и рубашек, ноутбуком и молодой гражданской женой, не пожелавшей остаться в Михайловске по причине свойственной ей ревливой подозрительности – вместе они были всего несколько месяцев, брак не оформляли, так что мало ли, кто их знает, северосумских девиц. Рядом с Вениамином ей было спокойнее.

Сейчас жена давно спала в другой комнате, смежной с той, где он устроил себе кабинет, а сам Вениамин сидел за столом, вперив взгляд покрасневших натруженных глаз в монитор. Время давно перевалило за полночь; если учесть, что в офис он приехал в половине девятого, то рабочий день продолжался уже больше шестнадцати часов, и Вениамин понимал, что давно пора спать, но работа была для него не просто бизнесом, но и единственным увлечением: еще полчаса, ну максимум час – вот закончит с аналитикой консолидированных расходов двух дочерних автомобильных компаний, и все, сразу на боковую.

Он уставился в расплывающиеся строчки электронной таблицы, по привычке отыскивая следы возможных неверных списаний и злоупотреблений, и очнулся от щелчка клавиши, которую, сам того не заметив, нажал носом.

Задремал.

Нет, это уж никуда не годится. Вениамин развел руки, разминая затекшие плечи, повертел головой и замер, краем глаза заметив неподвижно стоящую у двери спальни фигуру в белом. Он подскочил на стуле и повернулся.

– Фу, напугала, – с облегчением вымолвил Вениамин. – Таня, ты чего встала?

Таня, фигуристая, полноватая, с всклокоченными жесткими светлыми волосами сонно потерла глаза и улыбнулась.

– Я проснулась, а тебя рядом нет. Веник, давай спать уже, а? Так поздно, а тебе завтра опять на работу.

Он встал и пошел к жене. Она стояла в темном дверном проеме и улыбалась, как восковая лошадка: брови подняты, глаза широко открыты, губы растянуты до ушей. Вениамин поднял руки, чтобы обнять ее, сделал еще один шаг и остановился.

Дыхание перехватило. К позвоночнику будто прижали холодные зубья пилы.

Через открытую дверь спальни он увидел кровать, а на ней, завернутая в одеяло, лежала его жена. Светлые волосы разметались по белой подушке.

Вениамин в ужасе перевел взгляд на женщину перед собой. Она продолжала широко улыбаться, призывно кивала, блестя пустыми глазами, руки вытянулись ему навстречу. Он бросил еще один панический взгляд поверх обтянутого белой тканью ночной рубашки плеча: женщина на кровати лежала не шелохнувшись, мерно и тихо дыша, а существо перед ним улыбалось все шире и шире, распахивая огромную пасть и ощеривая ряды длинных, изогнутых, острых зубов, а лицо уже начинало сползать, теряя форму и растекаясь, как оплавленный воск.

Вениамин заорал, отшатнулся, упал, больно ударившись спиной и затылком, – и тут увидел, что он лежит на полу, рухнув вместе со стулом. Он быстро посмотрел в сторону спальни: никого. Дверь закрыта. Кругом тишина, только сердце ухает так, что, наверное, слышно этажом ниже.

Нет, все, это уже безумие какое-то. Спать – и немедленно.

В спальню идти было страшно. Он оставил включенным свет в кабинете и в коридоре, прокрался в темную комнату и приблизился к краю кровати. Жена лежала там неподвижно, закутавшись в одеяло и отвернувшись к стене. Вениамину захотелось ее разбудить, но он не мог решить, что страшнее: лечь спать, не проверив, кто лежит с ним в постели, или снова увидеть расплывшееся лицо и жуткий оскал. В конце концов он осторожно прилег на краешек двуспальной кровати, не поворачиваясь к супруге спиной, и попытался уснуть.

Сон не шел. Глаза даже не закрывались, и стоило ему забыть о том, что веки нужно сжимать, как они раздвигались, словно две неваляшки. Он лежал, смотрел в перепутанные светлые волосы и думал.

Не надо вообще было разрешать Татьяне тащиться за ним. Ну подумаешь, уехал на две недели. Что ей там, в Михайловске, занятия бы не нашлось? Салоны красоты, фитнес, магазины, подружки – столько дел, как бы еще все успеть. А тут сидит в квартире целыми днями и ноет, что Вениамин сутками на работе. Предупреждал же, что едет не развлекаться, а впахивать. Нет, не стоило разрешать ей ехать...

Стоп.

А он разрешал?

Вениамин сглотнул так громко, что испугался.

Не может быть. Это дико, но он не мог вспомнить, согласился ли взять жену с собой в Северосумск. Надо напрячься. Вот Татьяна спрашивает, не хочет ли Вениамин, чтобы она ехала с ним, а он отвечает: мол, что там делать, будешь в квартире сидеть целый день, а в Михайловске весело... Да. Салоны, фитнес, подружки.

Таня осталась дома. Он поехал один.

Тогда кто сейчас лежит рядом с ним?!

Она начала поворачиваться. Вениамин забился, запутавшись в одеяле, как пойманный сетью карась, а существо на кровати разворачивалось в его сторону, будто кукла, медленно, разом всем неподвижным телом. Он закричал так, что в тот же миг сорвал себе голос, а тварь рядом с ним повернула к нему свое полностью оплывшее, лишенное человеческих черт безглазое лицо и зашипела, оскалив длинные зубы.

Вениамин рухнул с кровати. Засучил ногами, скинув наконец одеяло. Бросился к входной двери – тугой непривычный замок не слушался дрожащих от ужаса пальцев. Обернулся, как загнанный зверь: существо с телом женщины в ночной рубашке, без лица, но с раззявленной пастью, вышло за ним в коридор и медленно приближалось, а из двери кухни шагнуло еще одно, не утратившее пока человеческий облик, как две капли похожее на его жену; вторая тварь улыбнулась, заблестела глазами и спросила:

– Веник, дорогой, куда это ты на ночь глядя? Пойдем, пойдем со мной.

И поманила рукой. Зубастая нежить у нее за спиной повторила жест. Замок наконец щелкнул, дверь распахнулась, с лестницы ворвались холодный, пахнувший мусоропроводом воздух и гулкое эхо, которое раскатисто подхватило drobный топот ног по ступеням и хриплый, нечеловеческий вопль.

Глава 18

Аркадий Леонидович вернулся домой вечером в понедельник. Впрочем, назвать это домом было уже нельзя: квартира ждала его безжизненной, потерянной и пустой – как и он сам. Место, где больше некому жить. Да и незачем.

Повязка давила голову. Два длинных, покрытых коркой запекшейся крови шрама, заштопанные второпях черными нитками, горели под бинтами болезненным зудом. Он вошел в комнату, не разуваясь – в разоренном жилище не нужно соблюдать чистоту, – и, не снимая пальто, сел на диван. Пахло брошенной на произвол судьбы жизнью и тлением. В темноте на столе вырисовывались очертания бутылки вина, двух стаканов, подсвечника, на столе и по полу были разбросаны белые прямоугольники с черными пунктирами печатных строк. Он поднял один из листков, разглядел его в синеватом ночном свете и будто бы посмотрелся в осколок кривого зеркала: с черно-белой фотографии на него угрюмо уставился Аркадий Романович Каль, серийный убийца по прозвищу Инквизитор, сгинувший полгода назад в огненном буйстве пожара.

Мертвец, который пришел за ним, чтобы утащить в могилу. Тень из прошлого, погубившая будущее.

Как она это нашла? Неужели случайно, сама? Нет, вспомнил Аркадий Леонидович, Карина что-то рассказывала про конверт. А вот и он: клапан разорван, как взломанная второпях шкатулка Пандоры. Значит, кто-то подбросил. Неизвестный доброжелатель. Кто мог это быть? Кому еще известно о его тайне?

Не имеет значения. Сейчас волновало другое: как быть с тем, что он узнал о Карине.

Он уснул на диване, как был, в ботинках и верхней одежде. Утром проснулся от головной боли. Прошел по квартире, выбросил протухший кусок запеченного мяса, уже провонявший трупным запахом занавески на кухне, и попробовал жить.

Аркадию Леонидовичу и раньше случалось переживать состояния, подобные смерти: год назад, когда он получил отравленный темным ядом удар колдовства, лишивший его рассудка и воли; позже, когда осознал, что самодеятельный крестовый поход стал одним из аттракционов в мировом парке сомнительных развлечений; когда падал с крутого обрыва в черные воды лесной речки, задышался от дыма и пламени на Вилле Боргезе; когда

сбросил с себя свою старую личность и, возрожденный, попробовал начать все заново. Но никогда еще он не чувствовал себя таким мертвым и опустошенным, как в эти дни. Ему даже казалось, что все происходящее с ним сейчас – какая-то дурная форма посмертного бытия, что напавшие на него громилы действительно убили его, но он вопреки естественному ходу вещей ожил, но не восстал в воскресение жизни, а превратился в жалкого зомби, в существовании которого не было смысла.

Во вторник он позвонил Троку.

– Петр Маркович, простите, не мог поговорить с вами раньше. Был в больнице, на меня напали...

– Сочувствую, – ответил тот.

Голос у Трока был безжизненный и тусклый, и Аркадию Леонидовичу подумалось, что умер не только он, но и весь мир вокруг тоже стал обителью живых мертвецов.

– У меня есть очень важная информация по поводу этого капища на стройплощадке, уверен, что вам она будет полезна.

– Спасибо, – сказал Трок. – Но нет. Уже поздно.

И отключился.

Раз в день он ходил на перевязку в травмпункт по соседству. Сидел в длинной очереди среди тихих людей с переломанными конечностями, забинтованными головами и лицами – они молчали, глядя перед собой в одну точку. Штормовой ветер на улице немного стих, похолодало, в морозном воздухе кружился снежный туман, и улицы кое-как прикрыли постыдную наготу грязных луж тонким белым покровом. На тротуарах оставались цепочки черных следов. Город застыл в каком-то испуганном оцепенении, как жертва, над которой занесли было меч, но вместо удара потянулись томительные, необъяснимо длинные секунды отсрочки.

У подъезда лежала мертвая птица. Он отодвинул ее ногой на заснеженный черно-белый газон; шея выгнулась, клюв приоткрылся. Идиот из квартиры напротив не остался стоять, как бывало, а спрятался и закрыл дверь. Это к лучшему: поприветствуй он Аркадия Леонидовича своим обычным: «Получилось?», тот бы вовсе не знал, что ответить.

Кроме как на перевязку, он никуда не ходил. В школу звонить не стал. Сидел дома, глядя на то меркнувший, то снова брезжащий серый свет за окном. Много спал: может быть, из-за последствий сотрясения, а может, и потому, что не знал, зачем просыпаться. Пил воду из крана и ел консервы: несколько банок стояло в кухонном шкафчике, и, когда он брал одну из них, то думал, что купила и поставила их туда Карина.

О ней он думал больше всего. Практически только о ней.

Инстинкт выживания нуждается в надежде на лучшее или хотя бы в осознании смысла дальнейшего существования. Почти год назад, когда жизнь обрушилась под тяжестью колдовского морока, Аркадия Леонидовича спасла появившаяся цель: уничтожение зла, совершение инквизиции и правосудия, возможность потрясти мир, донести на единственно внятном для теплохладного общества языке кроваво-огненное послание о его безумии и несовершенстве. Потом, после бегства из Петербурга и встречи с Кариной, появилась надежда: на мирную, тихую жизнь, семейное счастье, гармонию и любовь.

И вот куда она его привела.

Прискорбное и губительное заблуждение! Разве не чувствовал он себя воином, призванным Провидением на последнюю битву? Разве не понимал, что в этом его невыносимо тяжелое, но единственное предназначение? И разве не форменным дезертирством было сбежать на край света, зарыться в уютной норе и рассчитывать на предназначенный для обычных людей благостный быт? Какая суровая справедливость видится в том, что теперь он страдает и наказывается именно тем, в чем видел залог своего обывательского эдема! Черно-синее клеймо в виде трезубца на белой коже бедра все расставило по своим местам.

Он ковырял вилкой застывшие комья жира в банке тушенки и думал, что может вернуться, может все начать заново, занять свое место в строю, продолжить войну, придать жизни хоть какое-то подобие содержания.

Нужно просто найти Карину. И сделать что должно.

Насупленный человек с фотографий на белых листках подсказывал, что это будет несложно. Куда могла деться единственная уцелевшая ведьма из истребленного ковена? Уехать из города? Возможно, но вряд ли. Все их немногие сбережения остались дома, он это проверил, а беглецам нужны деньги, хотя бы на первое время. Скорее всего, ведьма еще в Северосумске: нашла где-то угол, продолжает работать в приюте для престарелых, копит копейки для очередного побега и самонадеянно полагает, что ее угрозы удержат Инквизитора от свершения суда и казни.

В холодной черноте за окном снег отсвечивал белым саваном. Ветер выл и стонал в вентиляции, гремел железом по крыше. Старый дом скрипел, и ворчал, и полнился звуками, как будто вокруг оживали призраки и выползали из нор домовые. Инквизитор смотрел в глаза ночи и думал, иногда бормоча себе что-то под нос.

Да, все можно сделать просто. Правда, из инструментов у него только один молоток да клейкая лента, но и их хватит, если подойти к делу с умом. Интернат находится на окраине, совсем рядом – железнодорожное полотно

узкоколейки, все в густых зарослях по бокам низкой насыпи, а за ней – осыпавшиеся старые стены заброшенной части «Созвездия», где можно найти пустой цех, подвал или открытый ангар, куда годами никто не заходит, кроме как по нужде. Северосумск – это не мегаполис, где на каждом углу натяканы камеры наблюдения; можно захватить ведьму рядом с ее богадельней, накинуть удавку на шею, на голову набросить мешок или простую наволочку от подушки, протащить за собой метров тридцать до кустов рядом с железной дорогой, придушить немного – так, чтобы наступила потеря сознания, а потом отнести в укромное место среди заводских корпусов. Да, план не без риска, но когда это его останавливала опасность? Рыжую содержательницу борделей, ведьму по прозвищу Терция, он ухитрился похитить из двора жилого дома, затолкав в багажник ее собственного автомобиля! А отвратительная карга, рекомендовавшаяся госпожой Стефанией? Захвачена внутри своей же приемной, в центре города! Нет, риск и трудности ему не страшны. Единственная проблема – выбрать время захвата, но и это решалось легко: можно сделать звонок в интернат, узнать график дежурств, установить наблюдение... Дел на два дня, не больше.

Он кивал своей фотографии, похожей во тьме на черный прямоугольный провал в пустоту, соглашался, опасаясь противоречить, но понимал при этом, что ничего подобного не сделает. Не будет внезапного нападения, удавки, наволочки, короткой отчаянной схватки, не будет заброшенного цеха или ангара и тошнотворного звука, с которым стальной молоток переламывает пальцы на ногах.

Потому что он скорее сам себе перебил бы все кости и пробил молотком череп, закончив работу безвестных мордovorотов, чем причинил вред Карине. Наверное, все дело было в этих консервных банках, аккуратно составленных в шкафчик. Или в закладке на середине книжки, которую они так и не дочитали. Объяснить себе свою слабость он был не в силах, как и найти выход из ситуации.

Дни проплывали, как забытые.

К вечеру среды буря снова усилилась. Снег обрушился шквалом, мигом занес дороги и тропы, облепил провода, деревья и стены, и в белесой тьме не видно было ни зги: город пропал, провалившись в иную реальность. Вихри кружились на перекрестках, извиваясь и вскидываясь, как демоны в торжествующем танце. В семь часов вечера улицы опустели, отдавшись во власть урагана и до срока наставшей ночи, словно яростная непогода сдвинула временную ось мироздания.

Свет погас. На лестнице распахнулись одна за одной неплотно

прикрытые оконные рамы, и ветер ворвался внутрь, разбивая вдребезги стекла и вдувая в сумрак подъезда белые тучи. Аркадий Леонидович задремал, поначалу прислушиваясь к дребезжащему грому, к зловещему торжествующему вою в колодце парадной, а вскоре забылся тонким тревожным сном.

Проснулся он оттого, что в квартире кто-то был. Из двери кухни в коридор падал неровный прямоугольник света. Негромко бубнили голоса. Аркадий Леонидович поднялся с дивана и вышел из комнаты. Страха не было; может быть, потому, что он догадывался, что за гости наведались к нему в этот час.

Они пришли вместе, все шестеро, те, которых он видел. Втиснулись в тесную кухню и ждали, переговариваясь и посмеиваясь, как ожидают друзья задержавшегося где-то товарища, чтобы начать веселье. Несло разрытой землей, гнилью и мертвой горелой плотью.

– Посмотрите-ка, кто явился! – раздался насмешливый голос со старческой хрипотцой. – А я уж хотела сама тебя разбудить! Ну, здравствуй, что ли, мил-человек!

Он остановился на пороге, прислонился плечом к косяку и обвел взглядом кухню. Старая карга Стефания сидела на табурете и ухмылялась, растянув широкий безгубый рот с осколками желтых зубов. Бесформенное обгоревшее тело было покрыто коричнево-красной коркой, из трещин в которой сочился желтеющий жир и проступало алое мясо. Руки и пальцы старухи скрючились, как поджатые когтистые лапы. На второй табуретке у окошка сидела портниха Оксана; побагровевшая, раздувшаяся, будто шар, голова печально покачивалась над обугленным торсом; некогда пышные груди свисали ошметками черной кожи. Рядом с ней стояла высокая стройная женщина, затянутая в мотоциклетный комбинезон; на голове у нее был надет шлем с вдребезги разбитым стеклом, за которым зиял кроваво-черный провал. На краешке подоконника пристроилась Терция, с головы и до пят вся в промокших красным и желтым бинтах, только клочья рыжих и жестких, как проволока, волос торчал из дырки в повязке да поблескивали через прорезь в марле холодные, злые глаза. На плите восседала белобрысая Белладонна, сохранившаяся лучше всех: ни ран, ни ожогов, только рот залеплен перемазанным в блевотине скотчем и глаза закатились под лоб, так что только белки таращились бельмами. На краю стола рядом со своей патронессой сидела Лолита: в белой блузке, перепачканной землей и лесным сором, узких брюках и сапогах на высоких шпильках; черные волосы торчали дыбом, сбившись в колтун; она повернула голову к двери и лукаво мигнула единственным оставшимся

глазом. Аркадий Леонидович нахмурился.

– Ну и ну, – сказал он. – Чему обязан визитом?

– Ха! Вы только послушайте! – воскликнула Стефания. – Он еще спрашивает!

Она нагнулась вперед, оскалилась и объяснила:

– Неправильно ты живешь, Аркаша. Начатое до конца не довел, дело свое забросил, вот мы и решили тебе, так сказать, напомнить. Освежить, значит, память.

– Сестра наша Лисса, – невнятно прогудела сквозь бинты Терция. – Ей следует быть с нами.

– Карина, – пояснила Лолита. – Ты так ее называешь.

– Сестренки на тебя обижаются, – продолжала Стефания. – Говорят, где справедливость? Она тут живет себе, радуется. А мы-то чем хуже? Да, девки?

– Вот именно!

– Полюбуйся, что ты с нами сделал!

– Мне все кости переломал!

Голоса перебивали друг друга. Женщина в комбинезоне качнула головой в знак согласия. Безгласая Белладонна так старательно закивала, что из-под широкого скотча потекли зеленоватые зловонные струйки.

– Ты же такой принципиальный, – заговорила Оксана. – Помнишь, как я тебя просила не убивать меня? Ты сказал, что оставишь в живых, если признаюсь, а вместо этого удавил. А у меня остался ребенок. Девочка.

– Я, конечно, не в курсе, может, Лисса тебе как женщина нравится, – предположила Лолита, – но неужели больше, чем я?

И высунула распухший язык, вновь подмигнув одним глазом.

– Лисса точно такая, как мы, – сказала Терция. – Ничуть не лучше. Она два года была с нами. Двадцать четыре есбата, не считая праздничных ассамблей. Если взять всю кровь, которой она причащалась со всеми, и весь вытопленный жир, которым она мазалась, как и все, то хватит, чтобы собрать живого младенца. И все это только ради того, чтобы мстить.

– Ага, а я всего четыре месяца в ковене пробыла, и то из-за тебя, дурака! – обиженно надула Лолита синие губы. – А ты меня задушил и избил! Или наоборот, я что-то забыла, в каком точно порядке...

– Мне раздробил пальцы! А я только хотела с долгами рассчитаться!

– Меня ножом резал!

– Ой, девки, хватит. – Стефания сморщилась, и горелая кожа, как черная сажа, посыпалась пылью со лба. – Вы еще легко отделались, меня он заживо сжег, так что не галдите. Не для того мы отгул взяли, чтобы тут

жаловаться. Ты чего молчишь-то, Аркаша? Некрасиво как-то: к тебе гости пришли, а ты в молчанку играешь. Ты же мужик разговорчивый: как там, «моего слуха коснулось», да? Ну вот касаюсь я твоего слуха: Карину убей. Мы тебе и помощников нашли уже, вместе оно веселей будет. У каждого, Аркаша, в жизни свое дело. У нас вот свое было, за что и страдаем. А у тебя другое.

– Убей ведьму! – прошипела сквозь бинты Терция.

– Убей ее! – умоляюще проныла Оксана.

– Убей! Убей! – взвизгнула Lolита.

Визг и вопли смешались со стуком и топотом: Белладонна и молчаливая мотоциклистка присоединились к общему гомону, колотя руками по железной плите и стуча каблуками в пол.

– Нет.

Стефания злобно вытаращилась.

– Что значит нет? Или ты больше не Инквизитор?

– Я не знаю, кто я, – медленно ответил он, – но теперь уверен, что Карина больше вам не сестра.

– Почему это?! Глаза разуй, баран тупорылый: на ней наше клеймо!

– Потому что вы уговариваете ее убить.

Он помолчал, чуть нахмурился, вспоминая, и проговорил:

– «Всякое царство, разделившееся само в себе, опустеет; и всякий город или дом, разделившийся сам в себе, не устоит. И если сатана сатану изгоняет, то он разделился сам с собой: как же устоит царство его?»^[3]

– Что он несет? – прошипела Терция.

– Херню всякую, как обычно, – злобно отозвалась Стефания.

Аркадий Леонидович покачал головой.

– Вам пора возвращаться туда, откуда пришли, дамы. Прощайте.

И вышел из кухни.

– Импотент! – понеслось ему вслед.

– Неудачник поганый!

– Слабак!

– Чтоб ты сдох!

Аркадий Леонидович вошел в комнату, лег на диван, проснулся и открыл глаза.

За окном бушевало ненастье. Он протянул руку, взял телефон, посмотрел на экран: 20.57. Интересно, какого дня? Сколько он спал: два часа или, может быть, сутки?

В дверь постучали. Он вздрогнул и прислушался. Стук повторился: вначале отрывистый, осторожный, а потом все сильнее, пока входная дверь

не затряслась от частых и сильных ударов.

– Ну, это уж слишком, – пробормотал он, вставая.

Открыл шкаф, достал из злополучной сумки с молотком, маской и скотчем мешочек с освященной травой и воском и надел на шею. За дверью кто-то продолжал отчаянно барабанить.

– Иду, иду! – крикнул он.

Стук стих.

Проходя мимо кухни, бросил быстрый взгляд в темноту: ничего, пусто, тихо, только чуть сдвинуты табуретки и витает слабый, но отчетливый запах гари и гнили – может быть, из-за испортившегося мяса. Аркадий Леонидович подошел к двери и прислушался. В тишине кто-то отчетливо шмыгнул носом. Он повернул ручку замка и удивленно воззрился на гостя: в темноте перед ним стоял Даниил Трок, весь облепленный снегом, который уже начал таять, и капли влаги дрожали на шерстяной шапке, шарфе, куртке и на мокрых стеклах очков. Даниил снова шмыгнул курносый носом, втягивая морозные сопля, шаркнул ногой и сказал:

– Добрый вечер.

Глава 19

«Сбор на Предпортовой, 11, в 22.00. Явка обязательна!»

Сообщение от Ромы пришло в восемь часов вечера. Даниил отвернулся от монитора и посмотрел за окно.

Там, в снежных вихрях, наступал конец света. Даниил вспоминал, что в мифологии какого-то северного народа Апокалипсис представлялся именно так: не гибель всего сущего в бушующем пламени, а постепенное, тихое умирание под бесконечным, усыпляющим снегопадом. Город как будто накрыл белым пологом какой-то дьявольский фокусник, бормочущий там, над тучами, слова заклинания; а потом он сдернет завесу – и под ней останется лишь пустота, голый берег серого моря, песчаные отмели, лес, как тысячи лет назад.

В «единице» после трагической смерти завуча занятия были официально отменены: не осталось ни тех, кто мог бы учить, ни тех, кто хотел бы учиться. Ходили слухи, что школу расформируют, а учащихся перераспределят по другим учебным заведениям. В другое время Даниил бы, наверное, радовался таким неожиданным каникулам, но не сейчас, потому что сидеть дома было еще тоскливее. Отец больше не ходил на работу и не засиживался допоздна с мамой в гостиной, проводя напряженные совещания и пытаясь справиться с навалившимися трудностями: похоже, что все его проблемы действительно кончились, как того и пожелал Даниил, вот только радостно от этого никому не было. Папа целыми днями бесцельно слонялся по дому, как пойманный в клетку лев, еще не смирившийся с неволей, но уже ощущающий собственную обреченность. Он то пропадал в спортзале, то молча сидел перед шахматной доской – не играл, не трогал фигуры, просто глядел на черно-белые клетки невидящим взглядом, а в последние пару дней даже стал смотреть телевизор, чего раньше за ним не водилось. Мама следовала за ним, как тень, бросая тревожные взгляды, словно в любой момент готовая отобрать у него бритву, заряженное ружье или самодельную петлю. Если и раньше Даниил не мог заставить себя подойти к родителям со своими проблемами, то теперь это казалось уже совсем неуместным. Вообще ему нравилось быть дома, он любил свою комнату, но с недавних пор отсюда ушло главное: ощущение защищенности, стабильности и покоя, поэтому Даниил чувствовал себя каким-то затворником поневоле. Даже на улицу было не выйти: сильный ветер и снегопад исключали возможность

прогулок, да и идти стало, по сути, некуда. Более того, неизбежность того, что рано или поздно выйти из дома придется, пугала до тошноты. Даниил пытался не думать об этом, говорил себе, что до следующей пятницы еще есть время, что за четыре – три, два – дня все может перемениться: может быть, проклятую яму в земле наконец-таки закопают, или обнесут новым забором, таким, через который будет уже не пробраться, или произойдет нечто такое, что освободит их от необходимости выполнять требования того непостижимого и ужасного, что они так неосторожно вызвали к жизни. И кое-что действительно изменилось, правда, не в лучшую сторону.

После последнего ритуала Даниил не виделся с теми, кого раньше называл своими друзьями, благо подаренные технологической революцией средства коммуникации исключили необходимость не только встречаться, но даже и слышать друг друга. Они переписывались в социальной сети; первое сообщение, насторожившее Даниила, пришло в понедельник утром от Макса.

«Петрович, привет! У тебя сработало?»

Даниил поразмыслил немного и написал:

«Вроде да. А что?»

«Бля», – было ответом, и на этом беседа закончилась.

Ближе к обеду написал Зотов:

«Хай! Как дела? Норм?»

Даниил догадался, о чем хочет спросить Женя, и ответил:

«Все ОК. А у тебя что-то не так?»

«У меня не исполнилось. Сегодня отец звонил через спутник, в воскресенье вернется».

В конце сообщения красовалась огромная желтая рожа, печально блюющая зеленью. Даниил смутно помнил, что за желание было у Жени, но ради собственного спокойствия уточнять не стал. Интереснее было другое: неужели Мамочка не выполнила некоторых просьб? Значило ли это, что ее сила слабеет? И может быть, то, что происходит с отцом, тоже не ее рук дело?

Это внушало надежду и тревогу одновременно.

Видимо, Филин с Медведем обратились за разъяснениями к шаману, потому что вечером Волк создал беседу для всех четверых и сообщил: «Здесь будем обсуждать ситуацию. Насколько я понял, у двоих из нас не исполнились пожелания. Уточните еще раз».

Женя снова принялся что-то объяснять про отца, который вот-вот вернется, хотя вроде не должен был. Макс рассказал, что видел в Слободке Комбарова, живого, здорового, злого, хотя тому, видимо, уже полагалось

кормить червей или рыб. Макс так растерялся, что даже забыл про пистолет за поясом и едва спасся бегством.

«Понятно. Я поговорю с Мамочкой. Ждите».

Ждать пришлось до утра. Всю ночь Даниил плохо спал, прислушивался к гулу ветра и вглядывался в черноту за окном, ожидая, что вот-вот – и прижмется снаружи к стеклу чье-то мертвое, злое лицо.

Утром разговор получил продолжение. Рома писал: «Мы пообщались. Мамочка говорит, что кто-то ей помешал. Подробности не важны. Она сказала, что мы должны быть готовы в любой момент помочь ей устранить помеху».

«Без проблем, пусть даст команду», – согласился Медведь.

«Поскорее бы», – добавил Филин.

Даниил хотел было спросить, кто же смог помешать Мамочке и как именно его придется устранять, но не стал, чтобы не получить ответ.

Не верилось, что такое может обсуждаться всерьез.

Однако в среду поверить пришлось.

«Мамочка говорит, что найдет нам помощника для усиления. В любом случае выдвигаемся сегодня. Проводим ритуал по стандартной схеме. Позже напишу про время и место встречи».

«Сегодня же не пятница?» – робко удивился Даниил.

«Мамочка сказала, что это не важно. Ждите».

В этот момент он понял, что никуда не пойдет. Воспоминания о том, с каким звуком расплющился под его ударом череп несчастной кошки, как дрогнул молот в руках, до сих пор не давали покоя. Хватит. Даже если снова придется только убить животное, собаку, кошку, попугая, лягушку или пусть даже принести в жертву тряпичную куклу или бумажного журавля – это выше его сил. К тому же вряд ли Мамочке помешала морская свинка, хомяк или игрушечный пупс. Но вот просто так взять и не явиться на встречу?.. Даниил подумал о перевитых грязных скелетах на постели родителей, о блестящих сквозь прорези в звериных масках глазах, о тяжелой кувалде, о пистолете за поясом Макса. Ситуация казалась безвыходной.

Ему нужна была помощь.

Краткая ревизия вариантов не утешала. К папе и маме с такими историями не стоило и пробовать обращаться: Даниил представил себе лицо отца, который слушает рассказ о жертвоприношениях и inferнальных монстрах, принуждающих группу подростков к ритуальным убийствам. В лучшие времена это было бы чревато обращением к соответствующим медицинским специалистам; а сейчас, пожалуй, папа бы

и вовсе отмахнулся от такой дикости. В полицию? Ничем не лучше, только еще хуже за счет того, что он будет немедленно препровожден домой, где не избежать объяснений с родителями. В голове мелькнула даже шальная мысль обратиться к водителю Андрею или к Лиле, но первое было признано глупым, а второе – бессмысленным: чем бы помогла ему пятнадцатилетняя девчонка? Нет, нужен был взрослый, причем такой, который сможет понять, поверить, и, что самое важное, достаточно компетентный, чтобы помочь справиться с Мамочкой...

«Историк, – осенило Даниила. – Аркадий Леонидович!»

Точно! Как же раньше не пришло это в голову! Древние культы, религии, ритуалы – кому же еще, как не ему, подсказать выход из положения! Не факт, что и Аркадий Леонидович отнесется с доверием к рассказу про Мамочку: даже сам Даниил, подойди к нему кто-то с подобными байками всего полтора месяца назад, только покрутил бы у виска пальцем да отошел бы подальше, что уж говорить про взрослого человека, учителя, но...

Других вариантов все равно не находилось, а время шло.

Нужен был адрес. На крайний случай сгодился бы и номер мобильного, но обсуждать такие дела по телефону Даниил считал невозможным, да и учитель наверняка сидит дома в такую погоду, как почти все в Северосумске. Но как узнать, где он живет?..

Время шло к вечеру.

Адрес наверняка можно было бы узнать в школе; Даниил знал, что в пустующей «единице» до шести вечера дежурит кто-то из учителей или секретарь, но вряд ли они вот так просто станут раздавать ученикам домашние адреса педагогов. Вот если бы позвонил кто-то другой, кому не откажут... Он напряженно раздумывал, машинально открывая и закрывая страницы в социальной сети. Перед глазами мелькнула свеча в траурной рамке.

«...Ты в бой пошел, людей спасая,
и пал как истинный герой».

Лиля! Ее отец работал в полиции, она наверняка могла бы обратиться к кому-то из его друзей. Последний раз Даниил общался с ней в субботу вечером, обсуждая нелепую гибель Крупской. «Так ей и надо, сама виновата», – написала тогда Лиля, и Даниил не решился спорить. Надежда на помощь была совершенно призрачной, но, как говорится, попытка не

пытка.

«Привет! Слушай, тут такое дело. Мне нужен адрес нашего историка, срочно. Можешь попросить кого-нибудь позвонить в школу и узнать?»

«Привет. А тебе зачем?»

«Потом расскажу. Реально очень надо!» – иных аргументов у него не нашлось.

Ответ пришел минут через тридцать.

«Улица Красных Матросов, 15, 22. Ты к нему в гости собрался, что ли?»

Даниил завертелся на стуле и быстро напечатал в ответ:

«Правда, потом расскажу! СПАСИБО!!!»

К непроницаемому пологу снега добавилась тьма. Буря рыдала и выла. Жутко было и думать, чтобы выйти из дома. Даниил решил, что станет ждать: если все обойдется, визит к Аркадию Леонидовичу можно отложить хотя бы до завтрашнего дня, чтобы не идти на ночь глядя, да еще и в Слободку. Вряд ли тамошние обитатели прогуливаются при такой погоде, но кто знает.

Не обошлось.

«Сбор на Предпортовой, 11, в 22.00. Явка обязательна!»

Тон послания дискуссии не предполагал.

Даниил еще раз взглянул на крошечный ад за окном, встал и вышел из комнаты.

Мама сидела, поджав босые ноги, на диване в гостиной; на огромном телевизионном экране под аккомпанемент мужского голоса плавали и извивались какие-то глубоководные гады. На столике стоял раскрытый ноутбук. Мама задумчиво смотрела в смартфон, время от времени отвлекаясь, чтобы бросить взгляд в экран компьютера или телевизора. Папы не было: наверное, снова в спортзале, а может быть, ушел спать.

– Мам, я выйду на пять минут, ладно?

Она удивленно посмотрела на сына.

– В такую погоду? Куда? Зачем?

– Ну, сейчас Макс подойдет, он мне одну книжку обещал принести... – Даниил осекся, сообразив, что сочетание «Макс и книжка» далеко за гранью правдоподобия.

Но мама ничего не заметила.

– Так пусть он к нам поднимется, – предложила она. – Угостишь чаем.

– Нет, не надо, – торопливо отказался Даниил. – Он по пути забежит, у него дела еще какие-то.

– Вот дома не сидится этому твоему Макс, – прокомментировала мама

и снова посмотрела в телефон. – Хорошо, только оденься теплее и от подъезда не отходи. Унесет.

Он спускался по лестнице с таким чувством, с каким, верно, астронавты впервые выходили в открытый космос. Железная дверь подъезда вздрагивала под ударами бури. Даниил вздохнул, выключил телефон – извиняться он будет позже, все будет позже, а сейчас ему нужно идти. Он открыл дверь и шагнул в шторм.

Город вымер. Свет фонарей растворялся мутными пятнами в снежных вихрях. На улицах не было ни души, и ветер с веселой яростью накинулся на Даниила, толкая, пытаясь сбить с ног, заставляя нагибать голову и идти вперед почти что вслепую. Даниил кое-как добрался до автобусной остановки, спрятавшись под прозрачный навес, но потом вышел, решив, что ждать снаружи все-таки безопаснее: металлическая конструкция гудела и сотрясалась, треснувший пластик на крыше и стенах гудел и сгибался, как готовый сорваться парус. Ждать пришлось долго. Редкие автомобили проносились по улице с испуганным воем, как застигнутые непогодой звери, торопящиеся укрыться в убежищах. Щеки и нос горели морозным пламенем, мочки ушей щипало, а на шапке и плечах скопилось такое количество снега, что когда Даниил ввалился в салон автобуса, то походил на оживший сугроб.

Улица Красных Матросов была погружена во мрак. Не горели уличные фонари, не светились окна в домах, только выл ветер, проносясь, как в трубе, от темнеющих вдалеке громад «Созвездия» и дальше, к реке Шукре, и дул с такой силой, что Даниил несколько раз останавливался, наклоняясь почти параллельно земле. О дурной славе Слободки он и думать забыл; сейчас самым главным было – добраться до цели, не оступиться, не сбиться с шага и не дать урагану подхватить себя и унести куда-нибудь в бездонные карьеры Заселья.

Дом 15 казался необитаемым: окна черные, рамы на лестнице распахнуты настежь и трещат, ударяясь о стены, стекла выбиты. Он взялся за ручку обшарпанной деревянной двери, потянул ее на себя и протиснулся в темный подъезд. В каменных стенах лестничного колодца пел мрачные гимны незримый потусторонний хор. Номера квартир едва различались во мраке. Даниил рассмотрел белые цифры 22 и нажал на кнопку звонка. Тишина. «Электричества нет», – догадался он и постучал. Прислушался – по-прежнему тихо, ни звука, только ураган завывает тоскливыми унисонами да грохочут время от времени открытые рамы. Хотя нет, вот что-то скрипнуло, совсем рядом. У него за спиной. Даниил снова начал стучать, чувствуя при этом, как сзади тихо приоткрывается дверь квартиры

напротив. Спина стала холодной и липкой. Слух обострился настолько, что различил едва слышный шорох одежды. Ощущение чужого присутствия в непроницаемой тьме стало невыносимым; волосы под шапкой как будто еще больше завились от ужаса, все тело напряглось, и Даниил подумал, что, если сейчас кто-то притронется к нему сзади, он самым постыдным образом обмочит штаны. Он заколотил в дверь изо всех сил и наконец услышал из глубины квартиры знакомый голос:

– Иду! Иду!

Через минуту дверь распахнулась. Даниил взглянул и чуть не ахнул: голова историка была замотана толстым слоем бинтов, вокруг глаз залегли нездоровые тени. Впрочем, удивляться не было времени.

– Добрый вечер, – поздоровался он, стараясь придать голосу спокойствие, словно являться поздним вечером без предупреждения, да еще в такую погоду, было самым обычным делом. – Можно войти?

Аркадий Леонидович молча посторонился. Даниил шмыгнул мимо, все-таки не удержавшись и бросив опасливый взгляд через плечо: там, во мраке, маячил вытянутый, белесый силуэт. Он вздрогнул и вжал голову в плечи.

Учитель запер дверь и повернулся к Даниилу. Некоторое время они молча стояли друг напротив друга, две смутные тени во тьме, маленькая и большая. Потом историк пожал плечами и сказал:

– Проходи в комнату. Обувь можешь не снимать. Я сейчас придумаю что-нибудь со светом.

В квартире была спертая духота, пахло одиночеством, нездоровым сном, тухлятиной и лекарствами. Даниил устроился на краю продавленного дивана среди каких-то скомканных покрывал. В сумерках темнели очертания убогой мебели и старинного телевизора – подобную обстановку Даниил видел только в кинофильмах о временах, минувших задолго до его рождения. Аркадий Леонидович порывлся в ящиках, нашел свечу, втиснул ее в стоящий на столе залитый воском подсвечник и чиркнул спичкой. Мрак разбежался от круга теплого света. На столе темным рубиновым блеском обозначилась бутылка вина и бокал с темно-красной полоской осадка. Историк смущенно кашлянул, поставил бутылку на пол, сел за стол и спросил:

– Родители знают, что ты здесь?

– Нет. Я сбежал.

– Вот как. Зачем?

– Надо поговорить. – Даниил хотел, чтобы это прозвучало серьезно, но получилось как-то просительно и почти жалобно.

– Ну что ж. – Аркадий Леонидович поднял руку, машинально проведя ладонью по голове, коснулся бинтов и поморщился. – Видимо, дело важное. Давай поговорим.

– В общем, так... – Даниил растерялся, не зная, с чего начать. Потом вытащил из сумки планшет, включил и положил перед учителем. На экране тускло светилось сероватое изображение древней Венеры. – Речь вот о ней.

Он рассказывал, глядя, как оплывает свеча, и когда подошел к концу, две длинные струйки растаявшего парафина дотянулись до основания металлической чаши подсвечника, повиснув, как сталактиты. Огненные отсветы пламени, дрожащего от сквозняков, кривлялись на стенах, как в мрачной инсценировке того, о чем говорил Даниил. Во мраке штормовой ночи выл ветер, придавая всей сцене ощущение нереальности, как будто они собрались, чтобы пугать друг друга страшными сказками, словно дети в летнем лагере после отбоя, вот только сказка эта оказалась жуткой действительностью.

– Значит, это были вы, – произнес историк, когда Даниил закончил рассказ. – Наверное, я бы мог догадаться...

– Так вы знали? Про капище и про ритуалы?

– Я знал, что кто-то проводит какие-то обряды в той яме на стройплощадке. И про то, что это приводит, скажем так, к определенным последствиям. Но даже подумать не мог, что такое творят дети. От меня ты чего теперь хочешь?

Даниил открыл рот. Как это чего?!

– Чтобы вы помогли... сообщили... сказали... сделали что-нибудь, чтобы зарыть эту яму! Чтобы Мамочка от нас наконец отстала! – почти выкрикнул он под конец.

Историк покачал головой:

– Не поможет. Тут дело вовсе не в яме. Она, если хочешь знать, никакое не капище и не святилище древних людей. Это просто дырка в земле. С тем же успехом вы могли собираться где угодно: в заброшенном доме, к примеру, или в подвале. Да хоть бы и у себя в квартире. Не имеет значения.

– Тогда почему у нас получилось? Почему все сработало?!

– «Где двое или трое собраны во Имя Мое, там Я посреди них»^[4], – медленно сказал Аркадий Леонидович. – Это из Библии.

Даниил, конечно, интересовался мифологией, но о Библии имел представление весьма смутное. Кажется, там что-то написано про то, что Земля плоская и стоит на китах.

– Эти слова сказаны о Боге, но и в отношении других сил они тоже

верны. У вас получилось, потому что вы сами этого захотели, – продолжал историк. – Собрались вместе и обратились к тому, что только и ждет, когда его позовут. Место не имеет значения, даже обряды тут не важны, они нужны людям, как внешнее отражение внутреннего содержания. Богам нужно другое.

– Тогда что же делать?

Отчаяние подступило вместе с тенями в углах. Огонек свечи взметнулся и задымил на черном фитиле в наростах нагара.

– Вы это начали, вам и заканчивать. Надо просто прекратить служить этой... как ты ее назвал, Мамочке?

– Мы пробовали, – угрюмо сказал Даниил. – Не вышло. Она нас заставила.

– Надо было не поддаваться. Никто и не говорил, что это просто.

Даниил вскинул голову.

– Вам легко говорить! Она к вам ночью не приходила!

Аркадий Леонидович печально улыбнулся. Вот так всегда, думал Даниил. Взрослые обычно смеются над твоими страхами и даже не стремятся понять.

– В античной традиции считалось, что боги питаются дымом жертвоприношений. Делают из них амброзию и нектар. И если перестать приносить жертвы, они помрут с голоду там, у себя на Олимпе. Это, как вы понимаете, метафора, притом грубая, но главное в ней другое: боги действительно живут за счет приносимых им жертв, но это не куклы, не кошки, не что-то еще. Главная жертва – ваша вера, воля и дух, понимаешь? Ты же сам говорил, что твои друзья изменились, так?

Даниил печально кивнул.

– Люди меняются в зависимости от того, кому или чему служат. Пьяница меняется, усердно отдаваясь своей страсти к алкоголю. Человек, одержимый жадностью, или гневом, или сексуальными... хм... впрочем, не важно. Каждый раз, когда вы соглашались служить Мамочке и продолжать просить у нее что-то, зная при этом, что ценой могут стать невинные люди, вы отдавали ей часть своей души, делая ее все сильнее. Как и всякий дух бездны, она зла, всегда голодна и никогда не насытится, ей нужно больше и больше, это свойство всех демонов – и тех, что снаружи, и тех, что внутри. Особенно тех, что внутри. И борьба с ними нелегка. Разумеется, она не оставила вас в покое вот так, сразу, стоило один раз немножечко заупрямиться и отказать ей. Но другого пути нет, увы, потому что такие, как она, не успокоятся, пока не высосут человека полностью: все хоть сколь-либо доброе, все силы, всю волю, превратив в собственное

уродливое подобие.

Он снял с шеи какой-то длинный шнурок, встал и протянул Даниилу. Тот присмотрелся: на краю длинной тесьмы висел небольшой мешочек, от которого исходил летний приятный запах сушеной травы.

– Вот, возьми. Это поможет. Ну и молитвы. Если умеешь.

Даниил повертел мешочек в руках, вздохнул и накинул шнурок на шею. Уж точно это не та помощь, на которую он рассчитывал. Чувство было такое, как если бы пришел к врачу с острой болью и надеждой на избавление от страданий, а тебе рассказали о важности здорового образа жизни и проводили напутствием соблюдать режим дня. Впереди его ждала дорога домой сквозь тьму и буран, а еще разговор с родителями, о котором было страшно и думать. Оставалось надеяться, что щепотка аптечного травяного сбора того стоила.

Уходить не хотелось. Даниил решил еще что-нибудь спросить.

– А если я, предположим, не буду участвовать в этих обрядах, они ведь не смогут их проводить? Ритуал сделается как бы недействительным?

Аркадий Леонидович удивленно приподнял брови, так что даже повязка на голове чуть приподнялась.

– Разве ты меня не внимательно слушал? Формальности тут неважны: ни место, ни время, ни количество, так скажем, участников. Если ты хотел узнать, можешь ли в одиночку избавить своих друзей от власти Мамочки, то ответ – нет. Никто не поможет им, пока они сами этого не захотят. Вся эта вакханалия будет продолжаться, даже если только один из них продолжит приносить ей жертвы.

Даниил понимал, что это правда. Мамочка уже сама изменила правила или вынуждена была изменить, потому что появилась помеха...

– Ой, – сказал он.

– Что такое?

– Мы должны были собраться сегодня. Я еще удивился, что в другой день, не в пятницу, а Волк, ну то есть Рома, объяснил, это не имеет значения, что Мамочка так велела. Я думал, что без меня они не смогут, но если это не так...

«Устранить помеху». Он побледнел и с хрустом стиснул висящий на шее мешочек. Аркадий Леонидович нахмурился.

– Сегодня какой-то особый повод?

– Да. В общем, вроде Мамочке кто-то мешает. Она так передала через Волка. И мы должны устранить...

И это не кошка. И уж точно не пластиковая кукла.

– Когда вы должны были собраться? – быстро спросил историк.

– В десять. – Даниил посмотрел на часы. 22.01. – То есть сейчас.
– Где?
– На Предпортовой, 11. Даже не знаю, что там...
– Я знаю, – ответил Аркадий Леонидович и быстро встал. –
Психоневрологический интернат.
Он молча бросился в коридор и стал торопливо натягивать пальто.

* * *

– Ну что? – спросил Филин.
– Выключен, – процедил Волк сквозь зубы. – Похоже, соскочил наш Лисенок.
– Может, просто предки не отпустили? – предположил Медведь.
– Захотел бы, пришел, – мрачно ответил Волк и посмотрел на темные окна длинного двухэтажного деревянного дома за металлической оградой. – Ладно, сами справимся. С ним разберемся потом.

Они сидели в припаркованном автомобиле в двух шагах от ажурной калитки, за которой едва виднелась под снегом дорожка, ведущая к низкому крыльцу и дверям интерната. Двигатель работал на холостых оборотах; в темноте таинственно мерцали голубоватые и красные огоньки на приборной доске, делая салон похожим на рубку космического корабля, команда которого готовилась к важной и рискованной миссии. Все сработало на «отлично», никто не подвел капитана: Медведь стащил у отчима ключи от серебристого внедорожника и не забыл прихватить с собой кувалду и пистолет, который сейчас лежал на коленях у Волка; Филин запасся толстыми шнурами, заранее порезав их на куски нужной длины; сам Волк, как и положено командиру, обеспечивал координацию и связь с центром управления миссией. Вот только Лис, мелкий засранец...

– А получится втроем? – усомнился Филин. – У него планшет с фоткой и текст, а то я могу слова забыть...

– Все получится, – твердо заверил Волк. – Сегодня особый случай. Обойдемся без картинки. А стихи я и сам помню наизусть, ничего сложного.

Наступило молчание. Медведь посмотрел на часы приборной панели и заерзал.

– Долго еще? Дядя Вадим спит, но не дай бог ему приспичит машину проверить.

– Она скоро выйдет, – пообещал Волк, глядя в окно. – Никуда не

денется.

– Зачем так сложно вообще? Можно было просто поджечь тут все, и дело с концом, дом деревянный, если с четырех концов запалить, да еще двери заколотить перед этим, никто бы не выскочил, – предложил Филин.

– Нет, – покачал головой Волк. – Мамочка хочет, чтобы мы отдали лично ей того, кто помешал.

– Пацаны, смотрите! Кажется, идет!

Высокая дверь интерната открылась, и в тускло освещенном прямоугольнике холла появилась чья-то фигура.

– Так, внимание! Филин, готовь веревки! Медведь, как только погрузим, сразу гони! Я пошел.

Волк открыл дверцу и вышел в снежную мглу.

* * *

Карина очнулась от похожего на глубокий обморок сна на исходе дня в среду, пробыв в бессознательном состоянии чуть больше суток. Последнее, что она помнила: как черные зубастые тени рванулись к Вениамину, а она тщетно пыталась отправиться вслед, чтобы они не натворили лишней беды. Судя по всему, это не удалось; Карина не помнила даже, как выбралась из игровой: только провал, темнота и тяжелое, будто похмельное, пробуждение в комнате интерната.

Долгий сон не освежил. Глаза открывались с трудом, веки были тяжелыми и слипались, сознание постоянно терялось, заваливаясь в полусон, тело расслабилось и нехотя откликалось на попытки двигаться, так что Карине казалось, что она зашита внутри большой и неуклюжей мягкой игрушки.

За окном металась и билась черно-белая буря. Карина протянула руку к лежащему на тумбочке телефону, чтобы посмотреть, который час, но в итоге уточнять пришлось и день недели. Настольная лампа была включена, а рядом стоял стакан воды и кружка остывшего чая: значит, кто-то заходил к ней, пока она спала.

– Спасибо тебе, добрый человек, – хрипло пробормотала Карина, залпом выпила воду и снова откинулась на подушку, пытаясь собраться с мыслями.

Завершено ли дело? Передать послание Вениамину у нее не получилось, хотя спущенные с привязи и предоставленные сами себе «друзья» могли сотворить с ним такое, что он позабыл бы вовсе про

недобитого школьного преподавателя. Это следовало проверить, но позже: сил снова наведаться в игровую не оставалось. Наверное, она подождет еще день, передохнет чуть-чуть, убедится, что А. Л. ничего не грозит, а потом – заявление об уходе, короткие сборы и снова в путь. Куда? Неизвестно, только подальше отсюда. И с Леокадией Адольфовной нужно бы попрощаться. Карина испытала неловкость, что вот уже несколько дней, находясь совсем рядом со старушкой, так и не зашла к ней ни разу.

Снова стало клонить в сон, и Карина решила не сопротивляться желанию измученного организма. Второй раз она проснулась уже поздним вечером: звук, негромкий, но назойливо повторяющийся, тревожно проникал сквозь плотную пелену сна.

Она открыла глаза. Деревянные стены старого дома стонали под порывами урагана. Скребли торопливыми лапами крысы, шмыгая внутри стен короткими паническими перебежками. Откуда-то снизу доносились слабые крики, звон железных посуды и нетерпеливые голоса: наверное, кому-то из стариков стало хуже. Но разбудило Карину не это. Она лежала, прислушиваясь. Вот, снова: тихий, настойчивый стук в стекло, будто кто-то просил пустить его внутрь.

Карина села и посмотрела в окно. Ничего, кроме снежных вихрей и мрака. Иначе и быть не могло. Ее комната на втором этаже, а деревья растут слишком далеко для того, чтобы дотянуться ветвями. Скорее всего, это ветер дергает рамы или барабанит слипшимися снежинками по неплотно сидящему в слое старой замазки стеклу.

Стук повторился. Карина нахмурилась, встала и подошла к окну.

Прямо под ней белела покатая двускатная крыша крыльца; два бело-голубых фонаря светили во тьму, и в их лучах, теряющихся среди круговерти метели, крупные хлопья снега метались густым роем обезумевших насекомых. Вершины деревьев терялись во мгле, а их толстые стволы, покрытые бугристой корой, раскачивались, скрипя и стеноя. Карина присмотрелась и увидела прямо посередине занесенной снегом дорожки чью-то фигуру; в свете двух фонарей синел больничный халат, натянувшийся на согбенной спине и полных покатых плечах, длинные седые космы развевались под порывами ветра. Карина вздрогнула и прижалась лбом к стеклу: определенно, это кто-то из пациентов интерната, скорее всего, пожилая женщина. Но как и зачем она вышла в такое время на улицу? Ладно, положим, вопрос «зачем» был бессмыслен, их пациенты не всегда отдавали отчет в собственных действиях, но кто выпустил старого человека на улицу среди ночи и в ураган?!

Полная женщина продолжала неподвижно стоять на дорожке; вихрь

трепал полы халата, снег облеплял седую голову, бока и плечи. Карина сорвала с крючка у двери пальто и выскочила из комнаты. На посту никого не было; она сбежала вниз, стуча шлепанцами и перепрыгивая через низкие стершиеся ступеньки, огляделась: на первом этаже тоже пусто, за стойкой регистратуры никого, только из конца коридора со стороны душевых доносятся голоса, шум воды и позвякивание тазов. Неужели кто-то из несчастных больных случайно выбрался из своей комнаты в то самое время, когда никого из дежурного персонала не оказалось на месте?! Раздумывать было некогда. Карина толкнула дверь и, щурясь от ветра и летящего в лицо снега, вышла на крыльцо.

Широкая спина в синем халате маячила перед ней в десяти шагах.

– Эй! – окликнула Карина. – Не стойте там, заходите обратно!

Женщина оставалась недвижимой. Карина, запахнув пальто и черпая тапочками обжигающе ледяной снег, спустилась с крыльца и подошла ближе, но странная пациентка неожиданно сдвинулась с места и направилась напрямик к приоткрытой калитке. Карина прибавила шаг.

– Пойдите! – звала она. – Я помогу вам, остановитесь!

Она догнала женщину и уже почти коснулась ее плеча, как вдруг налетевший особо свирепый порыв урагана разметал возвышавшуюся перед ней фигуру в облако черных снежинок, похожих на крупную сажу. Карина моргнула и остановилась. Прямо перед ней была открытая калитка ограды, за которой стоял большой серебристый автомобиль с включенными фарами. Она не успела еще ни понять ничего, ни испугаться, только растерянно сделала шаг назад, как в затылок уперлось что-то холодное, жесткое и тихий злой голос прошипел:

– Руки в гору. Дернешься – башку отстрелю.

Карина медленно приподняла руки и обернулась. В лицо ей уставились четыре широких круглых ствола массивного пистолета, который твердо держал в вытянутой руке высокий худой подросток. Ветер ерошил короткие серые волосы, похожие на вставшую дыбом шерсть. На узком костлявом лице недобро желтели прищуренные глаза.

– В чем дело? – спокойно спросила Карина.

Парень бросил быстрый взгляд ей за плечо и кивнул. Она услышала, как открылась дверца машины. Негромко запел мелодичный сигнал.

– Лезь в тачку, – приказал мальчишка, дернув оружием. – Быстро!

– Послушай, не надо дурить, – сказала Карина, примериваясь, как выбить из руки паренька пистолет и одновременно уклониться от возможного выстрела, но в этот момент за спиной торопливо зашлепали шаги и чья-то рука грубо схватила ее за ворот пальто.

– Филин, тащи ее! – сказал парень и, не отводя нацеленного в лицо Карине оружия, двинулся на нее. Карина пятилась, стараясь не шлепнуться наземь, а невидимая рука все тащила ее за собой, пока все так же, спиной вперед, не втиснула на заднее сиденье автомобиля.

– Ноги подбери! – ломким голосом рывкнул мальчишка с пистолетом и влез вслед за Кариной. Дверь захлопнулась.

– Все, поехали!

Широкоплечий угрюмый подросток за рулем качнул большой головой, и машина, вцепившись четырьмя колесами в скользкий асфальт, рванула с места.

* * *

Аркадий Леонидович выскочил из дома в такой спешке, что Даниилу ничего не оставалось, как последовать за ним. Сопя, задыхаясь от ветра, поскользываясь и кряхтя, они молча добежали до автобусной остановки на проспекте и остановились, тяжело переводя дух. Дорога была пустынна; подсвеченные рыжими фонарями, носились неправдоподобно огромные снежные облака; ни машин, ни птиц, ни людей. Историк затравленно оглянулся по сторонам, и тут из оранжевой бурной мглы проступили два мутных голубоватых светящихся глаза.

– Автобус! – закричал Даниил.

Аркадий Леонидович выскочил на проезжую часть и замахал руками. Водитель нехотя затормозил, со скрипом раскрыв тугую гармошку двери. Историк, вцепившись в перила, взобрался в салон, Даниил вскарабкался следом.

– До интерната на Предпортовой!

– Нет, я только до Театральной, а потом назад, – ответил водитель.

Аркадий Леонидович окинул взглядом совершенно пустой салон, скрипнул зубами и выдернул из внутреннего кармана бумажник. На пластиковую подставку для мелочи полетели две тысячные купюры.

– Вот. И не останавливайтесь.

Шофер молча закрыл дверь, с душераздирающим скрежетом дернул длинным рычагом передач и втопил в пол педаль газа так, что Даниил не удержал равновесие и полетел на историка.

– Извините.

Тот не ответил: стоял, ухватившись за поручень, и смотрел в клубящуюся снегом мглу впереди.

– Если можно, быстрее.

– Не видно ничего, и дорога скользкая, улетим, – ответил водитель, но скорость прибавил.

Мимо проносились темные громады домов, похожие на жилища сказочных троллей, окутанные упавшими тучами. Даниил шлепнулся на сиденье, изо всех сил схватился за спинку переднего кресла и уперся ногами, чтобы удержаться на крутых поворотах.

– Ты живешь на Рогатке? – спросил Аркадий Леонидович.

– Ага.

– Покажешь, где тебя высадить.

– Нет, – замотал головой Даниил. – Я с вами.

– Это еще почему?!

– Вы не знаете, с чем придется иметь дело. А я знаю.

Он подумал немного и спросил:

– Кстати, а почему такая спешка?

– В интернате на Предпортовой работает Карина, – ответил историк и объяснил: – Моя жена.

– Тогда понятно. У нее, наверное, нет такого мешочка с травами, да? Может, нам не ехать, а просто помолиться, как думаете?

Аркадий Леонидович только зыркнул угрюмо, но ничего не сказал, и дальше они ехали молча. Даниил смотрел в окно: вот промелькнул «Корабел», весь в лохмотьях сорванных вывесок, темное здание театра, ведущая к дому боковая улица, напоминавшая узкое ущелье в горах, захваченных непогодой. Даниил представил себе, что сейчас творится в квартире: отец на уши поднимает весь город, мама обзванивает его друзей и знакомых. Так всегда: взрослые действуют, только если их самих или самых дорогих им людей коснется что-то по-настоящему страшное, а до этого ограничиваются рассуждениями, как правильно жить. Могут еще травяной сбор из аптеки преподнести вместе с парой добрых советов.

Справа потянулись массивные тени неразличимых во мгле предприятий, ангаров, складов; автобус вильнул, сворачивая с проспекта, заскользил по асфальту, качнулся и с трудом выровнялся, выскочив на встречную полосу. Шофер вполголоса выматерился.

Через несколько минут они затормозили напротив приземистого деревянного дома за высокой ажурной оградой с навершиями из копий и шишек. Аркадий Леонидович протиснулся в дверь, когда она еще не успела открыться, и бегом устремился ко входу. К тому моменту, когда Даниил, не забыв попрощаться с водителем, выбрался из салона, историк уже скрылся за тяжелой двустворчатой дверью. Автобус, недовольно завывая,

развернулся в три приема на узкой улице и скрылся во тьме. Даниил натянул капюшон поверх шапки и подумал, не пойти ли за учителем следом, как тот с грохотом вырвался на крыльцо, чуть не рухнул, пробежал по ступеням и крикнул:

– Ее тут нет!

«Опоздали», – подумал Даниил.

– Что будем делать?

– Бежать! Думаю, ты знаешь дорогу.

* * *

У мальчика, схватившего Карину сзади, было бледное, почти белое лицо, испещренное черными точками подсохшей угревой сыпи; жирные волосы торчали в разные стороны, как гротескные перья, а круглые глаза по-совиному выпучились. От него смердело немытым телом, лежалой одеждой и чем-то сладковатым и тошнотворным. Он с такой силой стянул ей запястья веревками, что через минуту кисти рук онемели, а потом, вооружившись длинным обрезком полосатого шнура, сопя, полез ей под юбку, чтобы связать ноги.

– Филин, ты дурак, что ли? – окликнул его парень с пистолетом. Он сидел справа от Карины и не опускал оружия, больно упирая блок из стволов ей под ребра.

– А что?

– Ты ей ноги сейчас перевяжешь, а как мы ее до ямы тащить будем? Волоком? Пусть сама идет.

– Ага, а если не пойдет? – угрюмо возразил Филин. – Все равно волочить придется. Под забор она уж точно сама не полезет.

– Ну да, тоже верно. Ладно, вяжи.

Филин мрачно осклабился и завозился у Карины под юбкой, с шумом приносясь и плотно обматывая веревкой лодыжки. Она поморщилась.

– Мальчики, вы делаете большую глупость, – сообщила Карина, стараясь говорить как можно ровнее. – Меня будут искать и найдут.

– Заткнись! – рявкнул Волк и с силой ткнул ее пистолетом в бок. – Никто тебя не найдет, ясно?

– Ну не меня, так мой труп, – продолжала Карина. – Вам сколько лет? Тринадцать? Четырнадцать? Убийство – это особо тяжкое преступление, да еще и совершенное группой лиц, и с оружием, и по предварительномуговору. На свободу выйдете, когда ваши сверстники уже карьеру сделают и

детей будут рожать по второму разу.

Филин, оторвавшийся наконец от ее ног, отвернулся к окну и запыхтел. Карина бросила взгляд в зеркало над приборной доской: у мальчишки, сидящего за рулем, был сосредоточенный взгляд человека, пытающегося сконцентрироваться на чем-то, чтобы уйти от пугающих мыслей.

– А я и не собираюсь делать карьеру, да и рожать тоже, – огрызнулся Волк. – И заткнись уже, пока я тебя прямо здесь не вальнул, поняла?

– Здесь не убьешь, – сказала Карина. – Вы должны меня принести в жертву. Кстати, Мамочка не высказала пожеланий, как именно?

Автомобиль вильнул на узкой дороге и едва не слетел в кювет. Филин вытаращился на Карину, приоткрыв рот. Только Волк, если и был удивлен, не подал виду, скривился и процедил:

– Она говорила, что ты ей мешаешь, а значит, и нам тоже. А теперь хватит трепаться. Может, я тебя в тачке и не застрелю, но попрошу Филина, и он снимет с тебя трусы и затолкает их в рот. А может и свои засунуть туда же, если поместятся. Поверь, сделает он это с большим удовольствием.

В машине повисла напряженная тишина. Карина подвигала ногами, пошевелила руками – на совесть связанные морскими узлами веревки не поддавались. Автомобиль снова дернулся и замедлил скорость.

– Медведь, чего тормозишь?

– Дорога тут хреновая, – мрачно отозвался широкоплечий парень. – Не хочу подвеску убить, да и вообще, если машину поцарапаю, знаешь что мне дядя Вадим устроит? Не кипишуй, тут осталось всего ничего.

Автомобиль, покачиваясь и трясясь, пробирался по кривому проселку. Впереди сквозь снежный туман яркой звездой светился единственный уцелевший прожектор над стройплощадкой. Они подъехали к воротам и остановились.

– Ни хера себе! Пацаны, смотрите!

Почти все железные полотна забора были повалены бурей и лежали на припорошенной снегом земле, чуть приподнявшись краями, как остатки противотанковых укреплений. Решетчатая ферма рухнувшего прожектора придавила бульдозер, смяв крышу кабины, будто ствол исполинской железной сосны. Ворота устояли, но были распахнуты настежь; стекла в опустевшей будке охраны выбиты ветром; среди гудящего под мощными дуновениями леса чернело застрявшее в заснеженных кронах бесформенное пятно сорванного с ямы защитного купола.

– Мамочка! – выдохнул Волк с благоговейным восторгом. – Она все подготовила! Теперь дело за нами! Выходим!

Он выскочил из автомобиля, нагнулся и потянул за собой

упирающуюся Карину. Филин толкал ее в спину.

– А ты говорил, сама пойдешь! – с натугой прокаркал он. – Как же!

Карина дергалась и брыкалась, но Волк поймал ее за лодыжки и выволок из салона, уронив на занесенный снегом песок. Смерзшиеся жесткие комья больно вонзились в связанные за спиной ладони и спину. Дыхание перехватило.

– Медведь, Филин, берите ее за руки, за ноги и тащите! – раздавал команды Волк. – Я понесу кувалду, фонарь и маски! И быстрее, быстрее! Время идет!

Филин выпрыгнул из машины, примерился и вцепился Карине в подмышки, ожидая Медведя. Тот продолжал сидеть за рулем. Волк рванул на себя переднюю дверцу автомобиля.

– Медведь! Оглох?! Я говорю, хватай ее и тащи к капищу!

Макс повернулся к другу и посмотрел на него печальным, но твердым взглядом.

– Ромыч, короче, я тут думал, пока ехал... Давайте дальше одни. Без меня.

Волк оторопело уставился на сидящего за рулем товарища.

– В смысле – одни?

– Слушай, я помог, как и обещал. Джип у отчима увел, довез, все такое. Но понимаешь... это уж слишком. Она ведь не кошка.

– Понимаю. – Волк внимательно смотрел на Макса. – Не кошка.

– Ну вы скоро там? – заорал Филин, изо всех сил удерживая извивающуюся на земле Карину. – Сколько мне еще одному держать? Она сильная, сука, вырывается!

– Мы сейчас! – крикнул Волк. Снег летел в открытую дверцу машины.

– Я не сдам никого, ты не думай, – заверил Макс. – Ты знаешь, я не такой.

– Да, знаю, – согласился Волк. – Точно, не сдашь.

– Значит, договорились. – Макс расслабился и облегченно вздохнул. – И ствол мне отдай, пожалуйста. Вы тут и без него вдвоем справитесь.

– Да, дружище. Держи.

Волк вытащил пистолет из кармана, вытянул руку, направил оружие в голову сидящего за рулем друга и нажал на спуск. Коротко громыхнул выстрел. Голова Макса дернулась, ударившись в боковое стекло, и он замер, уронив руки с руля.

– Эй! – снова заорал Филин. – Что за херня!

Волк посмотрел на поникшего Макса. Тот не двигался. Он засунул «Осу» в карман и подошел к Филину и Карине.

– Медведь нас покинул, – сообщил он. – Потащим сами! Ну, на раз-два, взяли!

Он нагнулся, но в этот момент Карина отчаянно извернулась, поджала ноги, а потом с силой распрямила их, угодив Волку в голень. Подбитая нога заскользила, он не удержал равновесия и упал на живот. Карина уперлась, села и закрутилась, выворачиваясь из рук Филина, одновременно изо всех сил пытаясь ударить его затылком в пах. Мальчишка вертелся, пятился, но в конце концов отпустил ее, и Карина откатилась в сторону. Ей удалось приподняться и встать на колени, когда подоспевший Волк с криком подскочил сзади и ударил ее ногой в спину. Лицо оцарапал холодный снег и острый песок.

«Бесполезно, – пронеслось в голове. – Мне с ними не справиться».

Но сдаваться она не собиралась: снова перевернулась на спину, намереваясь отбиваться ногами, пока ее действительно не пристрелят или не разобьют голову кувалдой прямо здесь. Пусть так, но службу Мамочке она все же испортит, не позволит тащить себя, как спеленутую овцу, и смиренно дожидаться заклания. Карина оскалилась, прицелившись ногой в колени надвигающегося на нее с пистолетом в руке Волка, краем глаза увидела, как Филин рывками выдергивает из рюкзака огромных размеров молот, а потом услышала далекий крик, донесшийся сквозь завывание метели.

Волк уставился вдаль, прикрыв рукой глаза. Филин замер, опершись на кувалду. Карина извернулась, крутя головой, и увидела, как через снежное безумие бури к ним приближаются две темные фигуры.

* * *

От улицы Предпортовой до строительной площадки было минут двадцать ходьбы – летом, налегке и по хорошей погоде. Зимой, сквозь свирепеющую пургу, идти бы пришлось в полтора раза дольше – это если раньше не плюнуть на такую затею и не повернуть вспять, не желая отмораживать уши или сдирать с физиономии налипшую корку из снега и льда. Они добежали за десять минут.

Даниилу казалось, что сердце у него невероятно разбухло и сотрясается в лихорадочном темпе от диафрагмы и до самого горла. В боку немилосердно кололо, ноздри слипались, а судорожно разинутый рот хватал большими глотками ледяной ветер и снег, влетающие в перестуженное, саднящее горло. Аркадий Леонидович бежал на два шага

вперед, с трудом переставляя отяжелевшие ноги и упрямо нагнув голову в промокшей насквозь повязке, по которой расплывалось большое багровое пятно. Пальто его было расстегнуто, дыхание вырывалось паром сквозь стиснутые зубы, раз или два он пошатнулся так сильно, что Даниил был уверен – их безумный забег подошел к концу, но учитель всякий раз удерживался на ногах и продолжал проламываться сквозь ураган.

Стройплощадка вынырнула из мглы неожиданно близко: обрушенный ветром забор, одинокий прожектор, ворота, подмигивающий воспаленными красными фонарями серебристый автомобиль, а рядом, в облаках мельтешащего снега, метались несколько темнеющих силуэтов.

– Вот они! – Даниил хотел крикнуть, но из горла вырвался только сиплый писк.

Аркадий Леонидович прибавил ходу. Даниил, корчась от боли в боку, припустил за ним, стараясь не отставать. Ноги вязли в снегу, который становился все выше и уже доходил до щиколоток. Со стороны автомобиля донесся громкий хлопок и полыхнула бледная вспышка. Правее две тени сцепились в яростной схватке.

– Стоять! – заорал Аркадий Леонидович, из последних сил набирая воздух в горящие от морозного воздуха легкие. – Стоять!

Он несся прямо на Волка, застывшего с пистолетом в руке над лежащей Кариной, и вид его был страшен, словно вихрящийся снежный ад изверг из своих глубин самого жуткого из обитающих в его недрах демонов: перемотанная мокрыми бинтами голова окровавлена, глаза горят безумным огнем, лицо покрыто замерзшими потом и паром, рот разинут, распахнутое пальто развеивается, как черная мантия.

– Стоять!!!

Филин взвизгнул, заметался с кувалдой в руке и отбежал за машину. Волк было отступил, но тут же вскинул пистолет, прицелился и выстрелил. Двенадцатиграммовая пуля разорвала ветер, разметала снежные хлопья в пяти сантиметрах от головы историка и с жужжанием улетела во тьму. Волк задержался, не решился на еще один выстрел, повернулся и рванул с места за секунду до того, как Аркадий Леонидович затоптал ботинками его следы и остановился рядом с Кариной. Она лежала на спине, снежинки таяли у нее на губах, волосы разметались черным по белому, огромные темные глаза широко распахнуты и смотрели без всякого выражения.

– Я же просила меня не искать, – выдохнула она.

– Можешь меня за это убить. Ты ранена?

– Нет, – неуверенно отозвалась она. – Не знаю. Кажется, нет.

Рядом засопел Даниил.

– Развяжи ее и помоги дойти до машины, – сказал Аркадий Леонидович. – А потом спрячьтесь там и ждите.

– А вы?..

Историк молча вытянул руку, показывая в сторону ворот, куда как раз вбегали две маленькие фигурки, одна из которых волокла большой молот...

– ...Ромыч, что теперь делать? – хныкал на бегу Филин.

– Я тебе не Ромыч, – ответил Волк. – Спокойно, все еще можно исправить.

Да, можно было спасти положение, и он точно знал как. Мамочка не бросит своего шамана в беде, она не оставит его без защиты, нужно только успеть попросить, добежать до капища и сделать то, что гарантирует исполнение просьбы. Лишь бы успеть.

Они проскочили ворота. Волк обернулся: упрямый историк не отставал, он бежал, увязая в снегу, и размахивал руками, будто разгребая завесу бурана. Волк присел за сугроб у гусеницы бульдозера, подпустил преследователя ближе, тщательно прицелился, выстрелил и на этот раз не промазал: учитель неловко споткнулся и бултыхнулся лицом в снег. Волк навел пистолет еще раз и разрядил последний патрон: перебинтованная, похожая на мишень с красным «яблочком» посередине, голова в снегу дернулась. Волк отшвырнул ставшую бесполезной «Осу» и схватил Филина за рукав:

– Бегом, быстрее, быстрее!

Они прыгнули с середины приставной лестницы в яму, по колено погрузившись в наметенный вьюгой сугроб. Ветер проваливался сюда по пути от моря к лесу, и стена, у которой стояла лестница, была завалена снегом уже почти на метр или больше; в глубине пол едва был прикрыт тонким белым покровом, сквозь который темнел плоский жертвенный камень. Филин в растерянности озирался.

– Ну а сейчас что?

Волк улыбнулся. Стены из грубой каменной кладки казались теплыми, они пульсировали и колыхались, как материнское лоно, готовое принять его обратно и защитить от всех бед. Вот он, его настоящий Дом, обитель его истинной Матери. Надо лишь все сделать как надо, а потом попросить...

– Дай-ка сюда. – Он вынул из рук Филина молот, перехватил его поудобнее, подбросил, взвешивая на ладонях. Приятель недоуменно таращил выпученные глаза.

– Я попрошу у нее помощи, – объяснил Волк. – Но чтобы все получилось, Мамочке нужна жертва. Так что прости, брат.

Он коротко размахнулся и врезал кувалдой Филину по колену. С

треском сломался сустав. Филин с воплем упал навзничь, стукнувшись головой о широкую поверхность каменного алтаря, под которым в неглубокой песчаной могиле, обнявшись, как сестры, спали изуродованная кукла и мертвая кошка. Волк наступил ногой на шею другу, прикрыл глаза и мысленно прошептал просьбу, чуть не рассмеявшись от счастья, когда услышал ответ.

«Да, мой дорогой, да, мой мальчик, я вытащу тебя, спасу, не дам в обиду, только бей! Бей! Бей!»

Он открыл глаза и поднял кувалду над головой...

...Боль в правом бедре была страшной. Нога налилась пульсирующей тяжестью, на нее невозможно было не то что ступить, а даже пошевелить, и, может быть, это спасло его от второй пули: Аркадий Леонидович остался лежать на снегу, и оправленная в резину сталь лишь немного разминувшись с его израненным черепом, оцарапала ухо, заставив вздрогнуть, и зарылась в снег. Он видел, как двое мальчишек скрылись в черном провале ямы, и тут же над капищем взвился причудливый вихрь, похожий на очертания тучной женской фигуры.

– Ну уж нет. – Аркадий Леонидович скрипнул зубами и встал, опираясь на левую ногу. Попробовал ступить на другую, заорал и снова повалился ничком. Глаза и рот забились белым и ледяным. Он выплюнул снег, проморгался, уперся коленом и пополз вперед, вперившись взглядом в чернеющий впереди каменный край. Ухватился пальцами за выпуклые валуны, подтянулся и увидел, как Рома Лапкович заносит кувалду над корчащимся в снегу школьным другом...

...В первый миг Волк подумал, что обрушились стены святилища – а может быть, само небо рухнуло вниз, не выдержав груза снежных масс. Что-то мягкое и тяжелое сбило его с ног, придавило, притиснуло к полу, вмяв лицо в снег, так что он некоторое время не мог встать и только трепыхался беспомощно, как недодавленный жук. Через мгновение тяжесть исчезла; он вскочил, отряхиваясь и отплевываясь, крепко сжимая ручку кувалды, которую так и не выпустил из рук. Перед ним, черный, как грозовая туча, стоял проклятый учитель истории, Аркадий Леонидович Майзель, и тянул вперед огромные руки.

Женя ползал и выл, оставляя в снегу кровавую полосу от страшной открытой раны в колене. Рома по-волчьи оскалился, занес молот и махнул им в сторону своего противника. Аркадий Леонидович отшатнулся; кувалда была слишком тяжелой, удар получился медленным, и он легко перехватил оружие одной рукой, резко дернув молот на себя и вырывая его из мальчишеских рук. Рома отпустил рукоять; Аркадий Леонидович

пошатнулся, по инерции сделал шаг назад и упал, ударившись спиной о булыжники стен. В вое вихря послышался озлобленный женский визг. Рома бросился было вперед, но учитель уже поднимался, опираясь на ручку кувалды и не отводя пылающего, грозного взгляда, и он метнулся к деревянным ступенькам, мигом взлетел по ним вверх, сбил лестницу ударом ноги и исчез за краем ямы.

Женя уже не кричал, а только пищал, тонко и жалобно, как выпавший из гнезда птенец.

Аркадий Леонидович поднял лестницу, приставил ее к верхнему краю кладки и, с трудом опираясь только на левую ногу, кое-как выкарабкался наружу. Мощный снежный заряд ударил в лицо. Ураган уже не выл – грохотал, а издали доносились мощные, протяжные стоны штормовых волн.

– Рома! – Голос потерялся, разорванный ветром. – Рома!

От края ямы вела цепочка следов. Аркадий Леонидович, опираясь на молот, как на трость, пошел по ним, вглядываясь в белую мглу.

– Рома! – Имя унесло к лесу, и оно потерялось среди тьмы и гула деревьев.

Неглубокие лунки следов стремительно заносило снегом. Аркадий Леонидович постарался, как мог, ускорить шаг. Отпечатки ног в глубоком снегу становились все менее заметными, но он упрямо шел и шел по ним, перебираясь через стальные листы поваленного забора, спотыкаясь, теряя из виду едва заметные углубления, снова находя их, продолжая путь сквозь визжащую женским голосом бурю – до самого конца, пока стон бушующих волн не превратился в рев, а шипящая белая пена разъяренных бурных валов не смахнула с заснеженного побережья последний след, уходящий в море...

Глава 20

16 октября 20... года.

Новости Северосумска

(по материалам портала severosumsk.info).

«Небывалая для середины осени снежная буря обрушилась на прошлой неделе на Северосумск. Шторм, об опасности которого предупреждали синоптики, сопровождался аномально сильным и продолжительным снегопадом. На пике явления скорость ветра превышала 20 м/с, с порывами до 30 м/с, температура опускалась до –5, по области до –7 градусов Цельсия, а количество осадков составило более 150 мм, что втрое превышает месячную норму октября. Из-за буйства стихии во многих жилых домах и учреждениях выломаны рамы, выбиты стекла, на улицах сорваны вывески с магазинов, повалены рекламные щиты, опоры светового оборудования, а также деревья и столбы электропередачи, в результате чего произошло временное прекращение подачи электроэнергии в некоторых районах города. Было прервано автотранспортное и водное сообщение с другими городами региона. Более пятнадцати человек получили ранения вследствие падения тяжелых предметов, а также рекламных и иных уличных конструкций. В настоящее время в Северосумске установилась ясная погода, а повышение температуры до положительных значений в дневное время будет способствовать частичному таянию образовавшегося снежного покрова».

«Пресс-служба городской Администрации подтвердила информацию об отставке мэра Северосумска Б. С. Глотова. Соответствующее заявление на имя губернатора области написано и отправлено неделю назад. По имеющейся информации, такое решение бывшего главы города связано с недавно пережитой им личной трагедией – гибелью дочери, Ирины Глотовой, во время печально известных событий в клубе «Селедка». В настоящий момент Борис Саввич Глотов находится вместе с семьей за пределами города. Наша редакция и все жители Северосумска с пониманием отнеслись к такому решению, выразив глубокую признательность Борису Саввичу за многолетнюю рачительную заботу о нашем городе и его гражданах».

«В хозяйственном споре вокруг одного из крупнейших предприятий

Северосумска, ООО «Транспортная компания «Лига», возник новый интересный поворот. Как мы уже сообщали ранее, новый собственник «Лиги» Вениамин Ривкин, являющийся также владельцем логистического холдинга «Севмороблспецтранс», в минувший понедельник был обнаружен ночью на улице в районе Заселья в состоянии явной невменяемости. Ривкина, из предметов одежды на котором было только нижнее белье, передвигающегося бегом вдоль домов с громкими нечленораздельными криками, заметили местные жители и сообщили в полицию. В настоящее время нам стало известно, что Вениамин Ривкин помещен в одну из психиатрических клиник Михайловска, где ему диагностирован острый параноидальный психоз, развившийся, вероятно, на фоне хронического психического расстройства, обострившегося в результате повышенных нервных нагрузок. В настоящее время в областной суд подан иск от совладельца и бывшего генерального директора ООО «Транспортная компания «Лига» Петра Трока о признании недействительной сделки о приобретении подконтрольным Ривкину холдингом значительного пакета акций «Лиги» по основанию недееспособности одной из сторон на момент заключения договора».

«Криминальные новости: задержан подозреваемый по делу об угоне автомобиля, сопряженного с похищением человека, и причинении тяжкого вреда здоровью. Напомним, что ранее мы сообщали о том, что на западной окраине города был обнаружен автомобиль «Great Wall Hover H5», за рулем которого в бессознательном состоянии с огнестрельным ранением головы находился тринадцатилетний учащийся школы № 1 Максим Кораблев. Позже выяснилось, что автомобиль принадлежит отчиму потерпевшего. В ходе следствия установлено, что пострадавший М. Кораблев имел конфликт с неким Маратом Комбаровым, рабочим завода «Коммунар», причем, согласно свидетельским показаниям, последний неоднократно в присутствии третьих лиц высказывал в отношении Кораблева угрозы и требования выплатить ему материальную компенсацию за ранее нанесенную во время тренировки травму ноги своего брата. По версии сотрудников правоохранительных органов, Комбаров, реализуя преступный умысел и действуя из корыстных побуждений, принудил подростка угнать автомобиль отчима, отогнать машину в безлюдное место, после чего выстрелил ему в голову из травматического оружия. По неясным пока причинам Комбаров не воспользовался похищенным автомобилем. В настоящее время подозреваемый находится под стражей до предъявления ему обвинения».

«Криминальные новости: продолжаются поиски пропавшего без вести учащегося седьмого класса школы № 1 Романа Лапковича. Он ушел из дома вечером 14 октября, и до настоящего времени его местонахождение остается неизвестным. По одной из версий, подросток мог стать жертвой урагана, пик которого пришелся на ночь с 14 на 15 октября. Существуют, однако, предположения, что его исчезновение связано с ситуацией крайней и ярко выраженной неприязни со стороны сверстников, в которой он оказался после резонансного преступления, совершенного его дедом, С. С. Лапковичем. Мать Романа утверждает, что в последнее время ребенок был замкнут, подавлен и неоднократно высказывал намерения кардинально изменить свою жизнь, не давая при этом конкретных пояснений. Сотрудники полиции не исключают и криминальной версии происшествия. Мы присоединяемся к просьбе работников правоохранительных органов и матери пропавшего подростка незамедлительно сообщить информацию о его возможном местонахождении по телефонам 555....., 555....., или единому номеру экстренных служб».

Небо было высоким, пустым и спокойным, того ровного серо-голубого оттенка, который в Северосумске называли «цветом застиранных военно-морских кальсон». Бледное холодное солнце чинно шествовало по пологим небесным тропам, снисходительно глядя на раскинувшийся вдоль морского берега город, выдыхающий в прозрачный неподвижный воздух легкий дым и облака пара.

Северосумск, припорошенный белым, был тих и благообразен, как больной, переживший горячечный кризис и мирно отдыхающий под чистыми, свежими простынями. В небо вернулись чайки, и с той высоты, где они свободно парили, закладывая радостные виражи и изредка взмахивая изогнутыми крылами, город по-прежнему был похож на морского ленивого зверя, тянущегося своим носом к хвосту, туда, где прежде зияла разверстая черная рана, ныне полностью затянувшаяся влажным и плотным снегом. Чайка пролетела над исчезнувшим капищем, покружила над красноватым железным пунктиром поваленного забора, над воротами, опустевшей и выстуженной ветрами будкой охраны, рухнувшими опорами прожекторов, белой стрелой промелькнула над превратившимися в груды развалин, заброшенными домами старых рыбацких поселков, не переживших последнего шторма, резко вскрикнула и устремилась к востоку.

Внизу приходил в себя и подводил печальные счета Северосумск; чайка летела над деревянным старинным особняком, укрытым за металлической древней оградой и укутанным серебристым сиянием, невидимым людскому взору и похожим на ореол светящихся в косых лучах седых легких кудряшек; над изрытой колесами большегрузных автомобилей, изуродованной железом ангаров, складов и узкоколейной дороги территорией «Лиги»; там птица резко спикировала к окну поста охраны на проходной и присела передохнуть на железный скос подоконника. За мутным стеклом виднелся седой вахтер, стерегущий доверенные ему рубежи, в густых усах его пряталась едва заметная улыбка, а на красноватом лице отражался отсвет того торжества, которое он испытал, ворвавшись вместе с вернувшимся к власти хозяином в директорский кабинет и напугав бледного долговязого человека зычным криком: «Которые тут временные? Слазь!» Чайка, приветствуя, стукнула клювом в стекло и снова взмыла ввысь, взмахнула крыльями, набирая скорость, и понеслась над проспектом. Внизу промелькнуло выгоревшее низкое здание с почерневшими, как пустые глазницы, окнами, заколоченной досками дверью и грубым рисунком рыбьего остова на стене; в кривые улочки и переулки стеснились вросшие в землю пятиэтажки рабочих кварталов Слободки: там, в рюмочной «Капелька», пропахшие спиртом и солью морских ветров завсегдатаи покачивали головами, обсуждая события последних недель; там, в маленькой комнате на третьем этаже, грустила любвеобильная Машка, в одночасье потерявшая сразу двух кавалеров, и ждала, когда придет ее утешать водитель Андрей, бывший третьим, а оставшийся ныне единственным из поклонников ее пышного бюста; там грузный, суровый мужчина пытался безуспешно понять, как получилось, что из его пистолета подстрелили мальчишку, которого он считал своим сыном. Чайка сделала круг, пролетая над плоской крышей местного театра, где в это время немолодая актриса в шестьсот первый раз исполняла роль Кабанихи перед пустым пыльным залом и думала, как дальше жить и что делать без своего духовного лидера, которая так больше и не вернулась в опустевший офис; пролетела над «Корабелом», на фасаде которого заново закрепили полотнища с красными и желтыми буквами, кричащими о распродажах, а внутри продавщица белья по-прежнему предлагала пеньюарчики и чулочки со скидочкой. Чайка реяла над тусклыми золотыми крестами собора Бориса и Глеба, над осиротевшим зданием мэрии, над «единицей», в коридорах и классах которой не было ни детей, ни взрослых, где сквозняки скрипели дверями, отдаваясь эхом, а убитая девочка смотрела, чуть улыбаясь, на подножие лестницы; над белым

зданием городской больницы, в палатах которой на четырех этажах лежали люди, незнакомые, но связанные причудливыми и странными нитями судеб. С высоты птичьего полета отсюда были видны порт, ремонтные доки и размытые дымкой причалы военного Городка, рядом с одним из которых отдыхал от выпавших на его долю тяжелых трудов старый белый корвет – он справился с бурей, выжил в шторме и привел домой свой экипаж, хотя некоторые вернулись сюда слишком поздно.

Чайка резко вскрикнула, сложила крылья, стремительно спикировала вниз и, метко нагадив прямо в лобовое стекло припаркованной у тротуара машины, унеслась прочь по своим птичьим делам.

Роза Трок брезгливо поморщилась; прозрачная струя омывателя брызнула на стекло, и резиновые щетки «дворников» зашуршали, размазывая и стирая белесое птичье дерьмо.

– Это к деньгам, – сказал Аркадий Леонидович. – Примета такая.

– Надеюсь. – Роза слегка улыбнулась. – Ну вот, отвлеклась и забыла, о чем я... память стала ни к черту.

– Вы говорили о сыне, – напомнил Аркадий Леонидович.

– Ах да. Знаете, я не верю во всю эту мистику и прочую чертовщину, о которой вы рассказали, а не верю, наверное, потому, что не понимаю. Если предположить, что все это правда, то как дети могли так точно создать ритуал, необходимый для вызова этой... как ее... Мамочки... в общем, того чудища, и наделать с ее помощью столько бед. В голове не укладывается.

Историк покачал головой.

– Ошибочно думать, что все решает правильность ритуалов; тогда можно было бы предположить, что мальчики по какой-то совершенно невероятной случайности в точности повторили обряды далекой древности. Но нет: главное – лишь желание быть услышанными, все равно кем – а вот именно этого они и хотели больше всего, просто потому, что всю жизнь их не слышали, да и видели через раз.

– Ну, может быть, в остальных семьях так и обстояли дела, но не у нас, – категорично возразила Роза. – Моим вниманием Даниил не был обделен, и Петр Маркович уделял ему достаточно времени...

– Да, рабочие встречи по вечерам и анализ успехов и неудач. Я в курсе. Видимо, поэтому он и пришел ко мне, когда ситуация стала критической.

Роза молчала.

– Вы сами выкопали им эту песочницу в процессе своих взрослых и таких важных забав и настолько были заняты ими, что не заметили, во что играют дети. По сути, они там играли в вас самих, только со свойственным подросткам преувеличением.

– Даниил уедет из города, – произнесла Роза после паузы. – Мы говорили с психологами, и все сошлись в том, что дальнейшее пребывание в Северосумске будет для него слишком травмирующим. Отправляем его в Петербург, к старшей сводной сестре: она уже взрослая, и ей будет полезно поучиться ответственности, присматривая за братом. Я первое время побуду еще здесь, помогу Петру со всем разобраться, а потом, может быть, тоже уеду. Или нет. Знаете, у нас теперь есть хорошие шансы вернуть полностью то, что было передано Вениамину. Вы ведь в курсе, что он сошел с ума?

– Что-то слышал, – пожал плечами Аркадий Леонидович.

– Я всегда считала его немного нервным, но такого, признаться, не ожидала. Психоз, галлюцинации, бред. И вот что интересно: как раз накануне его навещала ваша подружка, Карина, кажется, да? Вы знали об этом?

Роза внимательно смотрела прямо в глаза. Аркадий Леонидович сделал удивленное лицо.

– Не имел ни малейшего понятия.

– Однако это факт. Сохранилась запись из переговорной нашего офиса: там все разговоры пишутся в автоматическом режиме. Такой странный визит: пришла, посидела минуты три, соврала что-то про пожертвования интернату, в котором она работала и который якобы Петр поддерживал деньгами, и ушла. А уже ночью Вениамин совершил свой знаменитый забег в трусах по улице, и счастье еще, что его заметили, а то бы мог и околеть вовсе: буря, снег, все такое. Удивительно, вы не находите?

– В мире вообще много удивительного. Больше, чем мы можем представить.

– Ну да, ну да, – покивала, соглашаясь, Роза.

Она повернулась, протянула руку и достала с заднего сиденья небольшой кейс.

– Ну что ж, Аркадий, давайте приступим к расчетам. Мы ведь для этого встретились, верно?

Роза раскрыла кейс.

– Петр просил извиниться за то, что не смог увидеться с вами лично. Очень занят сейчас, знаете ли. Он рассказал, что вы отчитались о своих успехах, и передает благодарность. Я к этому от души присоединяюсь. Честно говоря, ни он, ни я не верили, что у вас что-то получится, но теперь у нас есть основания требовать снятия охрannого статуса с земли, предназначенной для строительства. Спасибо. И за сына тоже. Отдельное.

Она осеклась, помолчала немного и продолжила:

– Итак, вот: ключи от трехкомнатной квартиры в Заселье. Бессрочная и бесплатная аренда. Можете переезжать хоть завтра.

В ладонь Аркадия Леонидовича легли два небольших блестящих ключа. К кольцу была привязана бирка с подписанным от руки адресом.

– Теперь про автомобиль. Не обессудьте, машина не новая, пятилетка, но хорошая, надежная и вместительная. Пригодится при переезде. Держите: вот ключи, технический паспорт и договор. Вам нужно только расписаться.

К ключам от квартиры присоединился брелок с логотипом, похожим на стилизованное изображение головы в ковбойской шляпе.

– И деньги. Миллион, верно? Пожалуйста, получите.

Миллион выглядел удивительно несолидно и легковесно: две пачки пятитысячных купюр, перевязанных бумажной лентой банковской упаковки. Аркадий Леонидович растерянно держал деньги в руках, не решаясь рассовать их в карманы.

– Не привыкли к таким суммам, да? – спросила Роза и понимающе улыбнулась. – Уже придумали, как будете тратить?

– Нет еще, – отрицательно покачал головой Аркадий Леонидович. – Посмотрим, там видно будет.

– Позвольте вам посоветовать? – участливо предложила Роза. – Видите ли, у меня есть кое-что на продажу, и, по счастливой случайности, стоит это как раз миллион рублей. Вот, взгляните.

Она достала из кейса несколько помятых, испачканных, сложенных вдвое листов, развернула и бросила Аркадию Леонидовичу на колени. Он взглянул и обмер. С черно-белой фотографии полицейской ориентировки на него смотрела его собственная насупленная физиономия. Он осторожно перебрал пальцами остальное: распечатки статей с «Геникеевки», объявления о розыске – все было здесь, до последней страницы.

– Ну как? – поинтересовалась Роза. – Стоит это, по-вашему, миллиона?

– Так вот, значит, куда они подевались, – медленно произнес Аркадий Леонидович. – А я гадал, кто мог их забрать из квартиры.

– Это вышло случайно. Когда Даниил пропал, мы бросились его искать. Представьте себе, ребенок говорит, что вышел на пять минут встретиться с другом возле подъезда, и не возвращается. Пять минут, десять, тридцать. На камерах у входа в дом видно, что он взял и пошел куда-то, просто растворился в метели. А тут еще эта буря. Петр поднял на ноги всю полицию, стал искать телефоны его друзей, школьных знакомых, но мы и представить себе не могли, что он на ночь глядя отправился в гости к своему учителю истории. В общем, пока муж был занят звонками, я

открыла страницу Даниила в социальной сети. Он обычно не выходит из нее, просто закрывает окно браузера, так что можно войти без пароля. Мы никогда не следили за его перепиской и вообще уважаем личное пространство, но тут был экстренный случай. В общем, я прочла, как он просил разузнать ваш адрес у знакомой девочки. Мы тут же поехали к вам на квартиру – я, Петр, наш водитель Андрей и еще двое оперативников, которые к тому времени четверть часа слонялись у нас по дому. Звонить не стали, чтобы...

– Чтобы не спугнуть. Понятно.

– Да. Полицейские сказали, что лучше нагрять неожиданно. Поверьте, по дороге к вам я чего только не передумала, но вот такого, – Роза коснулась пальцем бумаг, – даже в страшном сне не могла вообразить. Дверь вы оставили незапертой, мы вошли, никого нет, и тут я вижу разбросанные по полу листы, поднимаю, а там это... Хорошо, что в тот момент вас не было дома. Объясниться бы не успели.

– Значит, мне повезло, – отозвался Аркадий Леонидович.

– Да, причем дважды. Второй раз, когда нам позвонил Даниил и попросил приехать на стройплощадку. Вам повезло, что первым мы увидели его, живого и невредимого, а не вас.

Наступило молчание. Листы бумаги дрожали в легком дуновении кондиционированного воздуха.

– Ну так как, мое предложение принято?

– Как будто у меня есть выбор.

– Вот и славно. – Роза быстро вынула две пачки купюр из рук Аркадия Леонидовича и бросила их обратно в раскрытый кейс. Посмотрела на понурившегося историка, чуть коснулась его плеча рукой в тонкой перчатке и сказала успокаивающе и примирительно:

– Аркадий, я правда очень вам благодарна за то, что вы помогли выпутаться Даниилу из этой кошмарной истории. Но у нашей семьи сейчас нелегкие времена. Петр известен как человек слова, за это его любят и уважают все, включая меня, но в настоящее время мы не можем разбрасываться миллионами направо и налево.

– Он знает? – спросил Аркадий Леонидович.

– Нет. И полиция тоже. Пока не знает. Да и я не знаю наверняка, что там такое случилось полгода назад в Питере, но хочу быть уверена, что маньяк-убийца, который пытал и заживо сжигал женщин, не ходит со мной по одним улицам. Надеюсь, я выражаюсь понятно?

– Предельно.

– Ну, значит, квартира вам тоже без надобности.

Связка ключей с подписанным адресом последовала вслед за деньгами. Аркадий Леонидович протянул автомобильный брелок. Роза покачала головой.

– Машина ваша. Нужно же на чем-то отсюда уехать. Бак полный, автомобиль на стоянке недалеко от вашего дома. Уезжайте, Аркадий Леонидович. И спасибо за все еще раз.

Он кое-как сложил листы бумаги и запихал их в карман. Взглянул на ручку двери, но в этот момент Роза сказала:

– Да, и еще одно. Ваша подруга Карина – забирайте ее с собой. Потому что если она, предположим, вздумает заявиться ко мне на работу или, быть может, домой, если я случайно встречу ее на улице, в магазине или, к примеру, на приеме у гинеколога, если она столкнется со мной взглядом хоть на секунду, то информация о том, под каким именем вы сейчас живете, будет немедленно передана в полицию. То же самое произойдет, если я внезапно решу пробежаться голой по улице ночью, начну гоняться за чертями с ножом или даже просто умру во сне от разрыва сердца. Нынче такое время, что любая информация может быть восстановлена очень быстро и еще быстрее передана по нужному адресу. Так что не ищите судьбу. Вы оба покидаете Северосумск.

* * *

Комната Леокадии Адольфовны пустовала. В бледных лучах солнца медленно плавала пыль. Матрас на кровати был свернут к изголовью вместе с подушкой и одеялом, с которых уже сняли белье. Оставался лишь чуть заметный запах, похожий на аромат давно засохших цветов, лекарств и розовых леденцов. Карина почувствовала, как защемило сердце.

– Маша, а где Леокадия Адольфовна? Я хотела попрощаться с ней перед отъездом, а ее нет... Что-то случилось? Почему я не знаю?

Сменщица удивленно округлила глаза.

– А я думала, тебе рассказали. Ты как раз болела тогда, спала сутки, я еще воду тебе приносила, а потом ты убежала куда-то, а у меня смена закончилась, а сегодня...

– Ты можешь сказать мне, что с ней?!

– Так ее забрали.

Карина опешила.

– То есть как забрали? Кто?

– Родственники. В среду днем еще. Двое мужчин, такие приятные,

представительные. Вежливые очень. Приехали на машине, прошли к главному, потом спустились в регистратуру, оформили все документы и забрали. Вроде один из них внучатый племянник, а другой его троюродный брат. Или нет... я точно не помню.

Горло стиснуло. Глазам стало мокро и горячо.

– Она ничего не просила мне передать?

– Нет. То есть ой! – Маша хлопнула себя полной красной ладошкой по лбу. – Забыла! Да, передавала записку какую-то, сейчас поищу. Была где-то здесь...

Карина ждала. Сменщица яростно рылась в ящиках тумбочки.

– Вот, нашла!

Тетрадный листок в линейку был сложен вчетверо и надписан крупными буквами: «КАРИНЕ». Она взяла письмо, молча прошла в бывшую комнату своей приятельницы, присела на табурет и развернула листок. Неровные, но старательно выведенные старческой рукой буквы расплывались перед глазами.

«Моя милая девочка!

Я уйду туда, где меня уже давно ждут. Хочу, чтобы ты знала: наши беседы были для меня большим счастьем, и я рада, что встретила здесь человека, каких редко случается повстречать в этом мире.

Думаю, кое-что тебя угнетает и лишает веры в собственную доброту. Поэтому говорю тебе вот что: есть такие дары, которые выглядят как проклятия, а есть проклятия, которые кажутся подарками судьбы. Разобраться в этом бывает трудно, но чем они в конце концов станут для человека, зависит лишь от того, как он ими пользуется. Храни в своем сердце любовь, и тогда даже то, что кажется злом, сможет обернуться на благо.

Иногда судьба представляется несправедливо жестокой, а жизнь видится чередой потерь и страданий. Но знай, что жестокости в этом не больше, чем у любящего отца, заставляющего детей выучить важный урок ради их же грядущего блага.

Спасибо за все, и будь счастлива!

Л. А.»

Карина осторожно сложила листочек, спрятала во внутренний карман пальто, прикоснулась, прощаясь, к холодной спинке кровати, бросила взгляд в окно, взяла сумку и вышла из комнаты, закрыв за собой дверь.

На улице было тепло и сыро; запах талого снега и далекое журчание в водостоках делали пасмурный октябрьский день похожим на начало весны. Карина спустилась по деревянным ступенькам и оглянулась последний раз на интернат. Изъеденный временем и дождями, посеревший след букв на фронтоне казался постскриптумом к полученному ей письму: «*AMOR VINCIT MORTEM*». «Любовь побеждает смерть» – два слова сплелись в вечной схватке, и Карина подумала, что этот раунд остался, пожалуй, за первым из них.

За калиткой ее уже ждали. Огромный черный автомобиль с двухдверной кабиной и длинным открытым кузовом стоял, ворча мощным мотором и выпуская в воздух сизоватый дымок из двух выхлопных труб. Она обошла машину, открыла пассажирскую дверь, вскарабкалась в кресло и забросила сумку на задний ряд узких сидений.

– Привет.

– Привет, – ответил Аркадий Леонидович и тронул машину с места.

Они выехали на проспект, миновали поворот к старому порту и морю и свернули левее, туда, где улица становилась западной трассой, ведущей из города в неизвестность.

– Я рад, что ты согласилась поехать, – сказал он.

Карина пожала плечами.

– Почему бы и нет. Кто-то же должен за тобой присматривать.

Они въехали на виадук над железной дорогой. Слева мелькнула, будто в прощальном приветке, территория «Лиги».

– Помнишь, что ты мне сказала тогда, в больнице? – спросил Аркадий Леонидович. – Ну, когда еще объясняла, почему не стала меня убивать?

– Помню, – отозвалась Карина и повернулась, посмотрев на него черными, как колодцы, глазами. – Хочешь, чтобы я повторила?

Он не ответил.

– То клеймо на бедре, – сказала она, – оно никуда не исчезло.

– Знаю, – беспечно ответил он. – А у меня молоток лежит в сумке. Взял с собой, мало ли что.

Карина вдруг улыбнулась. Аркадий Леонидович покосился на нее и слегка улыбнулся в ответ.

– Все-таки хорошо, что теперь мы все знаем друг про друга.

– Да, хорошо. Никакого вранья.

– И сюрпризов.

- Особенно неприятных.
- И ничто теперь не мешает...
- Не мешает чему?
- Быть вместе. По крайней мере, пока.
- Да. Пока.

На большом покосившемся знаке у обочины трассы черная линия перечеркивала белую надпись: «СЕВЕРОСУМСК». Поднятая тяжелой машиной сероватая взвесь из воды и талого снега взметнулась облаком и забрызгала буквы, добавив грязных разводов. Черный грузовичок прибавил скорость, уезжая все дальше и дальше от города, темной точкой по серому полотну шоссе, и вскоре скрылся из виду, затерявшись среди леса в бескрайней дали.

* * *

Дядя Вадим сидел на стуле в больничной палате, слушал механические и электронные звуки медицинских приборов, смотрел на Максима, лежащего на кровати и опутанного трубками и проводами систем, поддерживающих жизнь в бессознательном организме, и думал, что сделал не так.

Конечно, он не должен был давать парню «Осу». Чудо еще, что Максим выжил: пуля скользнула по черепу, а попади миллиметрами ниже – конец, мальчишку бы не спасли. Так, во всяком случае, сказал врач. Впрочем, и сейчас еще неизвестно, спасли или нет: две операции, неделя без сознания и никаких признаков улучшения. Да, не следовало давать ему этот чертов пистолет, но кто знал?!

А еще не стоило учить водить машину. Но как удержаться? Максим был ему хоть и не родным сыном, но относился к нему дядя Вадим с отцовской заботой и гордостью: парень крепкий, правильный, спортсмен, растет мужиком – ну и кто, спрашивается, не дал бы тринадцатилетнему пацану порулить? Или все же не стоило?..

Если на то пошло, то не следовало вообще покупать этот джип. А еще раньше не надо было брать деньги у этих мутных ребят из Михайловска, которые попросили его с парнями из бригады выкопать чертову яму на стройке и выложить ее валунами. Было что-то жутковатое в том совпадении, что его пасынка с простреленной головой нашли совсем рядом с тем местом. Теперь, когда все открылось, предстоит разговор с хозяином «Лиги» Троком, и беседа обещает быть не из самых приятных. Но кто бы

смог устоять? Ведь деньги были реально большие! И что теперь? Отказываться от заработков, не покупать машин, не сажать сыновей за руль, не давать им оружия, чтобы защищаться от уличных хулиганов? Что он сделал не так? В чем ошибка?

Но она, вероятно, была, потому что тринадцатилетний пацан лежал сейчас в койке, весь обмотанный шлангами, как какой-то умирающий дед.

Дядя Вадим сжал огромные кулаки и посмотрел на Максима. Тот шевельнул губами.

Он вскочил с места, нагнулся над койкой и уставился в бледное, осунувшееся лицо. Да, точно, вот еще раз: губы снова пошевелились, словно парень силился что-то сказать.

– Макс! Сынок! Ты меня слышишь? Это я, дядя Вадим, говори, я здесь, рядом! – закричал он, как в старую телефонную трубку междугородней связи.

Макс что-то шептал. Дядя Вадим наклонился как можно ниже, едва не касаясь мясистым ухом трепещущих губ, и с трудом различил тихий шепот, вырывавшийся вместе с дыханием:

– Слава... тебе... о великая... Мать...

* * *

За семьдесят километров от Северосумска по коридору областной детской психиатрической больницы Михайловска размашисто шагал высокий, грузный мужчина в черной с золотом форме капитана второго ранга. За ним торопливо семенила, стуча каблуками, бледная изящная женщина, небольшого роста, со светлыми волосами; рядом с ней шла долговязая угрюмая девочка в джинсах и розовой куртке. Уже неделю все трое жили в гостинице неподалеку от госпиталя и приходили сюда каждый вечер, чтобы встретиться с лечащим врачом и услышать все то же:

– По травме ноги динамика положительная, посмотрим, как поведет себя сустав после второй операции и снятия гипса. Нет, с психикой, к сожалению, без изменений. Колем успокоительные, засыпает; когда просыпается, неадекватен, состояние сильного возбуждения. Вынуждены фиксировать. Увы, без видимых улучшений. Да, надежда есть. Нет, про вас не вспоминал. Да, можете увидеть, но только по одному, он плохо реагирует на посетителей.

Высокий офицер посмотрел на жену и угрюмо кивнул на белую дверь палаты. Сегодня была ее очередь. Дочка сидела на скамеечке у стены, глядя

перед собой и выдувая из жевательной резинки мутные пузыри. Женщина вошла в палату.

Залитая толстым слоем гипса и забинтованная нога покоилась на железном каркасе. Руки и ноги сына фиксировали в запястьях и щиколотках толстые ремни, и женщина вспомнила о веревках, следы от которых еще не сошли с ее кожи. Она вздохнула и осторожно подошла к койке.

Женя очень сильно похудел за последние несколько дней. Лицо так осунулось, что кожа будто повисла на слишком узком для нее черепе и свисала, как брыли бульдога. Черные волосы метались вслед движениям головы, которой он болтал по подушке: вправо и влево, снова вправо, опять влево, и так все то время, что она на него смотрела.

– Женечка! – жалобно позвала женщина. – Сыночек! Ты меня узнаешь?

Мальчик, привязанный к койке, продолжал движения головой – влево и вправо. Взгляд был устремлен в потолок.

– Женечка...

Она подошла ближе.

Голова в сосульках жирных волос мотнулась, и бессмысленный взгляд выпученных воспаленных глаз встретился с глазами матери. Движение остановилось. Губы растянулись в широком оскале.

– Это я, мама...

Пряжки ремней звякнули от одновременного мощного рывка. Койка подпрыгнула. Загипсованная нога закачалась на железных распорках.

– Дай нам тебя за жопу обнять! – вместе с брызгами желтоватой слюны вырвался вопль из раскрытого навыворот рта. – Дай нам тебя за жопу обнять!

Женщина отскочила, резко развернулась и бросилась прочь из палаты, закрывая руками лицо.

* * *

В купе было душно и совершенно темно, так что Даниил, проснувшись, не мог понять, открыл глаза или нет.

Мерно стучали колеса. Позвякивали стаканы на столике. Из крошечного мрака звучал мерный храп водителя Андрея, которого откомандировали вместе с ним: проводить до Петербурга и передать сестре с рук на руки. Даниил приподнял шторку и посмотрел в окно: черные и

синие тени мелькали, как в мрачном калейдоскопе, в который забыли добавить другие цвета, кроме этих. Изредка болидами пронеслись слепяще яркие оранжевые и белые фонари.

Почему он проснулся?

Клочками тумана мелькали обрывки нехорошего сна. Кажется, снилась школа. Да, точно: только класс напоминал почему-то казематы какой-нибудь крепости, каменные стены сочились ледяной влагой, а стулья и парты были сложены из широких булыжников. С низкого земляного потолка вниз сыпались жирные белые черви. Но это точно была школа и класс, потому что за похожим на большое надгробие учительским столом восседала покойная Крупская: на ней была странная, похожая на чешую зеленая кофта, большие груди растеклись по гладкому камню, выпученные глаза неприязненно глядели на учеников. Даниил сидел впереди и не видел других, но знал, что они есть у него за спиной. Крупская спрашивала урок: кажется, задавали выучить наизусть какое-то стихотворение, и все по очереди декламировали каждый по одной строчке. Настала его очередь, и он забыл нужный ответ, стал вспоминать его, долго, мучительно, и все же ответил – да, ответил: «К сиськам твоим дружно мы припадем», вот что он сказал. И вот почему проснулся.

Его разбудил тихий звук собственного голоса, бормочущего сквозь сон.

– К сиськам твоим дружно мы припадем.

Ему стало жутко, да так, что захотелось разбудить Андрея. Все закончилось, сказал он себе. Все уже в прошлом. Мамочку перестали кормить, как и советовал Аркадий Леонидович, главным образом потому, что просто некому стало это делать. И ничего страшного не случилось: ни кошмарных снов, ни видений. Все действительно кончилось.

Тогда почему ему это снится?

Дурацкая строчка прицепилась, как навязчивая мелодия. Удивительно, но Даниил забыл ее продолжение. Там должно быть еще что-то в конце, какая-то последняя, главная фраза. Он попытался было вспомнить, но тут же перепугался и остановил себя: нет. Хватит. Хорошо бы забыть и то, что еще держалось в памяти.

Сон не шел. Даниил смотрел на мелькающие за окном тени, возникающие и тут же исчезающие снова огни, поблескивающие во тьме ленты узких речушек и лужицы болот на неуютных пустошах. Колеса продолжали отбивать монотонные ритмы: па-па-па-памм, па-па-па-памм – как неутомимые потусторонние барабаны; вагон покачивался и поскрипывал, аккомпанируя гулким ритмам вместе с тоненьким звоном

стаканов, с басовитым раскатистым храпом, с дыханием локомотива, а удары колес сливались с поднимающимся навстречу подземным гулом, воем ветра, снами, мыслями и голосами людей в потерявшихся среди леса деревнях и лежащих в тени городах, и все это сливалось и складывалось в слова, повторяющиеся, как настойчивая молитва.

Желаний любых исполнения ждем.

Северосумск, 2015.

notes

СНОСКИ

1

Перевод со средневерхненемецкого Ю. Б. Корнеева.

2

СРЗК – средний разведывательный корабль.

Евангелие от Матфея, 12: 25–26.

4

Евангелие от Матфея, 18:20.